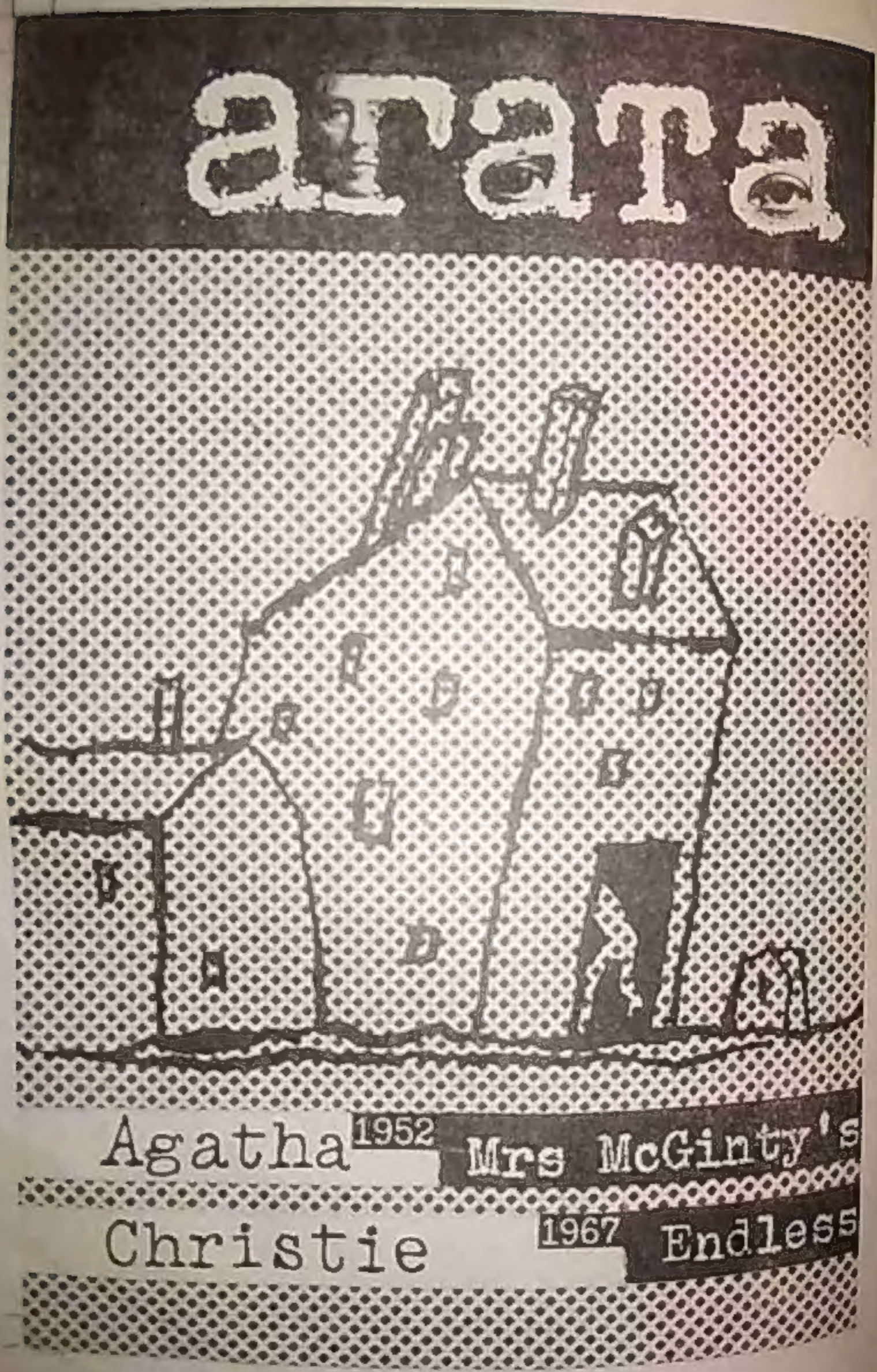
АГАТА КРИСТИ

РОМАНЫ

МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ.

НОЧНАЯ ТЬМА

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190


agatha
Agatha
Christie
1952
Mrs McGinty's
1967
Endless

КОЛИСТИ

МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ...

НОЧНАЯ ТЬМА

РОМАНЫ

Перевод с английского

МОСКВА
"Радуга"
1989

Dead Night

ББК 84.4Вл
К82

Редактор С. БЕЛОВ
Художник А. КОРОТИЧ

Агата Кристи.
К82 Миссис Макгинти с жизнью рассталась... Ночная тьма: Романы. Пер. с англ. – М.: Радуга, 1989. – 448 с.

Английская писательница Агата Кристи (1890 – 1976) – признанная законодательница детективной моды. В настоящее издание включены ранее не переводившиеся на русский язык романы "Миссис Макгинти с жизнью рассталась..." (1952) и "Ночная тьма" (1967). В художественном оформлении использованы фотографии писательницы.

К $\frac{4703000000 - 652}{030(01) - 89}$ Без объявления

ISBN 5-05-002697-0

©Перевод на русский язык
издательство "Радуга", 1989

СОДЕРЖАНИЕ

6

МИССИС МАКГИНТИ
С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ...

Роман

Перевод М. Загота

240

НОЧНАЯ ТЬМА

Роман

Перевод Н. Емельянниковой

МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ

РАССТАЛАСЬ...

Перевод
М. Загота

MRS. CHRISTIE DISGUISED.

Mrs. Agatha Christie as she was last seen (centre), and (on left and right) how she may have disguised herself by altering the style of her hair and by wearing Christie says his wife had ...ed, and, in view of the ...ould be very natural ...ut that idea.

Mrs. Christie Disguised.

Mrs. Agatha Christie as she was last seen (centre), and (on left and right) how she may have disguised herself by altering the style of her hair[d] by wear[ing]. Christie says his wife had[n't] ked, and, in view of the ... ould be very natural ... ut that idea.

s was last seen (center), and on set and
d" set Israeli by stories the apple of his
Christ says to the
we, and, in view of
could do very
we this

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭРКЮЛЬ ПУАРО – extraordinaire[1] криминолог, есть лишь две вещи, к которым он относится серьезно: расследование преступлений и собственный желудок.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР СПЕНС – здоровяк, старательный и дотошный работник, не желающий признавать, что лучшее – враг хорошего.

МИССИС МАКГИНТИ – жертва приступа любопытства, оказавшегося для нее роковым.

ДЖЕЙМС БЕНТЛИ – не располагающий к себе горемыка, смиренный агнец, ждущий, когда его повесят.

МОРИН САММЕРХЕЙЗ – хозяйка и повариха дома для приезжих, где дело поставлено на редкость безалаберно; сказать, что эта роль не для нее, – значит не сказать ничего.

ДЖОННИ САММЕРХЕЙЗ – человек настроения, довольно вспыльчивый, однако никогда не забывает о своем кредо – "положение обязывает".

БЕССИ БЕРЧ – смерть тетушки ее не очень опечалила, скорее, причинила неудобства.

МОД УИЛЬЯМС – блондинка до мозга костей, понятие "дама" едва ли к ней применимо.

ЛОРА АПУОРД – имела неосторожность высунуться.

ДОКТОР РЕНДЕЛ – не чужд легкой и точно выверенной лести.

МИССИС УЭТЕРБИ – из отряда ипохондриков, гордится своей тонкой душевной организацией.

РОБИН АПУОРД – избалованный молодой драматург, слишком хорошо знающий свою выгоду.

[1] Выдающийся (*франц.*). В дальнейшем перевод французских выражений дается без пометы "франц.". – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

ШИЛА РЕНДЕЛ — худенькая и бледная женщина с нервными, не находящими себе места руками.

ДЕЙДРИ ХЕНДЕРСОН — неловкая, малопривлекательная и беспредельно несчастная.

РОДЖЕР УЭТЕРБИ — угрюмый отчим Дейдри, который не слишком с ней церемонится, человек в высшей степени неприятный.

АРИАДНА ОЛИВЕР — писательница, автор детективных романов, ее отличают любовь к яблокам и желание оставаться в тени.

ЕВА КАРПЕНТЕР — весьма обаятельная, хотя и не очень воспитанная, обладательница прекрасных глаз с поволокой.

ГАЙ КАРПЕНТЕР — подающий надежды политик, которому совершенно не улыбается, чтобы его просчеты стали достоянием гласности.

ГЛАВА 1

Эркюль Пуаро вышел из ресторана "Vieille Grand' mère"[1] и оказался в Сохо. Он поднял воротник пальто скорее из благоразумия, чем по необходимости – вечер не был холодным. Но в моем возрасте, имел обыкновение говорить Пуаро, лучше не рисковать.

Взор его был слегка затуманен от удовольствия. Escargots de la Vieille Grand'mère[2] оказались настоящим объеденнем. Этот невзрачный на первый взгляд ресторанчик – просто находка! С видом задумчиво-блаженным, какой бывает у сытого пса, Пуаро высунул язык и облизнул губы. Вытащил из кармана платок и потыкал им в свои роскошные усы.

Что ж, пообедал он славно... Чем заняться теперь?

Проходившее мимо такси услужливо притормозило. Пуаро на миг заколебался, но никакого знака не подал. Зачем брать такси? Даже пешком он придет домой слишком рано – не ложиться же спать!

Какая жалость, пробурчал Пуаро себе в усы, что человек ест только три раза в день...

Дело в том, что полдничать-чаевничать он так и не привык. Если садишься перекусить в пять часов, объяснял он, желудочный сок к обеду будет не тот, пропадет чувство предвкушения. А обед, смею вам напомнить, – важнейшее кулинарное событие дня!

Кофе где-то ближе к полудню – тоже не для него. Горячий шоколад и croissants[3] на завтрак, Déjeuner[4] по возможности в половине первого и никак не позже часа, и, наконец, вожделенный Le Dîner[5] – только так!

[1] "Старая бабушка".
[2] Улитки "Старой бабушки".
[3] Рогалики.
[4] Второй завтрак.
[5] Обед.

Именно в эти часы и минуты Эркюль Пуаро жил полнокровной жизнью. К своему желудку он всегда относился серьезно, а теперь, в солидном возрасте, самое время пожинать плоды праведных трудов. Еда стала для него не только физическим удовольствием, она давала работу и интеллекту. Ибо между приемами пищи он рыскал в поисках источников новых и вкусных яств. Поиски эти, в частности, и привели его в "Vieille Grand'mère", и кулинарная деятельность этого ресторанчика только что была одобрена Эркюлем Пуаро, этим великим гурманом.

Но теперь, к сожалению, что-то предстояло делать с остатком вечера.

Эркюль Пуаро вздохнул.

Будь здесь сейчас ce cher[1] Гастингс...

Он с удовольствием предался воспоминаниям о старом друге.

Да, друг, самый первый в этой стране — и самый дорогой! Правду сказать, он частенько доводил меня до белого каления. Что было, то было. Но разве теперь я вспоминаю это? Нет. Я вспоминаю лишь, как он с озадаченным восхищением следил за мной, как, разинув рот, дивился моим талантам — я вводил его в заблуждение с необыкновенной легкостью, не произнося ни слова лжи, и как же он бывал ошарашен, как немыслимо потрясен, когда наконец доходил до истины, ясной мне с самого начала. Ce cher, cher ami[2]! Мне всегда хотелось блеснуть, сразить наповал, водится за мной такая слабость. Гастингс никогда не мог этого понять. Между тем человеку моих способностей помнить свою истинную цену просто необходимо — а для этого нужны стимулы извне. Не могу же я, в самом деле, сидеть целый день в кресле и размышлять о том, до чего я талантлив. Медоточивые речи я должен слышать из

[1] Этот дорогой.
[2] Этот дорогой, дорогой друг!

чьих-то уст. Впору заводить — как это называется в театре? — наемных обожателей.

Эркюль Пуаро вздохнул. Он повернул на Шафтсбери-авеню.

Перейти улицу, добраться до Лестер-сквер и провести вечер в кино? Чуть нахмурившись, он покачал головой. Кино все чаще вызывало у него глухое раздражение. Сюжет почти всегда сметан на живую нитку, логикой развития и не пахнет, даже съемки, от которых кое-кто приходит в умиление, Эркюлю Пуаро обычно казались надуманными — операторы будто специально выбирают такой ракурс, чтобы виды, пейзажи и отдельные предметы выглядели решительно не так, как в действительности.

Вообще вся нынешняя жизнь — это сплошной театр, богема. Куда девались любовь к порядку, торжество разума, ценимые им столь высоко? А уж чтобы кто-то восхищался изысканностью, тонкостью — куда там! Нынче в моде насилие, первобытная жестокость. Впрочем, этого и раньше хватало — Пуаро, как бывший офицер полиции, был сыт жестокостью по горло. В свое время он этой первобытной жестокости нагляделся... Она была скорее правилом, чем исключением. И просто утомляла его своей убогостью, бессмысленностью.

В конце концов Пуаро направился в сторону дома. Надо посмотреть правде в глаза — в современную жизнь он просто не вписывается. С другой стороны, он такой же раб, как все, на более высоком уровне, но все равно раб. Его, как и всех остальных, закабалила работа. И когда настает час досуга, люди просто не знают, как им распорядиться. Отставной финансист берет в руки клюшку для гольфа, бывший лавочник сажает в огороде лук, я нахожу удовольствие в еде. Вот и пришли к тому, от чего ушли. Человек ест только три раза в день. А чем заполнить промежутки?

Проходя мимо продавца газет, он обратил внимание на заголовок:

"СУД ВЫНОСИТ ПРИГОВОР УБИЙЦЕ МИССИС МАКГИНТИ".

Статья его не заинтересовала. Он смутно припомнил, что читал заметочку об этом убийстве. Убийство, каким несть числа. Какую-то бедную старушку шмякнули по голове и украли несколько фунтов. Бессмысленная первобытная жестокость — что и требовалось доказать.

Пуаро свернул во двор своего дома. Как всегда, сердце его одобрительно затукало. Своим домом он гордился. Замечательное симметричное здание. На лифте он поднялся на третий этаж и оказался перед своей просторной роскошной квартирой: выключатели, абажуры, торшеры отделаны металлом, квадратные кресла, строгие прямоугольные шкафчики и тумбочки. Линии сплошь прямые и четкие, порядок воистину образцовый.

Открыв ключом дверь, он вошел в квадратную белую прихожую; тотчас бесшумно возник слуга Джордж.

— Добрый вечер, сэр. Вас ожидает... джентльмен.

Он ловко снял пальто с плеч Пуаро.

— В самом деле? — Легкая пауза перед словом "джентльмен" не прошла для Пуаро незамеченной. По части снобизма с Джорджем мало кто мог сравниться. — Как его зовут?

— Некий мистер Спенс, сэр.

— Спенс. — В первую минуту это имя ничего не сказало Пуаро. Но он знал — должно было сказать.

Задержавшись на миг перед зеркалом — поправить усы, довести их до полного совершенства, — Пуаро открыл дверь и вошел в гостиную. Мужчина, сидевший в одном из больших квадратных кресел, поднялся ему навстречу.

— Здравствуйте, мсье Пуаро, надеюсь, вы меня помните. Давненько дело было... Старший полицейский инспектор Спенс.

— Ну, разумеется. — Пуаро сердечно пожал гостю руку.

Старший инспектор Спенс из полиции Килчестера. Им тогда здорово пришлось поломать голову... Когда же это было? Давненько, как сказал Спенс...

Пуаро радушно предложил гостю выпить.

– Grenadine? Crème de menthe? Bénédictine? Crème de cacao?..[1]

В эту минуту вошел Джордж, он принес на подносе бутылку виски и сифон.

– Может быть, сэр, вы предпочитаете пиво? – пробурчал он, обращаясь к гостю.

Старший инспектор Спенс, человек с крупным красноватым лицом, заметно оживился.

– От пива не откажусь, – сказал он.

Пуаро в очередной раз мысленно снял шляпу перед Джорджем. Сам он понятия не имел, что в доме есть пиво, и вообще в его сознании плохо укладывалось, как можно предпочесть этот напиток сладкому ликеру.

Когда Джордж поставил перед Спенсом высокую кружку с шапкой пены, Пуаро налил себе крошечную порцию изумрудного crème de menthe.

– Очень мило, что надумали выбраться ко мне, – начал он разговор. – Очень мило. Вы сейчас из?..

– Килчестера. Через полгода ухожу на пенсию. Вообще-то я мог уйти еще полтора года назад. Но меня упросили остаться.

– Вы мудро сделали, что согласились, – с чувством произнес Пуаро. – Очень мудро...

– Правда? Не знаю, не знаю. Не уверен.

– Да, да, очень мудро, – подтвердил Пуаро. – Вы не представляете, что такое ennui – долгие, томительные часы скуки и бездействия.

– О-о, на пенсии у меня будет полно работы. В прошлом году мы в новый дом перебрались. Садовый участок ничего себе, но такой запущенный! Все нет времени заняться им вплотную.

[1] Гренадин? Ментоловый ликер? Бенедиктин? Ликер какао?..

– Ну, раз вы в душе садовод, дело другое. Я тоже как-то решил поселиться в пригороде, думал, буду выращивать кабачки. Ничего из этой затеи не вышло. Не по нраву мне это.

– Вы бы видели, какой кабачок я вырастил в прошлом году! – с энтузиазмом воскликнул Спенс. – Настоящий гигант! А розы! Розы – это моя страсть. Я собираюсь...

Он прервал себя на полуслове.

– Я приехал не для того, чтобы хвастаться своим огородом.

– Конечно, нет, вы приехали повидать старого знакомого, это очень любезно. Я вам весьма признателен.

– Боюсь, мсье Пуаро, есть и другая причина. Буду с вами откровенен. Я хочу просить вас об одолжении.

Пуаро осторожно проурчал:

– Ваш дом заложен, и вам нужна ссуда, чтобы...

Спенс, ужаснувшись, перебил его.

– Боже правый, деньги тут ни при чем! У меня и в мыслях такого не было!

Пуаро взмахнул руками, грациозно извиняясь.

– Простите великодушно.

– Скажу вам напрямую – сам не знаю, как у меня хватило нахальства приехать к вам с такой просьбой. Если вы возьмете меня за шиворот и выставите за дверь, я не удивлюсь.

– Никакого шиворота не будет, – отмахнулся Пуаро. – Продолжайте.

– Речь идет о деле миссис Макгинти. Вы, наверное, о нем читали.

Пуаро покачал головой.

– Мимоходом. Миссис Макгинти, пожилая женщина, то ли продавщица, то ли домработница. Рассталась с жизнью, да? А как?

Спенс уставился на него.

– Господи! – воскликнул он. – Надо же, что при-

помнилось... Поразительно... Как это мне сразу в голову не пришло...

– Простите?

– Нет, ничего. Была такая игра. Детская. Мы играли в нее, детишками. Соберемся, сядем в рядок – и поехали; кто водит, к каждому по очереди с одной считалочкой: "Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?" – "Стоя на колене, как я, вот так!" Дальше – вопрос следующему: "Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?" – "Вытянув руку, как я, вот так!" И вот уже каждый, замерев, стоит на колене и тянет вперед правую руку. И наконец – развязка! "Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?" – "Вот так!" Водящий валится на землю, а за ним – все остальные, будто кегли! – И Спенс разразился громким хохотом. – Надо же, что припомнилось!

Пуаро вежливо ждал, что последует дальше. Это был один из тех случаев, когда, прожив в Англии полжизни, он находил английский недоступным для понимания. Он и сам играл в детстве в Cache-Cache и Le Boulanger[1], но у него вовсе не возникало желания рассказывать об этих играх, даже думать о них.

Когда Спенс наконец отсмеялся, Пуаро повторил чуть утомленно:

– Так как же она рассталась с жизнью?

Улыбка сбежала с лица Спенса. Он снова посерьезнел.

– Ее ударили по затылку чем-то острым и тяжелым. Убийца обшарил комнату и похитил ее сбережения, около тридцати фунтов наличными. Она жила в небольшом коттедже, но держала постояльца. Некоего Бентли. Джеймса Бентли.

[1]Прятки; пекарь.

– Ах да, Бентли.

– Следов взлома обнаружено не было. Замки, окна – все в полном порядке. Бентли был стеснен в деньгах, сидел без работы, два месяца не платил за жилье. Деньги нашли под камнем позади коттеджа. На рукаве пиджака Бентли оказались следы крови и волосы – кровь той самой группы, что у покойницы, те же волосы. На первом допросе он заявил, что рядом с телом убитой не находился – выходит, кровь и волосы не могли попасть на его одежду случайно.

– Кто ее нашел?

– Булочник принес хлеб. В тот день хозяйка обещала с ним расплатиться. Дверь открыл Джеймс Бентли и сказал, что уже стучался к миссис Макгинти, но не достучался. Тогда булочник засомневался – не случилось ли чего? Они позвали соседку и вместе пошли наверх. В спальне миссис Макгинти не оказалось, постель осталась застеленной с вечера, но вся комната была перерыта, а половицы приподняты. Тогда они решили заглянуть в гостиную. Там она и лежала на полу, соседка как увидела – давай голосить на всю округу. Потом, конечно, вызвали полицию.

– И Бентли в итоге арестовали и судили?

– Да. Было судебное разбирательство. Вчера. Дело оказалось яснее ясного. Сегодня утром присяжные вынесли приговор, им понадобилось всего двенадцать минут. Суд постановил: виновен, приговорить к смертной казни.

Пуаро кивнул.

– А потом, после приговора, вы сели в поезд и приехали в Лондон, чтобы повидаться со мной. Почему?

Старший инспектор Спенс опустил взор в свою пивную кружку. Несколько раз провел пальцем по ободу.

– Потому что, – выговорил он, – боюсь, он ее не убивал...

ГЛАВА 2

На минуту-другую воцарилась тишина.

– И вы приехали ко мне, чтобы...

Пуаро не закончил предложения.

Старший инспектор Спенс поднял голову. Кровь еще сильнее прилила к его лицу. Это было лицо типичного провинциала, маловыразительное, замкнутое, с пронзительными, но честными глазами. Лицо человека с незыблемыми нравственными устоями, который всегда точно знает, как именно ему поступить, никогда не спутает добро со злом.

– Я в полиции давно, – сказал он. – Навидался и того, и другого, и третьего. В людях худо-бедно разбираюсь. Приходилось вести дела и об убийстве – одни простые, как дважды два, другие посложнее. Одно известно и вам, мсье Пуаро...

Пуаро кивнул.

– Крепкий был орешек. Пожалуй, без вас мы бы его нипочем не разгрызли. Но докопались-таки до правды, да так, что и тени сомнений не осталось. И в других случаях, про какие вы не знаете, ясность была полная. Взять Уистлера, он получил свое – и вполне по заслугам. Равно как и бандюги, что застрелили старого Гатермана. Как Верол со своим мышьяком. Трантер, тот выкрутился – но убить-то он убил, точно знаю. Повезло и миссис Кортленд – муж ее был извращенцем, каких поискать, и присяжные ее оправдали. Руководствовались не справедливостью, а чувствами. Такое бывает, никуда не денешься, сердце ведь не камень. А иногда улик не хватает... случается, убийце удается разжалобить присяжных, а то и просто провести за нос – редко, конечно, но не без этого. Иногда адвокат ловко защиту построит либо обвинитель переборщит. В общем, всего этого я нагляделся вдоволь. Но чтобы...

Спенс помахал увесистым пальцем.

– Чтобы невинного человека повесили за то, чего он

не совершал, – на моей памяти такого не было. И не хочу я, мсье Пуаро, видеть такое правосудие. Тем более, – добавил он, – в Англии!

Пуаро пристально посмотрел на него.

– И вы считаете, сейчас правосудие может оказаться именно таким. Но почему...

Спенс перебил его:

– Я знаю почти все, что вы хотите сказать. И отвечу на ваши вопросы заранее. Это дело вел я. Мне поручили провести дознание, собрать улики. Свою работу я проделал очень тщательно. Собрал все факты, какие мог. И все они указывали в одну сторону – на одного человека. Все, что у меня набралось, я передал своему начальнику. Дальше я к этой истории касательства не имел. Материалы пошли к государственному обвинителю, а уж он решал, заводить дело или нет. Дело он завел, да иначе и не могло быть при таких уликах. Джеймса Бентли арестовали, предали суду, по всем правилам судили и признали виновным. При таких уликах иначе и быть не могло. Улики со счетов не сбросишь, присяжные прекрасно это знают. Да и не сказать, чтобы они сильно терзались сомнениями. Скорее, его виновность была для них очевидной.

– А для вас – нет?

– Нет.

– Почему?

Старший инспектор Спенс вздохнул. Задумчиво потер ручищей подбородок.

– Не знаю. Понимаете, никакой причины для сомнений – конкретной причины – у меня нет. Просто в глазах присяжных он тянет на убийцу, а в моих – ну никак. А в убийцах я разбираюсь лучше, чем они.

– О да, тут вы специалист.

– Во-первых... как бы сказать... не было в нем никакой дерзости, наглости. Ни капли. А ведь этого добра у них обычно – хоть отбавляй. Такое самодовольство, куда там! Каждый убийца считает, что уж как-нибудь

вотрет тебе очки. И вообще он такой ловкач, все провернул чисто, комар носу не подточит. И даже когда они сидят на скамье подсудимых и чувствуют, что головы не сносить, все равно геройство это из них так и лезет, им это прямо удовольствие! Как же, ведь все глаза — на них. Прямо звездный час. Может, им впервые в жизни выпало играть главную роль. Вот и дерзят да нагличают.

Последним предложением Спенс как бы подытожил все сказанное.

— Вы ведь мою мысль поняли, мсье Пуаро.

— Понял, и очень хорошо. А у Джеймса Бентли ничего этого не было?

— Нет. Перепуган был до смерти — это да. С самого начала. Кое-кто считает: раз боится, значит, виновен. А по мне, тут никакой связи нет.

— Согласен. А каков он, этот Джеймс Бентли?

— Тридцать три года, среднего роста, кожа желтоватая, носит очки...

Пуаро остановил этот поток.

— Я не про физические данные. Что он за человек?

— Ах, это. — Старший инспектор Спенс задумался. — Такие к себе не очень располагают. Какой-то весь дерганый. В глаза не смотрит. Глядит как бы исподлобья, украдкой. В общем, для присяжных хуже не придумаешь. То пресмыкается да жмется от страха, то вдруг давай храбриться да буянить. Но все как-то не так.

Он сделал паузу и доверительно добавил:

— На самом деле тихоня тихоней. У меня двоюродный брат был такой. Приключится какая-нибудь неурядица — он такую небылицу наплетет, что никто в жизни не поверит.

— Похоже, этот Джеймс Бентли не очень привлекательный тип.

— Так и есть. Такие мало кому по нраву. Но чтобы его за это повесили — тут я против.

— Думаете, повесят?

– А почему нет? Ну, подаст его адвокат апелляцию, так ведь основания для нее совсем хлипкие, уцепится разве за какую-то формальность, но, боюсь, толку от этого не будет.

– А адвокат у него был хороший?

– По закону о защите неимущих ему в адвокаты назначили молодого Грейбрука. Малый он дотошный, старательный, что мог, то и сделал, корить его не за что.

– Выходит, суд был вполне законный, и присяжные – обычные люди, как и сам Бентли, – приговорили его к смертной казни.

– Именно так. Жюри присяжных – самое нормальное, обыкновенное. Семь мужчин, пять женщин, люди все достойные, порядочные. Судья был Стейнисдейл, человек немолодой. В несправедливости, предвзятости его не упрекнешь.

– Получается, что все английские законы соблюдены, Джеймсу Бентли не на что и жаловаться!

– Так уж и не на что? А если его повесят за то, чего он не совершал?

– Да, верно.

– И начал это дело я, собрал факты, сопоставил их – а в результате его приговорили к смерти. Не нравится мне это, мсье Пуаро, совсем не нравится.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на старшего инспектора Спенса – лицо покрасневшее, взволнованное.

– Eh bien[1], – наконец сказал он. – Что вы предлагаете?

Спенс совсем смутился.

– Вы, конечно, понимаете, что будет дальше. Дело Бентли закрыто. Я уже веду другое дело – о растрате. Сегодня вечером мне надо ехать в Шотландию. Я ведь человек подневольный.

– А я – свободный?

Спенс, преодолевая неловкость, кивнул.

[1] Ну хорошо.

– Вы – человек догадливый. Может, это и нахальство с моей стороны. Но ничего другого придумать не могу, не вижу другого выхода. Сам я сделал, что мог, проверил все возможные версии. И ни к чему не пришел. Да и вряд ли мог прийти. Но вы... может, вы до чего-то и докопаетесь. У вас – извините, не в обиду будь сказано – какой-то диковинный взгляд на вещи. Может, в этом деле такой подход и нужен. Ведь если Бентли ее не убивал, это сделал кто-то другой. Сама себя она по затылку не рубанула. Может, наткнетесь на что-то, что я проглядел. У вас-то, конечно, никакого резона в это вмешиваться. С моей стороны чистая наглость даже предложить вам такое. Но уж как есть. Я приехал к вам, потому что ничего умнее придумать не смог. Но если вам неохота сниматься с якоря – да и к чему оно вам?..

Пуаро перебил его:

– Ну, резон есть, и даже не один. Свободного времени у меня сверх меры – это во-первых. Во-вторых, вы меня заинтриговали – да, и даже очень. В-третьих, это вызов, вызов серым клеточкам моего мозга. В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов мое уважение к вам. Я представляю, как через полгода вы в своем саду сажаете, скажем, кусты роз. Ничто не должно омрачать вашего счастья, но, увы, есть некая червоточинка, некое воспоминание, которое вы все время пытаетесь отогнать, – нет, друг мой, я хотел бы, чтобы ваше счастье было полным. И наконец, – Пуаро выпрямился и энергично тряхнул головой, – существует такая вещь, как принципы. Если человек убийства не совершал, нельзя допустить, чтобы его повесили. – Он смолк и тут же добавил: – А если он все-таки ее убил?

– Если так, у меня камень упадет с души.

– Значит, одна голова хорошо, а две – лучше? Voilà[1], предложение принято. Я берусь за это дело.

[1] Что ж.

Причем немедля — время не ждет. След и так уже остыл. Миссис Макгинти убили... когда?

– Двадцать второго ноября.

– Раз так, будем брать быка за рога.

– У меня есть записи по делу, я их вам передам.

– Прекрасно. Но сейчас нас интересует общая картина. Если миссис Макгинти убил не Джеймс Бентли, то кто же?

Спенс пожал плечами и натужно произнес:

– У меня никаких подозреваемых нет.

– Такой ответ нас не устраивает. В любом убийстве есть мотив, и надо подумать, какой мотив мог подойти для миссис Макгинти. Зависть, месть, ревность, страх, деньги? Начнем с последнего — он самый простой. Кому ее смерть принесла материальную выгоду?

– Крупную — никому. На банковском счету у нее лежало двести фунтов. Эти деньги получит ее племянница.

– Двести фунтов не бог весть какая сумма, но в определенных обстоятельствах этого может быть вполне достаточно. Итак, племянница. Извините, мой друг, что я иду за вами след в след. Я знаю, что вы не обошли племянницу вниманием, но мне придется повторить весь пройденный вами путь.

Спенс согласно наклонил свою большую голову.

– Конечно, племянницу мы вниманием не обошли. Тридцать восемь лет, замужем. Муж маляр, строит и отделывает жилые дома. Отзываются о нем хорошо, работа у него постоянная, малый он толковый, неглупый. Она приятная молодая особа, немного болтливая, тетушку свою не сказать чтобы обожала, но, в общем, относилась к ней прилично. Ни ему, ни ей эти деньги не были нужны позарез, хотя такому подарку они явно рады.

– А ее коттедж? Он тоже достается им?

– Дом сдавался в аренду. По закону об аренде хозяин, разумеется, не мог выселить старушку. Но

теперь, когда она умерла, едва ли это жилище может занять племянница — да они с мужем на это и не претендуют. Они живут в современном домике на одну семью, принадлежащем муниципальному совету, и очень им гордятся. — Спенс вздохнул. — Племянницу и ее мужа я прощупал как следует — они ведь казались самыми подходящими кандидатурами. Но уцепиться ни за что не удалось.

— Bien[1]. Теперь поговорим о самой миссис Макгинти. Опишите ее, если не трудно, — и не только в смысле внешнего облика.

Спенс ухмыльнулся.

— Стандартное полицейское описание не хотите? Что же, ей было шестьдесят четыре года. Вдова. Муж работал в магазине тканей, в Килчестере. Лет семь назад умер. От воспаления легких. С тех пор миссис Макгинти ходила по близлежащим домам на поденную работу. Готовка, уборка. Бродхинни — небольшое местечко из новых. Кто тут живет? Несколько пенсионеров, один из владельцев какой-то инженерной фирмы, врач — такая публика. До Килчестера регулярно ходят автобус и поезд, в восьми милях находится Калленки — довольно крупный летний курорт, вам, наверное, это известно, — но Бродхинни так и не разрослось, оставшись симпатичным провинциальным местечком примерно в четверти мили от шоссе между Драймаутом и Килчестером.

Пуаро кивнул.

— Коттедж миссис Макгинти — один из четырех, которые и составляют саму деревню. Еще есть почта и магазинчик, а сельскохозяйственные рабочие живут в другом месте.

— И она взяла жильца?

— Да. Пока был жив муж, они брали постояльцев только на лето, а когда умер, она стала держать жильца

[1]Хорошо.

круглый год. Джеймс Бентли прожил у нее несколько месяцев.

– Вот мы и добрались до Джеймса Бентли?

– Его последнее место работы – контора по продаже жилья, в Килчестере. До этого он жил с матерью в Калленки. Она была инвалидом, он ухаживал за ней и мало где появлялся. Потом она умерла, а вместе с ней и ежегодная выплата, которую она получала. Он продал их небольшой дом, нашел работу. Человек вполне образованный, но специальных навыков нет, особых склонностей тоже, к тому же, я говорил, не очень к себе располагающий. Найти работу оказалось не так просто. В общем, взяла его одна фирма, "Бритер и Скаттл". Так, второразрядная. Не думаю, что он себя там как-то проявил, скорее наоборот. Они стали сокращать штаты, и ему пришлось уволиться. Найти другое место не удавалось, деньги таяли. Обычно он платил миссис Макгинти за комнату раз в месяц. Она кормила его завтраком и ужином и за все брала три фунта в неделю – вполне разумная плата. Он задолжал ей за два месяца, а деньги были совсем на исходе. Работа все не подворачивалась, а хозяйка требовала плату за жилье.

– Он знал, что дома она держит тридцать фунтов? Кстати, почему она держала эти деньги дома, ведь у нее был счет в банке?

– Не доверяла властям. Говорила, что двести своих кровных фунтов она им отдала, больше не дождутся. Она прятала деньги в таком месте, откуда могла взять их в любую минуту. Кое-кому она сама об этом сказала. Они лежали под незакрепленной половицей в ее спальне – проще тайника и не придумаешь. Джеймс Бентли не стал отрицать, что знает о тайнике.

– Очень любезно с его стороны. А племянница с мужем – они тоже знали?

– Да, конечно.

– Теперь возвращаемся к моему первому вопросу. Как миссис Макгинти рассталась с жизнью?

– Это случилось вечером двадцать второго ноября. Полицейский врач определил, что смерть наступила между семью и десятью вечера. Она поужинала – копченая селедка, хлеб и маргарин, – обычно, как я выяснил, ужинать она садилась в половине седьмого. Если в тот вечер она не нарушила своего распорядка, состояние органов пищеварения позволяет считать, что смерть наступила между половиной девятого и девятью. Джеймс Бентли, по собственному признанию, в тот вечер гулял от семи пятнадцати до девяти. Почти каждый вечер он с наступлением темноты выходил на прогулку. Из его рассказа следует, что он вернулся с прогулки в девять часов (у него был свой ключ) и сразу поднялся в свою комнату. Для летних жильцов миссис Макгинти поставила во всех комнатах умывальные раковины, так что умылся он у себя. Почитал минут тридцать, потом лег спать. Ничего необычного не видел и не слышал. Утром спустился в кухню, но никого там не застал, не было и признаков того, что готовится завтрак. Дальше он, немного поколебавшись (так он говорит), постучал в дверь миссис Макгинти, но ответа не получил.

Он решил, что она проспала, но будить ее стуком в дверь ему не хотелось. Вскоре пришел булочник, тогда Джеймс Бентли поднялся наверх и постучал в дверь хозяйкиной спальни снова, а потом булочник пошел к соседке, некой миссис Эллиот, и привел ее с собой, она в конце концов и наткнулась на тело и подняла крик на всю округу. Миссис Макгинти лежала на полу в гостиной. Ее ударили по голове чем-то вроде секача с очень острой кромкой. Она скончалась мгновенно. Ящики были выдвинуты, вещи раскиданы по полу, а в тайнике под незакрепленной половицей в спальне – кто-то ее поднял – было пусто. Все окна закрыты, ставни заперты изнутри. Никаких следов вторжения извне.

– Выходит, – подытожил Пуаро, – либо ее убил Джеймс Бентли, либо она впустила убийцу сама, пока Бентли гулял?

– Именно так. Это не был какой-то налетчик или грабитель. Кого же она могла впустить? Кого-то из соседей, племянницу либо ее мужа. Вот весь ее круг. Соседи явно ни при чем. Племянница с мужем в тот вечер были в кино. Есть вероятность – крошечная, – что один из них вышел из кино незамеченным, проехал на велосипеде три мили, порешил старушку, спрятал за домом деньги и опять-таки незаметно вернулся в кино. Мы проверили и эту версию, но она никак не подтвердилась. И потом – зачем прятать деньги за домом миссис Макгинти? Забрать их оттуда не так просто. Уж лучше где-нибудь на обратной дороге – целых три мили. Нет, спрятать их за домом можно было только в одном случае...

Пуаро докончил за него:

– ...если вы живете в этом доме, но не хотите прятать деньги у себя в комнате или где-то внутри. Другими словами, положить деньги туда, где они лежали, было с руки Джеймсу Бентли.

– Все так. Куда ни кинь, откуда ни погляди, натыкаешься на Бентли. А кровь на рукаве – это что?

– Как он это объяснил?

– Сказал, что, кажется, за день до этого он зацепился за тушу в лавке мясника. Вранье! На рукаве была кровь человека.

– И что, он так и твердил свое?

– Если бы. На суде он запел совсем другую песню. Ведь на рукаве оказался еще и волос, на котором была кровь, волос с головы миссис Макгинти. Это уже надо было как-то объяснять. Он признался, что вечером, вернувшись с прогулки, зашел в гостиную. Вошел, по его словам, сначала постучавшись, и увидел ее на полу, мертвую. Он наклонился и тронул ее, чтобы удостовериться, так он сказал. И тогда совсем потерял голову. При виде крови его будто бы всегда начинает мутить. Он ушел к себе в комнату в состоянии шока и там рухнул без чувств. А наутро у него не хватило смелости признаться, что ему уже все известно.

– Звучит сомнительно, – заметил Пуаро.

– Да, согласен. И все же, – задумчиво произнес Спенс, – возможно, так оно и было. Простому человеку, даже присяжным в это поверить довольно трудно. Но такие люди мне попадались. Я не о том, что он рухнул без чувств. Я о другом – некоторые просто не способны принять ответственное решение. Это люди застенчивые, робкого десятка. Вот, скажем, он входит и видит – она мертвая лежит на полу. Он знает: надо что-то сделать, вызвать полицию, кликнуть соседей, в общем, поступить как положено. А он – празднует труса. Ход мысли примерно такой: я мог про это ничего не знать. Мог сюда и не заходить. Вот и пойду спать, будто и не был здесь вовсе... Ну а за всем этим, понятное дело, стоит страх – вдруг заподозрят, что это его рук дело? Э-э, нет, уж лучше помалкивать, держаться от этой истории подальше – и наш простофиля увязает по самую шейку.

Спенс выдержал паузу.

– Могло быть и так.

– Могло, – задумчиво согласился Пуаро.

– А там кто знает, может, эту байку придумал для него адвокат. Всяко возможно. Официантка из кафе в Килчестере, где он обычно обедал, сказала: он всегда выбирал столик, чтобы смотреть либо в стену, либо в угол, лишь бы не видеть людей. Знаете, бывают такие чокнутые. Чокнутый – но не настолько, чтобы убить человека. Мании преследования или чего-то в этом роде у него не было.

Спенс искательно, с надеждой посмотрел на Пуаро, но отклика во взгляде великого сыщика не нашел – тот только хмурился.

Минуту-другую они сидели в молчании.

ГЛАВА 3

Наконец Пуаро со вздохом поднялся.

– Eh bien, – сказал он. – Мотив денег мы исчерпали.

Перейдем к другим теориям. Был ли у миссис Макгинти враг? Она кого-нибудь боялась?

– Таких сведений нет.

– Соседям нашлось что сказать?

– Не особенно. Может, они, конечно, не захотели откровенничать с полицией, но вроде ничего не утаили. Жила в своей скорлупе, так они сказали. Это считается нормальным. В наших деревеньках, мсье Пуаро, люди, знаете ли, не очень тянутся друг к другу, каждый сам по себе. Во время войны с этим столкнулись эвакуированные. К соседям миссис Макгинти ходила на работу, но близких отношений не было.

– Долго она там прожила?

– Лет восемнадцать, а то и все двадцать.

– А сорок лет до этого?

– Ее жизнь вся как на ладони. Отец – фермер из Северного Девона. С мужем они какое-то время жили возле Илфракума, потом перебрались в Килчестер. Поселились в коттедже на другой стороне городка, но решили, что там сыровато, и переехали в Бродхинни. Муж, как я понимаю, был человеком спокойным, порядочным, воспитанным – по барам да пивным не пропадал. В общем, жили благопристойно и открыто. Никаких тайн, скрывать от общества нечего.

– И все-таки ее убили?

– И все-таки ее убили.

– А племянница не знает, кто мог иметь на тетку зуб?

– Говорит, что нет.

Пуаро с недовольным видом потер переносицу.

– Как вы понимаете, мой дорогой друг, будь миссис Макгинти другим человеком, нам было бы много проще. Будь она, как говорится, загадочной женщиной, женщиной с прошлым.

– Чего не было, того не было, – веско констатировал Спенс. – Она была просто миссис Макгинти, женщина малообразованная, которая пускала постояльцев

и ходила на поденную работу в чужие дома. Таких в Англии тысячи.

– Но далеко не всех убивают.

– Да, тут возразить нечего.

– Так почему же убили миссис Макгинти? Ответ, который напрашивается, мы принимать не хотим. Что остается? Племянница – сомнительно, маловероятно. Забрел какой-то незнакомец? Еще сомнительней. Какие у нас факты? Займемся фактами. Что мы имеем? Убита пожилая поденщица. По обвинению в убийстве арестован робкий и диковатый молодой человек. Кстати, а на каком основании арестовали Джеймса Бентли?

Спенс уставился на него.

– На основании улик. Я же вам говорил...

– Да. Улики. Но скажите, мой дорогой Спенс, это были настоящие улики или сфабрикованные?

– Сфабрикованные?

– Да. Если исходить из того, что Джеймс Бентли невиновен, варианта два. Улики были подстроены, чтобы подозрение пало на него. Либо он просто жертва обстоятельств.

Спенс задумался.

– Пожалуй. Я понимаю, куда вы клоните.

– Мое первое предположение, как будто, ничем не подтверждается. Но исключить его тоже нельзя. Кто-то забрал деньги и спрятал за домом, в таком месте, где их легко найти. Спрятать их прямо в его комнате – полиции это могло бы показаться неправдоподобным. Миссис Макгинти убили в то время, когда Бентли совершал свою обычную вечернюю прогулку. Откуда взялась кровь на рукаве – он сказал в суде правду или эта улика тоже сфабрикована? А если кто-то слегка коснулся его в темноте и оставил на рукаве безоговорочную улику?

– Ну, мсье Пуаро, по-моему, ваша фантазия завела вас слишком далеко.

– Возможно, возможно. Но, боюсь, в нашем случае

без фантазии не обойтись. И завести нас она может очень далеко... И вот почему, mon cher Спенс. Если миссис Макгинти – самая обычная приходящая домработница, значит, необычным должен быть убийца. Да – этот вывод очевиден. Изюминка этого дела – не в убитой, а в убийце. В большинстве преступлений все как раз наоборот. Обычно разгадку ситуации надо искать в личности убитого. Навсегда умолкший покойник – вот кто меня, как правило, интересует. Кого он ненавидел, кого любил, какие поступки совершал. Стоит тебе поближе узнать жертву, она начинает говорить, и с губ, которые сомкнулись навсегда, вдруг слетает имя – имя человека, которого ты ищешь.

Спенс поежился. Казалось, он говорил себе: "Ох уж эти иностранцы!"

– Но здесь, – развивал мысль Пуаро, – все обстоит наоборот. Здесь наше внимание сосредоточено на личности, пока от нас сокрытой, на фигуре, пока окутанной туманом. Как умерла миссис Макгинти? Почему умерла? Даже разглядывая жизнь миссис Макгинти сквозь увеличительное стекло, мы не найдем ответа на эти вопросы. Ответ в личности убийцы. Вы согласны со мной?

– Пожалуй, – неуверенно произнес старший инспектор Спенс.

– Чего хотел этот человек? Убрать миссис Макгинти? А может, убрать Джеймса Бентли?

Старший инспектор с сомнением хмыкнул.

– Да-да, именно это мы в первую очередь должны определить. Кто подлинная жертва? Каково было истинное намерение убийцы?

– Вы и вправду думаете, – недоверчиво спросил Спенс, – что кто-то шмякнул по голове совершенно безвредную старушку, чтобы другого человека повесили за убийство?

– Как говорится, не разбив яиц, омлет не сделаешь. Вдруг миссис Макгинти и есть наше яичко, а Джеймс

Бентли — омлет? Поэтому я хочу послушать, что вам известно о Джеймсе Бентли.

— Ничего особенного. Отец его был доктором; когда Бентли было девять лет, он умер. Мальчика отдали в небольшую частную школу, для армии он оказался непригодным — страдал заболеванием легких, во время войны работал в каком-то министерстве и жил с матерью, такой собственницей, что не приведи господь.

— Что ж, — пробурчал Пуаро, — тут есть свои возможности... По крайней мере их больше, чем в жизнеописании миссис Макгинти.

— Вы серьезно в это верите?

— Пока я не верю ни во что. Но мне ясно, что поиск можно вести по двум направлениям, и очень скоро нам придется выбирать, по какому пути следовать.

— Как вы собираетесь приступить к делу, мсье Пуаро? Я могу чем-то помочь?

— Первым делом хотел бы побеседовать с Джеймсом Бентли.

— Это можно устроить. Я поговорю с его адвокатами.

— Потом, в зависимости от результата, разумеется, — я не уверен, что этот разговор что-то даст, — я поеду в Бродхинни. Там, вооруженный вашими записями, я как можно быстрее проделаю весь путь, который до меня проделали вы.

— Проверить, не упустил ли я чего, — криво усмехнулся Спенс.

— Проверить, не откроются ли мне какие-то обстоятельства в ином свете, нежели вам, так бы я сказал. Людям свойственны перепады в настроениях, в мнениях. Однажды в Льеже я познакомился с одним мыловаром, как две капли воды похожим на крупного финансового воротилу, и на этом сходстве мне удалось прекрасно сыграть. Впрочем, это из другой оперы. Сейчас я хотел бы отсечь один из следов, о которых я говорил. Начну с миссис Макгинти — пройти по ее следу, разумеется,

быстрее и проще, со вторым следом повозиться придется как следует. Где я могу остановиться в Бродхинни? Есть там более или менее сносная гостиница?

– Есть "Три утки", но гостей там не селят. Есть "Барашек" в Каллвоне, это в трех милях от деревни... Ну и в самой Бродхинни есть что-то вроде дома для приезжих. Собственно, это скорее ветхий загородный домишко, но хозяева – молодая пара – пускают на постой приезжих. Не думаю, – с сомнением проговорил Спенс, – что вам будет там очень удобно.

Эркюль Пуаро, изображая из себя мученика, прикрыл глаза.

– Страдать так страдать, – смиренно произнес он. – Так тому и быть.

– Не знаю, в каком качестве вам лучше туда ехать, – неуверенно продолжал Спенс, вглядываясь в Пуаро. – Допустим, оперного певца. У вас сел голос. Приехали в деревню отвлечься от городской суеты. По-моему, неплохо.

– Я поеду, – провозгласил Эркюль Пуаро, и в голосе его зазвучали нотки, свойственные членам королевской фамилии, – в качестве самого себя.

Спенс выслушал это заявление, поджав губы.

– Вы считаете, это разумно?

– Считаю, просто необходимо! Да, необходимо. Учтите, время работает против нас. Что нам известно? Ничего. Поэтому надо сделать вид, что мне известно многое. Я Эркюль Пуаро, великий и непревзойденный Эркюль Пуаро. И вот я, Эркюль Пуаро, не удовлетворен приговором по делу об убийстве миссис Макгинти. Я, Эркюль Пуаро, благодаря моему тонкому уму начал догадываться, как все было в действительности. Есть некое обстоятельство, оценить истинную важность которого способен только я. Понимаете?

– А дальше?

– Дальше, добившись желаемого эффекта, я наблюдаю за реакцией окружающих. А она будет, обязательно

будет. Ее просто не может не быть.

Старший инспектор смотрел на маленького сыщика взглядом, полным тревоги.

– Только, мсье Пуаро, – сказал он, – вы там не слишком усердствуйте. Не дай бог с вами что случится, я себе этого не прощу.

– Зато тогда станет ясно, что сомневались вы не зря, верно?

– Мне не хотелось бы получать доказательства за ваш счет, – проворчал старший инспектор Спенс.

ГЛАВА 4

С величайшим отвращением Эркюль Пуаро оглядывал комнату, в которой стоял. Покои эти были королевскими разве что по размерам, на этом их привлекательность кончалась. Пуаро сделал красноречивую гримасу, когда подозрительно провел пальцем по верхушке книжного шкафа. Как он и ожидал – пыль! Он осторожно опустился на диван, и сломанные пружины с грустным скрипом просели под тяжестью его тела. Два облезлых кресла явно были ничуть не лучше. Зловещего вида пес, по наблюдениям Пуаро страдавший чесоткой, засел в относительно удобном третьем кресле и неприязненно оттуда рычал.

Огромная комната была оклеена дешевыми выцветшими обоями. На стенах, скособочившись, висели гравюры, посвященные каким-то мрачным событиям, и две-три неплохие картины. Обивка кресел выцвела и засалилась, ковер зиял дырами, да и в лучшие времена не отличался изысканностью. Повсюду были расставлены нелепые безделушки. Столы без колесиков опасно покачивались. Одно окно стояло открытым, и, видимо, не было на земле силы, способной его закрыть. Дверь была закрыта, но Пуаро знал – это ненадолго. Задвижка не держала, с каждым порывом ветра дверь распахи-

валась, и в комнату вихрем врывались холодные клубы воздуха.

– Что ж, приходится страдать, – пробормотал Пуаро, испытывая к себе крайнюю жалость. – Да, я страдаю.

Дверь распахнулась и вместе с порывами ветра впустила в комнату миссис Саммерхейз. Она оглядела комнату, крикнула "Что?" куда-то за ее пределами и тут же исчезла.

Миссис Саммерхейз, симпатичная рыжеволосая и веснушчатая особа, все время что-то куда-то ставила, что-то разыскивала и пребывала в состоянии тревожной озабоченности.

Эркюль Пуаро вскочил на ноги и захлопнул дверь. Не прошло и минуты, как дверь снова открылась и снова впустила миссис Саммерхейз. На сей раз она несла большую эмалированную кастрюлю и нож.

Откуда-то донесся мужской голос:

– Морин, кошку снова рвет. Что делать?

– Бегу, дорогой! – откликнулась миссис Саммерхейз. – Ничего не трогай.

Она выпустила из рук кастрюлю с ножом и снова исчезла. Пуаро поднялся и захлопнул дверь. Потом сказал себе:

– Нет сомнений, я страдаю.

Подъехала машина, пес выпрыгнул из кресла, сменив рычание на лай. Он скакнул на маленький стол возле окна, и тот с грохотом рухнул.

– Enfin! – воскликнул Пуаро. – C'est insupportable![1]

Дверь в очередной раз распахнулась, по комнате пронесся маленький ураган, а пес, громко лая, выскочил на улицу. Послышался ясный и громкий, перекрывающий прочий шум, голос Морин.

– Джонни, какого черта ты не закрыл заднюю

[1] Ну, знаете ли! Это уже чересчур!

дверь? Эти курицы забрались в кладовку, чтоб им пусто было!

— И за это, — с чувством произнес Пуаро, — я плачу семь гиней в неделю!

Дверь с треском захлопнулась. За окном громко закудахтали разгневанные куры.

Тут же дверь снова открылась, вбежала Морин Саммерхейз, споткнулась о кастрюлю и испустила радостный вопль.

— А я уж ее обыскалась. Вы не будете жутко против, мистер... ммм... в общем, ничего, если я тут порежу фасоль? А то в кухне запах стоит просто жуткий.

— Мадам, я буду в восторге.

Может, фраза и не вполне соответствовала истине, но была к ней достаточно близка. Ибо впервые за двадцать четыре часа Пуаро предоставлялась возможность поговорить с хозяйкой дольше шести секунд кряду.

Миссис Саммерхейз плюхнулась в кресло и принялась неистово, но без особого проворства кромсать стручковую фасоль.

— Надеюсь, — заговорила она, — вам тут не жуть как неудобно? Если что нужно поменять, скажите без стеснения.

Пуаро уже сделал для себя вывод: хозяйка — это самое меньшее из местных зол.

— Вы очень любезны, мадам, — вежливо ответил он. — Мне весьма жаль, что не в моей власти обеспечить вас достойной прислугой.

— Прислугой! — Миссис Саммерхейз даже взвизгнула. — На это надеяться нечего! Даже поденщицу не могу удержать. Одна была хорошая, и ту убили. Такая я невезучая.

— Вы имеете в виду миссис Макгинти? — быстро вставил Пуаро.

— Да, ее, бедняжку. Господи, как мне ее не хватает! Сначала-то была прямо сенсация! Ведь, можно сказать, убили члена нашей семьи, жуть как интересно, но потом

я так и сказала Джонни — за что нам такая невезуха? Без миссис Макгинти я не управляюсь, хоть плачь!

— Вы были к ней привязаны?

— Понимаете, милейший, на нее можно было положиться. Она приходила. Понедельник после обеда, четверг с утра — как часы. Теперь ко мне ходит эта Берп со станции. У нее муж и пятеро детей. Ясно, что ею здесь и не пахнет. То муж сорвался с катушек, то старушка мать наклокалась, то дети какую-нибудь заразу подхватили. А у старушки Макгинти если кто и мог сорваться с катушек, так только она сама, но до такого почти никогда не доходило.

— В общем, вы считали ее человеком надежным и честным, да? Вы ей доверяли?

— Что-нибудь стибрить, даже пипу, — этого она себе не позволяла. Сунуть нос в чужие дела — что бывало, то бывало. Но так, по мелочи, в письмецо заглянуть, не больше. Ну, оно и естественно. Ведь жизнь-то у нее — тоска смертная, верно?

— Миссис Макгинти жилось тоскливо?

— Я думаю, до ужаса, — рассеянно ответила миссис Саммерхейз. — Тоже мне веселье — целый день скрести пол на коленях. С утра приходишь к людям, а в раковине тебя ждет гора грязной посуды. Да жди меня по утрам такое, я бы вздохнула с облегчением, если бы меня убили. Точно говорю.

В окне появилось лицо главы семейства, майора Саммерхейза. Миссис Саммерхейз подскочила, опрокинула фасоль и кинулась к окну, широко его распахнула.

— Морин, этот чертов пес снова сожрал куриный корм.

— Вот черт, теперь и его будет рвать!

— Посмотри, — Джон Саммерхейз выставил дуршлаг, полный зелени. — Шпината хватит?

— Конечно, нет.

— По-моему, это огромная куча.

– Когда эту кучу сваришь, от нее останется чайная ложка. До сих пор не знаешь, что такое шпинат?

– Господи!

– А рыбу принесли?

– Боюсь, что нет.

– Вот проклятье, придется какие-нибудь консервы открывать. Давай, Джонни. В угловом шкафу поройся, возьми банку. Мы на одну грешили, что она вспучилась, ее и возьми. Ничего такого в ней нет.

– А со шпинатом что делать?

– Сейчас заберу.

Она выскочила прямо в окно, и муж с женой удалились.

– Nom d'un nom d'un nom!1 – Воскликнул Эркюль Пуаро. Он пересек комнату и возможно плотнее закрыл окно. Ветер донес до него голос Джонни Саммерхейза.

– Что это за новый жилец, Морин? Чудной какой-то. Как его зовут?

– Только что не могла вспомнить, когда с ним говорила. Пришлось сказать "мистер Гм". Пуаро – вот как его зовут! Француз.

– Знаешь, Морин, где-то я эту фамилию слышал.

– Может, в салоне красоты? Он похож на парикмахера.

Пуаро поморщился.

– А может, попадалось на банке с соленьями. Не знаю. Но точно помню, где-то мне эта фамилия встречалась. На всякий случай возьми с него семь гиней вперед.

Голоса затихли.

Эркюль Пуаро стал подбирать с пола фасолевые стручки, разлетевшиеся в разные стороны. Едва он закончил, через дверь снова вошла миссис Саммерхейз.

Он вежливо передал ей фасоль:

1 Ничего себе!

– Voici[1], мадам.

– Ой, спасибо огромное. Слушайте, что-то эти стручки уж больно черные. Мы их обычно кладем в глиняные горшки и засаливаем. А с этими, похоже, что-то приключилось. Боюсь, как бы они не испортились.

– Разделяю ваши опасения... Позвольте, я закрою дверь? Тут явно сквозит.

– Да-да, конечно. Я, растяпа, никогда не закрываю за собой двери.

– Я уже заметил.

– Эта дверь все равно закрываться не желает, хоть ты тресни. Весь дом, можно сказать, разваливается на части. Здесь жили родители Джонни, со средствами у них, бедненьких, было туго, и они в него не вкладывали ни гроша. А когда сюда после Индии переехали мы, тоже было не до него – других расходов хватало. Зато детям, когда приезжают на каникулы, здесь раздолье, бесись сколько влезет, дом большой, огород с садом и все такое. Мы гостей для того и пускаем, чтобы на ремонт деньги были, хотя, говоря по правде, кое с кем из них мы хлебнули лиха.

– Сейчас, кроме меня, у вас никто не живет?

– Еще старушка наверху. Как въехала, так и забралась в постель, и с тех пор из нее не вылезает. Нет-нет, она вполне здорова. Но лежит себе, и точка, а я знай четыре раза в день поднимайся к ней с подносом. Аппетит у нее чудовищный. Но завтра она уезжает – кажется, к племяннице.

Миссис Саммерхейз помедлила, потом продолжила слегка искусственным голосом:

– Сейчас придет торговец рыбой. Вот я и подумала, если вы не против, заплатите мне за неделю вперед. Вы ведь неделю у нас проживете?

– Может, и больше.

[1]Вот.

– Мне неудобно вас беспокоить. Но у меня сейчас совсем нет денег, а вы сами знаете, что это за публика – им вынь да положь, а остальное их не волнует.

– Пожалуйста, мадам, не надо извиняться.

Пуаро извлек из бумажника семь фунтовых банкнот и добавил к ним семь шиллингов. Миссис Саммерхейз не без алчности приняла деньги.

– Большое спасибо.

– Мадам, пожалуй, я расскажу вам о себе чуть подробнее. Я – Эркюль Пуаро.

Эти слова не произвели на миссис Саммерхейз никакого впечатления.

– Какое милое имя, – вежливо сказала она. – Случайно не греческое?

– Я, как вам, наверное, известно, – продолжал Пуаро, – детектив. Знаменитый, может быть, даже самый знаменитый.

Миссис Саммерхейз обрадованно вскрикнула:

– Я вижу, мсье Пуаро, вы настоящий шутник. И что же вы расследуете? Пепел от сигарет и следы ног?

– Я расследую обстоятельства убийства миссис Макгинти, – ответил Пуаро. – И вовсе не шучу.

– Ой! – воскликнула миссис Саммерхейз. – Палец порезала.

Подняв палец, она внимательно его оглядела.

Потом уставилась на Пуаро.

– Подождите, – сказала она. – Вы это серьезно? Ведь дело-то закрыто, все кончено. Арестовали этого несчастного полоумного, что у нее квартировал, предали суду, вынесли приговор и все такое. Его небось уже повесили.

– Нет, мадам, – возразил Пуаро. – Его еще не повесили. И дело миссис Макгинти еще не кончено. Хочу напомнить строку, сочиненную одним из ваших поэтов: "Вопрос считаем мы решенным, лишь если верно он решен".

– О-о, – протянула миссис Саммерхейз, уже пере-

ключив внимание с Пуаро на кастрюлю, стоявшую у нее на коленях. – Вот черт, я кровью фасоль закапала. А ведь хотела ее на обед приготовить. Вообще-то ничего страшного, ее все равно в кипяченой воде варить. А в кипятке все микробы подыхают, верно? Даже если они завелись в консервах.

– К сожалению, – спокойно сообщил Пуаро, – во время обеда меня здесь не будет.

ГЛАВА 5

– Говорю вам, ничего про это не знаю, – сказала миссис Берч.

Она повторила эти слова уже в третий раз. Не так-то просто преодолеть врожденное недоверие к иностранцам с черными усами, в длинных пальто с меховой оторочкой.

– Об этом и вспоминать неприятно, – продолжала она. – Про то, что тетушку убили, про полицию и все такое. Пришли и давай тут расхаживать, вынюхивать да вопросы задавать. А у соседей, ясное дело, ушки на макушке. Я сперва думала, мы вообще этого не переживем. А матушка моего мужа – та вообще распоясалась. В ее семье, мол, ничего подобного никогда не случалось, она мне этим дырку в голове просверлила. Ах, ах, мой бедненький Джо, и все такое. А я, я не бедненькая? Она ведь, между прочим, была мне тетушкой! Но сейчас, слава богу, все вроде бы улеглось.

– А вдруг Джеймс Бентли все-таки невиновен?

– Чушь, – отрезала миссис Берч. – Еще как виновен. Пристукнул старушку за милую душу, и не сомневаюсь. Он мне никогда не нравился. Все ходит, бродит да чего-то про себя бормочет. Я тетушке так и сказала: "Нечего такого человека в доме держать. В любую минуту может отколоть невесть что". А она: ничего, мол, он человек тихий, смирный, никаких от него хлопот. Не пьет, даже

не курит. Теперь она, бедняжка, такого бы не сказала, да что толку.

Пуаро задумчиво посмотрел на нее. Эдакая пышка со здоровым цветом лица, рот то и дело расплывается в улыбке. В небольшом домике прибрано и чисто, пахнет лаком для мебели. Какие-то будоражащие аппетит запахи доносятся из кухни.

Что ж, примерная жена, содержит дом в чистоте, кухарит для мужа. Молодец, да и только. Да, не без предрассудков и упряма, но что с того? Во всяком случае, она не из тех, кто может рубануть секачом родную тетку или подговорить на такое дело мужа. Так считал Спенс, и Эркюль Пуаро, пусть с неохотой, был вынужден с ним согласиться. Спенс проверял, как у Берчей обстоит с деньгами, и мотивов для убийства не нашел, а человек он дотошный.

Великий сыщик вздохнул – как все-таки рассеять у миссис Берч недоверие к иностранцам? С убийства он перевел разговор на жертву. Стал спрашивать о "бедной тетушке", ее здоровье, привычках, любимых кушаньях и напитках, политических взглядах, покойном муже, отношении к жизни, сексу, грехам, религии, детям, животным.

Он понятия не имел, пригодятся ему эти побочные сведения или нет. Просто искал иголку в стоге сена. Но между делом узнавал кое-что и о самой Бесси Берч.

Оказалось, Бесси знала родную тетку не так и хорошо. Их связывали семейные узы как таковые, но особой близости не было. Изредка, примерно раз в месяц, она и Джо по воскресеньям приезжали к тетушке отобедать, еще реже тетушка навещала их. Под рождество обменивались подарками. Они знали, что у тетушки кое-что отложено и, когда она умрет, наследство достанется им.

– Но в ее деньгах мы вовсе не нуждались, – объяснила миссис Берч, слегка покраснев. – У нас и самих кое-что отложено. А похоронили мы ее, как полагается.

Красивые вышли похороны. С цветами и все прочее.

Тетушка любила вязать. Собаки ей были не по душе, от них в доме столько грязи, а вот кота она одно время держала, рыжей масти. Он заблудился и пропал, другого она не взяла, хотя женщина с почты предлагала ей взять котеночка. В доме у нее всегда было чисто — ни соринки, ни пылинки. Медные вазочки да дверные ручки всегда надраены, пол в кухне мыла каждый день. Зарабатывала она более чем сносно. За час брала шиллинг и десять пенсов, а мистер Карпентер из Холмш платил ей даже два шиллинга. У этих Карпентеров денег куры не клюют. Они хотели, чтобы тетушка убиралась у них почаще, но она не могла отказать другим своим дамам, к ним она ходила еще до мистера Карпентера, за что же их обижать?

Пуаро напомнил о миссис Саммерхейз в Лонг-Медоуз.

Да, верно, тетушка к ней ходила — два раза в неделю. Эти Саммерхейзы вернулись из Индии, у них там было полно местной прислуги, и миссис Саммерхейз в домашнем хозяйстве ни уха ни рыла. Взялись было выращивать овощи и фрукты на продажу, но и в этом ничего не смыслят. Когда на каникулы приезжают дети, в доме стоит тарарам, хоть святых выноси. Но миссис Саммерхейз — женщина милая, тетушка ее любила.

Портрет миссис Макгинти выплывал из тумана, становился все отчетливее. Она вязала, скребла полы, драила до блеска вазочки и дверные ручки, любила котов и не любила собак. Детей любила, но в меру. Жила в своей скорлупе.

По воскресеньям ходила в церковь, но во всяких церковных начинаниях не участвовала. Иногда, довольно редко, ходила в кино. Нравов была пуританских — как-то отказалась работать у одного художника и его жены, когда узнала, что брак их не зарегистрирован. Книг не читала, но с удовольствием проглядывала воскресную газету, любила полистать старые журналы,

которыми ее снабжали ее дамы. Хотя в кино она почти не ходила, разговоры про кинозвезд и их жизнь слушала с интересом. Политики сторонилась, но голосовала за консерваторов, как это всегда делал ее муж. На одежду почти не тратилась, носила в основном то, что ей отдавали ее дамы, была слегка прижимиста.

По сути дела, именно такой Пуаро и представлял себе миссис Макгинти. А ее племянница, Бесси Берч, вполне соответствовала описанию старшего инспектора Спенса.

Когда Пуаро уже собрался уходить, с работы на обед пришел Джо Берч. Невысокий, глаза умные, отнюдь не так прост, как его жена. Во всем облике сквозила легкая нервозность. Но в отличие от жены он почти не выказал подозрительности или враждебности. Скорее наоборот, всячески старался помочь. Но именно это Эркюля Пуаро насторожило. С чего вдруг Джо Берч так и жаждет задобрить докучливого иностранца, которого видит впервые в жизни? Причина одна — этот незнакомый иностранец привез с собой письмо от старшего инспектора Спенса, из полиции графства.

Выходит, Джо Берч хочет хорошо выглядеть в глазах полиции? А почему? Потому что у него рыльце в пушку и лучше с полицией не ссориться? Жена его, та ничего такого не боится.

Итак, у него нечистая совесть? Возможно. По какой причине? Причин может быть сколько угодно — и все не имеют никакого отношения к смерти миссис Макгинти. Или все-таки алиби с кино ловко подстроено и именно Джо Берч постучал в дверь коттеджа, был впущен тетушкой и хватил ничего не подозревавшую старушку по голове? Потом вытащил из столов и шкафов ящики, перевернул все в комнатах — создать видимость ограбления, — спрятал деньги за домом, чтобы подозрение пало на Джеймса Бентли — тонкий ход, — а потом преспокойно получил деньги, лежавшие на банковском счету тетушки, ибо в действительности его интересо-

вали именно они. Вдруг по какой-то неизвестной причине ему позарез требовались эти двести фунтов? Вот они и достались его жене. Пуаро вспомнил, что орудие убийства так и не нашли. Почему на месте преступления не оставили и его? Сейчас любой лопух знает – либо идешь на дело в перчатках, либо потом стираешь отпечатки пальцев. Зачем тогда уносить с места преступления орудие убийства – тяжелое, с острой кромкой? Потому что его легко бы опознали, как один из предметов утвари Берчей? Может, это самое орудие, вымытое и выдраенное, находится сейчас здесь, в этом доме? Полицейский врач сказал, что убийство совершено чем-то вроде секача, каким рубят мясо, но не секачом, а именно чем-то вроде него. Что же это за диковинка такая? Полиция вела поиски, но ничего не нашла. Они прочесали близлежащий лес, обшарили дно в прудах. Из кухни миссис Макгинти ничего не пропало, а у Джеймса Бентли ничего похожего тоже никто не видел. Никто не мог засвидетельствовать, что Бентли покупал секач или что-то подобное. Это маленькое обстоятельство явно в его пользу. Но его не приняли во внимание – слишком велик груз прочих улик. Велик-то велик, но такое обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов...

Быстрым взглядом Пуаро окинул заставленную и оттого тесноватую гостиную.

А вдруг орудие убийства где-то здесь, в этом доме? И поэтому Джо Берч так неспокоен, так хочет угодить?

Этого Пуаро не знал. Скорее всего, никакого орудия здесь нет. Но наверняка разве скажешь?..

ГЛАВА 6

I

В компании "Бритер и Скаттл" Пуаро после небольшого замешательства провели прямо в кабинет мистера Скаттла.

Мистер Скаттл оказался энергичным суетливым человеком, натурой широкой и добродушной.

– Доброе утро. Доброе утро. – Он потер руки. – Чем могу быть полезен?

Он смерил Пуаро оценивающим взглядом профессионала, будто делал заметки на полях – что это, мол, за птица?

Иностранец. Одет от хорошего портного. Наверное, богат. Владелец ресторана? Управляющий отелем? Кинопродюсер?

– Надеюсь, не отниму у вас много времени. Я хочу поговорить с вами о вашем бывшем сотруднике, Джеймсе Бентли.

Выразительные брови мистера Скаттла стрельнули на дюйм вверх и вернулись в исходное положение.

– Джеймс Бентли. Джеймс Бентли? – стрельнул он вопросом. – Вы из газеты?

– Нет.

– Но и не из полиции?

– Нет. По крайней мере... не из английской.

– Не из английской. – Мистер Скаттл сделал воображаемую пометку – вдруг пригодится. – И в чем же дело?

Свою педантичную любовь к истине Пуаро никогда не доводил до абсурда и потому заявил следующее:

– Я открываю новое расследование по делу Джеймса Бентли – по просьбе некоторых его родственников.

– Не слышал, что они у него есть. Впрочем, какая разница, его признали виновным и приговорили к смерти – вы об этом знаете?

– Да. Приговор еще не привели в исполнение.

– Пока живу, надеюсь, да? – Мистер Скаттл покачал головой. – Боюсь, вам ничего не светит. Уж слишком явные против него улики. А кто они, эти его родственники?

– Могу лишь сказать, что они богаты и могущественны. Невероятно богаты.

– Это любопытно. – Мистер Скаттл против своей воли немного оттаял. В словах "невероятно богаты" было что-то притягательное и гипнотическое. – Вы меня прямо-таки удивили.

– Мать Бентли, покойная миссис Бентли, – пояснил Пуаро, – полностью порвала со своей семьей.

– Понятно, семейные распри. Так, так. В результате молодой Бентли оказался без единого фартинга за душой. Жаль, что эти родственники не бросили ему спасательный круг раньше.

– Факты стали им известны только теперь, – объяснил Пуаро. – Они наняли меня, поручив приехать в Англию как можно быстрее и сделать все, чтобы вызволить его.

Мистер Скаттл откинулся в кресле, расслабился, сбросил с себя личину делового человека.

– Не представляю, что можно сделать. Доказать, что он безумен? Но с этим вы несколько запоздали... хотя, если подрядить толковых врачей крупного калибра... Впрочем, я в этом ни черта не смыслю.

Пуаро подался вперед.

– Мсье, Джеймс Бентли у вас работал. Расскажите мне о нем.

– Да говорить-то нечего. Так, одни слезы. Он был младший служащий. Я против него ничего не имел. Вроде бы вполне порядочный парень, совестливый и все такое. Но в торговле – как свинья в апельсинах. Если надо протолкнуть товар – тут он просто пасовал. А в нашей работе без этого никак. К нам приходит клиент и просит продать его дом – и мы обязаны его продать! А если клиент хочет купить дом, мы обязаны его купить. И если дом в уединенном месте, без удобств – мы налегаем на то, что он старинный, и на этом ставим точку, и никаких разговоров про водопровод! А если дом смотрит прямо на химический завод, мы рекламируем удобства, а о пейзаже – ни слова! Наша задача – сбыть клиенту товар. Любыми путями и

средствами. "Мадам, мы вам рекомендуем заключить сделку немедленно. Этим домом заинтересовался один член парламента – очень заинтересовался. Сегодня после обеда он приедет смотреть его еще раз". На члена парламента покупаются почти все – это очень изящный штрих. Срабатывает, сам не знаю почему! Ведь члены парламента всегда живут в своих избирательных округах. Видимо, эти слова просто ласкают слух. – Он внезапно засмеялся, показав сверкающую вставную челюсть. – Психология – вот что это такое. Чистая психология.

Пуаро ухватился за это слово.

– Психология. Как вы правы. Вижу, вы хорошо разбираетесь в людях.

– Пожалуй, неплохо. Пожалуй, неплохо, – скромно подтвердил мистер Скаттл.

– Поэтому хочу спросить вас еще раз: что вы думаете о Джеймсе Бентли? Между нами – строго между нами, – вы считаете, что он убил эту старушку?

Скаттл пристально посмотрел на Пуаро.

– Конечно.

– И вы считаете, что для него это было делом естественным – с точки зрения психологии?

– Ну... если ставить вопрос так... не совсем. Я бы сказал, что он не из тех, кто на такое способен. Мое мнение – он просто свихнулся. Если с этой стороны поглядеть, все и сходится. С головой у него всегда было слабовато, а тут еще остался без работы, переживания и все такое – вот и переступил черту.

– А вы его уволили... никакой особой причины не было?

Скаттл покачал головой.

– Неудачное время года. Сотрудники были недогружены. Мы решили уволить самого некомпетентного. Им оказался Бентли. Полагаю, в нашем деле он был бы таким всегда. Я дал ему нормальные рекомендации. Но другую работу он так и не нашел. Тухлый он какой-то,

...ливой. Люди это не прощают.

Все поют одну песню, думал Пуаро, выходя из кабинета. Джеймс Бентли произвел на людей плохое впечатление. Но ведь не все убийцы – буки. Пуаро порылся в памяти – а часто ли ему попадались убийцы-симпатяги? Да, более чем часто.

II

– Ничего, если я подсяду к вам на минутку?

Пуаро, удобно устроившийся за маленьким столиком в "Синей кошке", поднял голову от меню. В "Синей кошке", как и во всех дубах по старой европейской традиции, чередовались с ...цированными оконными стеклами, было ...но, но сейчас напротив молодая женщина ярко ...лась на темном фоне.

У нее были вызывающе золотистые волосы, костюм-комбинезон цвета электрик. И кажется, совсем недавно он эту женщину где-то видел.

Она продолжала:

– Видите ли, я случайно услышала, о чем вы говорили с мистером Скаттлом.

Пуаро кивнул. В компании "Бритер и Скаттл" он сразу сообразил, что перегородки скрывают тебя от посторонних глаз, но никак не от ушей. Его это ничуть не беспокоило – он ведь жаждал рекламы.

– Вы стучали на машинке, – вспомнил он, – справа от заднего окна.

Теперь кивнула она. Лицо ее осветилось согласной белозубой улыбкой. Пышущая здоровьем и полногрудая молодая женщина, с удовольствием отметил Пуаро про себя. Года тридцать три или тридцать четыре, от природы брюнетка, но не из тех, кто идет у природы на поводу.

– Насчет мистера Бентли, – уточнила она.

– Что именно?

– Он собирается подать апелляцию? Значит, в деле появились новые факты? Я так рада. Я просто не могла... не могла поверить, что он совершил такое.

Пуаро повел бровями.

– То есть вы с самого начала считали, что он невиновен, – медленно сказал он.

– Именно, что с начала. Думала, это какая-то ошибка. Но улики... – Она остановилась.

– Что же улики? – спросил Пуаро.

– Получалось, кроме него, это никто не мог сделать. Я решила, может, у него просто ум за разум зашел.

– А он не казался вам... я бы сказал, немножечко чудны́м?

– Как будто нет. Чудной – это что-то другое. Застенчивый, неловкий – вот он какой. Таких много. Не нашел себя человек в этой жизни, мается. Отсюда и неуверенность, скованность.

Пуаро взглянул на нее. Уж у нее уверенности в себе хоть отбавляй. На двоих хватит наверняка.

– Он вам нравился? – спросил он.

Она вспыхнула.

– Да, нравился. У нас в комнате сидит еще одна девушка, Эми, она всегда над ним подсмеивалась, называла растяпой, но мне он очень нравился. Такой добрый, тихий, учтивый. И много чего знал. В смысле начитанный.

– Понятно, начитанный.

– По матери сильно тосковал. Она ведь много лет болела, вы, наверное, знаете. Даже не болела, а так, постоянный упадок сил, и он был ей как нянька.

Пуаро кивнул. Таких матерей он знал.

– Она, конечно, тоже о нем заботилась. Беспокоилась о его здоровье, чтобы он зимой не простудился, чтобы хорошо ел и все такое.

Сыщик снова кивнул. Потом спросил:

– Вы с ним были друзьями?

– Трудно сказать... едва ли. Иногда разговаривали.

Но когда он отсюда ушел, я... мы... почти не встре-
лись. Однажды написала ему по-дружески, но он не
ответил.

Пуаро негромко спросил:

– Но он вам нравится?

Она с вызовом ответила:

– Да, нравится...

– Это замечательно, – искренне обрадовался Пуаро.

Мысленно он вернулся к тому дню, когда разгова-
ривал в тюрьме с осужденным... Перед глазами его,
как живой, возник Джеймс Бентли. Мышиного цвета
волосы, худой и нескладный, выступающие костяшки
на пальцах рук, большие кисти, на цыплячьей шее тор-
чит кадык. Взгляд смущенный, неподлобья, даже какой-
то коварный. Не из тех прямых и открытых людей,
кому готов верить на слово, – коварный и лживый
тип себе на уме, как-то неприятно бормочет под нос...
Именно такое впечатление Джеймс Бентли производил
на поверхностных наблюдателей. Так восприняли его и
присяжные. Этот и наврет с три короба, и ограбит, и
старушку огреет по голове...

Но на старшего инспектора Спенса, который хорошо
разбирается в людях, Джеймс Бентли произвел совсем
другое впечатление. И на Эркюля Пуаро тоже... А теперь,
как выясняется, и на эту девушку.

– Как вас зовут, мадемуазель? – спросил он.

– Мод Уильямс. Могу я как-то... ему помочь?

– Думаю, что да. Есть люди, мисс Уильямс, которые
считают, что Джеймс Бентли невиновен. Они собирают
факты, чтобы доказать это. Расследование возглавляю
я и могу сказать, что кое-чего уже добился... да, опре-
деленно добился.

Он произнес эту ложь не моргнув глазом. Ибо счи-
тал ее крайне необходимой. Кто-то где-то должен за-
беспокоиться. Мод Уильямс не из тех, кто будет мол-
чать, об их встрече она кому-то расскажет, и это будет
брошенным в пруд камнем – по воде пойдут круги...

Он сказал:

- Вы с Джеймсом Бентли много разговаривали. Он рассказывал вам о своей матери, о своей семье. Может быть, он упоминал кого-то, с кем он или его мать были в плохих отношениях?

Мод Уильямс задумалась.

– Нет... о плохих отношениях, пожалуй, речи не было. По-моему, его мать недолюбливала молодых женщин.

– Матери преданных сыновей никогда не любят молодых женщин. Я имею в виду нечто другое. Какая-нибудь семейная распря, вражда. Может, у кого-то был на них зуб?

Она покачала головой.

– Ни о чем таком я никогда от него не слышала.

– А о своей домовладелице, миссис Макгинти, он когда-нибудь говорил?

Она чуть поежилась.

– Не называя по имени. Однажды сказал, что она слишком часто потчует его копченой селедкой... а в другой раз – что домовладелица переживает из-за пропавшего кота.

– А он не говорил вам – прошу вас, будьте со мной откровенны, - что знает, где она держит деньги?

Девушка чуть побледнела, но тут же с вызовом вскинула подбородок.

– Представьте, да. У нас зашел разговор о том, что люди перестали доверять банкам, и он сказал, что его домовладелица хранит свободные деньги под половицей. И добавил: "Я спокойно могу их взять, когда ее нет дома". Не то что в шутку, он был не мастер шутить, а так, будто тревожился за нее – что же она такая легкомысленная?

– Ага, – сказал Пуаро. – Это хорошо. С моей точки зрения, разумеется. То есть кража для Джеймса Бентли – это действие за чьей-то спиной. Ведь он мог бы сказать и по-другому: "Однажды кто-нибудь из-за этих денег даст ей по голове".

– В любом случае он не мог говорить об этом всерьез.

– Конечно. Но в разговоре, пусть легком и бездумном, наружу обязательно выходит ваша суть – что вы за человек. Умный преступник держит рот на замке, но умный среди преступников – большая редкость, обычно они тщеславны и болтливы, и вот большинство из них удается поймать.

Мод Уильямс резко бросила:

– Поделом.

– Но ведь кто-то эту старушку убил.

– Кто же? Вам это известно? Вы до чего-то додумались?

– Да, – снова солгал Эркюль Пуаро. – Кое до чего я уже додумался. Но нам предстоит пройти длинный путь.

Девушка посмотрела на часы.

– Мне пора. У нас перерыв всего полчаса. Этот Килчестер такая дыра, ужасное захолустье... раньше я работала только в Лондоне. Позвоните, если понадобится какая-то помощь... настоящая помощь, понимаете?

Пуаро достал одну из своих визитных карточек. Написал на ней "Лонг-Медоуз" и номер телефона.

– Сейчас меня можно найти здесь.

Он не без огорчения заметил, что его имя не произвело на нее никакого впечатления. Что поделаешь, молодежь теперь пошла темная, бок о бок с ними ходят выдающиеся современники, а им и дела нет.

III

Возвращаясь автобусом в Бродхинни, Пуаро перебывал в более радужном настроении. По крайней мере хоть кто-то верит в невиновность Джеймса Бентли. И не так уж он одинок на этом свете, как сам себе это представляет.

Пуаро мысленно вернулся к своей встрече с Бентли

в тюрьме. Она оставила тяжелый осадок. У заключенного даже не заискрилась надежда в глазах, приход Пуаро почти не вызвал у него интереса.

– Спасибо, – вяло сказал Бентли, – только вряд ли мне что-нибудь поможет.

Нет, врагов у него нет, это точно.

– Откуда взяться врагам, если тебя вообще едва замечают?

– А ваша мама? Может быть, враги были у нее?

– Не было. Все ее любили и уважали.

Тут в его голосе даже послышалось легкое негодование.

– Как насчет ваших друзей?

И Джеймс Бентли ответил, вернее, буркнул:

– Друзей у меня нет.

Но тут он был не совсем прав. Мод Уильямс была ему другом.

Чудесно все-таки заведено в природе, подумал Эркюль Пуаро, любой мужчина, с виду совсем непривлекательный, обязательно становится избранником какой-то женщины.

Ибо проницательный Эркюль Пуаро заподозрил, что при всей своей сексуальной внешности у мисс Уильямс было сильно развито материнское начало.

Она обладала качествами, которых Джеймс Бентли был напрочь лишен, – энергичная, волевая, не желающая пасовать перед обстоятельствами, полная решимости добиться своего.

Он вздохнул.

Он в тот день наврал с три короба. Просто какой-то кошмар. Что поделаешь – это было необходимо.

Ибо где-то в стоге сена, сказал Пуаро себе, погружаясь в водоворот смешанных метафор, наверняка есть иголка, среди спящих псов наверняка есть один, которому я должен наступить на лапу, и если вытащить шило из мешка и выстрелить им в белый свет, оно обязательно воткнется в паршивую овцу!

ГЛАВА 7

I

Коттедж, где жила миссис Макгинти, находился в нескольких шагах от автобусной остановки. На крылечке играли двое детей. Один грыз червивое с виду яблоко, другой кричал и колотил в дверь оловянным подносом. Оба были предельно счастливы.

Пуаро внес в шум и свою лепту, решительно постучав в дверь.

Из-за угла дома выглянула женщина. На ней был цветастый халат, волосы нечесаны.

— Прекрати, Эрни, — сказала она.

— Не хочу, — ответил Эрни и продолжал стучать дальше.

Пуаро сошел со ступенек и направился к углу дома.

— Никакой управы нет на этих детей, верно? — сказала женщина.

Пуаро считал, что управу найти можно, но высказывать свое мнение остерегся.

Они прошли к задней двери.

— Переднюю дверь я держу запертой, сэр. Проходите, пожалуйста.

Через очень грязную судомойню Пуаро проследовал в еще более грязную кухню.

— Ее убили не здесь, — сообщила женщина. — В гостиной.

Пуаро от неожиданности моргнул.

— Вы ведь насчет этого, верно? Вы иностранец, что остановился у Саммерхейзов?

— Так вам обо мне все известно? — спросил Пуаро с сияющей улыбкой. — Да, вы правы, миссис...

— Киддл. Муж у меня штукатур. Четыре месяца назад мы сюда въехали. Раньше-то жили с матерью Берта... Некоторые так говорили: "Неужто ты по-

селишься в доме, где человека убили?" А я им на это: "Какой-никакой, а дом, все лучше, чем ютиться в задней комнатенке и спать на двух креслах". Жилья не хватает, прямо беда, верно? А живем мы тут безо всяких хлопот. Есть такое поверье: если в доме кого убили, привидения так и шастают по дому. А у нас все тихо! Показать, где это случилось?

Пуаро согласно кивнул, чувствуя себя как турист на экскурсии.

Миссис Киддл ввела его в небольшую комнату, заставленную тяжелой дубовой мебелью. Вид у комнаты в отличие от остальной части дома был нежилой.

— Тут она лежала, на полу, с разбитым затылком. Миссис Эллиот сама едва не окочурилась. Это ведь она нашла ее — она и Ларкин, из кооператива, хлеб привозит. А деньги забрали сверху. Идемте, покажу.

Вслед за миссис Киддл Пуаро поднялся по лестнице и вошел в спальню, где находились громоздкий комод, никелированная кровать, несколько стульев и великое множество детской одежды, влажной и сухой.

— Она держала их здесь, — с гордостью сообщила миссис Киддл.

Пуаро огляделся. Трудно представить, что здесь, где бездумно била ключом жизнь, когда-то коротала дни аккуратная старушка, содержавшая свое жилище в чистоте и порядке. Здесь жила и почивала миссис Макгинти.

— Это не ее мебель, надо полагать?

— Нет, что вы. Весь ее скарб увезла ее племянница из Каллавона.

От миссис Макгинти здесь не осталось и следа. На ее территории победно обосновалось семейство Киддлов. Жизнь вытеснила смерть.

Снизу донесся пронзительный детский вопль.

— Малышка проснулась, — пояснила миссис Киддл, хотя это и так было ясно.

Она кинулась вниз по лестнице, и Пуаро последовал за ней.

Здесь ему делать было нечего.
Он решил зайти к соседям.

II

— Да, сэр, ее нашла я.

Миссис Эллиот словно вещала с подмостков. Дом ее поражал чистотой, строгостью и порядком. Мысль о подмостках навевала лишь сама миссис Эллиот, сухопарая темноволосая особа, ибо рассказывала она о событии, прославившем ее на всю округу.

— Ларкин, булочник, пришел и постучал в мою дверь. "Миссис Макгинти, — говорит он, — не подает никаких признаков жизни. Уж не заболела ли?" Я и сама подумала — а что, вполне возможно. Возраст есть возраст, молодой ее не назовешь. У нее бывает сильное сердцебиение, сама мне говорила. Вдруг, думаю, удар человека хватил? Ну, я сразу к ней — их там двое мужчин, ясно, что в спальню к женщине им заходить неудобно.

Пуаро понимающе хмыкнул — приличия есть приличия.

— Ну, я сразу поспешила наверх. Тут же, на площадке, и он стоит — бледный, что твоя смерть. В тот момент я и думать ничего не думала — я же не знала, что там приключилось. Громко стучу в дверь, ответа нет, тогда я поворачиваю ручку и вхожу. Все в комнате вверх дном — и половица торчит. "Э-э, — говорю я, — тут не иначе как ограбление. Только где же сама старушка?" И мы решили — заглянем в гостиную. Там ее и нашли... Лежит, несчастная, на полу с пробитой головой. Убийство! Я с первого взгляда поняла — убийство! Что же еще? Ограбление и убийство! Здесь, у нас, в Бродхинни! Ну, я как заголосила! Задала им всем работы. Бухнулась в обморок. Они бегом в "Три утки", притащили мне бренди. Меня потом еще полдня трясло. "Не надо так переживать, матушка, — сказал мне сержант, когда

приехал. – Не надо так переживать. Идите домой, приготовьте себе хорошую чашку чая и успокойтесь". Я так и сделала. А Эллиот, едва порог переступил, сразу спрашивает: "Что такое, что случилось?" – и смотрит на меня. А я все дрожь унять не могу. С детства была чувствительной.

Пуаро искусно прервал этот волнующий поток красноречия.

– Да-да, это сразу заметно. А когда вы в последний раз видели несчастную миссис Макгинти?

– Кажется, за день до этого, она вышла в огород с заднего крыльца нарвать мяты. А я как раз цыплят кормила.

– Она вам что-нибудь сказала?

– Так, добрый день да как несутся наседки.

– И больше не видели? А в тот день, когда она умерла?

– Нет. Зато я видела его. – Миссис Эллиот понизила голос. – Часов в одиннадцать утра. Шел по дороге. Как всегда, шаркал ногами, будто старик какой.

Пуаро подождал, но, видимо, добавить ей было нечего. Тогда он спросил:

– Вы удивились, когда его арестовала полиция?

– И да, и нет. Я всегда подозревала, что у него с мозгами непорядок. А от таких только и жди, что выкинут какой-нибудь фортель. У моего дяди был слабоумный сын, тот такие фортеля выкидывал – чем старше, тем больше. Свою силу не мог соразмерить. У этого Бентли с мозгами точно был непорядок, и я бы не удивилась, реши суд не повесить его, а отправить в лечебницу для психов. Ведь вы посмотрите, куда он спрятал деньги. Разве нормальный человек их так бы спрятал? Только если бы хотел, чтобы их нашли. Безмозглый простофиля, больше и сказать про него нечего.

– Только если бы хотел, чтобы их нашли, – пробормотал Пуаро. – У вас случайно никакой тесак не пропал... или топор?

– Нет, сэр, такого не было. Полиция меня про эт
спрашивала. И не меня одну, всех из наших коттеджей
Чем он ее убил – это по сей день загадка.

III

Эркюль Пуаро шагал в сторону почты.

Убийца хотел, чтобы деньги нашли, а орудие убий
ства – нет. Потому что деньги укажут на Джеймса
Бентли, а орудие убийства указало бы... на кого?

Он покачал головой. Он успел нанести еще два
визита. Хозяева оказались менее жизнерадостными,
чем миссис Киддл, менее театральными, чем миссис
Эллиот. Сказали они, по сути, следующее: миссис Мак-
гинти была человеком очень достойным, жила в своей
скорлупе, имела племянницу в Каллавоне, кроме не-
званной племянницы, никто к ней не приезжал, никто,
сколько им известно, не относился к ней плохо, не
держал на нее зла, и правда ли, что в защиту Джеймса
Бентли написана петиция и их попросят ее подписать?

Чего я добился, спрашивал себя Пуаро? Ничего
ровным счетом. Полный мрак, никакого просвета.
Теперь ясно, в каком отчаянии пребывал старший
инспектор Спенс. Но одно дело он, а другое – я. Стар
ший инспектор Спенс – очень хороший и добросовест-
ный работник полиции, а я? Я – Эркюль Пуаро! Уж мне
должно что-то открыться!

Лакированной туфлей он ступил в лужу и помор
щился.

Да, он великий и несравненный Эркюль Пуаро, но
при этом он далеко не молод и ему жмут туфли.

Он вошел в здание почты.

По правую руку находилась почтовая служба Его
Величества. По левую – в богатом ассортименте были
представлены всякие товары: сладости, бакалея,
игрушки, скобяные изделия, канцтовары, поздравитель-
ные открытки, шерсть для вязанья и детское белье.

Пуаро принялся неспешно разглядывать марки, собираясь купить несколько штук.

Энергичная женщина средних лет с живыми и проницательными глазами поспешила обслужить его.

Это явно мозговой центр деревни Бродхинни – так с одного взгляда определил Эркюль Пуаро.

И фамилия у нее была не сказать чтобы не к месту – миссис Толк.

– Еще двенадцать пенсов, – прибавила миссис Толк, ловко извлекая марки из большой амбарной книги. – Всего четыре шиллинга и десять пенсов. Еще что-нибудь, сэр?

Она вперилась в него ясным, полным готовности взглядом. В проеме задней двери показалась голова девушки, она жадно вслушивалась в их разговор. Она была не причесана и насморочно шмыгала носом.

– Я в ваших краях человек новый, – торжественно провозгласил Пуаро.

– Да, сэр, я вижу, – подтвердила миссис Толк. – Вы ведь из Лондона?

– Я полагаю, цель моего приезда вам известна не хуже меня самого, – сказал Пуаро, чуть улыбаясь.

– Вовсе нет, сэр, я и понятия об этом не имею, – ответила миссис Толк совершенно равнодушно.

– Миссис Макгинти, – подсказал Пуаро.

Миссис Толк покачала головой.

– Прискорбная история. Мы все были потрясены.

– Полагаю, вы неплохо ее знали?

– Знала, конечно. Как, впрочем, и всех в Бродхинни. Бывало, зайдет ко мне за чем-нибудь и обязательно задержится – немножко поболтать. Да, кошмарная трагедия. И, как я слышала от людей, вопрос об убийце еще не закрыт?

– Кое-кто сомневается в виновности Джеймса Бентли.

– Что ж, – сказала миссис Толк, – с полицией такое бывает – схватят не того и упекут за решетку. Но,

боюсь, в этом случае они не ошиблись. Вообще-то за него и не подумаешь. Застенчивый такой, неловкий, и в голову не придет, что опасный. А там кто их разберет, верно ведь?

Пуаро, собравшись с духом, попросил писчей бумаги.

– Разумеется, сэр. Подойдите, пожалуйста, на ту сторону.

Миссис Толк живо переместилась за левый прилавок.

– Вся штука в том, что, кроме мистера Бентли, ей вроде и убивать некому, – заметила она, протягивая руку к верхней полке за бумагой и конвертами. – Случается, забредают к нам всякие бродяги, кто-то из них мог наткнуться на незапертое окно и залезть в дом. Но тогда он бы унес с собой деньги, правильно? Уж если ради них убил человека? Бояться нечего – обычные фунтовые банкноты, не какие-нибудь меченые или со специальными знаками. Вот, сэр, прекрасная голубая бумага и конверты в тон.

Пуаро заплатил за покупку.

– Миссис Макгинти никогда не говорила, что нервничает из-за кого-то, чего-то опасается? – спросил он.

– Мне не говорила. Вообще она была не из нервных. Случалось, оставалась допоздна у мистера Карпентера – это в Холмли, на пригорке. Они часто устраивают приемы, кто-то у них останавливается, и миссис Макгинти иногда ходила к ним по вечерам – помочь с посудой, – а спускаться приходилось в темноте, лично мне такие прогулки не по душе. Уж очень темно. Одной спускаться с горы – страшно.

– А ее племянницу – миссис Берч – вы знаете?

– Так, "здравствуйте – до свидания". Она с мужем иногда к нам заезжает.

– После смерти миссис Макгинти они унаследовали небольшую сумму.

Проницательные темные глаза строго посмотрели на него.

– Но это вполне естественно, сэр? С собой в могилу всего не заберешь, оно и правильно, что нажитое тобой достается твоей плоти и крови.

– О да, о да, я с вами полностью согласен. А миссис Макгинти любила племянницу?

– Я бы сказала, даже очень. На свой манер, без особых эмоций.

– А мужа племянницы?

На ее лице появилась некая неопределенность.

– Насколько мне известно, тоже.

– Когда вы видели миссис Макгинти в последний раз?

Миссис Толк задумалась, уходя мыслями в прошлое.

– Сейчас соображу. Когда это было, Эдна? – Эдна в дверном проеме беспомощно шмыгнула носом. – В тот день, когда она умерла? Нет, за день до этого – или за два? Да, это был понедельник. Точно. Убили ее в среду. Значит, в понедельник. Она пришла сюда, чтобы купить бутылочку чернил.

– Ей понадобилась бутылочка чернил?

– Наверное, решила написать письмо, – бойко предположила миссис Толк.

– Вполне вероятно. И она была такая, как всегда? Ничего необычного вы не заметили?

– Н-нет, вроде не заметила.

Шмыгающая Эдна прошаркала в комнату и неожиданно включилась в разговор.

– А я заметила, – сообщила она. – Она была чем-то довольная... не то что довольная... а как бы возбужденная.

– Пожалуй, ты права, – согласилась миссис Толк. – Тогда я на это внимания не обратила. А сейчас, когда ты сказала... Будто кто в нее заряд бодрости влил.

– Не помните, о чем она в тот день говорила?

– Обычно у меня такие разговоры в голове не держатся. Но тут все-таки человека убили, явилась полиция и все такое, поневоле запомнишь. Джеймса

Бентли она не вспоминала – это помню точно. Поначалу речь шла о Карпентерах, потом о миссис Апуорд – у этих людей она работала.

– Да, я как раз хотел спросить – в какие дома она ходила работать?

Миссис Толк не замешкалась с ответом:

– По понедельникам и четвергам она убирала у миссис Саммерхейз в Лонг-Медоуз. Вы ведь как раз там остановились?

– Да. – Пуаро вздохнул. – Больше как будто негде?

– Прямо в Бродхинни негде. Вам, наверное, в Лонг-Медоуз не очень удобно? Миссис Саммерхейз женщина очень милая, но в домашнем хозяйстве мало чего смыслит. Как почти все дамы, которые подолгу живут за границей. В доме жуткий беспорядок, знай разгребай – со слов миссис Макгинти. Так вот, в понедельник после обеда и в четверг с утра – у миссис Саммерхейз, по вторникам с утра – у доктора Рендела, а после обеда – у миссис Апуорд в Лэбернемс. Среда – у миссис Уэтерби в Хантерс-Клоуз, пятница – у миссис Селкирк, теперь она миссис Карпентер. Миссис Апуорд – дама преклонных лет, живет с сыном. Они держат служанку, но та сама не первой молодости, и миссис Макгинти ходила туда раз в неделю, подсобить, навести порядок. У мистера и миссис Уэтерби никто из обслуги подолгу не задерживается – уж очень больна хозяйка. Мистер и миссис Карпентер живут в достатке, у них всегда полный дом гостей. Все жители Бродхинни – очень милые люди.

Выслушав это резюме, Пуаро попрощался и вышел на улицу.

Он медленно зашагал в гору, к Лонг-Медоуз. Будем надеяться, что консервы из вздувшейся банки и залитая кровью фасоль, как и намечалось, съедены на обед, а не оставлены ему на ужин. Впрочем, возможно, сомнительных консервов у миссис Саммерхейз хватает. Да, жизнь в Лонг-Медоуз чревата опасностью.

В целом день ничего, кроме разочарования, не принес. Что все-таки удалось выяснить?

Что у Джеймса Бентли есть друг. Что врагов ни у него, ни у миссис Макгинти не было. Что миссис Макгинти за два дня до убийства была чем-то возбуждена и купила бутылку чернил...

Пуаро остановился как вкопанный... А ведь это факт, пусть крошечный, но все-таки факт?

Он без всякой задней мысли спросил, зачем миссис Макгинти могли понадобиться чернила, а миссис Толк на полном серьезе ответила: видимо, чтобы написать письмо...

Тут крылось что-то важное, и эту важность он чуть не проморгал по простой причине: для него, как и для большинства людей, писать письма — занятие вполне обыкновенное.

Другое дело — миссис Макгинти. За письма она садилась так редко, что пришлось специально идти в магазин покупать чернила.

Значит, любительницей писать письма миссис Макгинти не была. Миссис Толк, работница почты, прекрасно это знала, и вот за два дня до смерти миссис Макгинти написала письмо. Кому? Зачем?

Возможно, ничего за этим и не стоит. Могла написать племяннице, какой-то уехавшей подруге. Придавать такое значение простой бутылке чернил — нелепость.

Но другой ниточки у него не было, придется вытягивать эту.

Бутылочка чернил...

ГЛАВА 8

I

— Письмо? — Бесси Берч покачала головой. — Нет, никакого письма от тетушки я не получала. О чем она стала бы мне писать?

Пуаро предположил:

– Может, она хотела вас о чем-то известить?

– Тетушка была не из тех, кто любит писать. Ей ведь было уже под семьдесят, а в молодости она особого образования не получила.

– Но читать и писать умела?

– Да, конечно. Но и до чтения не была большая охотница, хотя все-таки уважала и "Ньюс ов зи уорлд", и "Санди компэниэн". А писать – это ей всегда давалось с трудом. Если ей надо было что-то мне передать: чтобы мы к ней не приезжали или что она не приедет к нам, – она обычно звонила мистеру Бенсону – аптекарю по соседству – и передавала через него. Он в таких делах человек любезный, услужливый. Район один и тот же, так что звонок стоит всего два пенса. В Бродхинни на почте стоит телефонная будка.

Пуаро кивнул. Разумеется, два пенса – это меньше, чем два с половиной. В портрете миссис Макгинти, который он для себя уже нарисовал, бережливость и прижимистость выделялись довольно заметно. Да, деньги старушка любила.

Мягко, но настойчиво он продолжал:

– Но иногда тетя вам все-таки писала?

– Ну, открытки на рождество.

– Может быть, в других частях Англии у нее были подруги, которым она писала?

– Про это не знаю. Была у нее золовка, но два года назад она умерла, была еще такая миссис Бердлип – но и эту прибрал господь.

– Значит, если она кому-то писала, то, скорее всего, в ответ на полученное письмо?

Бесси Берч снова засомневалась.

– Не представляю, кто мог бы ей написать... Впрочем, – лицо ее озарила догадка, – мы ведь забыли о властях.

Пуаро согласился – нынче послания от лиц, которых Бесси огульно окрестила "властями", были скорее правилом, нежели исключением.

– И пристают обычно со всякой ерундой, – развивала свою мысль миссис Берч. – То им какие-то бланки заполняй, то отвечай на нелепые вопросы, какие порядочным людям и задавать неприлично.

– Значит, миссис Макгинти могла получить какое-то послание от властей, на которое ей пришлось отвечать?

– Если бы она что-то такое и получила, она бы привезла это Джо, чтобы он ей помог. Когда приходили такие бумажки, она, бедняжка, всегда страшно волновалась, суетилась и без Джо ничего не решала.

– А не помните, среди ее личных вещей какие-нибудь письма были?

– Точно не скажу. Кажется, не было. Но вообще-то сначала все там обшарила полиция. Только потом мне позволили запаковать ее вещи и забрать их.

– И что с ними стало?

– Вон стоит ее комод – добротное красное дерево, – наверху шкаф, кое-какая кухонная утварь, неплохая. Остальное мы продали – негде держать.

– Я имел в виду ее личные вещи, – уточнил Пуаро. – Ну, скажем, щетки, гребни, фотографии, всякие безделушки, одежда...

– Ах, это. По правде говоря, я все это запаковала в чемодан, он так и стоит наверху. Не знаю, что со всем этим делать. Думала, одежду отнесу под рождество на распродажу, да забыла. А идти на поклон к старьевщикам душа не лежит – уж больно мерзкая публика.

– Простите, а вы не позволите мне ознакомиться с содержимым этого чемодана?

– Отчего же, пожалуйста. Хотя едва ли вы там найдете что-то для вас полезное. Ведь полиция его уже переворошила.

– Да, знаю. И все же...

Миссис Берч, не тратя лишних слов, отвела его в крохотную спальню, в которой, как понял Пуаро, хозяева понемногу портняжничали. Она вытащила из-под кровати чемодан и сказала:

– Вот, пожалуйста, а я, извините, побегу, а то, чего доброго, жаркое подгорит.

Пуаро с благодарностью ее извинил, услышал, как она протопала вниз по лестнице. Потом пододвинул чемодан поближе и открыл его.

Поприветствовать его выкатились нафталиновые шарики.

С чувством жалости он вытащил содержимое, красноречиво открывавшее правду об умершей. Длинное черное пальто, изрядно поношенное. Два шерстяных свитера. Жакет и юбка. Чулки. Нижнего белья нет (не исключено, его припрятала для себя Бесси Берч). Две пары туфель, завернутых в газету. Гребень и расческа, далеко не новые, но чистые. Выщербленное зеркало, посеребренное сзади. Фотография новобрачных в кожаной рамочке, если судить по туалетам, примерно тридцатилетней давности, – видимо, миссис Макгинти и ее муж. Две открытки с видами города Маргита. Фарфоровая собачка. Вырезка из газеты – рецепт приготовления джема из овощной мякоти. Еще вырезка – сенсационная статейка о летающих тарелках. И еще одна – о пророчествах матери Шипton. Библия и томик с молитвами.

Никаких дамских сумочек, никаких перчаток. Наверное, все это забрала миссис Берч либо кому-нибудь отдала. Одежда, прикинул Пуаро, наверняка тесновата для крепко сбитой Бесси. Миссис Макгинти была женщиной худосочной, от избытка веса не страдала.

Он развернул одну пару обуви. Туфли были вполне приличного качества, почти не изношены. На лапищу Бесси Берч нипочем не налезут.

Он уже собрался аккуратно их завернуть, но тут в глаза ему бросились выходные данные газеты.

Это была "Санди компэниэн" от девятнадцатого ноября.

А двадцать второго ноября миссис Макгинти была убита.

Итак, эту газету она купила в последнее в своей жизни воскресенье. Она лежала у нее в комнате, а уже потом Бесси Берч завернула в нее тетушкины манатки.

Воскресенье, девятнадцатое ноября. А в понедельник миссис Макгинти отправилась на почту и купила бутылочку чернил...

Вдруг она что-то вычитала в воскресной газете?

Он развернул другую пару обуви. Эти туфли были завернуты в "Ньюс ов зи уорлд" от того же числа.

Он разгладил обе газеты, отнес их к креслу и засел за чтение. И тут же сделал открытие. Какая-то заметка со страницы "Санди компэниэн" была вырезана. Прямоугольник на средней странице. Вырезки, которые он нашел, были по площади явно меньше.

Он внимательно проглядел обе газеты, но ничего достойного внимания больше не нашел. Снова завернул в них туфли и тщательно упаковал в чемодан.

Потом спустился вниз.

Миссис Берч суетилась на кухне.

— Ничего, конечно, не нашли?

— Увы, ничего. — Будто между прочим, он добавил: — Не попадалась ли вам в тетушкином кошельке или сумочке вырезка из газеты?

— Что-то не помню. Может, она там и лежала, да ее забрала полиция.

Но полиция ничего не забирала. Это было ясно из записей Спенса. В списке предметов, найденных в сумочке убитой, газетная вырезка не значилась.

Eh bien, сказал себе Эркюль Пуаро, следующий шаг до смешного очевиден. Либо терплю очередное фиаско, либо дело наконец-то сдвигается с мертвой точки.

II

Пуаро сидел в задумчивой позе перед подшивкой пропыливщихся газет. Что ж, чутье его не подвело —

бутылочка чернил была куплена не случайно.

Позабавить читателей романтической клюквой о событиях прошлых лет — это в "Санди компэниэн" любили.

Перед Пуаро лежала "Санди компэниэн" от девятнадцатого ноября.

Вверху средней страницы стоял следующий заголовок:

ЖЕНЩИНЫ – ЖЕРТВЫ ДАВНИХ ТРАГЕДИЙ.
ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ СЕЙЧАС?

Под шапкой были напечатаны четыре замутненные фотографии, явно переснятые и сделанные много лет назад.

Объекты снимков вовсе не выглядели трагически. Скорее они выглядели смехотворно, ибо почти все были одеты по моде давних лет, а нет ничего более смехотворного, чем вчерашняя мода — хотя лет через тридцать она может снова захватить воображение общества или по крайней мере дать о себе знать.

Под каждым снимком стояла подпись.

"Ева Кейн, "другая женщина" в знаменитом деле Крейга".

"Джейнис Кортленд, "несчастная жена", чей муж оказался дьяволом в человечьем обличье".

"Маленькая Лили Гэмбол, трагическое порождение нашего перенаселенного мира".

"Вера Блейк, ни о чем не подозревавшая жена убийцы".

И ниже крупным шрифтом тот же вопрос:

ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ СЕЙЧАС?

Пуаро моргнул и, сосредоточившись, углубился в эту своего рода романтическую прозу — жизнеописание вышеупомянутых героинь, замутненных и расплывчатых.

Имя Ева Кейн было у него на памяти — нашумевшее дело Крейга он помнил хорошо. Альфред Крейг был секретарем городской корпорации Парминстера, до-

вольно добросовестный и незаметный труженик, приятный в обращении и строго блюдущий условности света. Ему выпало несчастье взять в жены женщину настырную и импульсивную. Миссис Крейг заставила его влезть в долги, постоянно третировала его и дергала, страдала нервными заболеваниями, которые друзья из числа недоброжелателей считали чистой выдумкой. Ева Кейн служила у них в доме гувернанткой. Это была хорошенькая девятнадцатилетняя простушка, довольно беспомощная. Она по уши влюбилась в Крейга, он ответил ей взаимностью. В один прекрасный день соседям стало известно, что врачи порекомендовали миссис Крейг "поехать на лечение за границу". Так сказал им Крейг. Вечером он отвез жену в Лондон на автомобиле — первый этап путешествия — и "отправил" ее на юг Франции. Потом вернулся в Парминстер и время от времени сообщал соседям: здоровье жены, судя по ее письмам, пока не улучшается. Ева Кейн осталась в доме вести хозяйство, и злые языки не заставили себя долго ждать. В конце концов Крейг получил известие о том, что его жена скончалась за границей. Он уехал, вернулся через неделю, рассказал, как прошли похороны.

В каком-то смысле Крейг оказался простаком. Он совершил ошибку — назвал место, где умерла жена, более или менее известный курортный городок на Французской Ривьере. Дальше события развивались так: у кого-то в этом городке оказался то ли родственник, то ли друг, и вскоре выяснилось, что женщина с такой фамилией там не умирала и не была похоронена, поползли слухи, и наконец об этом сообщили полиции.

Вкратце дело свелось к следующему:

Миссис Крейг на Ривьеру не уезжала. Ее тело, разрезанное на аккуратные куски, нашли зарытым в погребе Крейга. Вскрытие останков показало, что жертва была отравлена растительным алкалоидом.

Крейга арестовали и предали суду. Еву Кейн поначалу обвинили в соучастии, но потом обвинение сняли,

потому что со всей очевидностью открылось: о случившемся она не имела ни малейшего представления. Крейг в конце концов признал свою вину целиком и полностью, был приговорен к смерти и казнен.

Ева Кейн, ждавшая тогда ребенка, уехала из Парминстера, а в дальнейшем, если верить "Санди компэниэн": "Добрые родственники в Новом Свете согласились приютить ее. Несчастная девушка, по молодости лет уступившая домогательствам хладнокровного убийцы, поменяла фамилию и навсегда покинула эти берега, чтобы начать новую жизнь и заточить в своем сердце, навеки сокрыть от дочери имя отца.

"Моя дочь вырастет в счастливом неведении. Я не позволю, чтобы жестокое прошлое бросило тень на ее жизнь. В этом я себе поклялась. Мои трагические воспоминания навсегда останутся при мне".

Бедная, хрупкая, доверчивая Ева Кейн. Познать на заре молодости, сколь низменны, сколь коварны бывают мужчины. Где-то она теперь? Может, обитает где-то на Среднем Западе женщина на склоне лет, милая и спокойная, уважаемая соседями, женщина с грустными глазами... А к ней вместе с детишками, веселая и жизнерадостная, приезжает "повидать мамочку" женщина много моложе и рассказывает ей о своих каждодневных заботах и хлопотах — и не подозревает она, какие страдания выпали на долю ее матери?"

— О-ля-ля! — только и вымолвил Эркюль Пуаро. И перешел к жертве следующей трагедии.

Джейнис Кортленд, "несчастная жена", с выбором мужа явно опростоволосилась. Восемь лет она терпела его странные выходки... Что это за "странные выходки"? Любопытно. Восемь лет мучений, так категорически утверждает "Санди компэниэн". В конце концов Джейнис завела себе друга. Этот молодой человек, со слегка идеалистическими представлениями о бренном мире, эдакий небожитель, стал случайным свидетелем сцены между мужем и женой и пришел в неописуемый ужас.

Он накинулся на мужа с такой яростью, что последний проломил себе череп, ударившись об острый край мраморной каминной облицовки. Суд присяжных решил, что обстоятельства, побудившие молодого человека к действию, были чрезвычайными, что у этого идеалиста не было намерения убивать, и приговорил его к пяти годам за непредумышленное убийство.

Страдающая Джейнис, приведенная в ужас "популярностью", которую она приобрела в ходе этого дела, уехала за границу, чтобы "обо всем забыть".

"Но удалось ли ей забыть? – вопрошала "Санди компэниэн". – Надеемся, что да. Наверное, живет где-то в подлунном мире счастливая жена и мать, и те страшные годы безмолвных страданий кажутся ей всего лишь кошмарным сном..."

– Ясно, ясно, – пробурчал себе под нос Эркюль Пуаро и перешел к Лили Гэмбол, трагическому порождению нашего перенаселенного мира.

Семья Лили Гэмбол, как выяснилось, жила в такой чудовищной тесноте, что девочку решили отдать. Заботы о ней взяла на себя ее тетка. Однажды Лили захотела пойти в кино, а тетка ей не разрешила. Тогда Лили Гэмбол схватила со стола подвернувшийся под руку секач и кинулась с ним на свою обидчицу. Та хоть и была женщина властная, но при этом маленькая и хрупкая. От удара она скончалась. Для своих двенадцати лет Лили была вполне развитой и крепкой девочкой. Исправительная школа для малолетних преступников распахнула свои двери, и Лили скрылась с горизонта.

"Сейчас она – женщина во цвете лет, имеющая право занять свое место в цивилизованном мире. Все годы, проведенные в заключении и под надзором, она вела себя образцово. Не значит ли это, что винить в происшедшей трагедии надо не ребенка, а систему? Невежество, нужда, трущобы – вот что окружало маленькую Лили, и она стала жертвой среды, в которой выросла. Трагедия произошла.

Лили искупила свою вину перед обществом, и мы надеемся, что она живет где-нибудь спокойно и счастливо, добропорядочной гражданкой, хорошей женой и матерью. Бедная маленькая Лили Гэмбол".

Пуаро покачал головой. Двенадцатилетняя девочка набрасывается на тетку с секачом и наносит ей смертельный удар — нет, милой такую девочку не назовешь. В данном случае его симпатии на стороне тетки.

Он занялся Верой Блейк.

Вера Блейк со всей очевидностью была из числа женщин, о которых говорят: все у нее не слава богу. Сначала она завела себе кавалера, а тот оказался гангстером, которого разыскивала полиция за убийство охранника в банке. Потом она вышла замуж за респектабельного коммерсанта, а он возьми и окажись скупщиком краденого. И двое ее детей, когда подросли, не остались без внимания полиции. Они ходили с мамочкой по магазинам и воровали вещички. Но вот и на ее улице наступил праздник — появился "хороший человек". Он предложил страдалице Вере перебраться в один из доминионов. Вместе с детьми уехать из этой свихнувшейся страны.

"Впереди ее ждала новая жизнь. Судьба столько раз была немилостива к Вере, но наконец ее беды закончились".

Это еще неизвестно, скептически подумал Пуаро. Вполне возможно, она вышла замуж за мошенника, который орудует на океанских лайнерах!

Он откинулся назад и пристально вгляделся в четыре фотографии. Ева Кейн, взъерошенные кудри спадают на уши, огромная шляпа, букет роз доходит до самого уха, будто она держит телефонную трубку. На Джейнис Кортленд шляпа-колпак, нахлобученная на уши, талия подхвачена поясом. Лили Гэмбол — внешностью бог не наградил, похоже, больные аденоиды; рот приоткрыт, дышит тяжело, очки с сильными стеклами. Вера Блейк одета в черно-белые тона, эта

трагедийность затмевает все остальное.

Миссис Макгинти зачем-то понадобилось вырезать эту статью со всеми фотографиями. Зачем? Просто сохранить, потому что ее заинтересовали описанные в ней истории? Едва ли. За свои шестьдесят с лишним лет она не обзавелась привычкой хранить что ни попадя. Пуаро знал это наверняка — видел перечень ее вещей, составленный в полиции.

Она вырезала эту статью в воскресенье, а в понедельник купила бутылочку чернил, из чего подразумевалось, что она, никогда не писавшая писем, вдруг собралась написать письмо. Будь письмо деловым, она, скорее всего, обратилась бы за помощью к Джо Берчу. Значит, речь шла не о делах. Тогда о чем же?

Пуаро еще раз вгляделся в фотографии.

Где, задавалась вопросом "Санди компэниэн", эти женщины сейчас?

Вполне возможно, подумал Пуаро, в ноябре одна из них была в Бродхинни.

III

Поговорить с мисс Памелой Хорсфолл с глазу на глаз Пуаро удалось только на следующий день.

Мисс Хорсфолл заранее извинилась — не могу уделить вам много времени, очень тороплюсь в Шеффилд.

Мисс Хорсфолл была высокой, мужеподобной, пьющей и курящей женщиной, и казалось совершенно невероятным, что именно из-под ее пера вышли слащаво-сентиментальные строки, опубликованные в "Санди компэниэн". Тем не менее это было так.

— Только покороче, покороче, — нетерпеливо бросила она Эркюлю Пуаро. — Времени совсем в обрез.

— Я насчет вашей статьи в "Санди компэниэн". В ноябре. Из серии о женщинах с трагической судьбой.

— Ах, вон вы про что. Серия-то, между прочим, барахло, а?

Пуаро не стал высказываться на эту тему. Он продолжал:

– Конкретно меня интересует статья от девятнадцатого ноября, о женщинах, в жизни каждой из которых произошло преступление. Там речь идет о Еве Кейн, Вере Блейк, Джейнис Кортленд и Лили Гэмбол.

Мисс Хорсфолл ухмыльнулась.

– "Где эти женщины сейчас?" Как же, как же.

– После таких статей к вам, наверное, приходят письма?

– Еще как приходят! Иногда думаешь, у людей других дел нет, вот они и строчат. Кто-то "своими глазами видел, как убийца Крейг шел по улице". Кто-то хочет поведать мне "историю своей жизни, такую трагическую, что и представить невозможно".

– После этой статьи вам не приходило письмо от некой миссис Макгинти из Бродхинни?

– Дорогой вы мой, разве все в голове удержишь? Я получаю ведра писем. Поди-ка запомни всех по фамилиям.

– Эту могли бы и запомнить, – заметил Пуаро, – потому что через несколько дней миссис Макгинти убили.

– Ну, это уже интереснее. – Мисс Хорсфолл сразу забыла, что она торопится в Шеффилд, и уселась верхом на стул. – Макгинти... Макгинти... Да, эту фамилию я помню. Жилец чем-то шмякнул ее по голове. Как материал для статьи преступление не особо захватывающее. Сексуальной подоплеки никакой. Значит, она мне писала?

– Я предполагаю, что она писала в "Санди компэниэн".

– Это одно и то же. Передать должны были мне. Значит, убийство... и ее имя в газетах... конечно, я должна помнить... – Она задумалась. – Было письмо, только не из Бродхинни. Из Бродвея.

– Вы вспомнили?

– Ну, не на все сто... Но фамилия... Смешная, из детской игры, да? Макгинти! Да – жуткий почерк и полная безграмотность. Если бы я знала... но оно было из Бродвея.

Пуаро сказал:

– Вы же говорите, почерк был неразборчивый. Бродвей и Бродхинни – очень похоже.

– Возможно. У этих деревушек названия – одно чуднее другого, откуда мне их знать? Макгинти – да. Вспомнила, и совершенно четко. Наверное, фамилия застряла в памяти из-за убийства.

– А что было в письме, не вспомните?

– Что-то насчет фотографии. Она знала, у кого хранится напечатанная в газете фотография, и если она назовет владельца, заплатим ли мы за это и сколько?

– Вы ответили ей?

– Дорогой вы мой, у нас и без этих сведений головы пухнут. Мы посылаем стандартный ответ. Вежливо благодарим и ставим на этом точку. Но ответ мы послали в Бродвей, так что она вряд ли его получила.

"Она знала, у кого хранится фотография..."

Пуаро вспомнились услышанные на днях слова. Морин Саммерхейз походя бросила: "Конечно, она любила совать нос в чужие дела".

Миссис Макгинти совала нос в чужие дела. Честный человек, но полюбопытничать любила. А люди чего только не хранят – целые ящики завалены дурацкими, бессмысленными бумажками из прошлого. У одних на то сентиментальные причины, другие в свое время их не выкинули, а потом вообще о них забыли.

Миссис Макгинти попалась на глаза старая фотография, а потом она наткнулась на нее в "Санди комэниэн". И призадумалась – а вдруг на этом можно заработать?

Он проворно поднялся на ноги.

– Спасибо, мисс Хорсфолл. Ради бога, извините, но сведения по делам, которые вы привели в статье, –

они точны? Я, например, заметил, что год, когда судили Крейга, указан неверно — в действительности все случилось годом позже. Мужа Джейнис Кортленд, если не ошибаюсь, звали Херберт, а не Хуберт. А тетка Лили Гэмбол жила не в Беркшире, а в Бакингемшире.

Мисс Хорсфолл взмахнула сигаретой.

— Дорогой вы мой, кому нужна такая точность? Все это — романтическая дребедень от начала до конца. Я просто подсобрала факты и сделала из них сентиментальный отвар.

— У меня даже сложилось впечатление, что и характеры ваших героинь показаны не совсем правильно.

Памела издала звук средний лошадиному ржанию.

— Ясно, что нет. А вы как думали? Не сомневаюсь, что Ева Кейн была отъявленной стервой, а не какой-то невинной овечкой. Что до этой дамочки Кортленд, с чего бы она стала тихо страдать целых восемь лет в обществе садиста и извращенца? Да с того, что он купался в деньгах, а у ее романтического любовника был кукиш с маслом.

— А девочка с трагическим детством, Лили Гэмбол?

— Не хотела бы я попасться под руку этой лилии с секачом.

Пуаро принялся загибать пальцы.

— "Они уехали из страны... отправились в Новый Свет... за границу... в один из доминионов... решили начать новую жизнь". А нет ли сведений, что кто-то из них впоследствии все-таки вернулся в Англию?

— Увы. — Мисс Хорсфолл пожала плечами. — А теперь извините, но мне пора бежать.

Вечером того же дня Пуаро позвонил Спенсу.

— А я как раз о вас думал, Пуаро. До чего-нибудь докопались? Есть хоть какая-то зацепка?

— Я навел справки, — сухо ответил Пуаро.

— И?

— Вот к какому выводу я пришел: все жители Бродхинни — исключительно милые люди.

– Как это понимать, мсье Пуаро?

– Подумайте, друг мой, подумайте. "Исключительно милые люди". Никому и в голову не пришло заподозрить в убийстве кого-то из них.

ГЛАВА 9

I

– Все исключительно милые люди, – пробормотал Пуаро себе под нос, сворачивая в ворота дома под названием Кроссуэйз, неподалеку от станции.

Медная табличка на дверях гласила, что здесь живет доктор Рендел.

Доктор Рендел оказался крупным мужчиной лет сорока, веселого нрава. Своего гостя он приветствовал с подчеркнутой любезностью.

– Нашей скромной деревушке оказана большая честь, – сказал он. – Нас почтил вниманием великий Эркюль Пуаро.

– Будет вам, – отмахнулся Пуаро. Он был доволен. – Значит, вы обо мне слышали?

– Разумеется. Кто же о вас не слышал?

Пуаро не стал отвечать на этот вопрос – самоуважение надо беречь. И лишь вежливо заметил:

– Мне повезло, что я застал вас дома.

Пуаро лукавил. Он знал, что явился не вовремя. Но доктор Рендел был великодушен:

– Да. Можно сказать, поймали меня за хвост. У меня через четверть часа прием. Чем могу быть полезен? Сгораю от желания узнать, что привело вас в нашу деревеньку? Решили отдохнуть от праведных трудов? Или в нашей тихой заводи свершилось преступление?

– Свершилось, но не сейчас, а в недавнем прошлом.

– В недавнем прошлом? Что-то не припомню...

– Миссис Макгинти.

– Ах, да. Разумеется. Как это я забыл? Но неужели вы приехали из-за этого? Ведь столько времени прошло.

– Строго между нами, за помощью ко мне обратилась защита. Им нужны свежие факты, чтобы на их основании обжаловать решение суда.

– Но откуда возьмутся свежие факты? – удивился доктор Рендел.

– Этого, увы, я вам сказать не волен...

– Да-да, понимаю... простите, ради бога.

– Но я наткнулся на нечто, я бы сказал, весьма любопытное, нечто... не знаю, как лучше выразиться... наводящее на размышления. А к вам, доктор Рендел, я пришел, потому что миссис Макгинти какое-то время у вас работала – ведь так?

– О да, да, она была... Не хотите ли выпить? Шерри? Виски? Лучше шерри? На мой вкус тоже. – Он принес два стакана, сел рядом с Пуаро и продолжал: – Она приходила к нам раз в неделю, сделать дополнительную уборку. У меня очень хорошая домработница, просто отличная, но драить медные ручки... Скрести пол на кухне... миссис Скотт и на колени встать не может. Миссис Макгинти – работница отличная.

– Как вы считаете, она – человек правдивый?

– Правдивый? Ну, это вопрос не из простых. Я даже не знаю, что вам сказать, не было возможности проверить... Насколько я ее знаю, вполне правдивый.

– Значит, если она что-то заявила, это, скорее всего, правда?

Лицо доктора Рендела выразило легкую озабоченность.

– Ну, этого я утверждать не могу. Я о ней почти ничего не знаю. Хотите, спрошу миссис Скотт. Ей в данном случае виднее.

– Нет, нет. Обойдемся без этого.

– Вы меня прямо интригуете, – добродушно признался доктор Рендел. – Что же она такого заявила? Оболгала кого-нибудь? В смысле оклеветала?

Пуаро лишь покачал головой. Он сказал:

– Видите ли, пока все это никак не подлежит разглашению. В моем расследовании я делаю только первые шаги.

Доктор Рендел не без сухости заметил:

– Наверное, вам надо поспешать.

– Вы правы. Времени у меня в обрез.

– Не скрою, вы меня удивляете... Мы здесь все были уверены, что это убийство – дело рук Бентли. Ни у кого и сомнений не было.

– Самое заурядное убийство в корыстных целях, ничем не примечательное. Так бы вы сказали?

– Да... да, вполне справедливое резюме.

– А Джеймса Бентли вы знали?

– Пару раз он приходил ко мне за врачебной консультацией. Очень тревожился о своем здоровье. Наверное, всю жизнь мамочка с ложечки кормила. Такое бывает часто. И у нас здесь, кстати, есть такое семейство.

– Неужели?

– Да. Миссис Апуорд. Лора Апуорд. На своем сыночке прямо помешана. От своей юбки не отпускает. Он-то парень умный – между нами говоря, не такой умный, каким себя считает, но явно не без способностей. Ведь Робин – подающий надежды драматург.

– Они здесь давно живут?

– Три или четыре года. Вообще Бродхинни разрослась более или менее недавно. Поначалу была лишь горстка коттеджей вокруг Лонг-Медоуз. Вы, насколько я знаю, остановились именно там?

– Там, – подтвердил Пуаро без излишнего восторга.

Доктор Рендел озадаченно хмыкнул.

– Тоже мне, дом для приезжих, – буркнул он. – Что она смыслит в гостиничном деле, эта молодая женщина? Ровным счетом ничего. Всю свою замужнюю жизнь провела в Индии, где не знала, куда деваться от слуг. Готов спорить, вам там неудобно. Никто у нее

долго не задерживается. Что до старины Саммерхейза, бедняга носится с идеей выращивать фрукты и овощи на продажу, но это пустой номер. Он человек свойский, но у него нет коммерческой жилки, а в наши дни без коммерческой жилки на плаву не продержаться. Ду-маете, я лечу больных? Ошибаетесь. Я большой мастер выписывать рецепты и выдавать справки. Но Саммер-хейзы мне нравятся. Она — существо очаровательное, а Саммерхейз, хоть и может вспылить и частенько бывает мрачен, все равно свой в доску, старая гвардия. Малый что надо. Жаль, что вы не знали старого полков-ника Саммерхейза, вот уж у кого был необузданный нрав, сущий был дьявол.

— Он был отцом майора Саммерхейза?

— Да. Наследство им старик оставил более чем скромное, и, разумеется, после его смерти пришлось платить всевозможным кредиторам, так что деньги у них совсем вывелись, но поди ж ты, прикипели к старым стенам, продавать дом не хотят. И не знаешь, то ли восхищаться ими, то ли говорить "дураки".

Он посмотрел на часы.

— Не смею вас задерживать, — понял намек Пуаро.

— Еще несколько минут есть. К тому же я хотел бы представить вас жене. Не понимаю, куда она подевалась. Ваш приезд ее страшно заинтересовал. Мы оба помеша-ны на преступлениях. Много об этом читаем.

— Что именно: криминология, детективы или воскресные газеты?

— Все подряд.

— Снисходите ли вы до "Санди компэниэн"?

Рендел засмеялся.

— Какое же воскресенье без такого чтива?

— Месяцев пять назад эта газета печатала довольно занятные статьи. К примеру, насчет женщин, в чью жизнь вошла трагедия — они оказались втянуты в убийство.

— Да, я эту статью помню. Наполовину — чистая брехня.

– Вы так считаете?

– Ну, о деле Крейга мне известно только из газет, а вот о Джейнис Кортленд могу сказать, что невинной овечкой она не была. Распутная бабенка. Я это знаю, потому что ее мужа лечил мой дядя. Кортленд, разумеется, был не подарок, но и женушка его ненамного лучше. Она окрутила этого сопляка и науськала – убей. Дальше он отправляется в тюрьму за непредумышленное убийство, а она остается богатой вдовушкой и вскоре выскакивает за другого.

– В "Санди компэниэн" об этом ничего нет. А за кого она вышла, не помните?

Рендел покачал головой.

– Фамилию его я не знаю, но от кого-то слышал, что пристроилась она неплохо.

– После этой статьи у читателя возникает вопрос: а где эти четыре женщины сейчас? – задумчиво произнес Пуаро.

– Вы правы. Может, на прошлой неделе кто-то из них был вместе с тобой на коктейле. Спорить готов, о своем прошлом они не очень распространяются. А уж по этим фотографиям их ни почем не узнать. Клянусь богом, они там все на одно лицо.

Пробили часы, и Пуаро поднялся.

– Не буду злоупотреблять вашим вниманием. Вы были очень любезны.

– Боюсь, ничем вам не помог. Да и что занятой человек может знать о приходящей прислуге? Но подождите минутку, я обязательно должен представить вас жене. Если вы вот так уйдете, она мне этого не простит.

Опередив Пуаро, он вышел в холл и громко позвал:

– Шила! Шила!

Сверху донесся негромкий голос.

– Иди сюда. У меня для тебя сюрприз.

По ступеням легко сбежала худенькая белокожая блондинка.

– Шила, это мсье Эркюль Пуаро. Каков сюрприз, а?

– Ах! – Казалось миссис Рендел лишилась дара речи. Ее очень тусклые голубые глаза в испуге вытаращились на Пуаро.

– Мадам, – засвидетельствовал свое почтение Пуаро и склонился к ее руке как можно более по-иностранному.

– Мы слышали, что вы здесь, – оправилась от шока Шила Рендел. – Но и подумать не могли... – Она оборвала фразу на полуслове и искательно глянула на мужа.

Понятно, подумал Пуаро, он для нее царь и бог.

Произнеся несколько ничтожных фраз, Пуаро распрощался с хозяевами.

Впечатление осталось такое: доктор Рендел весел и радушен, а миссис Рендел – бледновесна и испугана.

И к этой чете по вторникам с утра приходила миссис Макгинти. Ладно, на первый раз с них достаточно.

II

Хантерс-Клоуз оказался массивным сооружением в викторианском стиле, к нему вела длинная неухоженная подъездная дорожка, заросшая сорной травой. В свое время этот дом не считался большим, но для нынешних обитателей он был явно велик – поддерживать порядок тут было некому.

Дверь Пуаро открыла женщина, показавшаяся ему иностранкой. Он спросил, можно ли видеть миссис Уэтерби.

Она внимательно посмотрела на него, потом сказала:

– Не знаю. Заходите, вас прошу. Может, вам надо миссис Хендерсон?

Она оставила его в холле. Если пользоваться терминологией агентов по продаже недвижимости, холл был "полностью обставлен" – антиквариатом со всего света. Особой чистотой он не блистал, там и сям виднелись следы пыли.

Наконец девушка-иностранка вернулась. Она сказала: "Заходите, вас прошу" – и провела его в стылую комнатку с большим столом. На каминной доске стоял большой и довольно зловещий медный кофейник с огромным искривленным носиком, прямо тебе ястребиный клюв.

За спиной Пуаро открылась дверь, и в комнату вошла девушка.

– Моя мама лежит, – сказала она. – Чем могу быть полезна?

– Вы мисс Уэтерби?

– Хендерсон. Мистер Уэтерби – мой отчим.

Ей было лет тридцать, неприметная с виду, крупная и неуклюжая. Глаза внимательные, чуть встревоженные.

– Я желал бы услышать от вас о миссис Макгинти, которая здесь работала.

Она уставилась на него.

– Миссис Макгинти. Но она умерла.

– Знаю, – мягко заверил ее Пуаро. – И тем не менее хотел бы, чтобы вы о ней рассказали.

– Ах, так. По поводу страховки?

– Нет, дело не в страховке. Я ищу свежие факты.

– Свежие факты. Насчет... ее смерти?

– Меня наняли адвокаты Джеймса Бентли, – объяснил Пуаро, – чтобы я провел дополнительное расследование.

Не сводя с него глаз, она спросила:

– А разве ее убил не он?

– Суд присяжных решил, что он. Но присяжные тоже люди, иногда ошибаются и они.

– Тогда выходит, ее убил кто-то другой?

– Вполне возможно.

– Кто же? – резко спросила она.

– Вот, – негромко заметил Пуаро, – в чем вопрос.

– Ничего не понимаю.

– Нет? Но кое-что рассказать о миссис Макгинти вы можете?

С неохотой она согласилась:

– Могу, наверное... Что вы хотите знать?

– Для начала... что вы о ней думаете?

– Как "что"? Да ничего особенного. Женщина как женщина.

– Разговорчивая или молчаливая? Любопытная или сдержанная? Общительная или угрюмая? Симпатичная женщина... или не очень?

Мисс Хендерсон задумалась.

– Работала она хорошо... Только поговорить очень любила. Иногда такое загибала... Вообще-то она мне... не очень нравилась.

Открылась дверь, и иностранная служанка сказала:

– Мисс Дейдри, ваша мама говорит: приведите, вас прошу.

– Мама хочет, чтобы я привела к ней этого джентльмена?

– Да, пожалуйста, спасибо.

Дейдри Хендерсон с сомнением взглянула на Пуаро.

– Вы подниметесь к маме?

– Разумеется.

Дейдри провела его через холл, потом вверх по лестнице. Вдруг она сказала невпопад:

– От этих иностранцев иногда так устаешь.

Поскольку она явно имела в виду их домработницу, а не нежданного гостя, Пуаро не принял ее слова близко к сердцу. Что от нее ждать, от этой Дейдри Хендерсон? Неотесанная простолюдинка.

Комната наверху была уставлена всевозможными безделушками. Так выглядит комната женщины, много поколесившей по белу свету и полной решимости из каждой точки земного шара привезти сувенир. Почти все сувениры были сделаны специально в расчете на туристов. Комната была явно перегружена диванами и стульями, воздуха не хватало, зато штор было в избытке – и посреди всего этого возлежала миссис Уэтерби.

Бедная маленькая миссис Уэтерби – на фоне этой большой комнаты вид ее даже вызывал жалость. Таково было первое впечатление. Видимо, ей нравился этот образ, хотя она совсем не была такой маленькой. Типаж под названием "ах, я бедняжка" может легко достичь задуманной цели, даже если в действительности он – вполне средних размеров.

Хозяйка удобно полулежала на диване, а вокруг нее расположились книги, вязанье, стакан апельсинового сока и коробка шоколада. Она бодро заговорила:

– Простите великодушно, что принимаю вас лежа, но доктор велит мне отдыхать каждый день, а если ослушаюсь, мне все потом за это выговаривают.

Пуаро взял ее протянутую руку и склонился над ней, бормоча надлежащие слова в знак почтения.

Из-за его спины раздался неумолимый голос Дейдри:

– Он хочет узнать насчет миссис Макгинти.

Хрупкая ручка, безвольно лежавшая в его руке, внезапно напряглась... прямо коготь птицы. Да, это уже не хрупкий дрезденский фарфор – это когтистая лапа стервятника...

Негромко засмеявшись, миссис Уэтерби сказала:

– Что за чепуховину ты говоришь, милая Дейдри? Кто такая миссис Макгинти?

– Мамочка, ты все прекрасно помнишь. Она приходила к нам убирать. Та, которую убили.

Миссис Уэтерби закрыла глаза и поежилась.

– Не напоминай мне об этом, милая. Как все это ужасно. Я потом неделю в себя прийти не могла. Несчастная старушка, но надо же додуматься – держать деньги под половицей. Положила бы в банк. Разумеется, я все это помню – просто забыла ее фамилию.

Дейдри бесстрастно напомнила:

– Он хочет расспросить тебя о ней.

– Ради бога, садитесь, мсье Пуаро. Я прямо умираю от любопытства. Мне недавно позвонила миссис Рендел и сказала, что в наши края приехал выдающийся сыщик,

и описала вас. А потом, когда эта идиотка Фрида описала пришедшего к нам мужчину, я сразу поняла, что это вы, и велела ей пригласить вас наверх. А теперь рассказывайте, что вас к нам привело?

— Ваша дочь права — я хочу расспросить вас о миссис Макгинти. Она у вас работала. Насколько я знаю, приходила к вам по средам. Как раз в среду она и умерла. Значит, в день смерти она была у вас?

— Наверное. Да, думаю, что была. Но точно не припомню. Уж сколько воды утекло.

— Да. Прошло несколько месяцев. Она в тот день ничего не говорила — я имею в виду, ничего необычного?

— Люди этой категории горазды на болтовню, — сказала миссис Уэтерби с презрением. — Я обычно слушаю их вполуха. Да и не могла же она мне сказать, что вечером ее собираются ограбить и убить, правда?

— Существуют причинно-следственные связи, — заявил Пуаро.

Миссис Уэтерби наморщила лоб.

— Я не вполне вас понимаю.

— Может, мне и самому не все ясно... пока. Ведь пробиваться к свету приходится через тьму... Миссис Уэтерби, а воскресные газеты вы читаете?

Ее голубые глаза широко распахнулись.

— О да. Конечно. Мы получаем "Обсервер" и "Санди таймс". А почему вы спросили?

— Да так, из любопытства. Миссис Макгинти выписывала "Санди компэниэн" и "Ньюс ов зи уорлд".

Он смолк, но комментариев не последовало. Миссис Уэтерби вздохнула и прикрыла глаза. Потом сказала:

— Да, печальная история. Этот ее кошмарный жилец. Мне кажется, он был слегка не в своем уме. И ведь вроде бы человек образованный. Но это еще хуже, правда?

— Вы так считаете?

– Ну да... считаю. Такое зверское убийство. Секачом по голове. Брр!

– Орудие убийства полиция не нашла, – счел нужным напомнить Пуаро.

– Надо полагать, выкинул в пруд или еще куда.

– Они все пруды обшарили, – сообщила Дейдри. – Я сама видела.

– Дорогая, – взмолилась ее мать. – Не нагоняй на меня тоску. Ты же знаешь, я терпеть не могу подобных разговоров. У меня от них голова раскалывается.

Тут Дейдри накинулась на Пуаро.

– Хватит вам про это, – зашипела она. – Ей такие разговоры во вред. Она жутко чувствительная. Даже детективы читать не может.

– Приношу извинения, – сказал Пуаро. Он поднялся. – У меня есть лишь одно оправдание. Через три недели человека должны повесить. И если он невиновен...

Миссис Уэтерби приподнялась на локте. В голосе возникли визгливые нотки.

– Как это "невиновен"? – вскричала она. – Еще как виновен.

Пуаро покачал головой.

– Я в этом не уверен.

Он быстро вышел из комнаты. Уже почти спустился, когда на лестнице появилась Дейдри. В холле она его догнала.

– Что вы хотели этим сказать? – спросила она.

– То, что сказал, мадемуазель.

– Да, но... – Она смолкла.

Пуаро промолчал.

Дейдри Хендерсон медленно проговорила:

– Вы расстроили мою маму. Она терпеть не может всякое такое... грабежи, убийства... насилие.

– Наверное, она была сильно потрясена, когда узнала, что убили женщину, которая приходила в ее дом.

– Ну да... да, так и было.

– Она была совсем разбита... да?

– Она ничего не желала про это слышать... Мы... я... мы стараемся уберечь ее от всякого такого. От всяких зверств.

– А как же война?

– По счастью, на нас здесь не упало ни одной бомбы.

– А вы, мадемуазель, во время войны чем занимались?

– О-о, работала в добровольческом медицинском отряде в Килчестере. И немного крутила баранку – для женской добровольной службы. Далеко уезжать от дома не могла. Кто же с мамой останется? Она и так сердится, что меня долго не бывает дома. В общем, куча проблем. Потом нужна была прислуга – мама, естественно, никогда домашним хозяйством не занималась, здоровье не позволяет. А прислугу днем с огнем не найти. И тут появилась миссис Макгинти, мы о таком благе и мечтать не могли. Вот она и стала к нам ходить. Работала на совесть, тут ничего не скажешь. Хотя теперь все не так, как в прежние времена. Причем везде.

– И вас это очень не устраивает, мадемуазель?

– Меня? Мне что. – Она даже удивилась. – Вот маме трудно. Она часто живет в прошлом.

– Да, это свойственно многим, – согласился Пуаро. Перед его мысленным взором возникла комната, из которой он недавно вышел. Вспомнился наполовину выдвинутый ящик комода. Чего в этом ящике только не было – подушечка для иголок, сломанный веер, серебряный кофейник, какие-то старые журналы. Ящик был так забит, что не закрывался.

Пуаро сказал негромко:

– И эти люди хранят все, что напоминает им о прошлом: программу танцев, веер, фотографии друзей молодости, даже ресторанные меню и театральные программки, потому что, глядя на всю эту мелочь, им

удается оживить воспоминания.

– Наверное, вы правы, – согласилась Дейдри. – Только я этого не понимаю. Сама ничего не храню.

– Вы смотрите не назад, а вперед?

Дейдри медленно ответила:

– По-моему, я никуда не смотрю... Живу сегодняшним днем, разве этого мало?

Открылась входная дверь, и в холл вошел высокий и худощавый пожилой мужчина. Увидев Пуаро, он замер на месте.

Потом, вопросительно подняв брови, взглянул на Дейдри.

– Это мой отчим, – представила Дейдри. – А это... извините, не знаю вашей фамилии...

– Я – Эркюль Пуаро, – объявил Пуаро, как всегда, чуть смущенно, будто признавался в принадлежности к королевскому роду.

Но на мистера Уэтерби это признание никак не подействовало.

– Угу, – сказал он и отвернулся, чтобы повесить пальто.

Дейдри продолжила:

– Он пришел, чтобы расспросить про миссис Макгинти.

Мистер Уэтерби застыл на мгновение, потом снова занялся своим пальто, аккуратно прилаживая его на вешалке.

– Это просто поразительно, – изрек он. – Женщина ушла из жизни несколько месяцев назад. Да, она тут работала, но у нас нет никаких сведений о ней или ее семье. А были бы, мы бы давно все рассказали полиции.

Тон его означал: вопрос исчерпан. Он взглянул на часы.

– Обедать, я полагаю, будем через четверть часа.

– Боюсь, обед сегодня немного задержится.

Мистер Уэтерби снова вопросительно поднял брови.

– Вот как? Можно узнать – почему?

— Фрида сегодня замешкалась.

— Моя дорогая Дейдри, неудобно об этом напо минать, но ведение хозяйства в доме лежит на тебе. Буду признателен, если в следующий раз ты проявишь большую пунктуальность.

Открыв входную дверь, Пуаро вышел на улицу. Потом оглянулся через плечо.

Мистер Уэтерби смотрел на падчерицу с холодной неприязнью. В ее же взгляде, направленном на отчима, читалось нечто, очень похожее на ненависть.

ГЛАВА 10

Перед третьим визитом Пуаро решил слегка перекусить. Ему был подан недотушенный воловий хвост, водянистая картошка и еще блюдо, которое Морин с присущим ей оптимизмом пыталась выдать за блины. Но на блины это было похоже весьма отдаленно.

Пуаро неторопливо поднимался в гору. Сейчас справа появится Лэбернемс — два коттеджа, сбитые в один и перекроенные на современный манер. Здесь жила миссис Апуорд и подающий надежды молодой драматург Робин Апуорд.

Пуаро чуть помедлил у ворот, провел рукой по усам. В эту минуту из-за поворота сверху небыстро выкатилась машина, оттуда вылетел огрызок яблока и угодил Пуаро прямо в щеку.

Вздрогнув от неожиданности, Пуаро издал протестующий вопль. Машина остановилась, и в окошко высунулась голова.

— Извините. Я в вас попала?

Пуаро вознамерился ответить должным образом, но... минуточку... В окне машины он увидел весьма благородное лицо, густые брови, неухоженные седые локоны — и в памяти вспыхнуло воспоминание. Свою роль сыграл и огрызок яблока.

– Боже мой! – воскликнул он. – Это же миссис Оливер!

Действительно, это была она – знаменитая писательница, автор детективных романов.

Воскликнув: "Господи, да это же мсье Пуаро!" – романистка предприняла попытку выбраться из машины. Машина была маленькая, а миссис Оливер – женщина большая. Пуаро поспешил ей на помощь.

Бормоча какие-то объяснения – "ноги затекли после долгой дороги", – миссис Оливер все-таки выбралась из машины, и этот процесс чем-то напоминал извержение вулкана.

На дорогу также вывалилось множество яблок, веселой стайкой они побежали вниз под горку.

– Пакет лопнул, – объяснила миссис Оливер.

Со своего выступающего бюста она смахнула остатки наполовину съеденного яблока, потом встряхнулась, как это делают большие ньюфаундленды. Последнее яблоко, укрывшееся в одной из многочисленных полостей и выемок ее могучей личности, присоединилось к своим братьям и сестрам.

– Жаль, что пакет лопнул,– сказала миссис Оливер.– Яблоки я купила у Кокса. Впрочем, надеюсь, яблок на мою долю хватит и здесь, в провинции. Или не хватит? Может, весь свой урожай они продают на сторону? В наши дни столько всего странного, просто диву даешься. Ну, мсье Пуаро, как вы? Вы ведь живете не здесь, правда? Конечно, правда. Значит, вас привело сюда убийство. Надеюсь, жертвой стала не моя хозяйка.

– А кто ваша хозяйка?

– Она оттуда, – миссис Оливер показала головой. – Если тот дом и есть Лэбернемс, на полдороге с холма, налево сразу после церкви, так мне сказали. Да, это он. Что она за особа?

– А вы не знакомы?

– Нет, я сюда, можно сказать, по делу. По моей книге делают пьесу, автор – Робин Апуорд. Предстоит

обсудить детали, пройтись по тексту и все такое.

— Мадам, примите мои поздравления.

— Поздравлять особенно не с чем, — возразила мис-
сис Оливер. — Пока все сплошь одни мучения. Не знаю,
зачем дала себя в это втянуть. Я на своих романах
зарабатываю достаточно — большую часть, само собой,
забирают кровопийцы, стоит мне заработать еще больше,
они снова тут как тут, так что перенапрягаться осо-
бого смысла нет. Но вы не представляете, какая это
мука — кто-то берет твоих героев и заставляет их гово-
рить то, чего они никогда бы не сказали, делать то,
чего они никогда бы не сделали. А начинаешь возражать,
в ответ одно — "у театра свои законы". Ничего другого
этот Робин Апуорд и слышать не желает. Все говорят,
что он очень башковитый. Если он такой башковитый,
пусть напишет собственную пьесу и оставит моего без-
ного финна в покое. Ведь он теперь даже не финн.
Этот Робин сделал из него участника норвежского
Сопротивления. — Она провела рукой по волосам. —
Куда девалась моя шляпа?

Пуаро заглянул в машину.

— Боюсь, мадам, вы на ней сидели.

— Похоже, — согласилась миссис Оливер, изучая
следы крушения. — Ну и ладно, — жизнерадостно про-
должала она. — Все равно она мне не нравилась. Но
взяла, подумала: вдруг в воскресенье придется идти
в церковь? Архиепископ, правда, сказал мне, что можно
обойтись и без шляпы, но я все равно считаю — если при-
ход старомодный, консервативный, лучше прийти в
шляпе. Ладно, расскажите мне о вашем убийстве или
что вас сюда привело. А наше убийство помните?

— Очень хорошо помню.

— Забавно было, правда? Я не имею в виду само
убийство — в нем как раз ничего забавного не было.
А вот потом! Ну, кого лишили жизни на сей раз?

— Особа куда менее живописная, чем мистер Шай-
тана. Пожилая поденщица, пять месяцев назад ее огра-

били и убили. Возможно, вы об этом читали. Некая миссис Макгинти. Одного молодого человека судили и приговорили к смерти...

– А он ее не убивал, зато вы знаете, кто убийца, и хотите это доказать, – быстро докончила миссис Оливер. – Очаровательно.

– Вы опережаете события, – признался Пуаро со вздохом. – Я пока не знаю, кто убийца. Так что его сначала надо найти, а доказать его виновность – дело и вовсе не простое.

– Вы, мужчины, такие медлительные, – пренебрежительно заметила миссис Оливер. – Я скоро назову вам убийцу. Надо полагать, кто-нибудь из местных? Дайте мне день-другой, чтобы оглядеться, и я принесу вам вашего убийцу на тарелочке. Женская интуиция – вот чего вам не хватает. Ведь в деле Шайтаны я оказалась права, разве не так?

Пуаро галантно промолчал – в том деле миссис Оливер сначала подозревала одного, потом другого, потом третьего...

– Что с вас, мужчин, возьмешь, – снисходительно продолжала миссис Оливер. – Если бы во главе Скотленд-Ярда стояла женщина...

Ну эта затасканная тема повисла в воздухе – от дверей коттеджа их кто-то окликнул.

– Здравствуйте, – сказал голос, приятный негромкий тенор. – Вы миссис Оливер?

– Она самая, – откликнулась миссис Оливер. Пуаро она прошептала: – Не беспокойтесь. Буду молчать как рыба.

– Нет-нет, мадам. Хранить молчание как раз не надо. Наоборот – играем в открытую.

По тропинке к воротам вышел Робин Апуорд. Непокрытая голова, потертые серые фланелевые брюки, поношенная спортивная куртка. Немного расположен к полноте, а так довольно интересный мужчина.

– Ариадна, драгоценная моя! – воскликнул он и

тепло обнял писательницу.

Потом чуть шагнул в сторону, не опуская руки с ее плеч.

– Дорогая моя, у меня для второго акта есть потря-сающая идея.

– В самом деле? – спросила миссис Оливер без особого энтузиазма. – Это мсье Эркюль Пуаро.

– Великолепно, – сказал Робин. – Вещи у вас есть?

– Да, в багажнике.

Робин выволок два чемодана.

– Тоска, и только, – скривился он. – Настоящих слуг у нас нет. Только старушка Дженит. Да и ту все время щадить приходится. Жуткое неудобство, правда! Тяжеленные у вас чемоданы. Бомбы там, что ли?

Спотыкаясь, он потащился по дорожке, потом крикнул через плечо:

– Заходите, выпьете чего-нибудь.

– Это он вам, – пояснила миссис Оливер, забирая с переднего сиденья сумочку, книгу и пару разношенной обуви. – Я вас правильно поняла, вы не хотите, чтобы я молчала как рыба?

– Я же говорю, карты на стол.

– Я бы так действовать не стала, – заявила миссис Оливер. – Но убийство ваше, так что смотрите сами. Чем смогу – помогу.

В дверях появился Робин.

– Заходите, заходите, – крикнул он. – С машиной разберемся потом. Мать умирает от любопытства.

Миссис Оливер устремилась по тропинке, Эркюль Пуаро прошествовал за ней.

Внутри дом был как картинка. Пуаро сразу понял, что сюда вбуханы немалые деньги, но конечный результат вышел отменным – дорогая и чарующая простота. Все здесь было из натурального дуба, без дураков.

В гостиной в кресле-коляске возле камина сидела Лора Апуорд, она приветственно улыбнулась гостям. Это была энергичная с виду шестидесятилетняя женщина

с седеющими волосами и резко очерченным подбородком.

– Счастлива видеть вас, миссис Оливер, – сказала она. – Вы, наверное, не любите разговоров о ваших книгах, но они уже многие годы скрашивают мне жизнь, особенно с тех пор, как я стала такой калекой.

– Спасибо за теплые слова, – поблагодарила миссис Оливер, явно смущенная. Она по-девчоночьи сплела руки. – А это мсье Пуаро, мой старый друг. Мы встретились возле вашего дома, совершенно случайно. Собственно говоря, я попала в него огрызком от яблока. Как Вильгельм Телль – только наоборот.

– Здравствуйте, мсье Пуаро. Робин!

– Да, мать?

– Приготовь чего-нибудь выпить. Где сигареты?

– На столе.

Миссис Апуорд спросила:

– Вы тоже писатель, мсье Пуаро?

– О нет, – ответила миссис Оливер. – Он детектив. Как бы вам объяснить? Все равно что Шерлок Холмс – охота на оленей, игра на скрипке и все такое. А сюда он приехал, чтобы раскрыть убийство.

Где-то легонько звякнуло разбитое стекло. Миссис Апуорд резко бросила:

– Робин, поаккуратнее. – Потом обернулась к Пуаро: – Это очень интересно, мсье Пуаро.

– Значит, Морин Саммерхейз была права! – воскликнул Робин. – Она плела мне что-то бессвязное насчет того, что у нее поселился детектив. Ей все это показалось жутко забавным. А дело, выходит, вполне серьезное, да?

– Да уж куда серьезнее, – подтвердила миссис Оливер. – Среди вас завелся преступник.

– Но, минуточку, кого же убили? Или кого-то откопали, но все это под жутким секретом?

– Никакого секрета нет, – сказал Пуаро. – Было совершено убийство, и вам о нем известно.

– Миссис Мак... что-то в этом роде... поденщица... ее убили осенью, – подсказала миссис Оливер.

– Вон что! – В голосе Робина послышалось разочарование. – Но ведь это – дело прошлое.

– Как сказать, – возразила миссис Оливер. – Полиция арестовала не того человека, и беднягу повесят, если мсье Пуаро вовремя не отыщет настоящего убийцу. Так что все это жутко увлекательно.

Робин разлил напитки.

– Тебе, мадре, "Белую леди".

– Спасибо, мой милый мальчик.

Пуаро слегка нахмурился. Робин передал стакан миссис Оливер, потом ему.

– Ну что ж, – провозгласил Робин, – за преступление.

Он выпил.

– Она у нас работала, – сказал он.

– Миссис Макгинти? – не поняла миссис Оливер.

– Да. Правда, мадре?

– Что значит "работала", приходила убираться раз в неделю.

– Бывало, и под вечер заглядывала.

– Что она была за особа? – спросила миссис Оливер.

– О-о, исключительно достойная особа, – ответил Робин. – И чистюля до умопомрачения. У нее была кошмарная манера вычищать все подряд и все распихивать по ящикам, так что потом ничего нельзя было найти.

С мрачноватым юмором миссис Апуорд заметила:

– Если в этом доме не разгребать залежи хотя бы раз в неделю, мы тут же живо зарастем по уши.

– Знаю, мадре, знаю. Но все должно лежать там, где я оставил, иначе я просто не могу работать. От этого разгребания одна путаница.

– Да, быть такой беспомощной, как я, – это действует на нервы, – призналась миссис Апуорд. – У нас есть преданная старая служанка, но с нее спрос не велик –

только что-нибудь несложное приготовить.

– А что вас тревожит? – поинтересовалась миссис Оливер. – Артрит?

– Какая-то его разновидность. Боюсь, скоро мне придется нанимать постоянную сиделку. Ужасная тоска. Так хочется ни от кого не зависеть.

– Ну ладно, дорогая, – остановил ее Робин. – Не заводись.

Он погладил ее по руке.

Она улыбнулась в ответ с неожиданной нежностью.

– Робин у меня как дочка, – сказала она. – Все делает, обо всем помнит. Такой он у меня заботливый.

И они улыбнулись друг другу.

Эркюль Пуаро поднялся.

– К сожалению, – сказал он, – мне пора. Нужно нанести еще один визит и поспеть на поезд. Мадам, позвольте поблагодарить вас за гостеприимство. Мистер Апуорд, желаю вам успеха с вашей пьесой.

– А вам – успеха с вашим убийством, – ответила любезностью на любезность миссис Оливер.

– Так это все-таки серьезно, мсье Пуаро? – спросил Робин Апуорд. – Или какая-то немыслимая утка?

– Какая еще утка? – возмутилась миссис Оливер. – Все серьезно, более чем. Он не говорит мне, кто настоящий убийца, но сам уже знает, правда?

– Нет-нет, мадам, – запротестовал Пуаро, но как-то неубедительно. – Я ведь вам говорил, что пока этого не знаю.

– Именно что говорили, а на самом деле уже все знаете... Просто вы человек до жути скрытный, разве не так?

Миссис Апуорд вмешалась:

– Так это все-таки правда? Без шуток?

– Да, мадам, без шуток, – подтвердил Пуаро.

Он откланялся и вышел.

Спускаясь по тропинке, он услышал чистый тенорок Робина.

— Но, Ариадна, дорогая, — говорил он, — все прекрасно, но эти усы. И вообще... разве можно принимать это всерьез? Вы вправду считаете, что он мастер своего дела?

Пуаро улыбнулся. Мастер, мастер, еще какой!

Он уже начал переходить узкий переулок, но успел вовремя отпрыгнуть.

Мимо него, подпрыгивая и вихляя кузовом, пронесся фургон Саммерхейзов. За рулем сидел Саммерхейз.

— Извините, — выкрикнул он. — На поезд опаздываю. — И уже издалека: — Еду в Ковент-Гарден...

Пуаро тоже собирался на станцию — съездить в Кингчестер и встретиться со старшим полицейским инспектором Спенсом.

Впрочем, у него оставалось время еще на один визит.

Он поднялся на вершину холма, вошел в ворота и по ухоженной подъездной дорожке направился еще выше, к современному дому из глазурованного бетона с квадратной крышей и уймой окон. Здесь жили мистер и миссис Карпентер. Гай Карпентер был одним из совладельцев компании "Карпентер инджиниринг" — очень богатый человек, недавно окунувшийся в политику. Поженились они совсем недавно.

Входную дверь Карпентеров открыла не иностранная служанка, не преданная старушка. Перед Пуаро стоял невозмутимый слуга, отнюдь не сгоравший от желания впустить великого сыщика в дом. В его глазах Эркюль Пуаро был визитером, с которым лучше общаться через порог. Он явно решил, что Пуаро — торговый агент и жаждет всучить свой товар.

— Мистера и миссис Карпентер нет дома.

— Не могу ли я их подождать?

— Я не знаю, когда они вернутся.

Он закрыл дверь.

Пуаро не стал спускаться к воротам. Вместо этого он завернул за угол дома и нос к носу столкнулся с

высокой молодой женщиной в норковом манто.

– Эй! – воскликнула она. – Какого черта вам здесь надо?

Пуаро галантно приподнял шляпу.

– Я надеялся, – начал он, – повидать мистера или миссис Карпентер. Не имею ли я удовольствие видеть миссис Карпентер?

– Да, это я.

Она говорила невежливо, однако уже менее агрессивно.

– Меня зовут Эркюль Пуаро.

Никакой реакции. Мало того, что имя великого, уникального человека было ей неизвестно, она даже не опознала в нем нынешнего постояльца Морин Саммерхейз. Выходит, сюда местные слухи не просачиваются. Мелкий факт, но, пожалуй, существенный.

– Слушаю вас?

– Я хотел видеть либо вас, либо вашего мужа, но мне, мадам, будет удобнее говорить с вами. То, о чем я хочу вас расспросить, имеет отношение к домашним делам.

– Пылесос у нас уже есть, – с подозрением предупредила миссис Карпентер.

Пуаро засмеялся.

– Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Я просто хотел задать вам несколько вопросов по вашим хозяйским делам.

– А-а, вы имеете в виду эти вопросники по домашнему хозяйству. Вообще-то я считаю, это полный идиотизм... – Она умолкла. – Пройдемте в дом.

Пуаро еле заметно улыбнулся. В последнюю секунду она спохватилась, удержалась от пренебрежительного замечания. Все-таки муж занимается политикой, и критиковать деятельность правительства ей как-то не резон.

Через холл она провела его в просторную комнату, окна выходили в сад, содержавшийся в идеальном состоянии. Казалось, вся комната была обставлена наново:

большой парчовый гарнитур из дивана и двух кресел с подголовниками, три или четыре стула под "Чиппендейл" XVIII века, комод, письменный стол. Ясно, что здесь не считались с затратами, были наняты лучшие фирмы, но вкусом, индивидуальностью хозяев тут и не пахло. Интересно, что же себе думала молодая хозяйка? Была ко всему безразлична? Или, наоборот, действовала с дальним прицелом?

Она повернулась, и он оценивающе посмотрел на нее. Холеная интересная дама. Платиновая блондинка, косметика нанесена тщательно, а глаза... большие васильковые глаза, излучающие холод... красивые глаза с поволокой.

Она сказала, на сей раз вполне вежливо, но явно борясь со скукой:

— Садитесь, прошу вас.

Он сел. Потом заговорил:

— Вы в высшей степени любезны, мадам. Итак, вопросы, которые я хотел вам задать. Они касаются миссис Макгинти, которая умерла – вернее, была убита – в ноябре прошлого года.

— Миссис Макгинти? Не понимаю, о чем идет речь.

Она сердито уставилась на него, в глазах появилась жестокость, подозрительность.

— Вы помните миссис Макгинти?

— Нет. Я о ней ничего не знаю.

— Но про то, что ее убили, вы слышали? Или в ваших краях убийство — такая обыденная вещь, что вы могли о нем и не услышать?

— Ах, убийство? Да, конечно. Я просто забыла, как была фамилия этой старушки.

— Хотя она работала у вас в этом доме?

— Не у меня. Я здесь тогда не жила. Мы с мистером Карпентером поженились только три месяца назад.

— Но у вас она все-таки работала. Кажется, в пятницу по утрам. Вы тогда были миссис Селкирк и жили в Роуз-Коттедж.

Надувшись, она бросила:

– Если вы сами все знаете, зачем спрашивать? А в чем, собственно, дело?

– Я расследую обстоятельства, при которых было совершено убийство.

– Но зачем? Чего ради? И почему вы пришли ко мне?

– Вам, может быть, что-то известно – что-то, очень для меня важное.

– Ничего мне не известно. Да и что я могу знать? Жила-была старая поденщица. Она была настолько глупа, что хранила деньги под половицей, и кто-то у нее их украл, да еще и пристукнул в придачу. Все это омерзительно – чистое зверство. Как раз про такие страсти пишут в воскресных газетах.

Пуаро не преминул этим воспользоваться.

– Да, как в воскресных газетах. Как в "Санди компэниэн". Вы, наверное, читаете "Санди компэниэн"?

Она подскочила и сделала несколько неверных шагов в сторону открытой балконной двери. Глаза ей словно застлал туман, она даже наткнулась на дверную раму. Словно большой прекрасный мотылек, подумал Пуаро, который слепо тычется в полотно абажура.

Она позвала:

– Гай... Гай...

Хозяин был где-то неподалеку. Он откликнулся:

– Что, Ив?

– Иди скорее сюда.

В поле зрения появился высокий мужчина лет тридцати пяти. Он ускорил шаги, поднялся на террасу и подошел к двери.

Ив Карпентер, с трудом сдерживая негодование, проговорила:

– Тут пришел мужчина – иностранец. Он задает мне всякие вопросы про это кошмарное убийство – помнишь, в прошлом году? Убили какую-то старую поденщицу. Мне эти разговоры – как острый нож. Ты же знаешь – я их терпеть не могу.

Гай Карпентер нахмурился и через балконную дверь

шагнул в гостиную. Лицо у него было вытянутое, как у лошади, бледное, во взгляде сквозили надменность и высокомерие. И вообще держался он напыщенно. В общем, решил Пуаро, малопривлекательный тип.

— Позвольте узнать, в чем дело? — спросил мистер Карпентер. — Почему вы досаждаете моей жене?

Пуаро развел руками.

— Менее всего я собирался досаждать такой очаровательной даме. Я лишь надеялся, что, коль скоро покойная работала у нее, миссис Карпентер сможет помочь в проводимом мной расследовании.

— Но... о каком расследовании идет речь?

— Да, вот спроси его об этом, — науськивала мужа жена.

— Проводится новое расследование обстоятельств, связанных со смертью миссис Макгинти.

— Что за вздор — дело давно закрыто.

— Нет-нет, тут вы ошибаетесь. Оно еще не закрыто.

— Новое расследование, говорите? — Гай Карпентер нахмурился. Потом с подозрением спросил: — А кто его проводит? Полиция? Вздор — к полиции вы не имеете никакого отношения.

— Тут вы правы. Я работаю независимо от полиции.

— Он газетчик, — вмешалась Карпентер. — Из какой-то кошмарной воскресной газеты. Он сам так сказал.

В глазах Гая Карпентера мелькнуло: эй, тут надо быть осмотрительней! В его положении настраивать против себя прессу — это может дорого обойтись. И он сказал более дружелюбно:

— Моя жена — человек чувствительный. Убийства и прочие подобные дела очень ее расстраивают. Я уверен, вам нет никакой нужды беспокоить ее. Она эту женщину почти не знала.

Дрожа от ярости, Ив повторила свои слова:

— Она была всего лишь старая глупая поденщица. Так я ему и сказала. — Потом добавила: — И жуткая врунья в придачу.

– Это уже интересно. – С сияющим лицом Пуаро смотрел на супругов. – Значит, она любила приврать. Это может быть хорошей зацепкой.

– Не представляю как, – буркнула Ив.

– Моя задача сейчас, – объяснил Пуаро, – определить мотив убийства.

– Ее просто ограбили, – резко произнес Карпентер. – Вот и весь мотив.

– Н-да, – негромко сказал Пуаро. – Но так ли это?

Он поднялся, словно актер, только что произнесший ключевую реплику.

– Весьма сожалею, мадам, если я вас огорчил, – вежливо извинился он. – В таких делах приятного обычно мало.

– Да, все это было очень печально, – быстро согласился Карпентер. – И конечно, моей жене больно вспоминать об этом. Извините, что ничем не можем помочь.

– Вы мне помогли.

– Не понял?

Пуаро сказал негромко:

– Миссис Макгинти любила приврать. Это очень ценный факт. А что же это было за вранье, мадам?

Он вежливо ждал, когда Ив Карпентер заговорит. Та наконец сказала:

– Да ничего особенного. То есть... я не помню.

Видимо почувствовав, что мужчины смотрят на нее с ожиданием, она выдавила из себя:

– Так, глупости... о разных людях. Не может такое быть правдой.

Но ответом ей снова была тишина. Затем Пуаро сказал:

– Понимаю... у нее был злой язык.

Ив Карпентер чуть вздрогнула.

– Да нет... не до такой степени. Просто была сплетница, вот и все.

– Просто сплетница, – негромко повторил Пуаро.

Он поднял руку в знак прощания.

– А ваша газета... воскресная газета... как она называется?

– Газета, которую я упомянул в разговоре с мадам,– ответил Пуаро, тщательно подбирая слова, – называется "Санди компэниэн".

Он умолк. Гай Карпентер задумчиво повторил за ним.

– "Санди компэниэн". Боюсь, я эту газету почти не читаю.

– Там попадаются интересные статейки. И интересные фотографии.

Пауза начала затягиваться, поэтому он поклонился и быстро сказал:

– До свидания, мистер Карпентер. Извините, если я вас... потревожил.

Выйдя за ворота, он оглянулся на дом.

Интересно, сказал он себе, очень интересно...

ГЛАВА 11

Старший инспектор Спенс – он сидел напротив Эркюля Пуаро – вздохнул.

– Я не говорю, что вы ничего не нашли, мсье Пуаро,– медленно произнес он. – Лично я считаю, что нашли. Но для обжалования этого мало. Страшно мало!

Пуаро кивнул.

– Да, этого недостаточно. Нужно копать дальше.

– Но как же ни я, ни сержант не нашли эту газету!

– Ну, вам не в чем себя винить. Преступление выглядело совершенно очевидным. Ограбление с применением силы. В комнате все вверх дном, деньги исчезли. Почему разорванная газета среди прочего беспорядка должна была привлечь ваше внимание?

Спенс упрямо повторил:

– Я должен был ее найти. К тому же бутылочка чернил...

– Я услышал о ней по чистой случайности.

– Но ведь вы сразу взяли это на заметку... а почему?

– Только потому, что случайно услышал фразу о письме, которое она писала. Мы с вами, Спенс, пишем письма часто, для нас это не событие, а для нее...

Старший инспектор полиции Спенс вздохнул. Потом выложил на стол четыре фотографии.

– Вы просили меня достать эти снимки – оригиналы тех, что были напечатаны в "Санди компэниэн". Они по крайней мере немного четче. Но, честное слово, боюсь, большой пользы от них не будет. Старые, выцветшие, а прически! У женщин из-за прически меняется весь облик. Хоть бы от чего-то оттолкнуться – скажем, четкий профиль или ухо. А тут – ничего! Эта шляпа-колпак, эта прическа с претензией, эти розы! Нет, проку от них никакого.

– Вы согласны, что Веру Блейк можно сбросить со счетов?

– Пожалуй. Будь Вера Блейк в Бродхинни, об этом знали бы все – ведь рассказ о своей печальной судьбе она сделала профессией.

– А что скажете об остальных?

– Времени было мало, но, что мог, я узнал. Как только Крейга осудили, Ева Кейн уехала из Англии. Я выяснил, какую она взяла фамилию. Она стала Хоуп, Надежда. Символично, не правда ли?

Пуаро пробормотал:

– Да-да, в этом есть что-то романтическое. "Прекрасная Ивлин Хоуп с бренною жизнью рассталась". Это кто-то из ваших поэтов. Осмелюсь предположить, что именно эта строчка ее вдохновила. Ее, кстати, звали не Ивлин?

– Кажется, именно так. Но все знали ее, как Еву. Кстати, мсье Пуаро, раз мы заговорили на эту тему, в полиции о Еве Кейн думают не совсем то, что написано в газете. Точнее, совсем не то.

Пуаро улыбнулся.

– То, что думают в полиции, – еще не доказательство. Но, как правило, хорошая основа для поиска доказательств. Так что же думают в полиции о Еве Кейн?

– Что она ни в коем разе не была невинной жертвой, каковой ее представили публике. Я был тогда еще неоперившийся птенец и помню, как мой бывший шеф говорил о ней с инспектором, который вел это дело. Инспектор Трейл считал (хотя улик у него не было), что симпатичная идейка убрать с дороги миссис Крейг принадлежала именно Еве Кейн, что она все это не только замыслила, но и исполнила. Крейг однажды пришел домой и обнаружил, что его маленькая подруга совершила непоправимое. Она, надо полагать, считала, что все удастся выдать за естественную смерть. Но Крейг сообразил, что этот номер не пройдет. Он сильно сдрейфил, уничтожил тело в собственном подвале, а потом выдумал историю о том, что миссис Крейг умерла за границей. Когда тайное стало явным, он клялся и божился, что все сделал сам, а Ева Кейн вообще была не в курсе. Ну вот, – старший инспектор Спенс пожал плечами, – а доказать что-то другое не удалось. Яд находился в доме. Воспользоваться им мог и он, и она. Маленькая Ева Кейн была сама невинность, охваченное ужасом дитя. Эту роль она сыграла отменно: способная маленькая актриса. У инспектора Трейла были свои сомнения – но где доказательства? Я вам это, как говорится, продаю, за что купил, мсье Пуаро. К делу это не подошьешь.

– Зато мы можем предположить, что по крайней мере одна из этих "женщин с трагической судьбой", по сути, еще и убийца, и при сильном стимуле способна пойти на убийство еще раз... Ладно, идем дальше, что скажете о Джейнис Кортленд?

– Я поднял все старые бумаги. Премерзкая бабенка. Если мы повесили Эдит Томпсон, повесить Джейнис Кортленд нам велел сам бог. Они со своим мужем друг друга стоили, два сапога пара, а парня она охмурила,

и ради нее он был готов на все. Но имейте в виду, что при этом у нее на прицеле все время был некий богач. И именно чтобы выйти за него, ей потребовалось убрать мужа.

– И она вышла замуж за этого богача?

Спенс покачал головой.

– Понятия не имею.

– Она уехала за границу – а потом?

Спенс еще раз покачал головой.

– Она была свободной женщиной. Ничем не обременена. Вышла она замуж или нет, что с ней потом сталось – нам не известно.

– В любой день ты можешь с ней встретиться на коктейле, – сказал Пуаро, вспомнив фразу доктора Рендела.

– Именно.

Пуаро перевел взгляд на последнюю фотографию.

– А девочка? Лили Гэмбол?

– По возрасту ее не стали судить за убийство. Отправили в исправительную школу. Отзывы оттуда хорошие. Она там освоила стенографию и машинопись, ее освободили условно-досрочно и дали работу. Отзывы опять-таки хорошие. Последние сведения о ней – из Ирландии. Мне кажется, мсье Пуаро, ее можно вычеркнуть из списка, как и Веру Блейк. В конце концов, она встала на праведный путь, и потом – кто будет держать зло на двенадцатилетнего ребенка, совершившего что-то в припадке ярости? Вычеркиваем?

– Я бы с этим согласился, – сказал Пуаро, – если бы не тесак. Совершенно точно известно, что Лили Гэмбол набросилась на свою тетку с тесаком, а неизвестный убийца миссис Макгинти нанес удар чем-то вроде тесака.

– Возможно, вы правы, мсье Пуаро. Теперь послушаем вас. К счастью, никто на вас пока не покушался, верно?

– Верно, – подтвердил Пуаро после секундного колебания.

— Скажу откровенно, после того вечера в Лондоне у меня душа была не на месте, боялся за вас. Ну, хорошо, что вы скажете о жителях Бродхинни, кто-то может нас интересовать?

Пуаро открыл записную книжку.

— Ева Кейн, если она еще жива, сейчас под шестьдесят. Ее дочери, чью взрослую жизнь так трогательно живописала "Сэнди комписэйшн", сейчас тридцать пять. Примерно сколько и Дели Гэмбол. Джейнис Коргленд — около пятидесяти.

Спенс согласно кивнул.

— Особое внимание — тем жителям Бродхинни, у кого работала миссис Макгинти.

— Что ж, подход логичный.

— Правда, дело усложняется тем, что миссис Макгинти наносила и разовые визиты, но для начала будем исходить из того, что увиденное ею — скорее всего, фотография — находилось в одном из домов, куда она ходила регулярно.

— Согласен.

— Итак, с учетом возраста мы имеем следующее: во-первых, семья Уэтерби, где миссис Макгинти работала в день своей смерти. По возрасту миссис Уэтерби вполне может быть Евой Кейн, а ее дочь вполне может быть дочерью Евы Кейн — якобы от предыдущего брака.

— А фотография?

— Mon cher, опознать по ней человека — это исключено. Прошло слишком много времени, слишком много, как говорится, воды утекло. Точно сказать можно одно: миссис Уэтерби безусловно была хорошенькой. Это видно невооруженным глазом. Кажется слишком хрупкой и беспомощной, чтобы совершить убийство, но именно так, если не ошибаюсь, все воспринимали и Еву Кейн. Трудно сказать, какая физическая сила требовалась для того, чтобы убить миссис Макгинти: надо знать, каково было орудие убийства, какая была рукоятка, насколько легко им было взмахнуть, на-

сколько острой была режущая кромка и так далее.

– Да-да. Ничего этого нам выяснить не удалось... но продолжайте, прошу вас.

– Насчет семейства Уэтерби могу высказать еще одно наблюдение: мистер Уэтерби, если пожелает, может вести себя весьма вызывающе, и, полагаю, иногда он это себе позволяет. Дочь фанатично предана матери. Отчима она ненавидит. Я никак не оцениваю эти факты. Просто принимаю их во внимание. Например, дочь могла пойти на убийство, чтобы уберечь мать, чтобы ее прошлое не стало известно отчиму. По той же причине совершить убийство могла и мать. И даже сам отчим – чтобы "скандал" не стал достоянием гласности. Вы не представляете, сколько убийств совершается во имя того, чтобы не упасть в глазах общества! Ведь Уэтерби – "милые люди".

Спенс кивнул.

– Если – подчеркиваю, если – публикация в "Санди компэниэн" – верный след, тогда преступник, вероятнее всего, в семье Уэтерби, – сделал он вывод.

– Именно. Единственный другой человек в Бродхинни, который мог бы оказаться Евой Кейн, – это миссис Апуорд. Но есть два обстоятельства, которые заставляют усомниться, что убийца миссис Макгинти – это миссис Апуорд, она же Ева Кейн. Во-первых, у нее артрит и почти все время она проводит в кресле-каталке...

– В романе, – не без горечи заметил Спенс, – кресло-каталка вполне могло оказаться липой, а в подлинной жизни, думаю, все точно, как в аптеке.

– Во-вторых, – продолжал Пуаро, – миссис Апуорд показалась мне человеком категоричным и волевым, склонным действовать скорее силой, нежели увещеваниями, а с обликом нашей молоденькой Евы это не стыкуется. С другой стороны, характеры, конечно же, меняются и самоуверенность часто приходит с возрастом.

– Тут вы правы, – признал Спенс. – Итак, миссис

Антверп? Не исключено, но маловероятно. Теперь другие линии. Джеинис Кортленд?

– Думаю, от этой кандидатуры можно отказаться. В Бродхинни нет никого подходящего возраста.

– А вдруг кто-то из женщин помоложе – это Джейнис Кортленд, которая хорошо сохранилась? Простите, это легкая шутка.

– Трем женщинам тридцать с небольшим. Дейдри Хендерсон, жена доктора Рендела и миссис Нв Карпентер. По возрасту любая из них вполне может быть Лили Гэмбол или дочерью Евы Кейн.

– А реально?

Пуаро вздохнул.

– Дочь Евы Кейн может быть высокой или невысокой, блондинкой или брюнеткой – как она выглядит, мы не знаем. О Дейдри Хендерсон в этой связи мы уже говорили. Теперь две другие дамы. Прежде всего вот что: миссис Рендел чего-то боится.

– Боится вас?

– Полагаю, что да.

– Что ж, это важно, – задумчиво произнес Спенс.– Отсюда следует, что миссис Рендел может быть Лили Гэмбол либо дочерью Евы Кейн. Она блондинка или брюнетка?

– Блондинка.

– Лили Гэмбол была светловолосой девочкой.

– Но миссис Карпентер тоже светловолосая. Эта дама пользуется исключительно дорогой косметикой. Красивая она или нет, но глаза у нее необыкновенные. Очаровательные, широко распахнутые синие глаза.

– Послушайте, Пуаро... – Спенс осуждающе покачал головой.

– Знаете, как она выглядела, когда выбежала из комнаты, чтобы кликнуть мужа? Мне вспомнился прелестный трепыхающийся мотылек. Она вытянула руки вперед, будто слепая, задела что-то из мебели.

Спенс снисходительно посмотрел на него.

– Вы просто романтик, мсье Пуаро, – сказал он. – С вашими трепыхающимися мотыльками и широко распахнутыми синими глазами.

– Вовсе нет, – возразил Пуаро. – Мой друг Гастингс, тот был сентиментальным романтиком, я же – никогда. Я до крайности практичен. И скажу вот что: если девушку делают красивой ее прелестные глаза, будь она десять раз близорукая, она нипочем не будет носить очки и научится двигаться на ощупь, даже если очертания затуманены, а расстояние определить трудно.

И указательным пальцем он легонько постучал по фотографии двенадцатилетней Лили Гэмбол – на ней были очки с сильными, уродующими лицо линзами.

– Так вот что вы решили? Лили Гэмбол?

– Ничего я не решил, говорю лишь о вероятности. Когда миссис Макгинти умерла, миссис Карпентер еще не была миссис Карпентер. Она была молодой вдовой, муж погиб на войне, средств к существованию почти никаких, жила в коттедже для сельскохозяйственных рабочих. И вот она обручилась с богатым человеком из местных – человек этот стремится сделать политическую карьеру и преисполнен чувства собственной значимости. Представьте себе, что Гай Карпентер узнает: он собирается взять в жены, скажем, девушку из низших социальных слоев, печально знаменитую тем, что в детстве она стукнула родную тетку тесаком по голове, либо дочь Крейга, одного из самых отвратительных преступников века, справедливо занявшего место в комнате ужасов в музее восковых фигур, – тут впору задать вопрос: а пойдет ли он на это? Вы скажете: если он ее любит, пойдет! Но что он за человек? Как я понимаю – эгоистичный, честолюбивый, очень дорожит своей репутацией. Думаю, если молодая мисс Селкирк, каковой она тогда была, жаждала заполучить его в мужья, она страстно жаждала и другого – чтобы до ушей ее жениха не дошел никакой порочащий ее слух.

– Так вы считаете, что это она?

— Еще раз повторяю, mon cher, — не знаю. Я лишь рассуждаю вслух. Миссис Карпентер отнеслась ко мне настороженно, явно чего-то испугалась, встревожилась.

— Да, это подозрительно.

— Так-то оно так, но все это очень запутанно. Однажды я остановился у друзей в сельской местности, и они отправились поохотиться. Знаете, как это происходит? Один идет с собаками и с ружьями, собаки поднимают дичь, она вылетает из кустов, а те уже на стреме — ба-бах! Вот и у нас с вами то же самое. Только мы, может статься, поднимем не одну птицу, в кустах прячутся и другие. Другие, до которых нам, скорее всего, нет никакого дела. Но ведь сами птицы этого не знают. А нам, cher ami, нужна только одна птичка, и тут нам ошибиться никак нельзя. Вполне вероятно, что миссис Карпентер, когда вдовствовала, совершила какой-то неблагоразумный поступок. Неблагоразумный, и только. Но все равно ей не хочется, чтобы о нем знали. Ведь не без причины же она мне первым делом заявила, что миссис Макгинти — врунья!

Старший инспектор Спенс потер переносицу.

— Давайте внесем ясность, Пуаро. Что вы в действительности думаете?

— Что я думаю — это не имеет никакого значения. Я должен знать. А пока что наши собаки только забежали в кусты.

Спенс пробормотал:

— Нам бы напасть на что-то определенное. Что-то по-настоящему подозрительное. А пока все это теория, да еще притянутая за уши. И версия ваша больно хлипкая, я уже говорил. Неужели из-за этого кто-то и вправду мог решиться на убийство?

— Всякое бывает, — сказал Пуаро. — Могут существовать какие-то семейные обстоятельства, нам с вами неизвестные. Но жажда не утратить положение в обществе очень сильна. В Бродхинни живут не художники, не богема. Тут живут очень милые люди. Так

сказала работница местной почты. А милые люди жаждут таковыми оставаться. Скажем, годы счастливой семейной жизни, никто не подозревает, что ты была одной из главных фигур в сенсационном деле об убийстве, никто не подозревает, что твоя дочь — дочь мерзкого преступника, прославившегося на всю страну. Что может сказать себе такая женщина? "Я скорее умру, чем допущу, чтобы моему мужу это стало известно!" Или: "Я скорее умру, чем допущу, чтобы моя дочь узнала правду о своем происхождении!" А потом, пораскинув умом, она решит: а не лучше ли будет, если умрет миссис Макгинти...

Спенс негромко вставил:

— Значит, вы считаете, что это Уэтерби.

— Нет. Они лучше других вписываются в созданную нами картину, но это ничего не значит. Если вглядеться в личности, миссис Апуорд больше подходит на роль убийцы, чем миссис Уэтерби. Она женщина решительная, обладает недюжинной силой воли, безумно любит сына. Скрыть от сына, что с ней произошло до того, как она вступила в счастливый брак с его отцом, создала добропорядочное семейство, — ради этого она может пойти на многое.

— Неужели подобное открытие его сильно расстроит?

— Лично я так не думаю. Молодой Робин — это современный скептик, совершеннейший эгоист и, во всяком случае, предан своей матушке куда меньше, чем она ему. В этом смысле он и в подметки не годится Джеймсу Бентли.

— Значит, если считать, что миссис Апуорд и Ева Кейн — одно и то же лицо, ее сын Робин не стал бы убивать миссис Макгинти, чтобы это скрыть?

— Ни в коем случае. Он бы еще нажил на этом деле капитал. Создал бы на нем рекламу для своих пьес! Не представляю, чтобы Робин Апуорд пошел на убийство, дабы сохранить личину добропорядочности либо из

преданности; он мог бы решиться на такое лишь по одной причине — если это принесет выгоду, и немалую, лично ему.

Спенс вздохнул. Потом сказал:

— Поле деятельности уж больно широкое. Может, удастся найти что-нибудь в прошлом этих людей. Но на это уйдет время. А тут еще война все поперепутала. Многие документы и записи уничтожены — если кому-то надо скрыть следы своих прошлых деяний, возможностей масса! Ничего не стоило похитить документы другого человека, особенно после бомбежек, трупы лежали вповалку. Сосредоточь мы поиски на ком-то одном... Но у вас, мсье Пуаро, выбор богатый.

— Думаю, скоро мы сведем его к минимуму.

Пуаро вышел из кабинета старшего инспектора Спенса с улыбкой на лице, но душа его была не на месте. Спенс прав, черт возьми, у них мало времени. Будь его побольше...

Поддразнивало и еще одно сомнение: вдруг вся их со Спенсом посылка неверна? И Джеймс Бентли все-таки виновен...

Поддаваться этой мысли он не стал, но и совсем ее отринуть тоже не мог.

Еще и еще раз он прокручивал в памяти свой разговор с Джеймсом Бентли. Он думал о нем, стоя на платформе в Килчестере в ожидании поезда. Был рыночный день, и на платформе томился народ. Да и возле станции было многолюдно.

Пуаро подался вперед и глянул вдоль путей. Вот наконец и поезд. Не успел он выпрямиться, как ощутил резкий, намеренный толчок в спину. Толчок был столь сильным и неожиданным, что Пуаро оказался к нему совершенно не готов. Еще секунда — и он упал бы на пути прямо под наезжающий поезд, но в последний миг стоявший рядом мужчина поймал его и оттащил назад.

— Что это с вами? — прогудел он. Это был армейский сержант, крепыш и здоровяк. — Перебрали, что ли?

Вы же чуть под поезд не брякнулись.

– Спасибо. Преогромное вам спасибо. – Толпа уже обтекала их, люди садились на поезд, другие выходили из вагонов.

– Ну что, очухались? Давайте подсажу.

Пуаро, все еще потрясенный, уселся на сиденье. Не будешь ведь кричать: "Меня толкнули!" Но его действительно толкнули, он в этом не сомневался. Вплоть до сегодняшнего вечера он старался быть осторожным, не забывал об опасности. Но после разговора со Спенсом, после его добродушно-насмешливого вопроса о том, не покушался ли кто на жизнь Пуаро, великий сыщик бездумно решил, что опасность миновала и ему ничто не угрожает.

Как же он ошибался! Выходит, один из визитов, нанесенных им в Бродхинни, дал результат! Кто-то испугался. Кто-то решил, что воскрешение этого давно закрытого дела чревато для него опасностью и надо это воскрешение остановить.

Из телефона-автомата на станции в Бродхинни Пуаро позвонил старшему инспектору Спенсу.

– Это вы, mon ami? Взываю к вашему вниманию. У меня есть для вас новости. Просто чудесные новости. Кто-то пытался меня убить...

Он с удовлетворением выслушал бессвязно-бурный поток восклицаний с другого конца провода.

– Нет, я не ранен. Но я едва уцелел... Да, под поезд. Нет, к сожалению, не видел. Но можете не сомневаться, друг мой, я этого человека найду. Теперь мы знаем, что мы на верном пути.

ГЛАВА 12

I

Человек, проверявший электросчетчик, находился под неусыпным надзором дворецкого Гая Карпентера.

— Теперь платить за электричество будут по-новому, — объяснял электрик. — Исходя из числа проживающих.

Дворецкий скептически заметил:

— Вы хотите сказать, что за него будут брать дороже, как за все остальное.

— Не обязательно. С каждого — равная доля, вот как будет. Вы вчера вечером не были на собрании в Килчестере?

— Нет.

— Говорят, ваш хозяин, мистер Карпентер, здорово там выступал. Думаете, его изберут?

— В прошлый раз ему, как будто, самой малости не хватило.

— Да. Сто двадцать пять голосов, что ли, недобрал. Вы его возите на эти собрания или он ездит сам?

— Обычно сам. Он любит водить. У него "роллс-бентли".

— Недурная машинка. А миссис Карпентер тоже водит?

— Водит. Только, по моему разумению, уж больно быстро.

— С женщинами такое бывает. А вчера она на собрание ездила? Или политика ее не интересует?

Дворецкий ухмыльнулся.

— Делает вид, что интересует. Но вчера у нее силенок не хватило. Какая-то мигрень с ней приключилась, и она ушла из зала, когда там вовсю речи толкали.

— Здорово! — Электрик заглянул в предохранительную коробку. — Ну вот и порядок, — заключил он. Задав еще пару ничего не значащих вопросов, он собрал инструменты и, попрощавшись, ушел.

Быстрым шагом он спустился по дорожке, но, выйдя за ворота и свернув за угол, остановился и вот что записал в книжечку.

"К. вчера вечером вернулся домой на машине. Дома был в 10.30 (прибл.). В заданное время мог быть

на станции в Килчестере. Миссис К. ушла с собрания раньше. Домой вернулась только за десять минут до К. Сказала, что приехала поездом".

В книжечке электрика это была вторая запись. Первая гласила:

"Доктор Р. вчера вечером выезжал по вызову. В направлении Килчестера. В заданное время мог быть на станции в Килчестере. Миссис Р. весь вечер провела дома одна (?). Экономка миссис Скотт отнесла ей кофе и больше ее в тот вечер не видела. У миссис Р. небольшая собственная машина".

II

В Лэбернемсе полным ходом шла работа над пьесой. Робин Апуорд с горячностью убеждал:

– Вы же видите, как прекрасно ложится эта строчка, неужели нет? И если мы создадим атмосферу сексуального антагонизма между ними, знаете, как это оживит пьесу? Даже представить себе не можете!

Миссис Оливер с грустью вонзила руки в свои растрепанные седые волосы, и тотчас возникло впечатление, что над ее прической покуражился торнадо.

– Вы же понимаете мою идею, дорогая Ариадна, правда?

– Понимать-то я понимаю, — мрачно согласилась миссис Оливер.

– Главное, чтобы вы были довольны сценой на все сто.

Довольной миссис Оливер мог назвать только человек, который сам себе вознамерился втереть очки.

Робин с упоением продолжал:

– Я это вижу так: замечательный молодой человек прыгает с парашютом...

Миссис Оливер перебила:

– Ему шестьдесят лет.

– Ну, нет!

– Шестьдесят.

– Таким я его не вижу. Тридцать пять – и ни на день старше.

– Но он герой моих романов вот уже тридцать лет, и ему было как минимум тридцать пять в первом из них!

– Но, дорогая, если ему шестьдесят, между ним и девушкой... как ее зовут? Ах, да, Ингрид... так вот, между ними не может возникнуть сексуального напряжения. Он будет просто старый хрыч!

– Вне всякого сомнения.

– Вот видите, значит, ему должно быть тридцать пять, – торжествующе заключил Робин.

– Но тогда он не будет Свеном Хьерсоном. Пусть это будет молодой норвежец, участник Сопротивления.

– Но, дорогая Ариадна, весь смысл пьесы в Свене Хьерсоне. Народ обожает Свена Хьерсона, и посмотреть на него в театр примчатся огромные толпы! Нам гарантирован полный сбор, дорогая!

– Но мои читатели прекрасно знают, каков он! Нельзя же, в самом деле, придумать совершенно нового молодого героя, воткнуть его в норвежское Сопротивление и сказать, что это – Свен Хьерсон!

– Ариадна, дорогая, ведь я уже все вам объяснил. Это не книга, дорогая вы моя, а пьеса! Значит, зрителя нужно развлечь, дать ему что-то романтическое. И если мы создадим напряжение, антагонизм между Свеном Хьерсоном и этой – как ее зовут? – Ингрид... понимаете, получится, что они вроде и противны друг другу, но в то же время их друг к другу безумно тянет...

– Свен Хьерсон никогда не был бабником, – холодно заметила миссис Оливер.

– Но не делать же из него божьего одуванчика, дорогая! Уж никак не в такой пьесе! У нас с вами не какая-нибудь сказка про старичка-боровичка. У нас боевик с убийствами, приключения на свежем воздухе...

Упоминание о свежем воздухе не осталось незамеченным.

– Я, пожалуй, выйду, – решительно прервала его миссис Оливер. – Мне не хватает воздуха. Я тут прямо задыхаюсь.

– Мне вас сопроводить? – елейным голосом предложил Робин.

– Нет, лучше я одна.

– Как хотите, дорогая. Может, вы и правы. А я пока пойду и приготовлю для мадре вино со взбитыми желтками. Моя разлюбезная матушка считает себя немножко обойденной. Ей надо время от времени уделять внимание. А вы подумайте об этой сцене в погребе, будьте душечкой. А вообще пьеса у нас получается первый класс! Успех будет колоссальный. На такие дела у меня нюх!

Миссис Оливер вздохнула.

– Но главное, – заключил Робин, – чтобы вы были по-настоящему довольны!

Бросив на него холодный взгляд, миссис Оливер прикрыла обширные плечи роскошной накидкой, купленной когда-то в Италии, и отправилась погулять по Бродхинни.

Свои проблемы забудутся, решила она, если попытаться пролить свет на преступление подлинное. Эркюль Пуаро нуждается в помощи. Она приглядится к обитателям Бродхинни, а дальше интуиция, никогда ее не подводившая, сама подскажет ей, кто настоящий убийца. После этого Пуаро останется только собрать необходимые улики.

Свое дознание миссис Оливер начала с того, что спустилась с холма и, зайдя на почту, купила два фунта яблок. По ходу дела она разговорилась с миссис Толк.

Согласившись, что погода для этого времени года чересчур теплая, миссис Оливер сообщила, что остановилась у миссис Апуорд, в Лэбернемсе.

– Да, я знаю. Вы дама из Лондона, которая пишет романы об убийствах. Три из них есть у меня в продаже прямо сейчас, издательство "Пингвин".

Миссис Оливер бросила взгляд на книжную полку. Слегка перегружена детскими баечками! А вот и ее книги.

– "Приключения второй золотой рыбки", – стала она рассуждать вслух, – это была книжечка вполне. "Кто же умер – умер кот" – там трубку для отравленных стрел я сделала на фут длиннее, чем полагается, семь футов вместо шести. Бог знает, почему трубка должна быть именно такого размера, но мне об этом написали из какого-то музея. Иногда мне кажется, что некоторые только для того книги и читают, чтобы отыскать в них ошибки. А третья какая? О-о, "Смерть дебютантки" – жуткая дребедень! Я там сульфонал растворила в воде, а он в ней не растворяется, и вообще вся эта история – чистый бред от начала до конца. Там человек восемь отправились к праотцам, прежде чем Свен Хьерсон скумекал, что к чему.

– Народ их читает вовсю, – сообщила миссис Толк, никак не отреагировавшая на эту любопытную самокритику. – Вы себе не представляете! Я-то сама ваших книг не читала, у меня на чтение времени не остается.

– У вас здесь было свое убийство, да? – спросила миссис Оливер.

– Да, в ноябре прошлого года. Можно сказать, прямо по соседству.

– Я слышала, сейчас здесь детектив, проводит расследование.

– А-а, вы имеете в виду этого маленького джентльмена-иностранца, что остановился в Лонг-Медоуз? Он заходил ко мне только вчера...

Миссис Толк смолкла – вошла еще одна покупательница, ей требовались марки.

Миссис Толк живо оказалась за стойкой почты.

– Доброе утро, миссис Хендерсон. Сегодня для этого времени года день теплый.

– Да, вы правы.

Миссис Оливер вперила взгляд в спину высокой

девушки. На поводке она вела силихемтерьера.

– Значит, цвет побьет морозом попозже! – заявила миссис Толк с мрачным наслаждением. – Как дела у миссис Уэтерби?

– Более или менее, спасибо. Она сейчас почти не выходит из дому. Последнее время такой восточный ветер дует – только держись!

– В Килчестере на этой неделе идет очень хороший фильм. Надо бы вам съездить, мисс Хендерсон.

– Я вчера вечером собиралась, но особого желания как-то не было.

– На следующей неделе пойдет фильм с Бетти Грейбл... пятишиллинговые марки у меня кончились. За два с половиной подойдут?

Когда девушка вышла, миссис Оливер сказала:

– Миссис Уэтерби тяжело больна, да?

– Может, тяжело, а может, и нет, – с кислой миной ответила миссис Толк. – Просто у одних есть время бока пролеживать, а у других нет.

– Полностью с вами согласна, – сказала миссис Оливер. – Я и миссис Апуорд говорю – упражняйте ноги, вам же будет лучше.

Лицо миссис Толк отразило удивление.

– Когда ей надо, она прекрасно поднимается – так я слышала.

– И сейчас?

Интересно, задалась вопросом миссис Оливер, откуда у нее такие сведения?

– Вам сказала об этом Дженит? – пустила она пробный шар.

– Дженит Грум немножко ворчит, – не стала возражать миссис Толк. – А что удивительного? Мисс Грум и сама не первой молодости, а как ветер с востока подует, ревматизм ей совсем житья не дает. Но у белой кости это называется артрит, тут тебе и инвалидная коляска, и бог знает что еще. Нет, мне мои ноги нужны, я бы не рискнула убивать их бездействием. А сейчас

что: даже если у человека насморк, он бегом к докто-
ру — пусть министерство здравоохранения за твои де-
нежки для тебя хоть что-то сделает. Слишком многие
занялись ныне нашим здоровьем. А по мне — чем
меньше думаешь о своих болячках, тем лучше.

— Пожалуй, вы правы, — сказала миссис Оливер.

Забрав свои яблоки, она отправилась следом за Дейдри Хендерсон. Догнать ее оказалось нетрудно, потому что ее силихемтерьер был старый, откормленный, лениво исследовал мелкие кустики и обнюхивал всякую всячину.

Собаки, мелькнуло в голове у миссис Оливер, — это всегда прекрасный способ познакомиться.

— Какой красавец! — воскликнула она.

Крупная молодая женщина с простым лицом явно была довольна.

— Да, он у нас симпатяга, — сказала она. — Правда, Бен?

Бен поднял голову, слегка вильнул всем своим похожим на сосиску телом, потом обнюхал кустики чертополоха, одобрил их и отметил свое одобрение всем известным способом.

— Он не дерется? — спросила миссис Оливер. — С силихемами такое бывает.

— Вообще-то он страшный драчун. Потому и держу его на поводке.

— Так я и подумала.

Обе женщины оценивающе оглядели силихемтерьера.

Затем Дейдри Хендерсон с какой-то поспешностью спросила:

— Вы... вы ведь Ариадна Оливер?

— Да. Я остановилась у Апуордов.

— Знаю. Робин говорил, что вы должны приехать. Вы не представляете, какое удовольствие я получаю от ваших книг.

Миссис Оливер, как обычно в таких случаях, залилась краской смущения.

– О-о,– пробормотала она, испытывая неловкость. – Очень рада это слышать, – добавила она с унылым видом.

– Я бы с удовольствием прочитала все ваши книги, да не получается, потому что книги нам высылает книжный клуб "Таймс бук", а матушка детективные романы не очень жалует. Она – человек жутко чувствительный и потом не спит по ночам. А я детективы просто обожаю.

– Я слышала, у вас здесь произошло настоящее преступление, – направила разговор в нужное русло миссис Оливер. – В каком доме? В одном из этих коттеджей?

– Вон в том.

Голос Дейдри Хендерсон звучал как-то придавленно, приглушенно.

Миссис Оливер взглянула на бывшее обиталище миссис Макгинти, на ступеньках перед ним развились два малоприятных сорванца, с радостным блеском в глазах они мучали кошку. Миссис Оливер шагнула вперед, чтобы унять маленьких разбойников, и кошка вырвалась, пустив в ход коготки.

Старший сорванец взвыл – кошка его здорово поцарапала.

– Так тебе и надо, – сказала миссис Оливер и повернулась к Дейдри Хендерсон: – И не подумаешь, что в этом доме было совершено убийство, правда?

– Да, ни за что не подумаешь.

На этот счет женщины были единодушны.

Миссис Оливер продолжала:

– Это была старая поденщица и кто-то ее ограбил, да?

– Ее жилец. У нее были припрятаны деньги – под половицей.

– Понятно.

Неожиданно Дейдри Хендерсон сказала:

– А может, это вовсе и не он. Тут сейчас появился

странный человечек — иностранец. Его зовут Эркюль Пуаро...

— Эркюль Пуаро? Как же, я его хорошо знаю.

— Он и вправду детектив?

— Дорогая моя, он жутко знаменит. И потрясающе умен.

— Тогда, может, дознается, что он ее не убивал.

— Кто?

— Как "кто"?.. Жилец. Джеймс Бентли. Надеюсь, его выпустят.

— Надеетесь? Но почему?

— Не верится мне, что это он. С самого начала не верилось.

Миссис Оливер с любопытством глянула на нее — надо же, до чего разволновалась!

— Вы его знали?

— Не-ет, — медленно произнесла Дейдри. — Не знала. Но однажды Бен угодил в капкан, и он помог мне его вызволить. Ну, мы немножко поговорили...

— И какое он произвел на вас впечатление?

— Очень одинокий. Незадолго до этого похоронил мать. А он был к ней жутко привязан.

— А вы к вашей матери тоже привязаны? — неожиданно спросила миссис Оливер.

— Да. И его чувства были мне понятны. Я понимала, что он тогда чувствовал. Мы с матушкой... ведь у нас, кроме друг друга, никого нет.

— А я со слов Робина поняла, что у вас есть отчим.

Дейдри с горечью согласилась:

— Да, отчим у меня есть.

Миссис Оливер неопределенно заметила:

— Конечно, отчим и отец — это не одно и то же. А отца вы помните?

— Нет, он умер до того, как я родилась. Мама вышла замуж за мистера Уэтерби, когда мне было четыре года. Я... я всегда его ненавидела. А мама... — Она помолчала, потом сказала: — Мама прожила очень

грустную жизнь. Не было рядом душевного тепла, отзывчивого и понимающего сердца. Мой отчим — человек страшно бесчувственный, холодный и бессердечный.

Миссис Оливер кивнула, затем пробормотала:

– Не похож этот Джеймс Бентли на преступника...

– Я и подумать не могла, что полиция его арестует. Наверняка это был какой-нибудь бродяга. По этой дороге иногда такие бродяги шляются — не приведи господь! Вот один из таких ее небось и пристукнул.

Миссис Оливер постаралась ее утешить:

– Будем надеяться, что Эркюль Пуаро отыщет истину.

– Да, будем.

И она резко свернула в ворота Хантерс-Клоуз.

Секунду-другую миссис Оливер смотрела ей вслед, потом вытащила из сумочки записную книжку. В ней она записала: "Дейдри Хендерсон — нет", при этом подчеркнула слово "нет" так решительно, что у нее сломался карандаш.

III

На полпути в гору ей встретился Робин Апуорд, он шел вниз вместе с молодой и очень красивой платиновой блондинкой.

Робин познакомил их.

– Ив, — сказал он, — это расчудесная Ариадна Оливер. Дорогая, не представляю, как ей это удается. При этом человек благожелательный, великодушный. И не подумаешь, что она купается в волнах преступлений. А это Ив Карпентер. Ее муж будет нашим новым членом парламента. А нынешний, сэр Джордж Картрайт, совсем впал в маразм, бедняга. Он из-за дверей на девочек бросается.

– Робин, ну как можно так врать? Ты дискредитируешь партию.

– А что мне эта партия? Я в ней не состою. Я либе-

рал. Сегодня можно быть только либералом, эта партия маленькая, кто ни попадя в нее не пролезет, к тому же у нее никаких шансов захватить власть. Безнадежно проигранные дела — это моя слабость.

Он добавил, обращаясь к миссис Оливер:

— Ив приглашает нас сегодня на коктейль. Вечеринка в вашу честь, Ариадна. Соберется местная публика на встречу со знаменитостью. Ведь ваш приезд для нас — грандиозное событие! Сделайте местом вашего следующего убийства Бродхинни, а? Что вам стоит?

— Пожалуйста, миссис Оливер, — поддакнула Ив Карпентер.

— Что вам стоит заслать сюда Свена Хьерсона, — развивает мысль Робин. — Он, как Эркюль Пуаро, остановится у Саммерхейзов, в доме для приезжих. Мы как раз туда идем, потому что я сказал Ив, что Эркюль Пуаро в своей области не меньшая знаменитость, чем вы в своей, а она, оказывается, была с ним вчера несколько неучтива, поэтому хочет исправиться и тоже пригласить его на вечеринку. Но, дорогая, без шуток, пусть ваше следующее убийство произойдет в Бродхинни. Мы все будем в таком восторге.

— Пожалуйста, миссис Оливер. Вот будет здорово! — еще раз присоединилась к просьбе Ив Карпентер.

— Кто у нас будет убийцей, а кто жертвой? — спросил Робин.

— А кто у вас теперь работает поденщицей? — ответила миссис Оливер вопросом на вопрос.

— О-о, дорогая моя, такое убийство нам не нужно. Уж больно скучно. Нет, я думаю, на роль жертвы прекрасно подойдет Ив. К примеру, кто-то задушил ее собственными нейлоновыми чулками. Нет, это уже было.

— По-моему, Робин, ты — более подходящая кандидатура для убийства, — предложила Ив. — Подающий надежды драматург убит ножом в загородном коттедже.

— Мы еще не выбрали убийцу, — вспомнил Робин. —

Чем плоха моя матушка? Следов ног нет, потому что она передвигалась в кресле-каталке. По-моему, замечательно.

– Ну, вонзать нож в тебя, Робин, она едва ли захочет, – усомнилась Ив.

Робин задумался.

– Да, ты права. Возможен и другой вариант – она душит тебя. Тут, я думаю, у нее больших угрызений совести не будет.

– Но я хочу, чтобы жертвой был ты. А убийцей пусть будет Дейдри Хендерсон. Зачуханная простушка, на которую никто не обращает внимания.

– Вот вам, Ариадна, пожалуйста, – сказал Робин. – Канва вашего следующего романа. Вам осталось только продумать ложные следы, по которым вы поначалу направите следствие, ну и, разумеется, все записать. О господи, какие у Морин кошмарные псы.

Они уже свернули в ворота Лонг-Медоуз, и навстречу им с лаем кинулись два ирландских волкодава.

Из сарая с ведром в руках появилась Морин Саммерхейз.

– Лежать, Флин. Кормик, ко мне. Привет. Я как раз убиралась у Пигги.

– Догадались, дорогая, – усмехнулся Робин. – По запаху все ясно. Как поживает Пигги?

– Вчера жутко нас напугал. Лежит, не поднимается, завтрак есть не желает. Мы с Джонни давай читать в специальной книге про поросячьи болезни, всю ночь не спали, все думали, как он и что, а сегодня с утра он жутко веселый и жизнерадостный, Джонни ему принес поесть, так тот на него как кинется! Едва с ног не сбил. Джонни потом пришлось ванну принимать.

– Да, вы с Джонни живете – не соскучишься, – подытожил Робин.

Ив пригласила Морин:

– Приходите к нам с Джонни сегодня, немного выпьем, хорошо?

– С удовольствием.

– Там будет миссис Оливер, – вступил Робин, – Но познакомиться с ней можно прямо сейчас. Вот она.

– Правда? – воскликнула Морин. – Вот это да! Вы, я слышала, вместе с Робином сочиняете пьесу?

– Нам вдвоем работается – лучше некуда, – заверил се Робин. – Кстати, Ариадна, когда вы утром вышли, на меня снизошло озарение. Насчет актерского состава.

– А-а, насчет актерского состава, – с облегчением повторила миссис Оливер.

– Я знаю, кто блестяще сыграет Эрика. Сесил Лич – он из театра в Калленки, играет в "Отщепенце". Как-нибудь вечером поедем туда и посмотрим.

– А ваш постоялец дома? – обратилась Ив к Морин. – Я хочу и его пригласить в гости.

– Мы приведем его с собой, – предложила Морин.

– Я бы хотела пригласить сама. Дело в том, что вчера я ему немножко нагрубила.

– А-а! Ну, он где-то поблизости, – неопределенно сказала Морин. – Может, в саду... Кормик... Флин... вот чертовы псины...

Она с грохотом бросила ведро и помчалась к пруду, откуда доносилось отчаянное кряканье.

ГЛАВА 13

Когда вечеринка у Карпентеров близилась к концу, миссис Оливер с бокалом в руках подошла к Эркюлю Пуаро. До этой минуты каждый из них находился в центре восторженного внимания. Но сейчас, когда было выпито изрядное количество джина и атмосфера стала совсем непринужденной, старые знакомые начали собираться в группки, обсуждать местные сплетни, и двум пришельцам удалось пообщаться друг с другом.

– Выйдем на террасу, – заговорщицки прошептала миссис Оливер.

В ту же секунду она сунула ему в руку маленький клочок бумаги.

Вместе они вышли через балконную дверь и оказались на террасе. Пуаро развернул листок.

– Доктор Рендел, – прочитал он.

Он вопросительно взглянул на миссис Оливер. Миссис Оливер энергично закивала, на лицо даже упал длинный завиток седых волос.

– Убийца – он, – заявила миссис Оливер.

– Вы считаете? Но почему?

– Я просто знаю, – ответила миссис Оливер. – Это же типичный убийца. Само добродушие, сердечность, дружелюбие и все прочее.

– Возможно.

Убеждения в голосе Пуаро не было.

– Но каков, по-вашему, его мотив?

– Нарушение профессиональной этики, – отчеканила миссис Оливер. – И миссис Макгинти об этом узнала. Но причина – дело второе, главное – это он. Я приглядела ко всем и говорю вам – можете не сомневаться.

Вместо ответа Пуаро как бы мимоходом заметил:

– Вчера вечером на станции в Килчестере кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

– Боже правый. Вы хотите сказать, что вас пытались убить?

– Ни секунды не сомневаюсь.

– А доктор Рендел выезжал по вызову, мне это точно известно.

– Я понимаю... да... доктор Рендел выезжал по вызову.

– Вот все и сходится, – с удовлетворением подытожила миссис Оливер.

– Все, да не все, – возразил Пуаро. – Вчера вечером в Килчестере также были мистер и миссис Карпентер и домой они возвращались порознь. Теперь миссис Рендел – может, она и просидела весь вечер дома, слу-

радио, а может, и нет — этого не знает никто. А миссис Хендерсон частенько ездит в Килчестер в кино.

— Вчера вечером не ездила. Она была дома. Сама мне сказала.

— Не следует верить всему, что вам говорят, — назидательно заметил Пуаро. — Родственники часто покрывают друг друга. С другой стороны, служанка-иностранка Фрида вчера была в кино и не знает, все ли жильцы Хантерс-Клоуз провели вечер дома! Так что сузить круг не просто.

— Ну, за мою компанию я, кажется, могу поручиться, — сказала миссис Оливер. — Когда это с вами случилось?

— Ровно в девять тридцать пять.

— Стало быть, на обитателей Лэбернемса можно не грешить. С восьми до половины одиннадцатого Робин, его мама и я играли в покер.

— Я думал: вдруг вы с Робином заперлись в комнате и трудились на пару?

— А матушка тем временем вскочила на мотоцикл, спрятанный в кустах? — Миссис Оливер засмеялась. — Нет, матушка была у нас перед глазами. — Она вздохнула, ибо на ум ей пришли более грустные мысли. — Работать на пару, — горько вымолвила она. — Это не работа, а сущий кошмар! Представьте себе: старшему инспектору Бэттлу нацепят большие черные усы и объявят, что это — вы.

Пуаро даже вздрогнул от неожиданности.

— Предположить такое — уже кошмар!

— Теперь вам понятны мои страдания.

— Страдать приходится и мне, — признался Пуаро. — Кулинарные способности мадам Саммерхейз не поддаются описанию. То есть способностями тут и не пахнет. Сквозняки, ледяной ветер, расстройство желудка, кошачий запах, длинная собачья шерсть, сломанные ножки кресел, немыслимая кровать, в которой я сплю... — он закрыл глаза, вспоминая свои мучения, —

тепловатая вода из-под крана, дырки в ковре на лестнице, а кофе? Жидкость, которую мне подают под видом кофе, невозможно описать словами. Мой желудок чувствует себя оскорбленным.

– Господи, – огорчилась миссис Оливер. – Но при этом она удивительно мила.

– Миссис Саммерхейз? Очаровательная женщина. Совершенно очаровательная. Но от этого только хуже.

– А вот и она, – сказала миссис Оливер.

К ним подходила Морин Саммерхейз.

На ее веснушчатом лице застыло счастливо-отрешенное выражение. Она нежно улыбнулась им обоим.

– Кажется, я слегка перебрала, – объявила она. – Джин – просто прелесть. И так много! Обожаю вечеринки. В Бродхинни мы ими не очень избалованы. Это все в вашу честь – такие знаменитости! Как бы мне хотелось писать книги! Да вот беда – я ничего не умею делать как следует!

– Вы хорошая жена и мать, мадам, – напыщенно произнес Эркюль Пуаро.

Глаза Морин широко распахнулись. Привлекательные карие глаза на веснушчатом личике. Интересно, подумала миссис Оливер, сколько ей лет? Пожалуй, не больше тридцати.

– Правда? – удивилась Морин. – Ну, не знаю. Я, конечно, всех их страшно люблю, но разве этого достаточно?

Пуаро кашлянул.

– Не сочтите меня бесцеремонным, мадам. Но если жена по-настоящему любит своего мужа, она должна заботиться о том, как он питается. Питание – вещь серьезная.

Морин, похоже, эти слова немного задели.

– А что? – вспыхнула она. – Голодным мой муж не ходит. Только и делаю, что его кормлю.

– Я имел в виду качество пищи.

– Вы хотите сказать, что я плохо готовлю, – дога-

далась Морин. — Но я всегда считала: что именно чел-
век ест — это неважно.

Пуаро издал стон.

— Или что на нем надето, — рассеянно продолжала Морин. — Или чем он занимается. Я думаю, все это не-
носное и в жизни мало что значит.

Минуту-другую она молчала, глаза от выпитого подернулись какой-то дымкой, будто она смотрела в дальние дали.

— На днях одна женщина написала в газету письмо, — вдруг сообщила она. — Дурацкое письмо. Спрашивает, как лучше поступить: отдать ребенка на усыновление чужим людям, которые смогут предоставить ему все возможности — все возможности, так и написано, она имела в виду хорошее образование, приличную одежду, достойное окружение, — либо оставить его при себе, хотя никаких возможностей у нее нет. По-моему, дурацкое письмо — глупее не придумаешь. Главное, чтобы ты мог ребенка прокормить — все остальное не важно.

Она уставилась в пустой бокал, будто пыталась разглядеть на его дне будущее.

— Я-то знаю, — сказала она. — Ведь меня саму удочерили. Мать меня отдала, и там мне, как пишет эта женщина, предоставили все возможности. Но всегда больно сознавать — даже сейчас, — что от тебя отказалась собственная мать, взяла и отдала тебя своими руками.

— Но, может, она пошла на эту жертву ради вашего же блага, — предположил Пуаро.

Прояснившимся взором она посмотрела на него.

— Нет, не согласна я с этим. Перед собой эти родители так и оправдываются. На деле все проще — оказывается, они просто могут без тебя обойтись... А сознавать это больно. Я бы от моих детей не отказалась — ни за какие возможности на свете!

— Я считаю, вы совершенно правы, — поддержала ее миссис Оливер.

— С этим я тоже согласен, — сказал Пуаро.

– Вот и договорились, – обрадовалась Морин. – О чем мы тогда спорим?

Как раз в этот момент на террасу вышел Робин и подхватил:

– Да, о чем мы тогда спорим?

– О приемных детях, – доложила Морин. – Мне не нравится быть приемным ребенком, а вам?

– Все же это лучше, чем быть сиротой, разве нет, дорогая? Пожалуй, нам пора идти, правда? Ариадна?

Гости собрались расходиться разом. Доктор Рендел куда-то умчался немного раньше других. Все вместе спустились с холма, весело и громогласно болтая, слегка взвинченные, как оно и бывает, когда вольешь в себя несколько коктейлей.

У ворот Лэбернемс Робин стал настойчиво приглашать всех зайти.

– Расскажем мадре, как прошла вечеринка. Ей, бедняжке, так обидно, что не смогла пойти с нами – опять нога замучила. Но все равно ей жутко хочется знать, что творится вокруг.

Веселая гурьба хлынула в дом, и миссис Апуорд и вправду очень обрадовалась.

– А кто еще там был? – спросила она. – Уэтерби?

– Нет, миссис Уэтерби нездоровится, а эта унылая девица Хендерсон без нее идти отказалась.

– Какая трогательная привязанность, – заметила Шила Рендел.

– Я бы скорее назвал это патологией, – вставил Робин.

– Это все ее мать, – подала голос Морин. – Некоторые матери своих чад прямо съесть готовы.

Она вдруг вспыхнула, наткнувшись на вопросительный взгляд миссис Апуорд.

– Я тебя не пожираю, Робин? – спросила она.

– Мадре! Конечно же, нет!

Чтобы скрыть смущение, Морин быстренько переменила тему – стала рассказывать, как они воспиты-

вают своих ирландских волкодавов. Какое-то время говорили о собаках.

Потом миссис Апуорд решительно сказала:

— От наследственности никуда не денешься — человек ты или собака.

Шила Рендел пробормотала:

— А как же среда?

Миссис Апуорд была категорична:

— Среда, моя дорогая, здесь ни при чем. Она позволяет тебе сменить облицовку — но не более. То, что в человеке заложено, все равно остается при нем, и никуда от этого не деться.

Эркюль Пуаро с любопытством остановил взгляд на Шиле Рендел — лицо ее вдруг пошло красными пятнами. С излишней, как ему показалось пылкостью, она возразила:

— Но ведь это жестоко... и несправедливо.

Миссис Апуорд заметила:

— В жизни много несправедливого.

В разговор вступил Джонни Саммерхейз, неспешным, ленивым голосом он сказал:

— Я согласен с миссис Апуорд. Наследственность сказывается. Я всегда на этом стоял.

В голосе миссис Оливер прозвучал вопрос:

— Вы хотите сказать, что все передается? "И проявляется в грядущих поколениях..."

Морин Саммерхейз неожиданно отозвалась своим приятным высоким голосом:

— Но у этой цитаты есть продолжение: "И потому будь к людям милосерден".

Все снова немножко смутились — слишком серьезная нота зазвучала в разговоре.

Чтобы переменить тему, накинулись с вопросами на Пуаро.

— Расскажите нам про миссис Макгинти, мсье Пуаро. Почему вы считаете, что этот омерзительный жилец ее не убил?

– Между прочим, он часто бормотал что-то невнятное, – припомнил Робин. – Бродит по переулкам и что-то себе бормочет. Я его часто встречал. И могу вам точно сказать – вид у него был жутко странный.

– Наверное, мсье Пуаро, у вас есть какая-то причина полагать, что он ее не убивал. Скажите нам, что это за причина.

Пуаро улыбнулся окружающим. Покрутил усы.

– Если ее убил не он, кто же тогда?

– Да, кто же?

Миссис Апуорд сухо произнесла:

– Не ставьте человека в неловкое положение. Возможно, он подозревает кого-то из нас.

– Кого-то из нас? Ого!

Поднялся гомон, а глаза Пуаро встретились с глазами миссис Апуорд. В них было хитрое довольство и что-то еще... вызов?

– Он подозревает кого-то из нас! – воскликнул Робин в полном восторге. – Так, начнем с Морин. – Он изобразил из себя напористого следователя. – Где вы были вечером... какое это было число?

– Двадцать второе ноября, – подсказал Пуаро.

– Где вы были вечером двадцать второго ноября?

– Убей бог, не помню, – откликнулась Морин.

– Кто это может помнить, столько времени прошло, – заметила миссис Рендел.

– А я помню, – похвастался Робин, – потому что в тот вечер я вещал на радио. В Коулпорте читал лекцию "О некоторых аспектах театрального искусства". Я хорошо это помню, потому что долго распространялся о поденщице из "Серебряной коробки" Голсуорси, а на следующий день убили миссис Макгинти, и я еще подумал: интересно, поденщица в пьесе была похожа на миссис Макгинти или нет?

– Точно, – внезапно заявила Шила Рендел. – Я тоже вспомнила: вы тогда сказали мне, что у Дженит выходной и ваша мама останется одна. И я пришла сюда по-

сидеть с ней после ужина. Но, увы, так и не достучалась.

— Сейчас, дайте подумать, — сказала миссис Апуорд.— Ах, да, конечно. У меня разболелась голова, и я легла спать, а окна спальни выходят в сад.

— А на следующий день, — продолжала вспоминать Шила, — когда я услышала, что миссис Макгинти убили, еще подумала: "Какой ужас! Ведь я в темноте могла наткнуться на убийцу", — поначалу-то мы все решили, что в ее дом вломился какой-нибудь бродяга.

— А я все равно не помню, чем я занималась, — заявила Морин. — Зато следующее утро помню отчетливо. Нам про нее рассказал булочник. "Угробили, — говорит, — нашу миссис Макгинти". А я уже голову ломала: куда это миссис Макгинти запропастилась?

Она поежилась.

— Даже вспомнить — и то жуть берет, — сказала она.

Миссис Апуорд не сводила глаз с Пуаро.

Очень умная женщина, подумал он, и безжалостная. И еще эгоистка, каких поискать. Такая, если что сделает, не будет терзаться сомнениями, совесть ее мучить не будет...

Раздался чей-то слабый голос — встревоженный, даже какой-то жалобный.

— А какие-нибудь факты у вас есть, мсье Пуаро?

Это был голос Шилы Рендел.

Вытянутое мрачное лицо Джонни Саммерхейза вдруг ожило.

— Вот именно, факты! — воскликнул он. — Этим меня и привлекают детективные истории. Факты — для детектива они будто карта местности, а ты плутаешь среди них, как в лесу, и вдруг бац — дошло! Дайте нам хотя бы один факт, мсье Пуаро!

Смеющиеся просительные лица повернулись к нему. Для них это не более чем игра (или не для всех?). Но убийство — это не игра, убийство — вещь опасная. И кто знает...

Резким движением Пуаро вытащил из кармана фотографии.

– Вам требуются факты? – спросил он. – Voilá![1]

И театральным жестом он бросил их на стол.

Все сгрудились вокруг стола, наклонили головы, стараясь получше разглядеть снимки; послышались возгласы:

– Смотрите-ка!

– Какая жуткая безвкусица!

– Только посмотрите на эти розы! "Ах, эти розы, ах, эти розы!"

– Господи, ну и шляпа!

– Какая жуткая девчонка!

– Но кто они такие?

– Ну и мода была в те времена!

– Эта женщина явно была хороша собой.

– Но почему это факты?

– Кто они такие?

Медленным взглядом Пуаро обвел лица всех, кто стоял вокруг стола.

Он увидел на них лишь то, что ожидал увидеть.

– Вы никого здесь не узнаете?

– Узнаем?

– Может, кто-то из вас уже видел эти фотографии? Может... да, миссис Апуорд? Вам что-то показалось знакомым, не так ли?

Миссис Апуорд колебалась.

– Да... мне кажется...

– Которая из них?

Ее указательный палец поднялся и застыл на фотографии девочки в очках – Лили Гэмбол.

– Вы видели эту фотографию... когда же?

– Совсем недавно... Вот только где... Не могу вспомнить. Но я ее видела, за это могу поручиться.

Она сидела, нахмурившись, сведя брови к переносице.

Из состояния сосредоточенной отрешенности ее

[1] Вот!

вывела Шила Рендел. Она подошла и сказала:

— До свидания, миссис Апуорд. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне на чашечку чаю, если будете хорошо себя чувствовать.

— Спасибо, милая. Робину придется закатить меня на горку.

— Разумеется, мадре. Благодаря твоей коляске я такие мышцы накачал — о-го-го! Помнишь, когда мы отправились к Уэтерби и стояла страшная грязища...

— Ага! — вдруг воскликнула миссис Апуорд.

— Что такое, мадре?

— Ничего. Продолжай.

— Ну и намаялись мы с этим штурмом холма! Сначала буксовала коляска, потом забуксовал я. Думал, ни почем домой не доберемся.

Посмеиваясь, гости распрощались и дружными рядами разошлись.

Да, думал Пуаро, алкоголь развязывает языки, что верно, то верно...

Свалял он дурака, показав фотографии, или, наоборот, поступил мудро?

Может, и он пал жертвой алкогольных паров?

Трудно сказать.

Буркнув что-то в знак извинения, он повернул назад.

Толкнул ворота и подошел к дому, из которого только что вышел. Из открытого окна слева доносилось журчание двух голосов — Робина и миссис Оливер. Ее вклад был минимален, львиная доля звуков в этом бессвязном потоке принадлежала Робину.

Толкнув входную дверь, Пуаро прошел в комнату направо, которую покинул минуту назад. У камина сидела миссис Апуорд. Судя по лицу, ее одолевали мрачные мысли. Она настолько ушла в себя, что появление Пуаро заставило ее вздрогнуть.

Он тактично кашлянул, и она резко вскинула голову.

– О-о, – сказала она. – Это вы. Вы меня напугали.

– Простите, мадам. Вы думали, это кто-то другой? Кто же?

Не ответив на его вопрос, она просто спросила:

– Вы что-нибудь оставили?

– Боюсь, я оставил здесь опасность.

– Опасность?

– Опасность; возможно, она угрожает вам. Потому что вы узнали одну из фотографий.

– Я не сказала, что я ее узнала. Все старые фотографии похожи одна на другую.

– Послушайте, мадам. Мне кажется, миссис Макгинти тоже узнала одну из этих фотографий. И миссис Макгинти рассталась с жизнью.

В глазах миссис Апуорд неожиданно блеснул озорной огонек, и она продекламировала:

Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, на небе осталась.
С жизнью рассталась, рассталась. А как?
Высунулась сильно, как я, вот так!

Вы это имеете в виду?

– Да. И если вам что-то известно, хоть что-нибудь, – скажите мне об этом сейчас. Так будет безопаснее.

– Дорогой вы мой, не все так просто. Я совсем не уверена, что я что-то знаю – уж, во всяком случае, ничего такого, что можно назвать уликой. Смутные воспоминания – дело довольно хитрое. Пока не представишь себе, как, где и когда, делать выводы рано, надеюсь, вы со мной согласны.

– Мне кажется, все это вы уже представили.

– Все, да не все. Надо принять во внимание разные обстоятельства. Прошу вас, мсье Пуаро, не торопите меня. Я не из тех, кто принимает решения сгоряча. У меня своя голова на плечах, я привыкла ею пользоваться. А когда решение принято, я начинаю действовать. Но

не раньше, чем я к этому готова.

— Во многих отношениях вы, мадам, человек скрытный.

— Возможно — до некоторой степени. Знание — сила. А силу надо использовать только во благо. Извините, но вы, видимо, не очень себе представляете устои жизни в английской провинции.

— Иначе говоря, "вы всего лишь чертов иностранец".

Миссис Апуорд чуть улыбнулась:

— Ну, это для меня слишком грубо.

— Если не хотите говорить со мной, есть старший инспектор полиции Спенс.

— Мой дорогой мсье Пуаро. Только не полиция. Не на этом этапе.

Он пожал плечами.

— Я вас предупредил, — сказал он.

Ибо у него не было ни малейших сомнений — миссис Апуорд уже вспомнила совершенно отчетливо, где и когда она видела эту фотографию.

ГЛАВА 14

I

Нет сомнения, сказал себе Эркюль Пуаро на следующее утро, что в этих краях наступила весна.

Его вчерашние опасения сегодня представлялись ему совершенно беспочвенными.

Миссис Апуорд — вполне здравая женщина и прекрасно сумеет о себе позаботиться.

Все же ей удалось заинтриговать Пуаро. Да, любопытно. Ее поведение осталось для него тайной за семью печатями. Собственно, к этому она и стремилась. Она узнала фотографию Лили Гэмбол и решила разыграть свою игру.

Пуаро обдумывал все это, прогуливаясь по дорожке в саду, как вдруг за его спиной раздался голос. Пуаро вздрогнул от неожиданности.

– Мсье Пуаро.

Миссис Рендел подошла так тихо, что он не слышал ее приближения. Со вчерашнего вечера на душе у него было неспокойно.

– Pardon, мадам. Вы застали меня врасплох.

Миссис Рендел машинально улыбнулась. Если у меня на душе неспокойно, подумал он, что же сказать про миссис Рендел? Одно веко у нее подергивалось, руки не находили себе места.

– Я... надеюсь, я вам не мешаю? Может быть, вы заняты?

– Нет, вовсе не занят. День – просто чудо. Ощущение весны – это прекрасно. Приятно находиться на улице. В доме миссис Саммерхейз всегда, ну совершенно всегда, ощущаешь поток воздуха.

– Поток...

– В Англии вы это называете сквозняком.

– Да. Да, наверное, вы правы.

– Окна у них в доме не закрываются, а двери так и летают взад-вперед.

– Этот дом уже дышит на ладан. К тому же у Саммерхейзов денег не густо, и серьезный ремонт им просто не осилить. На их месте я бы его продала, и дело с концом. Да, в нем не одну сотню лет жили их предки, но в наши дни нельзя цепляться за вещи только из сентиментальности.

– Да, сентиментальность осталась в прошлом.

Наступила тишина. Уголком глаза он следил за ее белыми руками – она явно нервничала. Пусть берет инициативу на себя, если ей есть что сказать. Наконец она заговорила – неровно, отрывисто.

– Наверное, – сказала она, – когда вы, ну, как бы проводите расследование, всегда нужно иметь подходящий предлог, да?

Пуаро обдумал вопрос. Он не смотрел на нее, но ощ
побожиться — она, чуть повернув голову, смотрит на
него во все глаза.

— Что ж, мадам, — уклончиво ответил он, — это
довольно удобно.

— Как-то объяснить, почему вы здесь, почему задаете
вопросы?

— Да, это может сослужить хорошую службу.

— Зачем... зачем вы на самом деле приехали в
Бродхинни, мсье Пуаро?

С легким удивлением он повернулся к ней.

— Но, моя дорогая леди, это ведь всем известно —
чтобы расследовать обстоятельства смерти миссис
Макгинти.

Миссис Рендел резко сказала:

— Вы только так говорите. Но это — курам на смех.

Пуаро поднял брови.

— В самом деле?

— Конечно. Никто в это не верит.

— И все же уверяю вас — я приехал сюда именно с
этой целью.

Ее тусклые голубые глаза моргнули, и она отвела
взгляд.

— Вы мне не скажете, я знаю.

— Чего не скажу, мадам?

Она снова внезапно, как показалось Пуаро, смени-
ла тему.

— Я хотела спросить вас... про анонимные письма.

— Пожалуйста, — подбодрил ее Пуаро, потому что
она тут же замолчала.

— Ведь в них всегда написана ложь, да?

— Иногда, — осторожно заметил Пуаро.

— Как правило, — настаивала она.

— Я бы не стал утверждать это с уверенностью.

Шила Рендел взорвалась:

— Писать такие письма — это трусливо, вероломно
и низко!

– Тут я с вами согласен.

– И вы никогда не поверите тому, что написано в таком письме?

– Это очень трудный вопрос, – строго ответил Пуаро.

– А я бы не поверила. Такому письму – ни за что!

И добавила, с трудом сдерживаясь:

– Я знаю, почему вы здесь. Так вот, это неправда, говорю вам – неправда.

И, круто повернувшись, она пошла прочь.

Брови Эркюля Пуаро снова поднялись – на сей раз выше обычного.

Что бы это значило, спросил он себя? Меня хотят увести со следа? Или это птичка из другого гнездышка?

Что-то здесь много всего навалено в одну кучу.

Значит, миссис Рендел убеждена, что он здесь вовсе не из-за смерти миссис Макгинти. По ее мнению, это всего лишь предлог.

Она действительно так считает? Или же, как он только что себе сказал, хочет вывести его на ложный след?

И при чем тут анонимные письма?

Может, на фотографии, которую "недавно видела" миссис Апуорд, изображена миссис Рендел?

Другими словами, миссис Рендел и Лили Гэмбол – одно лицо? Сведения о Лили Гэмбол, исправившейся и вернувшейся в лоно цивилизованного общества, обрываются где-то в Ирландии. Что, если доктор Рендел встретил свою будущую жену именно там, не подозревая о ее прошлом? Лили Гэмбол окончила курсы стенографии. Ее с доктором пути вполне могли пересечься.

Пуаро покачал головой и вздохнул.

Разумеется, все это вполне возможно. Но хотелось бы знать наверняка.

Откуда ни возьмись налетел холодный ветер, а солнце скрылось за облаками.

Пуаро поежился и направил свои стопы к дому.

бы знать наверняка. Найти бы орудие

И в эту секунду он его увидел и даже вздрогнул, потому что инстинкт подсказал ему — он не ошибается.

II

себе вопрос: видел ли он этот засек его подсознательно? Ведь спокойно стоял себе на этом Эркюля Пуаро в Лонг-Медоуз...

Прям ахламленном книжном шкафу около окна

Но заметил его раньше?

Пуаро прикинул его вес, внимательно осмотрел его, переложил из руки в руку, занес для удара...

В комнату, сопровождаемая двумя псами, обычным вихрем ворвалась Мэри. И спросила своим певучим и дружелюбным голосом.

— Привет, развлекаетесь с сахароколкой?

— Эта штука так называется? Сахароколка?

— Да. Сахароколка... или сахарный молоток... не знаю точного названия. Забавная штуковина, да? Еще и птичка наверху - прямо детская игрушка.

Пуаро неторопливо повертел в руках эту кухонную утварь. Эдакая медная безделушка в форме тесла, тяжелая, с острой режущей кромкой. Там и сям утыкана цветными камешками, небесно-голубыми и красными. Наверху — легкомысленная пташка с бирюзовыми глазками.

— Небось такой штучкой кого-нибудь убить — одно удовольствие, — заявила она беззаботно.

И, забрав молоток у Пуаро, нанесла смертоносный удар по какой-то точке в пространстве.

— До жути просто, — сделала она вывод. — Как там у Теннисона в "Королевских идиллиях"? «"Настал мой

час" – так Марк воскликнул и череп раскроил ему». А что, этой штуковиной ничего не стоит раскроить череп, верно?

Пуаро взглянул на нее. Улыбчивая безмятежность – ничего другого он не прочел на ее веснушчатом лице.

Она добавила:

– Я уж сказала Джонни, что его ждет, если он мне надоест хуже черта. В супружеской жизни – штука незаменимая!

Она засмеялась, положила молоток для колки сахара на место и повернулась к двери.

– Я ведь за чем-то сюда шла. – Она застыла в раздумье. – Не могу вспомнить... Вот голова садовая! Ладно, пойду посмотрю на пудинг, может, надо долить воды в кастрюлю.

Но Пуаро остановил ее вопросом.

– Вы эту штуку привезли с собой из Индии?

– Нет-нет, – возразила Морин. – Я ее купила под рождество, на П и П.

– П и П? – озадаченно переспросил Пуаро.

– "Приноси и покупай", – охотно разъяснила Морин. – В доме приходского священника. Приносишь вещи, которые тебе не нужны, ну и что-то покупаешь. Если найдешь что-то не совсем жуткое. На самом деле ничего для тебя нужного там нет. Я купила это да еще кофейник. У кофейника мне носик понравился, а у молотка – птичка, просто загляденье.

Она показала на небольшой кофейник из чеканной меди. Искривленный носик – хоботок... где-то он такой уже видел?

– По-моему, они из Багдада, – припомнила Морин. – Если не путаю, Уэтерби сказали именно так. А может, из Персии.

– Так они вам достались от Уэтерби?

– Да. У них жуть сколько всякого барахла. Все, побежала. Пудинг надо проверить.

Она вышла. Хлопнула дверь. Пуаро еще раз взял

сахароколку и подошел с ней к окну.

На режущей кромке виднелись — едва заметные, выцветшие, но все-таки виднелись — пятнышки.

Пуаро удовлетворенно кивнул.

Секунду поколебавшись, он забрал молоток и унес к себе в комнату. Там аккуратно упаковал его в коробку, завернул в бумагу, перевязал и со свертком под мышкой спустился вниз и вышел из дому.

Можно не волноваться — исчезновения сахароколки никто не заметит. Про этот дом не скажешь, что все в нем разложено по полочкам.

III

В Лэбернемсе своим чередом — со скрипом — шла совместная работа.

— Дорогая, но что это за прихоть — делать из него вегетарианца? Получится какой-то тип со странностями. И уж никак не романтический герой, — излагал свою точку зрения Робин.

— А что я могу поделать, — упрямилась миссис Оливер. — Он всю жизнь был вегетарианцем. Он возит с собой специальную машинку, чтобы протирать сырую морковь и репу.

— Но, Ариадна, драгоценная вы моя, почему?

— Откуда я знаю? — раздраженно огрызнулась миссис Оливер. — Откуда я знаю, почему я произвела на свет божий такого мерзкого типа? Наверное, у меня ум зашел за разум. Почему вообще он финн? Я ни черта не знаю о Финляндии. Почему вегетарианец? Почему у него такие идиотские манеры? Уж так вышло — вот и все объяснение. Испробуешь что-то - а людям понравится, ты, окрыленная, дуешь дальше. И не успеешь оглянуться, как ты уже повязана по рукам и ногам — и, будь любезна, всю жизнь терпи возле себя какого-нибудь кошмарного Свена Хьерсона. А люди пишут письма — ах-ах, вы, наверное, от него без ума. Я от него

без ума? Да попадись мне этот сухопарый и долговязый финн-вегетарианец под руку в жизни — быть убийству, да такому, какого в моих книгах еще не было.

Робин Алуорд посмотрел на нее взглядом, полным уважения.

— Знаете, Ариадна, а мысль, право, недурна. Подлинный Свен Хьерсон — и счеты с ним сводите вы. Такая книга запросто может стать вашей лебединой песнью — но опубликовать ее надо после вашей смерти.

— Э нет! — взбунтовалась миссис Оливер. — А деньги? Все деньги, что мне причитаются за мои убийства, я хочу получить сейчас.

— Да. Разумеется. Тут я с вами согласен, как никогда.

С обеспокоенным видом драматург принялся ходить взад-вперед.

— И еще с этой Ингрид незадача, — сказал он. — Сцену в подвале мы сделали — пальчики оближешь, но как после нее сохранить напряжение в следующей сцене — ума не приложу.

Миссис Оливер промолчала. Что касается сцен, пусть голова болит у Робина Алуорда.

Робин метнул на нее взгляд, в котором читалось недовольство.

В то утро, охваченная новым настроением (такое с ней случалось часто), миссис Оливер внезапно разочаровалась в своей прическе — распущенные волосы надоели. Обмакнув щетку в воду, она прилепила седые завитки ближе к черепу. Высокий лоб, массивные очки, суровый взор — она все больше напоминала Робину его школьную учительницу, перед которой он трепетал все отроческие годы. Он чувствовал, что ему все труднее обращаться к ней "дорогая", его передергивало даже от "Ариадны".

Тоном капризного ребенка он произнес:

— Знаете, что-то я сегодня не в форме. Может, вчерашний ужин сказывается. Так что давайте оставим наши писания и подумаем об актерах. Если бы удалось

заполучить Дэниса Кэллори, о лучшем нечего и мечтать, но он сейчас занят на съемках. А Джин Беллиус подошла бы нам на Ингрид — и она хочет сыграть эту роль, это уже хорошо. И совершенно гениальная идея — пригласить Сесила на роль Эрика. Поедем вечером на "Отца-пенца"? Поглядите на Сесила и скажете мне, что вы о нем думаете.

Миссис Оливер ухватилась за это предложение, и Робин пошел звонить.

— Порядок, — доложил он, вернувшись. — Билеты будут.

IV

Утро выдалось не слишком обещающим, но посулы так и остались посулами. Неизвестно откуда набежали тучи, день притих — вот-вот грянет дождь. Пробираясь через густой кустарник к входной двери Хантерс-Клоуз, Пуаро подумал: не хотел бы он жить в этой долине-впадине у подножия холма. Сам дом был сокрыт за деревьями, ветвистый плющ пленил все садовые дорожки. Тут бы пройтись с топором.

С топором? Или с сахароколкой?

Он позвонил в звонок, не дождался ответа — позвонил еще раз.

Дверь открыла Дейдри Хендерсон. Она явно удивилась.

— О-о, — сказала она, — это вы.

— Можно зайти? Я хочу поговорить с вами.

— Я... да, что же, заходите.

Она провела его в небольшую полутемную гостиную, где он однажды сидел в ожидании. На каминной полке он тотчас опознал старшего брата небольшого кофейника, какой стоял у Морин. Его огромный искривленный хобот-клюв в этой маленькой на западный манер комнатке словно был главным, намекал на некую восточную свирепость.

– К сожалению, – извиняющимся тоном сказала Дейдри, – у нас сегодня неприятности на домашнем фронте. Наша служанка, немецкая девушка, – она от нас уходит. Прожила тут всего месяц. Похоже, она согласилась у нас работать, потому что хотела сюда переехать – у нее в Англии жених. А теперь у них все решилось, и сегодня она от нас съезжает.

Пуаро прищелкнул языком.

– Довольно бесцеремонно с ее стороны.

– Вы тоже так считаете, да? Отчим говорит, она просто не имеет права. Может, и не имеет, но что тут поделаешь – она выходит замуж, а дальше ей хоть трава не расти. Мы бы вообще ничего не знали – это я случайно увидела, что она собирает свои вещи. А то просто ушла бы из дому, никому не сказав и слова.

– Увы, в наше время бесцеремонность – вещь нередкая.

– Да, – уныло согласилась Дейдри. – Наверное. Тыльной стороной ладони она потерла лоб.

– Я устала, – призналась она. – Очень устала.

– Понимаю, – учтиво произнес Пуаро. – Немудрено.

– Вы что-то хотели, мсье Пуаро?

– Я хотел спросить у вас про сахарный молоток.

– Сахарный молоток?

Она непонимающе посмотрела на него.

– Такая медная штуковина, с птичкой, инкрустированная голубыми, красными и зелеными камешками, – со всей тщательностью описал Пуаро.

– А-а, да, знаю.

Но никакого интереса или оживления в ее голосе не послышалось.

– Верно ли, что раньше он был здесь?

– Да. Мама купила его на базаре в Багдаде. Мы его вместе с другой утварью отнесли в дом священника на распродажу.

– "Приноси и покупай"?

– Да. Такие распродажи у нас бывают часто. Доход

и нет церкви. Отдавать деньги просто так желающих все меньше, а избавиться от ненужного старья вроде и не жалко. А кто-то его покупает.

— Значит, до рождества этот молоток был здесь, в этом доме, а потом вы отдали его для торгов "Приноси и покупай". Верно я говорю?

Дейдри нахмурилась.

— Отдали, только не под рождество. До этого были другие торги. В честь праздника урожая.

— Праздник урожая? Это когда же? В октябре? В сентябре?

— В конце сентября.

В комнатке воцарилась тишина. Пуаро смотрел на девушку, она смотрела на него. Не лицо, а море в штиль — никаких всплесков, никакой ряби, никакого волнения. Кроется там что-то или нет, за этой стеной вялости и апатии? Может, и нет. Может, она и вправду просто устала...

Он спросил спокойно, но настойчиво:

— Вы уверены, что это были торги в честь праздника урожая? А не под рождество?

— Уверена.

Глаза ее, не мигая, смотрели на него.

Эркюль Пуаро ждал. Ну, дальше, дальше...

Но того, чего он ждал, не последовало.

Тогда, взяв официальную ноту, он произнес:

— Не смею вас больше задерживать, мадемуазель.

Она проводила его до двери.

И вот он уже снова шел вниз по дороге.

Итак, два взаимоисключающих заявления. Одно с другим — ну просто никак.

Кто же говорит правду? Морин Саммерхейз или Дейдри Хендерсон?

Если сахароколка — орудие убийства, вопрос этот принципиальный. Праздник урожая отмечают в конце сентября. Рождество — известно когда. А в промежутке, двадцать второго ноября, убили миссис Макгинти.

И кому же в это время принадлежала сахароколка?

Он отправился на почту. Миссис Толк, всегда готовая помочь, и на этот раз оказалась на высоте. Да, она была на обоих торгах. И на всех предыдущих. Там можно наткнуться на какую-нибудь симпатичную вещицу. Она, кстати, помогала все раскладывать для продажи. Правда, почти ничего не присылали заранее — люди приносили с собой, что хотели отдать, а заодно прицепивались к тому, что принесли другие.

Медный молоток, похожий на топорик, с цветными камешками и птичкой? Нет, такого она не припомнит. Вещей, надо сказать, натащили множество, была настоящая неразбериха, и многое выхватывали в ту же секунду. Впрочем, погодите, что-то такое и вправду было... да, и поставили за пять шиллингов с кофейником в придачу, кофейник-то был с дыркой, так что не попользуешься, только как украшение. А вот когда было дело — этого она не помнит. Может, под рождество, а может, и раньше. Как-то не отложилось в памяти...

Она приняла к отправке сверток, принесенный Пуаро. Отправить заказной почтой? Да.

Она записала адрес, и Пуаро заметил, беря квитанцию, что в ее черных живых глазах мелькнула искорка интереса.

Пуаро, размышляя на ходу, неторопливо зашагал в гору.

Скорее всего, ошибается Морин Саммерхейз — мозги у нее слегка набекрень, никогда ничего не помнит, суматошная и смешливая. Ей что урожай, что рождество — один черт.

Дейдри Хендерсон — медлительная, неловкая, должна ориентироваться в пространстве и времени куда точнее.

Все так. Но занозой торчал в мозгу один вопрос. Незаданный.

Он из нее что-то пытался вытянуть, она даже не поинтересовалась: зачем вам это надо знать? Ведь естест-

ненный вопрос, он же просто напрашивался?
Но Дейдри Хендерсон его не задала.

ГЛАВА 15

I

– Вам кто-то звонил, – крикнула Морин из кухни, едва Пуаро вошел в дом.

– Звонил? Кто же?

Действительно, кто?

– Не знаю. Я записала номер на продовольственной книжке.

– Спасибо, мадам.

Он открыл дверь в гостиную и подошел к столу. Среди кучи бумаг отыскал продовольственную книжку – прямо возле телефона. На ней было написано: Килчестер 350.

Подняв трубку, он набрал номер.

Женский голос мгновенно ответил:

– "Бритер и Скаттл".

Тугодумом Пуаро не был никогда.

– Можно попросить мисс Мод Уильямс?

После небольшой паузы женский контральто произнес:

– Мисс Уильямс слушает.

– Говорит Эркюль Пуаро. Вы мне звонили?

– Да... да, звонила. Насчет собственности, о которой мы с вами вели речь в прошлый раз.

– Собственности? – Секунду Пуаро соображал. Потом понял: Мод просто неудобно говорить. Кто-то стоит или сидит рядом, а раньше, когда звонила ему, она была в кабинете одна.

– Если я правильно понимаю, вы звонили насчет Джеймса Бентли и убийства миссис Макгинти.

– Правильно. Мы можем что-то для вас сделать?

– Вы хотите помочь. Вам сейчас неудобно говорить?

– Совершенно верно.

– Ясно. Слушайте внимательно. Вы действительно хотите помочь Джеймсу Бентли?

– Да.

– Не пойдете ли вы в услужение к людям? Возможно, семейный климат в этой семье не самый благоприятный.

– Пойду.

– Вы можете освободиться от работы? Чтобы приехать, скажем, завтра?

– О да, мсье Пуаро. Думаю, мы сможем это уладить.

– Вы поняли, что я вам предлагаю? Вы будете жить в семье, домработницей. Готовить умеете?

В голосе послышалось легкое удивление.

– Еще как.

– Mon Dieu[1], да вы просто находка! Значит, так, я сейчас же выезжаю в Килчестер. Встретимся в том же кафе, где мы беседовали в ваш обеденный перерыв.

– Да, конечно.

Пуаро повесил трубку.

Что же, достойная восхищения молодая особа. Сообразительная, толковая, самостоятельная... и даже неплохая повариха...

Не без труда он откопал местную телефонную книжечку – на ней покоился трактат о разведении свиней – и посмотрел номер телефона Уэтерби.

Трубку сняла миссис Уэтерби.

– Алло. Алло. Это мсье Пуаро... Вы, наверное, помните меня, мадам?..

– Боюсь, что...

– Мсье Эркюль Пуаро.

– Ах, да, разумеется... Простите. У нас тут неприятности на домашнем фронте...

[1] Господи.

Именно поэтому я вам звоню. Узнав о ваших трудностях, я изрядно огорчился.

Надо же быть такой неблагодарной. Эти иностранцы. Мы же ей проезд оплатили, и вообще. Терпеть не могу неблагодарности.

– Да-да. Искренне вам сочувствую. Это просто чудовищно – поэтому спешу сказать вам, что, возможно, смогу вам помочь. По чистой случайности у меня на примете есть [illegible] женщина, которая желает пойти в услужение. Быть [illegible] правда, она не все умеет...

– Кто теперь все умеет? Но по крайней мере она готовит? А то наши [illegible] и не готовят.

– Да... да, Фелиция она хороший. Тогда я вам ее пришлю, пусть поживет на время? Ее зовут Мод Уильямс.

– О, мсье Пуаро, пожалуйста, присылайте. Вы так любезны. Лучше что-нибудь, чем ничего. Муж у меня такой привереда, страшно сердится на мою дорогую Дейдри, когда что-то в хозяйстве не так. Где мужчинам понять, как в наши дни все достается... я...

Она умолкла на полуслове – кто-то вошел в комнату, и, хотя она прикрыла трубку рукой, ее приглушенный голос все же достиг ушей Пуаро.

– Это тот маленький детектив... он знает кого-то, кто сможет заменить Фриду... Нет, не иностранка... англичанка, слава богу. Очень мило с его стороны, надо же, какой заботливый... Дорогая, только не возражай. Какая тебе разница? Сама знаешь, как Роджер кипятится... Он так любезен... думаю, она нас вполне устроит.

Убрав руку, миссис Уэтерби заговорила елейным голоском:

– Огромное вам спасибо, мсье Пуаро. Мы вам безмерно благодарны.

Пуаро положил трубку и взглянул на часы.

Потом отправился на кухню.

– Мадам, к обеду меня не ждите. Мне надо съездить в Килчестер.

– Слава господи, – обрадовалась Морин. – А то я пудинг проморгала. Вода выкипела, и он, подлый, подгорел. Вообще-то он вышел ничего, только с горчинкой. Я уж решила – если покажется невкусно, открою банку малинового варенья, она у меня с прошлого лета сохранилась. Сверху оно немножко заплесневело, но сейчас говорят, что это не страшно. Даже полезно – ведь это живой пенициллин.

Пуаро вышел из дому довольный – бог уберег его от подгоревшего пудинга с пенициллиновым вареньем. Импровизации Морин Саммерхейз – штука опасная, лучше он перекусит в "Синей кошке" – макароны, заварной крем, оливки.

II

В Лэбернемсе затеялась легкая свара.

– Разумеется, Робин, когда ты работаешь над пьесой, ты вообще ни о чем не помнишь.

Робин был полон раскаяния.

– Мадре, прости меня, Христа ради. Начисто вылетело из головы, что у Дженит сегодня свободный вечер.

– Ладно, не важно, – холодно буркнула миссис Апуорд.

– Очень даже важно. Я позвоню в театр и скажу, что мы приедем завтра.

– Ни в коем случае. Договорились на сегодня, вот и поезжайте.

– Но как же...

– Никаких разговоров.

– Давай я попрошу Дженит, пусть сегодня посидит, а в другой вечер мы ее отпустим.

– Отпадает. Она терпеть не может, когда приходится менять свои планы.

– Уверен, она не будет возражать. Если я ее как следует...

– Ни о чем ее не надо просить, Робин. Ты ей только

испортишь настроение. И хватит об этом. Чувствовать себя занудной старухой, которая отравляет удовольствие другим, – это мне совсем не по нраву.

– Мадре, ты просто прелесть...

– Ну хватит – идите и развлекайтесь. Я знаю, кто разделит мое одиночество.

– Кто же?

– Это моя тайна. – Миссис Апуорд снова повеселела. – Не суетись, Робин.

– Я позвоню Вилле Рендел.

– Я сама позвоню, кому надо, спасибо. Все уже договорено. Перед уходом свари кофе, перелей в кофейник и поставь на мой столик, чтобы осталось только подогреть. И еще чашечку принеси – вдруг придется попотчевать гостя.

ГЛАВА 16

Пуаро и Мод Уильямс обедали в кафе "Синяя кошка". Великий сыщик давал последние указания.

– Вы поняли, что именно следует искать?

Мод Уильямс кивнула.

– На работе договорились?

Она засмеялась.

– У меня серьезно захворала тетушка! Я сама себе послала телеграмму.

– Прекрасно. И вот еще что примите к сведению. По этой деревне разгуливает убийца. Ощущение не из самых приятных.

– Вы меня предупреждаете?

– Да.

– Я в состоянии о себе позаботиться, – заверила его Мод Уильямс.

– Эти слова следует отнести в разряд "крылатых", – пошутил Эркюль Пуаро.

Она снова засмеялась, смех был искренний, весе-

лый. Кое-кто за соседними столами повернул в их сторону голову.

Пуаро поймал себя на том, что оценивающе наблюдает за ней. Полная сил и уверенная в себе молодая женщина, живая и энергичная, она рвалась в бой, жаждала взять на себя опасную миссию. Что ею движет? Перед его мысленным взором возник Джеймс Бентли — вялый, безжизненный голос, потухший взгляд. Да, природа – штука прелюбопытная.

Мод сказала:

– Вы ведь сами мне это предложили? Зачем же теперь отговариваете?

– Я обязан четко объяснить вам, на что вы идете.

– Не думаю, что мне угрожает опасность. — Голос Мод звучал уверенно.

– Я тоже пока так не думаю. В Бродхинни вас кто-нибудь знает?

Мод задумалась.

– Пожалуй... Да, кое-кто знает.

– Вы там бывали?

– Пару-тройку раз... по делам фирмы, конечно... последний раз относительно недавно — месяцев пять назад.

– Кого вы там видели? Где были?

– Я приезжала к одной старушке... миссис Картерс... или Карлайл... точно не помню. Она покупала небольшой участок земли, здесь, неподалеку, и я привезла ей разные бумаги, документ, составленный землемером, надо было задать какие-то вопросы. Она останавливалась там же, где и вы, — дом для приезжих или что-то в этом роде.

– Лонг-Медоуз?

– Он самый. Довольно убогое пристанище... от собак некуда деваться.

Пуаро кивнул.

– А миссис Саммерхейз или майора Саммерхейза вы видели?

— Миссис Саммерхейз видела, наверное, это была она. Она провела меня наверх. Эта старая развалюшечка принимала меня в постели.

— Миссис Саммерхейз вас запомнила?

— Едва ли. А хоть и запомнила, невелика беда. Ну и что, я решила сменить работу, сейчас этим никого не удивишь. Вообще-то она на меня и не посмотрела. Такие ни на кого не смотрят.

Мод Уильямс сказала это с легким порицанием.

— Кого-нибудь еще вы в Бродхинни видели?

Мод неохотно призналась:

— Да, мистера Бентли.

— Ага, мистера Бентли. Случайно.

Мод чуть покраснела в кресле.

— Честно говоря, нет, я послала ему открытку. Написала, что в тот день приеду. Если честно, даже попросила его о встрече. Идти там, конечно, некуда. Дыра дырой. Ни тебе кафе, ни кино. Честно говоря, мы просто поболтали на автобусной остановке. Пока я ждала обратного автобуса.

— Это было до того, как убили миссис Макгинти?

— О да. Буквально за несколько дней. Помню, вскоре об этом затрубили все газеты.

— Мистер Бентли когда-нибудь говорил с вами о своей домовладелице?

— Как будто нет.

— А еще с кем-нибудь вы в Бродхинни разговаривали?

— Я... только с мистером Робином Апуордом. Я слышала, как он выступал по радио. А тут вижу, выходит из дома собственной персоной — я узнала его по фотографии, — я подошла и попросила его дать мне автограф.

— И он дал?

— О да, с большой охотой. Записной книжки у меня с собой не было, но я выудила из сумки какой-то листок, и он тут же его подмахнул.

– Еще кого-то из Бродхинни вы знаете – хотя бы в лицо?

– Ну, конечно, Карпентеров. Они в Килчестер наезжают часто. У них шикарная машина, миссис Карпентер всегда в шикарных туалетах. Месяц назад она открывала ярмарку. Говорят, он будет нашим следующим членом парламента.

Пуаро кивнул. Потом вытащил из кармана конверт, который всегда носил с собой. Разложил на столе четыре фотографии.

– Вы узнаете кого-нибудь... что случилось?

– Вон мистер Скаттл. Видите, выходит отсюда. Надеюсь, он нас не заметил. Было бы нежелательно. Ведь о вас здесь говорят... что вас прислали сюда прямо из Парижа, из полиции – "Сюрте" или что-то в этом роде.

– Вообще-то я не француз, а бельгиец, но это не важно.

– Так что у вас за фотографии? – Она наклонилась над столом, чуть прищурилась. – Какие-то старинные, правда?

– Самой старой из них тридцать лет.

– Забавно смотреть на моду прошлых лет. Женщины в этих старинных одеждах выглядят такими глупыми.

– Вы их раньше видели?

– В смысле узнаю я кого-то из этих женщин или уже видела эти фотографии?

– То и другое.

– Вот эта кажется мне знакомой. – Палец ее остановился на фотографии Джейнис Кортленд в шляпе-колпаке. – То ли попадалась в какой-то газете, то ли еще где... только не помню когда. И эту девчонку, кажется, видела. Но когда? Вроде и не очень давно.

– Все эти фотографии были напечатаны в "Санди компэниэн" в последнее воскресенье перед убийством миссис Макгинти.

Мод резко вскинула голову.

– Они имеют к этому какое-то отношение? И поэтому вы хотите, чтобы я...

Она смолкла.

– Да, – сказал Эркюль Пуаро. – Именно поэтому.

Он вытащил из кармана еще что-то и показал ей. Это была статья из "Санди компэниэн".

– Вот, прочитайте, – предложил он.

Она стала внимательно читать. Ее голова в золотистых локонах склонилась над малюсенькой вырезкой.

Она подняла на него глаза.

– Вот, значит, они кто? Вы это прочитали – и у вас возникли какие-то мысли?

– Точнее не скажешь.

– Но я все равно не понимаю... – Она задумалась. Пуаро молчал. Даже если собственные мысли его вполне устраивали, он всегда с готовностью внимал мыслям кого-то другого.

– Вы полагаете, кто-то из них сейчас живет в Бродхинни?

– Это вполне возможно.

– Да, разумеется. Мало ли кого и куда забрасывает судьба... – Она ткнула пальцем в хорошенькое жеманное личико Евы Кейн. – Ей сейчас должно быть уже порядочно – примерно столько, сколько миссис Апуорд.

– Примерно.

– Я подумала... если она была такой женщиной... У многих мог на нее быть зуб.

– Это лишь точка зрения, – медленно произнес Пуаро. – Да, точка зрения. – Потом добавил: – А дело Крейга вы помните?

– Кто же его не помнит?! – воскликнула Мод Уильямс. – Ведь он стоит в музее мадам Тюссо! Я тогда была совсем девчонкой, но газеты и по сей день поминают это дело – для сравнения. Прямо незабвенная история!

Пуаро метнул на нее быстрый взгляд.

Откуда вдруг такое раздражение в голосе?

ГЛАВА 17

Миссис Оливер, совершенно ошарашенная, пыталась как-то затеряться в углу крошечной театральной гардеробной. Но с ее габаритами разве затеряешься? Наоборот, она еще больше бросалась в глаза. Вокруг нее, стирая полотенцами грим с лица, так и роились бравые молодцы и то и дело навязывали ей теплое пиво.

Доброе расположение духа вернулось к миссис Апуорд довольно быстро, и она благословила их перед уходом. Робин позаботился о том, чтобы все необходимое было у матушки под рукой, и, уже сев в машину, пару раз возвращался в дом, нанести последние штрихи.

Когда он уселся за руль окончательно, на лице его поигрывала ухмылка.

– Мадре уже звонит по телефону, а кому – так мне и не сказала. Вот старая шалунья! Но я и сам знаю.

– Я тоже, – откликнулась миссис Оливер.

– И кому, по-вашему?

– Эркюлю Пуаро.

– И я на него подумал. Решила из него что-нибудь выудить. Мадре обожает всякие тайны. Ладно, дорогая, насчет сегодняшнего спектакля. Вы должны мне сказать, как вам понравится Сесил – только чур честно – и таким ли вы видите Эрика...

Разумеется, Сесил Лич не имел ничего общего с Эриком, каким его видела миссис Оливер. Это было типичное не то. Сам спектакль доставил ей удовольствие, но после него пришлось "пообщаться с актерами", и это было для нее сущей мукой.

Зато Робин чувствовал себя в своей тарелке. Взяв Сесила за грудки (по крайней мере миссис Оливер показалось, что это был Сесил), он трещал без умолку. Будучи от Сесила в ужасе, миссис Оливер отдала предпочтение некоему Майклу, который как раз занимал ее какой-то безобидной болтовней. Майкл, во всяком случае, не ждал от нее ответных излияний, собственно

говоря, он предпочитал монолог. Некто Питер изредка встревал в их беседу, но хлипкий ручеек, в котором перемывались чьи-нибудь косточки, все-таки тек по воле Майкла.

— ...Это так мило со стороны Робина, — говорил он. — Мы так его упрашивали, так приглашали. Нет, мы понимаем, он же под каблуком у этой кошмарной женщины, да под каким! Ходит перед ней на задних лапках. Но человек на диво талантливый, правда? Робин — очень талантливый. Возлагать такого на материнский алтарь — это просто грех! Ох, эти женщины! Многие из них — настоящие чудовища. Знаете, как миссис Апуорд обошлась с несчастным Алексом Роскоффом? Сначала вцепилась в него мертвой хваткой и не выпускала целый год, а потом узнала, что никакой он не русский эмигрант. Понятное дело, он ей плел всякую всячину, расписывал свою прошлую жизнь, мы знали, что все это брехня, но, в конце концов, что тут такого, ей же с ним было весело. И тут она выясняет, что он всего-навсего сын портного из Ист-Энда, и в ту же секунду его бросает... нельзя же быть таким снобом, верно, дорогая? Вообще-то Алекс был даже рад, что отделался от нее. Говорил, иногда она на него прямо ужас наводила, думал, у нее не все дома. А эти вспышки гнева! Робин, дорогой, мы как раз вашу замечательную мать вспоминаем. Жаль, что она не смогла приехать. Зато вы привезли миссис Оливер — это королевский подарок. Ее убийства — просто прелесть.

Пожилой мужчина с низким гулким голосом схватил миссис Оливер за руку; ладонь его оказалась горячей и липкой.

— Как мне вас благодарить? — воскликнул он проникновенным, полным меланхолии голосом. — Вы спасли мне жизнь — и не однажды.

Потом все вышли на свежий воздух и перебрались в "Конскую голову", где легкие возлияния и театральные пересуды успешно были продолжены.

Наконец пришло время ехать домой. Миссис Оливер изрядно устала. В машине она откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. У Робина же, наоборот, появилось второе дыхание — он трещал как сорока.

— ...вам тоже кажется, что это отличная мысль, верно? — закончил он.

— Что?

Миссис Оливер вскинулась, распахнула глаза.

Оказывается, она забылась в ностальгическом сне о доме. На стенах — чучела экзотических птиц, украшения из листьев. Рабочий стол, пишущая машинка, черный кофе, повсюду яблоки... Какое блаженство — ты предоставлен сам себе, никому ничего не должен... Какое блаженство! Писателю незачем вылезать на свет божий из своей тайной цитадели. Писатели — народ робкий, не очень общительный, не умея приноровиться к жизни в обществе, они изобретают себе спутников и говорят их устами.

— Вы, кажется, устали, — заметил Робин.

— Не сказала бы. Просто я не очень схожусь с людьми, вот и все.

— Я людей обожаю, а вы? — счастливо проворковал Робин.

— Нет, — твердо ответила миссис Оливер.

— Не может быть. В ваших книгах столько людей.

— Это другое. Я предпочитаю деревья, от них веет таким покоем.

— А я без людей не могу, — констатировал Робин очевидный факт. — Они меня вдохновляют.

Они подъехали к воротам Лэбернемса.

— Идите в дом, — распорядился он. — А я сначала поставлю машину.

Миссис Оливер, как обычно, с трудом выбралась наружу и зашагала по дорожке.

— Дверь не заперта, — напомнил Робин.

Так оно и оказалось. Миссис Оливер толкнула дверь и вошла в дом. Свет не горел — не очень-то любезно со

стороны хозяйки. Или это она из соображений экономии? Богатые они нередко такие экономные. В холле улавливался запах духов, каких-то экзотических и дорогих. На секунду миссис Оливер даже засомневалась — не в чужой ли дом она зашла? Потом нащупала выключатель и повернула рычажок.

Квадратный холл из дубовых досок озарился светом. Дверь в гостиную была приоткрыта, и в проеме она увидела ногу. Значит, миссис Апуорд спать так и не ушла. Она сидела в кресле, и, судя по тому, что свет был выключен, заснула давно.

Миссис Оливер подошла к двери и включила свет в гостиной.

— Мы вернулись, — начала она и тотчас осеклась.

Рука ее потянулась к горлу. Там словно застрял тугой ком, и она не могла издать крик, бессильно рвущийся наружу.

Она лишь сдавленно выдавила из себя:

— Робин... Робин...

Вскоре она услышала его шаги — насвистывая, он шел по дорожке, — быстро обернулась и побежала к входной двери встретить его.

— Не входите туда... не входите. Ваша мама... она... она умерла... по-моему... ее убили...

ГЛАВА 18

I

— Чисто сработано, ничего не скажешь, — пробормотал старший инспектор Спенс.

И без того красное, его лицо фермера побагровело от гнева. Он перевел взгляд на Эркюля Пуаро, тот сидел напротив и строго внимал ему.

— Чисто, но до чего мерзко, — продолжал он. — Ее задушили шелковым шарфом. Ее собственным, он был на ней — кто-то обмотал его вокруг ее шеи, перекрестил

концы и потянул. Чисто, быстро, по-деловому. Таким способом убивали своих жертв разбойники в Индии. Никакой борьбы, никакого крика, зажимается сонная артерия – и все.

– Такой способ убийства известен далеко не каждому.

– Как сказать... но из этого ничего не следует. Вполне можно о нем где-нибудь прочитать. А практической трудности никакой. Тем более если жертва ни о чем не подозревает – как оно и было в нашем случае.

Пуаро кивнул.

– Да, с убийцей она была знакома.

– Безусловно. Они вместе пили кофе – одна чашка перед ней, другая перед ее... гостем. С чашки гостя отпечатки пальцев стерли самым тщательным образом, а вот с помадой оказалось сложнее – едва заметные следы все-таки остались.

– Выходит, это женщина?

– Разве вы ждали другого?

– Не ждал. Конечно, я полагал, что это женщина.

Спенс продолжал:

– Миссис Апуорд узнала одну из этих фотографий – фотографию Лили Гэмбол. Получается, тут есть связь с убийством миссис Макгинти.

– Да, – согласился Пуаро. – Связь с убийством миссис Макгинти тут есть.

Он вспомнил озорной огонек, блеснувший в глазах миссис Апуорд, когда она декламировала:

Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, на небе осталась.
С жизнью рассталась, рассталась. А как?
Высунулась сильно, как я, вот так!

Спенс продолжал:

– Она воспользовалась благоприятной, как ей показалось, возможностью – ее сын и миссис Оливер отправлялись в театр. Она позвонила этой особе и при-

гласила ее зайти. Вы ведь так себе это представляете? Решила поиграть в детектива.

– Похоже. Ею двигало любопытство. Что-то она знала, держала это при себе и решила выведать побольше. Ей и в голову не приходило, что все может кончиться печально. – Пуаро вздохнул. – Для многих убийство – просто игра. Увы, это далеко не игра. И я сказал ей об этом. Но она не захотела меня слушать.

– Не захотела, теперь нам это известно. Что ж, все сходится. Когда молодой Робин перед самым отъездом забежал в дом, его мать как раз заканчивала телефонный разговор. И не захотела сказать Робину с кем. Напустила таинственности. Робин и миссис Оливер решили, что она звонила вам.

– Если бы это был я, – сокрушенно произнес Эркюль Пуаро. – Но кому она все-таки звонила? Узнать это никак нельзя?

– Как узнаешь? Вся связь у нас автоматическая.

– А служанка не может помочь?

– Нет. Она вернулась примерно в половине одиннадцатого – у нее свой ключ от задней двери. Прошла прямо в свою комнату – возле кухни – и легла спать. Света в доме не было, она решила, что миссис Апуорд уже спит, а остальные еще не приехали.

Спенс добавил:

– Она глухая и со своими причудами. Что творится вокруг, ее не сильно волнует, да и работой она, как я понимаю, особенно себя не утруждает, зато поворчать – тут она первая.

– Верной и преданной дому ее не назовешь?

– Совсем нет. У Апуордов она всего пару лет.

В дверь просунулась голова полицейского.

– Сэр, вас хочет видеть молодая дама, – объявил он. – Говорит, ей нужно вам что-то рассказать. Насчет вчерашнего вечера.

– Насчет вчерашнего вечера? Пусть войдет.

Вошла Дейдри Хендерсон. Бледное лицо напряжено,

сама, как обычно, неуклюжая и неловкая.

– Я решила, лучше прийти к вам, – сказала она. – Если только не отрываю вас от важных дел, – добавила она извиняющимся тоном.

– Нисколько не отрываете, мисс Хендерсон.

Спенс поднялся и пододвинул ей стул. Она уселась на него и распрямила спину – эдакая школьница, гадкий утенок.

– Вы хотели что-то рассказать насчет вчерашнего вечера, – подбодрил ее Спенс. – Насчет миссис Апуорд?

– Да. Неужели правда, что ее убили? Мне и на почте сказали, и булочник. А мама говорит, быть такого не может... – Она смолкла.

– Боюсь, ваша мама, к сожалению, ошибается. Миссис Апуорд действительно убили. Итак, вы хотели сделать... хотели нам что-то рассказать.

Дейдри кивнула.

– Да, – сказала она. – Видите ли, я там была.

Весь облик Спенса как-то неуловимо изменился. С одной стороны, манеры его стали совсем мягкие и вкрадчивые, с другой – он весь как-то подобрался, принял официальный вид.

– Вы были там, – повторил он. – В Лэбернемсе. В котором часу?

– Точно не скажу, – смутилась Дейдри. – Примерно между половиной девятого и девятью. Может, около девяти. Во всяком случае, после ужина. Понимаете, она мне позвонила.

– Миссис Апуорд вам позвонила?

– Да. Она сказала, что Робин и миссис Оливер уехали в театр в Калленки, что весь вечер она будет дома одна и приглашает меня составить ей компанию и посидеть за чашечкой кофе.

– И вы согласились?

– Да.

– И вы... пили с ней кофе?

Дейдри покачала головой.

– Нет, я пришла к дому... постучала в дверь. Но никто не ответил. Тогда я сама открыла и вошла в холл. Там было совсем темно, и в гостиной света не было, это я еще с улицы увидела. Ну, я удивилась. Позвала ее два или три раза, но она не откликнулась. Ну, я решила, тут какая-то ошибка.

– Какая же именно?

– Я подумала, может, она вместе с остальными уехала в театр.

– И не предупредила вас?

– Мне тоже это показалось странным.

– А ничего другого вам в голову не пришло?

– Ну, я еще подумала, может, это Фрида что-нибудь не так передала. С ней такое бывает. Как-никак иностранка. А тут она как раз вещи паковала – собиралась уезжать, – вот, может, в спешке что-нибудь и напутала.

– И как вы поступили, мисс Хендерсон?

– Ушла, и все.

– Вернулись домой?

– Да... не сразу. Сначала я немножко прогулялась. Была чудесная погода.

Минуту-другую Спенс просто молчал, глядя на нее. Даже не на нее, заметил Пуаро, а на ее рот.

Затем, словно освободившись от чар, деловито сказал:

– Что ж, спасибо, мисс Хендерсон. Вы правильно сделали, что рассказали нам об этом. Мы чрезвычайно вам признательны.

Он поднялся и пожал ей руку.

– Я и сама думала, что надо рассказать, – призналась Дейдри. – А мама была против.

– Даже сейчас?

– А я решила – надо рассказать.

– Вы поступили совершенно правильно.

Он проводил ее к выходу и вернулся.

Сел, побарабанил пальцами по столу и взглянул на Пуаро.

– Помады на губах не было, – объявил он. – Или это только сегодня?

– Нет, не только. Она вообще ею не пользуется.

– В наши дни? Как-то странно.

– Она вообще девушка странная. Неразвитая.

– И никаких духов, насколько я могу судить. А миссис Оливер говорит, что сразу учуяла запах духов – к тому же, дорогих, – едва вошла в дом. И Робин Апуорд это подтверждает. Во всяком случае, мать его такими духами не пользовалась.

– Я думаю, эта девушка вообще не душится, – предположил Пуаро.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Спенс. – Она похожа на капитана хоккейной команды из старорежимного женского колледжа... Только ей, насколько я могу судить, уже под тридцать.

– Примерно так.

– Значит, запоздалое развитие?

Пуаро задумался. Потом сказал: дело не только в этом.

– Тут что-то не стыкуется, – хмуро вымолвил Спенс. – Ни помады, ни запаха духов. К тому же мать у нее самая настоящая, а из матери Лили Гэмбол вышибли дух в пьяной драке в Кардиффе, когда девочке было всего девять лет... так что как же Дейдри Хендерсон может быть Лили Гэмбол? Но вчера вечером миссис Апуорд звонила именно ей – от этого никуда не денешься. – Он потер переносицу. – Да, есть над чем поломать голову.

– А что говорит медицина?

– Большой ясности они не внесли. Полицейский врач наверняка утверждает только одно: к половине десятого она уже была мертва.

– То есть, к тому времени, когда к Лэбернемсу подошла Дейдри Хендерсон?

– Возможно, если девушка говорит нам правду. Либо она говорит нам правду, либо... либо это очень

крупный орешек. Она сказала, что мать не пускала ее в кино. Это не наводит вас на какие-нибудь мысли?

– Как будто нет. Со стороны матери это естественно, разумно. Она явно из тех, кто сторонится всяких неприятностей и нежелательных ситуаций.

Спенс сказал:

– Миссис Кендрик Хендерсон была на месте преступления [illegible] там до нее. Женщина женственная, [illegible] помадой и дорогими духами.

Пуаро сказал:

– [illegible] и расследование...

Спенс его перебил:

– Я [illegible] сделать. Пока без лишнего шума. Иначе [illegible] Чем занималась вчера вечером? На [illegible] Чем занималась вчера вечером Шила Ренделл [illegible] одного, что они просто сидели у себя дома. Кинотеатр, насколько мне известно, был на каком-то собрании.

– Ив, – задумчиво произнес Пуаро. – Мода на имена меняется, не правда ли? Вряд ли сегодня встретишь имя Ева. А Ив – имя вполне популярное.

– Дорогие духи ей по карману, – как бы рассуждая вслух, сказал Спенс.

Он вздохнул.

– Нужно как следует покопаться в ее прошлом. Муж погиб на войне – очень удобная версия. Объявляешься где угодно, эдакая печальная вдовушка, скорбящая по какому-нибудь храбрецу летчику. Ни у кого духа не хватит о чем-нибудь тебя расспрашивать.

Он перевел разговор на другую тему.

– Этот сахарный молоток, или как там его – то, что вы мне прислали, – думаю, тут вы попали в десятку. Это – орудие убийства в деле миссис Макгинти. Доктор говорит, что такой удар вполне мог быть нанесен этим молотком. К тому же на нем – следы крови. Вымыть-то его вымыли, да не все знают, что даже крошечное коли-

чество крови можно выявить — если применить новейшие реагенты. И мы точно выяснили — на молотке была человеческая кровь. Но эта нить опять ведет нас к семейству Уэтерби и этой девице Хендерсон. Или нет?

— Дейдри Хендерсон сказала без капли сомнения — сахарный молоток был ими отдан на распродажу "Приноси и покупай" в честь праздника урожая.

— А миссис Саммерхейз абсолютно уверена, что дело было под рождество?

— Миссис Саммерхейз ни в чем и никогда не уверена абсолютно, — мрачно сказал Пуаро. — Она очаровательная особа, но в делах ее, в том, как она ведет хозяйство, отсутствует какой-либо порядок. Кроме этого, могу засвидетельствовать — а я живу в Лонг-Медоуз и знаю, — двери и окна в этом доме всегда нараспашку. Кто угодно, свой или чужой, может войти и что-то забрать, а потом преспокойно положить на место, и ни мэнор Саммерхейз, ни миссис Саммерхейз даже этого не заметят. Если она вдруг хватится этого молотка, то решит: его взял муж, чтобы разделать кролика или нарубить дров, а он подумает, что она собралась рубить мясо для собак. Никто в этом доме не пользуется той утварью, какой положено, — здесь хватают первое, что попадается под руку, а потом кладут бог знает куда. И никто ничего не помнит. Будь такая жизнь у меня, я бы, наверное, совсем извелся, а им... им хоть бы хны.

Спенс вздохнул.

— Что ж, во всей этой истории есть один плюс — пока не будет полной ясности, Джеймса Бентли не казнят. Мы уже направили письмо в министерство внутренних дел. Значит, у нас будет время, которого нам так не хватало.

— Пожалуй, — заключил Пуаро, — а я, пожалуй, еще раз встречусь с Бентли — нам ведь стало кое-что известно.

II

Джеймс Бентли почти не изменился. Разве что немножко похудел да руки стали какими-то беспокой-

ными — в остальном это был тот же человек, тихий и безрадостный.

Эркюль Пуаро говорил, тщательно подбирая слова. Появились новые факты. Полиция решила пересмотреть дело. Значит, есть надежда...

Но Джеймс Бентли отнюдь не запрыгал от радости. Он сказал:

— Все равно это ничего не даст. Что нового они могут найти?

— Ваши друзья, — сказал Эркюль Пуаро, — очень хотят вам помочь.

— Мои друзья? — Он пожал плечами. — Нет у меня друзей.

— Зачем же так? Есть как минимум двое.

— Двое друзей? Интересно знать, кто же это?

В голосе его звучало лишь усталое неверие, ответ его словно и не интересовал.

— Во-первых, старший инспектор полиции Спенс...

— Спенс? Спенс? Полицейский, который скроил против меня дело? Это почти смешно.

— Смеяться тут нечему. Можно только радоваться. Спенс очень проницательный и добросовестный полицейский. И он хочет быть абсолютно уверенным, что за решеткой сидит виновный.

— Он в этом вполне уверен.

— Представьте себе, что нет. И именно поэтому он, как я уже сказал, ваш друг.

— Тоже мне друг!

Эркюль Пуаро выжидательно молчал. И у Джеймса Бентли должны быть черты, присущие любому человеку. И Джеймсу Бентли должно быть свойственно обычное человеческое любопытство.

И правда, Джеймс Бентли наконец спросил:

— А кто же второй?

— Второй ваш друг — Мод Уильямс.

Похоже, Джеймс Бентли слышал это имя впервые.

— Мод Уильямс? А кто это?

– Она работала в компании "Бритер и Скаттл".
– А-а...мисс Уильямс.
– Précisément[1], мисс Уильямс.
– Но ей-то что до этого?
Бывали моменты, когда личность Джеймса Бентли казалась Эркюлю Пуаро крайне непривлекательной, и тогда ему искренне хотелось верить в виновность Бентли. Но чем больше Бентли его раздражал, тем ближе ему становилась точка зрения Спенса. Ему все труднее было представить, что Бентли способен на убийство. Скорее всего, Джеймс Бентли считает, что убивать бессмысленно – этим все равно ничего не изменишь. Если дерзость и наглость, как настаивал Спенс, присущи любому убийце, Бентли, безусловно, убийцей не был.
Сдерживаясь, Пуаро сказал:
– Мисс Уильямс проявляет интерес к этому делу. Она убеждена, что вы невиновны.
– Но что она может о нем знать?
– Она знает вас.
Джеймс Бентли моргнул. Потом недовольно проворчал:
– Ну, знает чуть-чуть, но совсем немного.
– Вы вместе работали, да? Случалось вместе обедать?
– Ну... да... раз или два. В кафе "Синяя кошка", очень удобно, оно прямо через дорогу.
– А никогда вместе не прогуливались?
– Вообще-то однажды было. Поднялись на вершину холма, побродили.
Эркюль Пуаро вышел из себя.
– Ma foi[2], ну почему я должен это вытягивать из вас клещами? Прогуляться в обществе хорошенькой девушки – разве это преступление? Разве это не естественно? Не приятно? Вас это должно возвышать в собственных глазах!

[1]Именно.
[2]Честное слово.

— Не вижу причины, — сказал Джеймс Бентли.

— В вашем возрасте наслаждаться женским обществом — это вполне естественно и правильно.

— У меня и девушек знакомых почти нет.

— Ça se voit![1] Но вы должны стыдиться этого, нашли чем бахвалиться! По крайней мере мисс Уильямс вы знали. Вы с ней работали, разговаривали, иногда вместе обедали, а однажды даже отправились на прогулку по холму. И вот я говорю вам о ней, а вы даже не помните, как ее зовут!

Джеймс Бентли вспыхнул.

— Видите ли... у меня насчет девушек своего опыта мало. Но ведь она не из тех, кого называют "леди", верно? Нет, очень милая и все такое... но, боюсь, моей маме она бы показалась простоватой.

— Важно то, что думаете о ней вы.

Джеймс Бентли снова вспыхнул.

— Взять ее прическу, — сказал он, — или как она одевается. Мама, конечно, была человеком старых понятий...

Он не договорил.

— Но вам-то мисс Уильямс казалась... как бы лучше сказать... симпатичной?

— Она всегда была очень добрая, — медленно произнес Джеймс Бентли. — Но не совсем... если честно... не совсем меня понимала. Ее мама умерла, когда она была совсем ребенком.

— А потом вы лишились работы, — вступил Пуаро. — Найти другую было не так просто. Однажды вы, если не ошибаюсь, встретились с мисс Уильямс в Бродхинни?

Джеймс Бентли явно смутился.

— Да... да. Она приезжала туда по делу и заранее послала мне открытку. Чтобы я ее встретил. Ума не приложу, зачем ей это понадобилось. Не так уж близко мы были знакомы.

[1] Оно и видно!

– Но вы с ней встретились?

– Да. Зачем обижать человека?

– И пошли с ней в кино? Или пообедать?

Джеймс Бентли был шокирован.

– Нет, что вы. Ничего такого не было. Мы... просто поговорили на остановке, пока она ждала свой автобус.

– Несчастная девушка, наверное, получила массу удовольствия.

Джеймс Бентли резко бросил:

– У меня совсем не было денег. Вы об этом забываете. Совсем.

– Да, конечно. Ведь это было за несколько дней до убийства миссис Макгинти?

Джеймс Бентли кивнул. Потом неожиданно добавил:

– Да, был понедельник. А ее убили в среду.

– Хочу спросить вас еще кое о чем, мистер Бентли. Миссис Макгинти читала "Санди компэниэн"?

– Да, читала.

– А вы когда-нибудь эту газету открывали?

– Она мне иногда ее предлагала, но я почти всегда отказывался. Моя мама такие газеты не признавала.

– Значит, последний перед ее убийством номер "Санди компэниэн" вы не видели?

– Нет.

– И миссис Макгинти ничего вам о том номере не говорила, о том, что в нем напечатано?

– Говорила, – неожиданно заявил Джеймс Бентли. – Можно сказать, взахлеб.

– О-ля-ля! Говорила, да еще и взахлеб. Что же она говорила? Только поточнее. Это важно.

– Ну, я теперь точно не помню. Там была статья про какое-то старое дело об убийстве. Кажется, дело Крейга... а может, и не Крейга. Во всяком случае, она сказала: кто-то, замешанный в том деле, сейчас живет в Бродхинни. Она прямо захлебывалась. Я даже не понял, почему она так разволновалась.

– А она сказала, кто именно... живет в Бродхинни?

Джеймс Бентли неуверенно ответил:

– По-моему, это женщина, у которой сын пишет пьесы.

– Она назвала ее по фамилии?

– Нет... я... это ведь так давно было...

Умоляю вас — сосредоточьтесь. Вы ведь хотите вернуться на свободу?

– На свободу? – Бентли даже удивился.

– Да, на свободу.

– Я... ну да, конечно...

– Тогда вспоминайте! Что сказала миссис Макгинти?

– Ну... что-то вроде "вся из себя довольная да гордая. А гордиться особенно и нечем, если все выйдет наружу". И что, мол, по фотографии никогда не скажешь, что это она и есть. Ну, понятное дело, снимок-то совсем старый.

– Но почему вы решили, что речь шла именно о миссис Апуорд?

– Даже не знаю... Откуда-то взялось такое впечатление. Перед этим она говорила о миссис Апуорд... мне было неинтересно, я отвлекся... а потом... вот сейчас пытаюсь вспомнить и не могу точно сказать, о ком шла речь. Миссис Макгинти вообще была болтушкой.

Пуаро вздохнул. Потом сказал:

– Лично я считаю, что речь не шла о миссис Апуорд. Миссис Макгинти имела в виду кого-то другого. Какая нелепость – попасть на виселицу из-за того, что, разговаривая с людьми, ты был невнимателен... А миссис Макгинти рассказывала вам о домах, где она работала, о своих домохозяйках?

– Вообще-то бывало... но спрашивать меня об этом – пустое дело. Вы не хотите понять, мсье Пуаро, что я в то время был занят собственной жизнью, собственными проблемами. Я тогда был весь на нервах.

– На нервах! Сейчас у вас для этого гораздо больше причин! Вспомните, говорила ли миссис Макгинти о

миссис Карпентер – тогда она была миссис Селкирк – или о миссис Рендел?

– Карпентер? Это у которого новый дом на вершине холма и шикарная машина? Он был обручен с миссис Селкирк... да, миссис Макгинти всегда эту миссис Карпентер чихвостила. Не знаю почему. "Выскочка" – вот как она ее называла. Что она этим хотела сказать, не знаю.

– А Ренделы?

– Он доктор, да? Про них она, кажется, ничего особенного не говорила.

– А Уэтерби?

– Об этих помню. – Джеймс Бентли был явно доволен собой. – "Все ей вынь да положь, вечно с какими-то дурацкими прихотями" – вот что она говорила. А про него: "Никогда слова не дождешься, ни доброго, ни злого. – Он помолчал. – Счастье в этом доме и не ночевало" – так она говорила.

Эркюль Пуаро поднял голову. На секунду в голосе Джеймса Бентли зазвучали нотки, каких Пуаро раньше не слышал. Бентли не просто послушно повторял то, что диктовала ему память. На какой-то короткий миг его мозг вышел из состояния апатии. Джеймс Бентли думал о Хантер-Клоуз, о жизни в этом доме, о счастье, которое там и не ночевало. Джеймс Бентли думал, словно пробудившись от тяжелого сна.

Пуаро мягко спросил:

– Вы их знаете? Мать? Отца? Дочь?

– Не очень. И то благодаря силихемтерьеру. Собака попала в капкан. Хозяйка не могла ей помочь. Я ее вызволил.

В голосе Бентли опять прозвучали новые интонации. "Я ее вызволил" – в этих словах пусть слабым отзвуком, но все-таки слышалась гордость.

Пуаро вспомнил, что поведала ему миссис Оливер о своем разговоре с Дейдри Хендерсон.

И негромко произнес:

– А с хозяйкой собаки вы говорили?

– Да. Она... рассказала мне, что ее мать очень страдает. Она свою мать очень любит.

– А вы рассказали ей про вашу маму?

– Да, – просто ответил Джеймс Бентли.

Пуаро молчал. Он ждал.

– Жизнь – очень жестокая штука, – сказал Джеймс Бентли. – И очень несправедливая. На долю некоторых совсем не достается счастья.

– Возможно, – уклончиво заметил Эркюль Пуаро.

– Не думаю, что она очень счастлива. Мисс Уэтерби.

– Хендерсон.

– Ах да. Она сказала, что у нее отчим.

– Дейдри Хендерсон, – сказал Пуаро. – Печальная Дейдри. Красивое имя – только девушка некрасивая, если не ошибаюсь.

Джеймс Бентли вспыхнул.

– А мне, – произнес он, – она показалась довольно симпатичной...

ГЛАВА 19

– Ты слушай, что я тебе говорю, – наставляла миссис Толк.

Эдна шмыгнула носом. Она уже давно внимала миссис Толк. И этот бесполезный разговор шел не по первому кругу. Миссис Толк перепевала одно и то же на разные лады, а иногда повторяла себя дословно. Эдна же шмыгала носом, изредка бормотала что-то невнятное, и ее реальный вклад в этот разговор был вот какой: во-первых, не может она, и все тут! Во-вторых, отец с нее шкуру спустит, если узнает.

– Может, и спустит, – согласилась миссис Толк. – Но убийство – это убийство, и ты не имеешь права скрывать то, что видела.

Эдна шмыгнула носом.

– Тебе давно полагалось бы...

Миссис Толк оборвала себя на полуслове, чтобы обслужить миссис Уэтерби, пришедшую купить вязальные спицы и очередную унцию шерсти.

– Что-то вас давно не видно, мадам, – бодрым голосом приветствовала гостью миссис Толк.

– Мне в последнее время все как-то нездоровится, – пожаловалась миссис Уэтерби. – Сердце шалит. – Она тяжело вздохнула. – Приходится много лежать.

– Я слышала, вы взяли новую работницу, – сказала миссис Толк. – Шерсть светлая, поэтому спицы лучше взять темные.

– Да, верно. Она довольно толковая и готовит неплохо, но манеры! А внешность! Волосы покрашены, неуместные джемпера в обтяжку.

– Увы, – поддержала ее миссис Толк. – Искусству прислуживать девушек в наши дни никто не обучает. Моя мама ходила в люди с тринадцати лет, каждое утро поднималась без четверти пять. Она дослужилась до старшей горничной, у нее в подчинении были три девушки. И она выучила их на славу. А сейчас времена не те. Девушек нынче не готовят – им просто дают образование, вон как Эдне.

Обе женщины взглянули на Эдну – та стояла, облокотившись на почтовый прилавок, шмыгала носом и безмятежно посасывала леденец. Если она являла собой пример образованности, то системе образования это никак не делало чести.

– Какая ужасная история с миссис Апуорд, правда? – подбросила тему миссис Толк, пока миссис Уэтерби выбирала среди разноцветных спиц нужную ей пару.

– Кошмарная, – подтвердила миссис Уэтерби. – Мне даже боялись сказать. А когда сказали, у меня началось жуткое сердцебиение. Я такая чувствительная.

– Для всех нас это было жуткое потрясение, – согласилась миссис Толк. – На молодого мистера Апуорда было страшно смотреть. Эта дама-писательница не отходила от него ни на шаг, пока не приехал доктор

и не дал ему утоляющее или как там его. Ночевать он уехал в Лонг-Медоуз, там решил и пожить какое-то время. возвращаться в коттедж не захотел, и я его вполне [illegible]. Дженит Грум, та уехала домой к племянницам, [illegible]ей взяла себе полиция. А дама, что пишет [illegible] убийства, вернулась в Лондон, но приедет [illegible] начнется следствие.

Весь [illegible] миссис Толк выдала с большим наслаждением, [illegible] гордилась тем, что всегда хорошо осведомлена. [illegible] прочено, что миссис Уэтерби потому и решила [illegible] новыми спицами, что сгорала от желания узнать [illegible] новости. Она расплатилась.

— Я так [illegible], — сказала она. — Жить в нашей деревне стало [illegible] просто опасным. Завелся какой-то маньяк. Подумать только, ведь моя доченька в тот вечер выходила из дому, на нее могли напасть, даже убить.

Миссис Уэтерби закрыла глаза и чуть качнулась из стороны в сторону. Миссис Толк наблюдала за ней с интересом, но без тревоги. Открыв глаза, миссис Уэтерби разразилась следующей напыщенной тирадой:

— Надо выставить охрану. Запретить молодежи выходить на улицу с наступлением темноты. Все двери держать запертыми и закрытыми на задвижки. Представляете, миссис Саммерхейз в Лонг-Медоуз двери вообще не запирает. Даже на ночь. Задняя дверь и окно в гостиную у нее распахнуты настежь, чтобы собакам и кошкам было вольготнее. Лично я считаю, что это — полное безумие, а она говорит: у них так всегда и, если грабители захотят забраться в дом, их все равно не остановишь.

— Наверное, грабителям в Лонг-Медоуз особенно нечем поживиться, — заметила миссис Толк.

Миссис Уэтерби грустно покачала головой и удалилась со своей покупкой.

А миссис Толк и Эдна возобновили свой спор.

— Скрывать истину — это не дело, — наставляла

миссис Толк. – Добро есть добро, а убийство есть убийство. Скажи правду и посрами дьявола. Вот тебе мой сказ.

– Отец с меня шкуру спустит, как пить дать, – стояла на своем Эдна.

– Я поговорю с твоим отцом, – предлагала миссис Толк.

– Нет уж, не надо, – отказывалась Эдна.

– Миссис Апуорд убили, – настаивала миссис Толк. – А ты видела что-то такое, о чем полиция не знает. Ты работаешь в почтовом ведомстве, правильно? Значит, ты – государственная служащая. И должна выполнить свой долг. Ты должна пойти к Берту Хейлингу...

Эдна снова зашмыгала и засопела.

– Нет, к Берту не могу. Как это я пойду к Берту? Мигом вся деревня узнает.

С сомнением в голосе миссис Толк сказала:

– Еще есть этот джентльмен-иностранец...

– Нет, к иностранцу не могу. Только не к иностранцу.

– Может, здесь ты и права.

У здания почты, взвизгнув тормозами, остановилась легковая машина.

Лицо миссис Толк просияло.

– Майор Саммерхейз приехал. Ему все и расскажи, он тебе подскажет, как поступить.

– Да не могу я, – тянула свое Эдна, но уже не так убежденно.

Джонни Саммерхейз вошел в помещение почты, покачиваясь под тяжестью трех картонных коробок.

– Доброе утро, миссис Толк, – весело приветствовал ее он. – Надеюсь, тут перевеса не будет?

Миссис Толк приняла официальный вид и занялась оформлением посылки. Потом обратилась к Саммерхейзу, который с чинным видом наклеивал марки.

– Извините, сэр. Я бы хотела с вами посоветоваться.

– Да, миссис Толк?

— Вы здесь старожил, сэр, вам виднее, как поступить.

Саммерхейз кивнул. Феодальный дух и по сей день не выветрился из английских деревень — любопытно и трогательно. Лично его жители деревни знали мало, но, поскольку в Лонг-Медоуз жили его отец, дед и неизвестно сколько прадедов, считалось вполне естественным в случае надобности советоваться с ним — уж он-то разберется, как да что.

— Насчет Эдны, — сказала миссис Толк.

Та шмыгнула носом.

Джонни Саммерхейз с сомнением глянул на Эдну. Не скажешь, что эта девушка располагает к себе, никак не скажешь. Прямо какой-то освежеванный кролик. Да и мозгами, похоже, бог обделил. Неужели ей, что называется, "приделали ребеночка"? Нет, кто же на такую позарится? Да и миссис Толк не стала бы с ним советоваться по такому делу.

— Ну, — любезно откликнулся он. — Что там приключилось?

— Это насчет убийства, сэр. В вечер убийства Эдна кое-что видела.

Джонни Саммерхейз перевел взгляд своих быстрых темных глаз с Эдны на миссис Толк, потом обратно на Эдну.

— И что же вы видели, Эдна? — спросил он.

Эдна засопела. Слово взяла миссис Толк.

— Конечно, до наших ушей долетает всякое. Что-то слухи, а что-то и правда. Но ведь доподлинно известно — какая-то дама в тот вечер пила с миссис Апуорд кофе. Верно я говорю, сэр?

— Да, думаю, что так.

— Уж это-то правда — нам ведь сам Берт Хейлинг сказал.

Элберт Хейлинг — это был местный констебль, Джонни Саммерхейз хорошо его знал. Говорит медленно, со значением, считает себя важной птицей.

— Понятно, — сказал Саммерхейз.

– Но кто была эта дама – неизвестно, да? Ну вот, а Эдна ее видела.

Джонни Саммерхейз взглянул на Эдну. Поджал губы, словно собираясь свистнуть.

– Вы ее видели, Эдна? Она входила туда или выходила?

– Входила, – сказала Эдна. В ней зашевелилось ощущение собственной важности, и язык развязался. – Я-то была на другой стороне дороги, под деревьями. Прямо где поворот в переулок, там темно. И видела ее. Она вошла в ворота, подошла к двери, постояла там немножко... а потом скрылась за дверью.

Лоб Джонни Саммерхейза разгладился.

– Все правильно, – сказал он. - Это была мисс Хендерсон. Полиции об этом известно. Она сама им все рассказала.

Эдна покачала головой.

– Это была не мисс Хендерсон, – сказала она.

– Нет? Тогда кто же?

– Не знаю. Лица я не видела. Ко мне-то она спиной была, сперва шла по дорожке, потом стояла. Но только это не мисс Хендерсон.

– Как вы можете это утверждать, если не видели ее лица?

– Так у нее волосы были светлые. А у мисс Хендерсон – темные.

Джонни Саммерхейз смотрел на нее с явным недоверием.

– Вчера стояла страшная темень. Разве можно было различить цвет волос?

– А я вот различила. Над крыльцом горел свет. Некому было выключить – мистер Робин и дама, что детективы пишет, в театр уехали. А она прямо под светом и стояла. В темном пальто, без шляпы, а волосы так и блестели. Все я видела.

Джонни медленно присвистнул. Глаза его посерьезнели.

— В котором часу это было? — спросил он.

Эдна шмыгнула носом.

— Чего не знаю, того не знаю.

— Примерно-то знаешь, вот и скажи, — подбодрила ее миссис Толк.

— Ну, девяти еще не было. Я бы колокол с церкви услышала. А половину девятого уже пробило.

— Значит, между половиной девятого и девятью. А внутри она долго оставалась?

— Не знаю, сэр. Ждать-то я больше не стала. И не слыхала ничего. Криков там или стонов, ничего такого.

Эдна даже слегка опечалилась.

Но Джонни Саммерхейз знал — никаких криков и стонов и не должно было быть. Суровым тоном он произнес:

— Что ж, тут сомнений нет. Надо все рассказать полиции.

Ответом были долгие шмыгающие всхлипывания.

— Отец с меня шкуру спустит, — ныла Эдна. — Уж как пить дать.

Она бросила умоляющий взгляд на миссис Толк и мигом скрылась в задней комнате. Миссис Толк уверенно взяла бразды в свои руки.

— Дело вот в чем, сэр, — заговорила она, отвечая на вопросительный взгляд Саммерхейза. — Эдна ведет себя, как последняя дурочка. Отец у нее — человек строгий, может, даже чересчур, но в наши дни и не поймешь, как оно лучше. В Каллавоне живет один вполне приличный парень, он за Эдной давно ухаживал, и у ее отца сердце радовалось, но этот Рег, он не особенно расторопный, а девушкам, им, сами знаете, побыстрее охота. Вот Эдна и переметнулась к Чарли Мастерсу.

— Мастерс? Один из тех, кто работает на ферме Коула?

— Он самый, сэр. Помощник фермера. Так ведь у него жена и двое детей. И ни одну девку не пропустит, развратник этакий. Ну, у Эдны мозги набекрень, чего от

нее ждать, а ее отец решил это дело прекратить. И правильно. Так вот, Эдна в тот вечер якобы в Каллавон собралась, в кино сходить с Регом — так она отцу сказала. А на самом деле отправилась на свидание к этому Мастерсу. Вот и ждала его на углу переулка, видно, у них там обычное место. А он возьми и не приди. Может, с женой поцапался и уйти было неудобно, может, наоборот, другую девку подцепил, но факт, что не пришел. Эдна ждала, ждала, да не дождалась. Ну вот, а теперь поди объясни, чего это она там стояла, вместо того чтобы на автобусе ехать в Каллавон, — неловко ей, ясное дело.

Джонни Саммерхейз понимающе кивнул. Надо же, вот и не располагающая, а поди ж ты, расположила к себе сразу двух мужиков, значит, что-то сексуальное в ней есть? Но, подавив ненужное любопытство, он перешел к практической стороне дела.

— Значит, она не хочет идти с этим к Берту Хейлингу, — быстро сориентировался он.

— Именно так, сэр.

Саммерхейз ненадолго задумался.

— Боюсь, скрывать это от полиции нельзя, — негромко сказал он.

— И я ей то же самое говорю, сэр, — поддакнула миссис Толк.

— Я думаю, они проявят такт насчет... обстоятельств. Может, ей и не придется давать официальные показания. Она им просто расскажет, что видела, а они это оставят при себе. Я могу позвонить Спенсу и попросить его приехать сюда... нет, лучше я заберу вашу Эдну в Килчестер, отвезу на машине. Если она прямо там зайдет в полицейский участок, здесь об этом никто и знать не будет. Я им просто позвоню и предупрежу, что мы приедем.

И вот, после непродолжительного телефонного разговора, шмыгающая носом Эдна, застегнув доверху пуговицы пальто и получив последнее благословение

миссис Толк, села в фургон Джонни Саммерхейза, и машина быстро поехала в сторону Килчестера.

ГЛАВА 20

Эркюль Пуаро находился в кабинете старшего инспектора Спенса в Килчестере. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, чуть прикрыв глаза, поигрывая перед собой кончиками пальцев.

Старший инспектор принял какие-то сообщения, проинструктировал сержанта и наконец перевел взгляд на знаменитого сыщика.

— Вас никак осенило, мсье Пуаро? — спросил он.

— Я просто анализирую, — сказал Пуаро, — оцениваю факты.

— Я забыл у вас спросить. Ваша встреча с Джеймсом Бентли — она что-нибудь дала?

Пуаро покачал головой. Потом нахмурился.

Ибо в эту минуту его занимал именно Джеймс Бентли.

Надо же, раздраженно думал Пуаро, в кои веки он предложил свои услуги бесплатно, исключительно из дружбы и уважения к честному и порядочному полицейскому, и именно в таком деле жертва обстоятельств оказалась начисто лишена романтической привлекательности. Ну почему на месте Бентли не миловидная девушка, загнанная в тупик, но совершенно безвинная, не достойный и прямодушный молодой человек, тоже загнанный в тупик, чья голова "хоть и в крови, но не склонилась" — Пуаро пришла на ум строчка, недавно вычитанная им в сборнике английской поэзии. А он что? Взвалил на себя ношу по имени Джеймс Бентли, случай, можно сказать, патологический, махровый эгоист, полностью замкнутый на себя. И ни капли благодарности к людям, которые пытаются его спасти, — ему их усилия, можно сказать, до лампочки.

Так, может, пусть его и повесят, если ему до собст-

венной жизни и дела нет?

Ну нет, это уж он зарапортовался...

Старший инспектор Спенс кашлянул и нарушил эти мысли.

– Наш разговор, – очнулся Пуаро, – оказался, я бы сказал, крайне непродуктивным. Если Бентли и мог вспомнить что-то полезное, он этого не сделал, а что вспомнил, ничего нам не дает – зацепиться не за что, все сплошь туман и неопределенность. Но одно я себе уяснил: статья в "Санди компэниэн" и вправду взбудоражила миссис Макгинти, она рассказала о ней Бентли и даже обмолвилась, что "кто-то имеющий отношение к этому делу" живет в Бродхинни.

– К какому делу? – быстро переспросил Спенс.

– Тут у нашего друга уверенности нет, – сказал Пуаро. – Он упомянул, правда, дело Крейга, но, поскольку о других он раньше не слышал, не исключено, что в памяти засело именно это. Но этот "кто-то" – женщина. Тут он даже процитировал слова миссис Макгинти. Ей, мол, "гордиться особенно нечем, если все выйдет наружу".

– Гордиться?

– Mais oui[1]. – Пуаро кивнул, как бы оценивая проницательность Спенса. – Это слово о многом говорит, верно?

– Но он не назвал ее, эту горделивую даму?

– Представьте себе, назвал: миссис Апуорд. Но, насколько я понимаю, безо всяких на то оснований.

Спенс покачал головой.

– Может, просто потому, что эти черты – горделивая да властная – были ей еще как присущи. Но это не могла быть миссис Апуорд, потому что ее убили, причем убили по той же причине, что и миссис Макгинти, – она узнала женщину на фотографии.

Пуаро с горечью произнес:

– Я ведь ее предупредил.

[1] Ну да.

Спенс раздраженно забубнил:

— Лили Гэмбол! По возрасту у нас кандидатки только две: миссис Рендел и миссис Карпентер. Девицу Хендерсон в расчет не беру — ее прошлое известно.

— А двух других — нет?

Спенс вздохнул.

— Вы ведь сами знаете, какие нынче дела. Война все и вся перемешала, никаких концов не найдешь. В исправительную школу, где жила Лили Гэмбол, попала бомба, и все документы сгорели дотла. Или взять людей. Проверить прошлое обычных людей — труднее задачи не придумаешь. Вот, например, о ком из местных жителей нам хоть что-нибудь известно? Только о Саммерхейзах, которые живут здесь добрых триста лет, да о Гае Карпентере, он потомственный инженер. А все остальные — как бы это сказать? — слегка бесформенные. Доктор Рендел зарегистрирован в медицинском справочнике, и мы знаем, где он учился, где практиковал, но о корнях его нам не известно ничего. Жена у него откуда-то из-под Дублина. Ив Селкирк — так ее звали, пока она не вышла за Карпентера, — была молоденькой вдовушкой со времен войны. Военная вдовушка — что может быть проще, если надо замести следы? Любая может объявить себя таковой. А возьмите Уэтерби — похоже, они помотались по белу свету, и там были, и сям. А почему? По какой причине? Может, он совершил растрату в банке? Или они как-то оскандалились? Не хочу сказать, что мы не можем как следует покопаться в прошлом. Можем, но на это нужно время. Ведь сам никто ничего тебе не расскажет.

— Им есть что скрывать, но это вовсе не значит, что они кого-то убили, — заметил Пуаро.

— Разумеется. Мало ли: кто-то преступил закон, кто-то стесняется незнатного происхождения, кто-то скрывает старый скандал, а то и просто сплетни. Как бы то ни было, люди предприняли немалые усилия, чтобы поглубже закопать свое прошлое — и выкопать его ох как непросто.

– Но все-таки возможно.

– Конечно, возможно. Но на это нужно время. Я считаю, что, если Лили Гэмбол сейчас в Бродхинни, это либо Ив Карпентер, либо Шила Рендел. Я их допрашивал, сказал им, что это простая формальность. Обе они в вечер убийства были дома, причем одни. Миссис Карпентер была сама невинность, миссис Рендел нервничала, но она, если на то пошло, вообще особа нервная.

– Да, – задумчиво согласился Пуаро. – Она – особа нервная.

Ему вспомнилась сцена в саду в Лонг-Медоуз. Миссис Рендел получила анонимное письмо – по крайней мере так она сказала. Интересно, что означали те ее слова? Он уже не раз спрашивал себя об этом...

Спенс продолжал:

– И мы должны быть осторожны – даже если одна из них и совершила преступление, другая совершенно невиновна.

– А Гай Карпентер метит в парламент и на местном фоне фигура видная.

– Да, и если он виновен в убийстве или является соучастником, это может выйти ему боком, – мрачно заявил Спенс.

– Это понятно. Только нам надо знать наверняка, ведь так?

– Так. Но вы не станете возражать, что убийца – либо одна, либо другая?

Пуаро вздохнул.

– Стану. Это будет слишком категорично. Возможны и другие варианты.

– Какие?

Пуаро отозвался не сразу, и голос его прозвучал почти беззаботно:

– Зачем люди хранят фотографии?

– Зачем? Господь их разберет! Зачем они вообще хранят вещи? Всякое старье, безделушки, хлам? Хранят – и все тут!

— Отчасти я с вами согласен. Кто-то любит хранить вещи. А кто-то, наоборот, тут же все выбрасывает. У кого какой темперамент. Но я сейчас говорю только о фотографиях. Так вот, зачем все-таки хранят фотографии?

— Ну я же говорю, кто-то вообще ничего не выбрасывает. Или потому что фотографии напоминают...

Пуаро [illegible] эти слова.

— Именно. Напоминают. А теперь зададим тот же вопрос — [illegible] женщине хранить фотографию времен [illegible]?" Первой и главной причиной я бы назвал [illegible]. Она была хорошенькой, вот и хранит свои [illegible], чтобы помнить, какой хорошенькой [illegible]. И когда зеркало говорит ей непереносимую [illegible], все как-то легче на душе становится, стоит взглянуть на старое фото. Достает она, допустим, такую фотографию, показывает ее подруге и говорит: "Вот какая я была в восемнадцать лет!" — и вздыхает... Согласны?

— Да... да, думаю, вы правы.

— Итак, это причина номер один. Тщеславие. Перейдем к причине номер два. Сентиментальность.

— Разве это не одно и то же?

— Нет-нет, не совсем. Это чувство заставляет тебя хранить не только собственные фотографии, но и чьи-то еще... Фотографию замужней дочери — вот она, малышка, в тюлевой накидке сидит на каминном коврике.

— Встречались мне такие. — Спенс ухмыльнулся.

— Да. Выросших детей такие снимки иногда смущают, а матерям — радость. С другой стороны, сыновья и дочери часто хранят фотографии матерей, особенно, скажем, если мать умерла молодой. "Это моя мама в молодости".

— Я начинаю понимать, куда вы клоните, мсье Пуаро.

— А возможна, я полагаю, и третья категория. Не тщеславие, не сентиментальность, не любовь... что скажете про ненависть?

– Ненависть?

– Да. Чтобы не угасала жажда мести. Кто-то вас здорово обидел – и вот вы, как напоминание, храните у себя фотографии обидчика. Возможно такое?

– Но к нашему делу это явно не относится?

– Так ли явно?

– Что у вас на уме?

Пуаро пробурчал:

– Ошибки в газетных сообщениях – не редкость. В "Санди компэниэн" было написано, что Ева Кейн служила в доме Крейгов гувернанткой. Так оно и было на самом деле?

– Да, так и было. Но разве мы с вами ищем не Лили Гэмбол?

Пуаро внезапно выпрямился в кресле. По-наставнически поднял палец и погрозил им Спенсу.

– А вы вглядитесь. Вглядитесь в фотографию Лили Гэмбол. Хорошенькой ее не назовешь – ну никак! Если честно, с этими зубами, в этих очках она просто уродина. Выходит, по первой причине хранить такую фотографию не стал бы никто. Нет женщины, которая станет хранить такое фото из тщеславия. Ив Карпентер и Шила Рендел – женщины интересные, особенно Ив Карпентер, и, будь это фотография кого-то из них в отрочестве, они бы первым делом разорвали ее на мелкие кусочки – не дай бог, кто-нибудь увидит!

– Да, в этом что-то есть.

– Значит, первая причина отпадает. Теперь сентиментальность. Любил ли кто-нибудь Лили Гэмбол в том возрасте? В том-то и дело, что никто, и в этом трагедия всей ее жизни. Это был ребенок заброшенный и никому не нужный. Если кто и был к ней добр, так это ее тетка, но она умерла от удара тесаком. Стало быть, сентиментальные соображения тоже отпадают. Как насчет мести? Но и ненавидеть ее было некому. Ее убиенная тетка была женщиной одинокой, без мужа, без близких друзей. Кому было ненавидеть несчастную

девчонку из трущоб? Кто-то мог ее разве что пожалеть.

— Слушайте, мсье Пуаро, у вас получается, что держать у себя это фото не мог никто.

— Именно — рассуждения привели меня как раз к этому выводу.

— Но ведь кто-то держал ее у себя. Потому что миссис Апуорд ее видела.

— Так уж и видела?

— Черт возьми. Вы же сами мне это сказали. А услышали от нее.

— Да, услышал от нее, — согласился Пуаро. — Но покойная миссис Апуорд была во многих отношениях женщиной скрытной. Ей нравилось самой направлять ход событий. Я показал фотографии, и одну из них она узнала. Но по какой-то причине решила не раскрывать карты до конца. Более того, перетасовать их, запутать положение. Ей так было интереснее. И поэтому, будучи женщиной сообразительной, цепкой, она нарочно указывает не на ту фотографию. И правда не становится достоянием окружающих.

— Но зачем ей это?

— Я же говорю: чтобы разыграть всю партию самой.

— Вряд ли она хотела кого-то шантажировать. Ведь она — богатейшая женщина, вдова промышленника с севера.

— Нет-нет, шантаж тут ни при чем. Скорее это было благодеяние. Скажем, к этой особе она относилась по-доброму и не хотела разглашать ее тайну. Но любопытство есть любопытство. Она решила поговорить с этой особой наедине. И по ходу разговора выяснить, имеет ли эта особа отношение к убийству миссис Макгинти. Что-то в этом роде.

— Но тогда три остальные фотографии нельзя сбрасывать со счетов?

— Именно. Миссис Апуорд решила связаться с интересующей нас особой при первой возможности. Она представилась, когда ее сын и миссис Оливер отпра-

вились в театр в Калленки.

– И она позвонила Дейдри Хендерсон. Стало быть, Дейдри Хендерсон снова в списке подозреваемых. А заодно и ее мать!

Старший инспектор Спенс грустно поглядел на Пуаро и покачал головой.

– Вы нарочно все усложняете, мсье Пуаро? – спросил он.

ГЛАВА 21

Миссис Уэтерби возвращалась домой с почты, и походка ее была удивительно бойкой для хронического больного.

Но, войдя в дом, она, уже едва волоча ноги, с трудом доплелась до гостиной и рухнула на диван.

Под рукой был звонок, и она нажала на кнопку.

Ничего не произошло, и она позвонила снова, на сей раз не торопясь убирать палец с кнопки.

Вскоре появилась Мод Уильямс. На ней был цветастый комбинезон, в руке она держала щетку для пыли.

– Вы звонили, мадам?

– Звонила, и дважды. Когда я звоню, я жду, что на мой зов откликнутся немедленно. А вдруг со мной опасный приступ?

– Извините, мадам. Я была наверху.

– Знаю. Вы были в моей комнате. Я слышала ваши шаги над головой. Вы выдвигали и задвигали ящики. Интересно знать зачем? Совать нос в мои вещи – это в ваши обязанности не входит.

– И не думала совать нос. Просто убрала в ящики то, что лежало не на месте, навела порядок.

– Вздор. Вы все только и делаете, что шпионите. Я этого не потерплю. Я едва на ногах держусь. Мисс Дейдри дома?

– Она пошла прогулять собаку.

— Что за недомыслие. Могла бы сообразить, что может мне понадобиться. Принесите мне взбитое яйцо с молоком, добавьте немного бренди. Бренди стоит в столовой, на буфете.

— В доме осталось только три яйца на завтрак.

— Значит, кто-то обойдется без яйца. Извольте поторопиться. Что вы стоите и пялитесь на меня? На вас слишком много косметики. Здесь она неуместна.

В холле раздался собачий лай, и в гостиную, пропустив выходившую Мод, вместе с силихемтерьером вошла Дейдри.

— Я услышала твой голос, — запыхавшись, проговорила Дейдри. — Ты ее за что-то отчитала?

— Ничего особенного.

— Она была прямо как фурия.

— Я просто поставила ее на место. Будет знать, как дерзить.

— Мамуля, дорогая, ну зачем? Ведь так трудно кого-нибудь найти. А готовит она хорошо.

— А что она со мной нагличает, это не важно? Ладно, мне уже недолго осталось вас мучить. — Миссис Уэтерби закатила глаза и несколько раз прерывисто вздохнула. — Ну и находилась же я, — пробормотала она.

— Зачем, дорогая мамочка? Почему не сказала мне, что тебе куда-то надо?

— Решила, что прогулка по свежему воздуху мне не помешает. Тут прямо дышать нечем. Впрочем, какая разница? Если ты для людей обуза, то и жить не хочется.

— Никакая ты не обуза, мамочка. Я без тебя просто умру.

— Ты у меня хорошая, но я же вижу, как я изматываю тебя, как действую тебе на нервы.

— Не говори так... это неправда, — пылко возразила Дейдри.

Миссис Уэтерби вздохнула, и веки ее опустились.

— Мне трудно много разговаривать, — пробормотала она. — Надо полежать спокойно.

– Пойду потороплю Мод, что она там запропастилась с напитком?

Дейдри выбежала из комнаты. В спешке она задела локтем за стол, и бронзовый божок бухнулся на пол.

– До чего неловкая, – буркнула миссис Уэтерби, чуть нахмурившись.

Открылась дверь, и вошел мистер Уэтерби. Минутку постоял молча. Миссис Уэтерби открыла глаза.

– О-о, это ты, Роджер.

– Что у вас за шум стоит? В доме невозможно спокойно почитать.

– Это всего лишь Дейдри, дорогой. Вернулась с собакой.

Мистер Уэтерби наклонился и поднял с пола бронзовое чудовище.

– До каких пор Дейдри, как малое дитя, будет все сметать на своем пути?

– Просто она немножко неловкая.

– В ее возрасте быть неловкой — это ни в какие ворота не лезет. И неужели она не может унять эту собаку? Псина все время лает.

– Я поговорю с ней, Роджер.

– Раз уж она живет здесь, пусть считается с нашими желаниями, а то ведет себя, будто она здесь одна.

– Ты, наверное, предпочел бы, чтобы она с нами не жила? – пробормотала миссис Уэтерби. Сквозь полуприкрытые веки она наблюдала за мужем.

– Нет, вовсе нет. Конечно, нет. Пусть живет с нами, я не против. Пусть только проявляет чуть больше здравого смысла, чуть больше заботится об окружающих. – Потом добавил: – Ты куда-то выходила, Эдит?

– Да. Прошлась до почты.

– Насчет этой бедняги, миссис Апуорд, ничего нового?

– Убийцу полиция пока не нашла.

– Похоже, что и не найдет. А мотив какой? Кому достанутся ее деньги?

— Сыну, наверное.

— Да... тогда, скорее всего, это и вправду какой-нибудь бродяга. Скажи этой девице, пусть следит, чтобы входная дверь была всегда заперта. А ближе к сумеркам если будет ее для кого-то открывать, то только через цепочку. С этими бродягами надо ухо востро держать, такое наглое отребье!

— У миссис Апуорд как будто ничего не пропало.

— Странно.

— Не то что у миссис Макгинти, — добавила миссис Уэтерби.

— Миссис Макгинти? А-а! Поденщица. Но что общего между миссис Макгинти и миссис Апуорд?

— Она у нее работала, Роджер.

— Не говори ерунды, Эдит.

Миссис Уэтерби снова закрыла глаза. Когда мистер Уэтерби вышел из комнаты, миссис Уэтерби улыбнулась каким-то своим мыслям.

Потом в испуге открыла глаза — перед ней стояла Мод со стаканом в руках.

— Ваш напиток, мадам, — сказала Мод.

Голос ее звучал громко и четко. Для могильной тишины дома эхо было очень гулким.

Миссис Уэтерби с неосознанным чувством тревоги подняла голову.

Какая она высокая, эти девушка, как распрямлена ее спина. Она стояла над миссис Уэтерби, как... как страшный судия... миссис Уэтерби стало не по себе — что вдруг ей в голову пришло такое страшное сравнение?

Она приподнялась на локте и взяла стакан.

— Спасибо, Мод, — поблагодарила она.

Мод повернулась и вышла из комнаты.

Ощущение смутной тревоги все не покидало миссис Уэтерби.

ГЛАВА 22

I

Наняв машину, Эркюль Пуаро вернулся в Бродхинни.

От непрерывных размышлений у него даже заболела голова. Думать – это всегда утомительное занятие. А тут еще раздумья эти не приносили результатов. Так бывает: в материал вплетен совершенно четкий узор, вот ты держишь ткань в руках, а узор разглядеть не можешь.

Но узор есть. В этом все дело. Есть, конечно же. Но до того однотонный, до того неуловимый, что никак его не распознать.

Когда они выехали из Килчестера, навстречу попался фургон Саммерхейзов. За рулем сидел Джонни, рядом еще кто-то. Пуаро едва их заметил, так был поглощен своими мыслями.

Вернувшись в Лонг-Медоуз, он прошел в гостиную. Сел в самое удобное кресло, предварительно убрав стоявший на нем дуршлаг со шпинатом. Сверху доносился негромкий перестук пишущей машинки. Это Робин Апуорд сражался с собственной пьесой. Он признался Пуаро, что три варианта уже разорвал. Никак не удается сосредоточиться.

Что ж, может, он безмерно любил свою мать и был глубоко опечален ее смертью, но все равно остался Робином Апуордом – человеком, для которого собственные интересы превыше всего.

– Мадре, – провозгласил он торжественно, – хотела бы, чтобы я продолжал работать.

Подобные слова Эркюль Пуаро слышал не раз. Это была довольно удобная посылка – мы, мол, знаем, каким было бы желание покойника. Безутешные родственники никогда не сомневались насчет сокровенных желаний усопшего, и эти желания обычно не противоречили их собственным намерениям.

Но в данном случае большого греха против истины в этих словах, скорее всего, не было. Миссис Апуорд искренне верила в талант Робина и, несомненно, гордилась им.

Пуаро откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Он стал думать о миссис Апуорд. Что же она была за человек, эта миссис Апуорд? Ему вдруг вспомнились слова, услышанные им как-то от одного полицейского чина.

"Мы разберем его на части и посмотрим, что у него внутри".

Так что же было внутри у миссис Апуорд?

Раздался какой-то грохот, и в комнату влетела Морин Саммерхейз. Волосы ее развевались, будто на сильном ветру.

— Не представляю, что могло случиться с Джонни, — сказала она. — Он поехал на почту получить заказанный товар. Уже час, как должен был вернуться. Надо, чтобы он приделал дверь в курятнике.

Истинный джентльмен, с испугом подумал Пуаро, галантно предложил бы свои услуги — где он, этот ваш курятник? Но Пуаро предлагать свои услуги не стал. Он хотел размышлять — о двух убийствах и о личности миссис Апуорд.

— И не могу найти бланк из министерства сельского хозяйства, — сокрушалась Морин. — Прямо обыскалась.

— На диване лежит шпинат, — чем мог, помог Пуаро.

Но шпинат Морин в данную минуту не интересовал.

— Этот бланк прислали еще на той неделе, — рассуждала она. — Значит, я его куда-то сунула. Кажется, я как раз штопала Джонни пуловер.

Она кинулась к комоду и начала вытягивать ящики. Почти все содержимое она безжалостно выбрасывала на пол. Наблюдать за ней было для Эркюля Пуаро настоящей пыткой.

Вдруг она издала победный клич:

— Нашла!

И в восторге бросилась вон из комнаты.

Эркюль Пуаро вздохнул и вновь предался размышлениям.

Нужно все упорядочить, разложить по полочкам...

Он нахмурился. Внимание его отвлекла куча предметов, в беспорядке разбросанных по полу. Хороший способ поиска, ничего не скажешь!

Упорядоченно и методично – только так. Тогда будет результат. Упорядоченно и методично...

Он развернул кресло чуть в сторону, но хаос на полу все равно оставался в поле его зрения. Какая-то штопка, носки, письма, шерсть для вязанья, журналы, сургуч, фотографии, пуловер...

Нет, это просто невыносимо!

Пуаро поднялся, подошел к комоду и быстрыми ловкими движениями принялся распихивать вещи по открытым ящикам.

Пуловер, носки, шерсть для вязания. Следующий ящик – сургуч, фотографии, письма...

Зазвонил телефон.

Так пронзительно, что Пуаро даже подскочил.

Он подошел к телефону и поднял трубку.

– Алло! Алло! Алло! – произнес он.

Ему ответил голос старшего инспектора Спенса:

– Ага, мсье Пуаро. Вы-то мне и нужны.

Голос Спенса был почти неузнаваем. Тревога и озабоченность куда-то подевались, их сменила деловитость, уверенность в себе.

– Ваша история насчет не той фотографии – чистой воды выдумки, – заявил он с легким упреком, но снисходительно. – У нас есть новые показания. Майор Саммерхейз только что привез сюда работницу почты в Бродхинни. Как я понимаю, в тот вечер она стояла прямо напротив коттеджа Апуордов и видела, как туда вошла женщина. Где-то от восьми тридцати до девяти. Не Дейдри Хендерсон. У женщины были светлые волосы. И стало быть, мы возвращаемся к тому, от чего едва не

ушли, — это либо Ив Карпентер, либо Шила Рендел. Вопрос только в том, кто именно?

Пуаро открыл рот, но не произнес ни слова. Осторожно, аккуратно он положил трубку на место.

Какое-то время он стоял, незряче уставившись в пространство.

Телефон зазвонил снова.

— Алло! Алло! Алло!

— Можно попросить мсье Пуаро?

— Эркюль Пуаро у телефона.

— Так и знала. Это Мод Уильямс. На почте через четверть часа.

— Буду.

Он повесил трубку.

Потом взглянул на ноги. Переобуться? Ноги слегка побаливали. Впрочем, ладно — какая разница?

Решительно нахлобучив шляпу, Пуаро вышел из дому.

Он спускался с холма, когда его окликнул один из людей Спенса, только что вышедший из Лэбернемса.

— Доброе утро, мсье Пуаро.

Пуаро вежливо ответил. От его внимания не укрылось, что сержант Флетчер выглядит возбужденным.

— Инспектор послал меня все еще раз проверить, — объяснил он. — Мало ли, вдруг не заметили какую-то важную мелочь? Всяко бывает, правда же? Письменный стол мы, ясное дело, и тогда обшарили, но инспектору взбрело в голову поискать — вдруг там есть потайной ящичек? Начитался небось шпионских историй. В общем, никакого потайного ящичка не оказалось. Но потом я занялся книгами. Иногда люди суют письмо прямо в книгу, которую читают. Вы, наверное, с таким сталкивались?

Пуаро сказал, что сталкивался.

— Вы что-то нашли? — вежливо спросил он.

— Письма или чего-то в этом роде — нет. Но находка есть. И как мне кажется, весьма интересная. Посмотрите.

Он развернул обрывок газеты и извлек на свет божий потертую и обветшавшую книгу.

– Стояла на одной из полок. Старая, издана много лет назад. Но вот посмотрите. – Он открыл чистый лист в начале книги. Карандашом поперек было написано: "Ивлин Хоуп".

– Интересно, не правда ли? Ведь это, если вы забыли, имя...

– Имя, которое взяла Ева Кейн, уехав из Англии. Я помню, – сказал Пуаро.

– Получается, миссис Макгинти узнала на фотографии как раз нашу миссис Апуорд? И дело, выходит, усложняется?

– Усложняется, – с нажимом произнес Пуаро. – Смею вас уверить, когда вы принесете старшему инспектору Спенсу это маленькое вещественное доказательство, он начнет рвать на себе волосы – да, именно рвать.

– Надеюсь, до этого дело не дойдет, – усомнился сержант Флетчер.

Пуаро не ответил. Он пошел дальше вниз по холму. Ему вдруг расхотелось думать. Карточный домик в очередной раз рухнул.

Он зашел на почту. Мод Уильямс уже была там, она разглядывала выкройки для вязанья. Пуаро не стал с ней заговаривать, а прошел к почтовой стойке. Когда Мод расплатилась за покупку, миссис Толк подошла к Пуаро, и он купил у нее марки. Мод вышла на улицу.

Миссис Толк была словно чем-то озабочена. Во всяком случае, заводить разговор не стала. В итоге Пуаро отправился следом за Мод Уильямс довольно быстро. Вскоре он догнал ее и зашагал рядом.

Миссис Толк, наблюдавшая за ним из окна почты, истолковала увиденное по-своему. Она неодобрительно воскликнула:

– Ох уж эти иностранцы! Все кобели, все до одного. Он ей в дедушки годится, а туда же!

II

— Eh bien[1], — заговорил Пуаро. — Вы хотите мне что-то сказать?

— Не знаю, насколько это важно. Кто-то пытался проникнуть в комнату миссис Уэтерби через окно.

— Когда?

— Сегодня утром. Сама она ушла, девушка прогуливала собаку. А заплесневелый сухарь, как всегда, торчал у себя в кабинете. Я в это время обычно на кухне — она выходит на другую сторону дома, как и кабинет, — но тут подумала: вот подходящая возможность... понимаете?

Пуаро кивнул.

— Ну, я прошмыгнула наверх в комнату ее величества Ехидны. И увидела — к окну приставлена лестница и какой-то мужчина пытается открыть задвижку. У нее после убийства все на засовах и на задвижках. Свежего воздуха впустить — ни-ни! Ну, этот человек меня заметил и дал деру, только его и видели. А лестница — садовника, он подстригал плющ и отошел перекусить.

— Кто был этот мужчина? Описать его можете?

— Я видела его только мельком. Пока подлетела к окну, он уже соскочил с лестницы и убежал, а в первую секунду лица я не разглядела — за его спиной было солнце.

— Вы уверены, что это был мужчина?

Мод задумалась.

— Одет он был как мужчина... на голове старая фетровая шляпа. Вообще-то могла быть и женщина...

— Интересно, — пробурчал Пуаро. — Очень интересно... Еще что-нибудь?

— Пока ничего. А сколько в доме хлама! Эта старуха, должно быть, совсем выжила из ума. Сегодня

[1] Хорошо.

утром устроила мне выволочку: я, мол, только и знаю, что шпионю. В другой раз я ее пристукну. Если кого и стоит убить, так это ее. Такая мерзкая, что не приведи господь!

Пуаро пробурчал, будто про себя:

– Ивлин Хоуп...

– Почему вы назвали это имя? – Она встрепенулась, уставилась на него.

– Так оно вам знакомо?

– Ну да... Его взяла эта Ева... как там ее... когда отчалила в Австралию. Об этом... об этом было в газете... "Санди компэниэн".

– В "Санди компэниэн" было много чего, но как раз этого не было. В доме миссис Апуорд полиция нашла книгу, на которой стояло это имя.

Мод воскликнула:

– Так это была она... и она там совсем не умерла... Майкл был прав...

– Майкл?

Мод решительно прервала разговор:

– Больше задерживаться не могу. Надо кормить хозяев обедом. Вообще-то у меня все в духовке, но вдруг подсохнет?

И она убежала. Пуаро стоял и смотрел ей вслед.

Миссис Толк, приклеившись к окну почты, недоумевала: неужели этот иностранец сделал ей предложение известного свойства?..

III

Вернувшись в Лонг-Медоуз, Пуаро разулся и надел шлепанцы. Они не были шикарными, не были, как он считал, comme il faut[1] – зато какое облегчение!

[1] Элегантными.

Он снова сел в кресло и пришлся напряженно думать. Работы для мозга хватало.

Поначалу он кое-что упустил... некоторые мелочи...

Итак, узор стал вырисовываться. Ну-ка, попробуем его оживить...

Морин, со стаканом в руке, мечтательным голосом несет какую-то ахинею... задает вопрос... Миссис Оливер рассказывает о вечере в театре. Сесил? Майкл? Конечно, она называла какого-то Майкла... Ева Кейн, гувернантка у Крейгов...

Ивлин Хоуп...

Конечно же! Ивлин Хоуп!

ГЛАВА 23

I

Ив Карпентер вошла в дом Саммерхейзов, как это делали почти все, через первую попавшуюся дверь или окно.

Ей был нужен Эркюль Пуаро, и, найдя его, она не стала ходить вокруг да около.

— Послушайте, — начала она. — Вы детектив и якобы неплохой. Раз так, я вас нанимаю.

— Кто вам сказал, что меня можно нанять? Mon Dieu[1], я же не таксист!

— Вы частный детектив, а частные детективы работают за деньги, разве нет?

— Да, так принято.

— Я про это и говорю. Я вам заплачу. Хорошо заплачу.

— За что? Что вы хотите мне поручить?

Ив Карпентер резко бросила:

— Чтобы вы защитили меня от полиции. Они совсем

[1] Господи.

спятили. Им взбрело в голову, что эту Апуорд убила я. И вот они лезут ко мне со всякими расспросами, что-то такое вынюхивают. Мне это не нравится. Так человека и до психбольницы довести недолго.

Пуаро взглянул на нее. Доля правды в ее словах явно была. Со дня их первой встречи прошло несколько недель, а постарела она на несколько лет. Круги под глазами – верный признак бессонных ночей. От уголков рта к подбородку пробежали морщинки, а когда она закуривала, руки ее сильно дрожали.

– Вы должны это прекратить, – потребовала она. – Должны, и все.

– Мадам, но как это сделать?

– Отгоните их, вам виднее как. До чего обнаглели! Будь Гай мужчиной, он бы сразу это прекратил. Не позволил бы им трепать мое имя.

– А он... ничего не предпринимает?

Она хмуро ответила:

– Я его об этом не просила. Вот он и разглагольствует с надутым видом, что полиции, мол, нужно всячески помочь. Ему хорошо. Он в тот вечер был на каком-то своем дурацком собрании.

– А вы?

– Я просто сидела дома. Слушала радио.

– Но если вы можете доказать...

– Как я могу это доказать? Я предложила Крофтам немалые деньги, чтобы они сказали: вечером мы почти не отлучались и хозяйка была дома. Так он, неблагодарная свинья, отказался!

– С вашей стороны это был очень неразумный поступок.

– Что тут неразумного? Согласись они, все бы улаживалось.

– Наверное, теперь ваши слуги убеждены, что вы и вправду совершили убийство.

– Ну... я ведь все равно заплатила Крофту за...

– За что?

— Нет, ничего.

— Не забывайте, что вы просите меня о помощи.

— Да так, ничего серьезного. Просто ее приглашение передал мне Крофт.

— Ее? Миссис Апуорд?

— Да. Она пригласила меня прийти к ней вечером.

— А вы отказались?

— А что мне у нее делать? Старая зануда. Идти туда поглаживать ее по руке — только этого мне не хватало! У меня и в мыслях не было туда идти.

— А когда она позвонила?

— Меня не было. Точно не знаю когда — наверное где-то от пяти до шести. С ней разговаривал Крофт.

— И вы дали ему деньги, чтобы он забыл про этот телефонный звонок. Но зачем?

— Не задавайте идиотских вопросов. Я не хотела чтобы меня в это впутывали.

— А потом вы предложили ему деньги, чтобы он сделал вам алиби? Что, по-вашему, думают теперь он и его жена?

— Кому есть дело до того, что они думают?

— Например, это может заинтересовать суд присяжных, — строго предположил Пуаро.

Она уставилась на него.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Что же, они поверят прислуге, а не мне?

Пуаро взглянул на нее.

Какая немыслимая бестактность, какая непрохо-димая глупость! Эти люди могли бы ей помочь, а она настроила их против себя. Близорукая примитивная политика. Близорукая...

Какие очаровательные большие голубые глаза.

Он сказал спокойно:

— Почему вы не носите очки, мадам? Вам они нужны.

— Что? А-а, иногда ношу. В детстве носила.

— И скобы для укрепления зубов тоже.

Она пристально посмотрела на него.

– Было и такое. А к чему вы это?

– Гадкий утенок превращается в лебедя?

– Да, особой красотой я тогда не блистала.

– Ваша мама тоже так считала?

Она буркнула:

– Маму я не помню. Но что это, черт возьми, за разговор? Беретесь вы за эту работу или нет?

– К сожалению, взяться за нее я не могу.

– Почему?

– Потому что в этом деле я представляю интересы Джеймса Бентли.

– Джеймс Бентли? А-а, это тот полоумный, который пристукнул поденщицу. Но какое отношение он имеет к Ашуордам?

– Вполне возможно, что никакого.

– Так в чем же дело? В деньгах? Сколько?

– В этом самая большая ваша ошибка, мадам. Вы все меряете деньгами. Они у вас есть, и вы искренне убеждены, что других ценностей не существует.

– Деньги у меня были не всегда, – сказала Ив Карпентер.

– Не всегда, – согласился Пуаро. – Я и сам так думал. – Он едва заметно кивнул. – Это многое объясняет. И кое-что оправдывает...

II

Ив Карпентер вышла тем же путем, что и вошла, не вполне уверенно двигаясь на свету; Пуаро вспомнил, что и раньше обращал на это внимание.

Пуаро негромко произнес:

– Ивлин Хоуп...

Итак, миссис Ашуорд позвонила и Дейдри Хендерсон, и Ив Карпентер. А может, не только им? Может...

С грохотом в комнату влетела Морин:

– Теперь пропали ножницы. Извините, с обедом

задержка. В доме трое ножниц, и ни одних не могу найти.

Она бросилась к комоду, и процедура, с которой Пуаро был хорошо знаком, повторилась. На сей раз поиски увенчались успехом довольно быстро. Взвизгнув от радости, Морин убралась восвояси.

Почти машинально Пуаро подошел к комоду и начал складывать вещи в выдвинутый ящик. Сургуч, писчая бумага, корзинка для рукоделия, фотографии...

Фотографии...

Он вгляделся в фотографию, которую держал в руке.

Из коридора снова донесся топот бегущих ног.

Пуаро был человеком подвижным, несмотря на возраст. Прежде чем в комнате снова появилась Морин, он успел бросить фотографию на диван, прикрыть ее подушкой и усесться сверху.

— Черт возьми, куда же я сунула дуршлаг со шпинатом?..

— Вон он, мадам.

Он показал на дуршлаг, покоившийся рядом с ним на диване.

— Ага, вот где он, милый. — Она схватила его. — Отстала сегодня на всех фронтах... — Взгляд ее упал на Пуаро, который сидел, вытянувшись в струнку.

— Что вы себе такое место выбрали? Хоть и с подушкой, все равно сидеть на этом диване неудобно. Все пружины поломаны.

— Знаю, мадам. Просто я... наслаждаюсь этим полотном.

Морин перевела взгляд на написанную маслом картину — на ней был изображен морской офицер возле телескопа.

— Да, картина хорошая. Пожалуй, единственная достойная вещь в этом доме. Возможно, это даже Гейнсборо. — Она вздохнула. — Но Джонни ее ни почем не продаст. Это его прапра, а то и еще какой-то более древний дед, он

прибыл на своем корабле и совершил какой-то жутко отважный поступок. Джонни этим страшно гордится.

— Да, — мягко подтвердил Пуаро, — вашему мужу есть чем гордиться!

III

В три часа Пуаро стучался в дверь дома доктора Рендела.

Незадолго до этого он съел жаркое из кролика со шпинатом и недоваренной картошкой, а десерт состоял из какого-то странного пудинга, на сей раз не подгоревшего. Зато, как объяснила Морин, "в нем откуда-то взялась вода". Все это он запил мутным кофе. И чувствовал себя не лучшим образом.

Дверь открыла миссис Скотт, пожилая экономка, и он спросил, можно ли видеть миссис Рендел.

Миссис Рендел сидела в гостиной и слушала радио, приход Пуаро явно застал ее врасплох — встрепенувшись, она поднялась со своего места.

Пуаро помнил, какое впечатление миссис Рендел произвела на него при первой встрече. Настороже, смотрит с опаской, словно боится его или то, что он олицетворяет. Сейчас это впечатление подтвердилось.

Впрочем, с прошлого раза она еще больше побледнела, на лице залегли какие-то тени. Резче обозначились черты.

— Я хочу задать вам один вопрос, мадам.

— Вопрос? Какой же?

— Звонила ли вам миссис Апуорд в день ее смерти?

Она уставилась на него. Потом кивнула.

— В котором часу?

— Трубку брала миссис Скотт. Часов в шесть, кажется.

— Что миссис Апуорд просила передать? Чтобы вечером вы пришли к ней?

— Да. Она сказала, что миссис Оливер и Робин

уезжают в Килчестер, у Дженит выходной и она будет дома одна. И не хочу ли я составить ей компанию.

— На какое время она вас пригласила?

— На девять часов или позже.

— И вы пошли?

— Собиралась. Хотела пойти. Но как-то вышло, что после ужина я взяла и заснула. А проснулась уже после десяти. Ну и решила, что уже поздно.

— А полиции о звонке миссис Апуорд вы не сказали?

Она сделала большие глаза. Это был взгляд невинного ребенка.

— А что, надо было? Раз я туда не пошла, о чем рассказывать? Я даже чувствовала себя немножко виноватой. Пойди я к ней, может, сейчас она была бы жива. — Она вдруг судорожно вздохнула. — Ужасно, если это именно так.

— Это не совсем так, — уточнил Пуаро.

Он помолчал, потом спросил:

— Скажите, мадам, чего вы боитесь?

Она снова судорожно вздохнула.

— Чего боюсь? Ничего.

— Нет, боитесь.

— Какая ерунда. Чего... чего я должна бояться?

После минутной паузы Пуаро произнес:

— Мне показалось, что вы боитесь меня...

Она не ответила. Но глаза ее расширились. Медленно, с каким-то вызовом она покачала головой.

ГЛАВА 24

I

— Кажется, я вот-вот созрею для Бедлама[1], — произнес Спенс.

— Ну, не так все плохо, — утешил его Пуаро.

[1] Старейшая психиатрическая лечебница в Лондоне.

– Что вы меня успокаиваете? Я уже не знаю, куда деваться от этих новых сведений. Все только усложняется. Теперь вы мне говорите, что миссис Апуорд звонила трем женщинам. И всех их пригласила прийти вечером. Но почему трех? Она что, не знала, кто из них Лили Гэмбол? Или Лили Гэмбол тут вообще ни при чем? Ведь на книжке написано "Ивлин Хоуп". Разве из этого не следует, что миссис Апуорд и Ева Кейн – одно лицо?

– И у Джеймса Бентли сложилось такое впечатление после разговора с миссис Макгинти.

– Кажется, он говорил об этом без уверенности.

– Да, полной уверенности не было. Но Джеймс Бентли из тех, кто ни в чем не уверен полностью. Миссис Макгинти он слушал вполуха. И тем не менее, если у Джеймса Бентли сложилось впечатление, что миссис Макгинти вела речь о миссис Апуорд, вполне возможно, что так оно и есть. От впечатлений отмахиваться не стоит.

– По последним сведениям из Австралии (кстати, она уехала именно туда, а не в Америку), интересующая нас "миссис Хоуп" почила там двадцать лет назад.

– Мне об этом уже говорили, – заметил Пуаро.

– Вам, мсье Пуаро, всегда все известно, да?

Пуаро пропустил колкость мимо ушей. Он сказал:

– Итак, с одной стороны у нас есть "миссис Хоуп", которая отдала богу душу в Австралии, а с другой?

– С другой – миссис Апуорд, вдова богатого промышленника с севера. Они жили около Лидса, у них родился сын. Вскоре после рождения мальчика муж умер. Мальчик был подвержен вспышкам туберкулеза, и после смерти мужа она в основном жила за границей.

– И когда же началась эта сага?

– Эта сага началась через четыре года после того, как Ева Кейн уехала из Англии. Апуорд познакомился с будущей женой где-то за границей и после свадьбы привез ее домой.

– То есть миссис Апуорд вполне могла быть Евой Кейн. А ее девичья фамилия известна?

– Харгрейвз, насколько я знаю. Но в этом ли дело?

– Вот именно! Ева Кейн, или Ивлин Хоуп, могла умереть в Австралии – а могла инсценировать собственную кончину и возродиться в другом месте под фамилией Харгрейвз и удачно выйти замуж.

– Все это – дела давно ушедших лет, – сказал Спенс. – Но предположим, что так все и было. Предположим, она сохранила у себя старую фотографию, а миссис Макгинти ее увидела. Тогда напрашивается вывод, что миссис Макгинти была убита именно миссис Апуорд.

– Вам это кажется невозможным? Робин Апуорд в тот вечер выступал на радио. А что говорила миссис Рендел, помните? Она в тот вечер приходила в коттедж Апуордов, но не смогла достучаться. А миссис Толк, со слов Дженит Грум, утверждала, что миссис Апуорд не была такой уж калекой, а больше делала вид.

– Все это очень хорошо, Пуаро, но ведь убили ее самое, причем после того, как она кого-то узнала на фотографии. Или теперь вы станете уверять меня, что эти две смерти одна с другой не связаны?

– Ну зачем же? Очень даже связаны.

– Тогда я сдаюсь.

– Ивлин Хоуп. Вот ключ к решению загадки.

– Ив Карпентер? Вот куда вы клоните? Не Лили Гэмбол – а дочка Евы Кейн? Что же выходит, она по-решила собственную мать?

– Нет-нет. Матереубийство здесь ни при чем.

– Знаете, Пуаро, с вами не соскучишься. Сейчас вы мне скажете, что и Ева Кейн, и Лили Гэмбол, и Джейнис Кортленд, и Вера Блейк – все они окопались в Бродхинни. Все четверо подозреваемых.

– У нас их больше, чем четверо. Помните, Ева Кейн была в доме Крейгов гувернанткой?

– Ну и что?

– Если есть гувернантка, должны быть и дети – хотя бы один ребенок... Куда девались дети Крейгов?

– Если не ошибаюсь, у Крейгов были девочка и мальчик. Их забрали какие-то родственники.

– Ага, вот вам еще двое. Еще двое могли хранить фотографию по третьей из упомянутых мной причин – месть.

– Я в это не верю, – сказал Спенс.

Пуаро вздохнул.

– Отмахиваться от этой версии все равно нельзя. Мне кажется, я уже знаю правду, хотя один факт меня крайне озадачивает.

– Рад слышать, что вас хоть что-то озадачивает, – подпустил шпильку Спенс.

– Мне нужно кое-что прояснить, mon cher Спенс. Ева Кейн уехала из Англии до того, как был казнен Крейг?

– Совершенно верно.

– И тогда она ждала ребенка?

– Совершенно верно.

– Mon Dieu! До чего же я глуп, – пробормотал Эркюль Пуаро. – Ведь дело-то – проще не придумаешь, верно?

После этих слов едва не произошло третье убийство – старший инспектор полиции Килчестера Спенс едва не убил великого сыщика Эркюля Пуаро.

II

– Мне нужно, – потребовал Эркюль Пуаро, – позвонить по личному делу. Миссис Ариадне Оливер.

Но позвонить миссис Оливер оказалось делом непростым. Миссис Оливер работала и просила ее не отвлекать. Пуаро, однако же, ничего не желал слышать. Наконец на другом конце провода раздался голос писательницы.

Он был сердитым, дыхание – прерывистым.

– Ну, что у вас там? – вопросила писательница. – Неужели это не могло подождать? Мне пришла в голову

блестящая идея для романа — убийство совершается в магазинчике трикотажных изделий. Знаете, такой старомодный магазинчик, где продают трико и всякие забавные вязаные жилеты с длинными рукавами...

— Нет, не знаю, — прервал этот восторженный поток Пуаро. — Во всяком случае, я хочу сообщить вам нечто более важное.

— Едва ли вам это удастся, — усомнилась миссис Оливер. — Может, для кого-то важное, но не для меня. Мне надо немедля набросать план романа, иначе идея улетучится!

Но эти муки творчества не тронули Пуаро. Категоричным тоном он принялся задавать четкие вопросы, на которые миссис Оливер стала давать туманные ответы.

— Да... да... небольшой театр с постоянной труппой... как называется, не помню... Да, одного из них действительно звали Сесил, фамилию не помню, а того, с кем я разговаривала, звали Майкл.

— Великолепно. Это все, что я хотел узнать.

— Но почему вас интересуют Сесил и Майкл?

— Мадам, можете спокойно возвращаться к трико и жилетам с длинными рукавами.

— Не понимаю, почему вы еще не арестовали доктора Рендела, — удивилась миссис Оливер. — Будь я начальником Скотленд-Ярда, я бы давно это сделала.

— Если бы да кабы. Желаю успешного убийства в трикотажном магазинчике.

— Вся идея уже улетучилась, — пожаловалась миссис Оливер. — А по чьей вине? По вашей.

Пуаро принес ей свои глубочайшие извинения. Положив трубку, он с улыбкой взглянул на Спенса.

— Теперь мы поедем — если вы не можете, я поеду сам — поговорить с молодым актером по имени Майкл, который занят на второстепенных ролях в театре в Калленки. Уповаю на бога в надежде, что это тот Майкл, который нам нужен.

– Но за каким, черт подери...

Пуаро, не мешкая, отвел от себя праведный гнев, который готов был выплеснуть на него инспектор Спенс.

– Знаете ли вы, cher ami, что такое secret de Polichinelle[1]?

– У нас с вами что, урок французского? – спросил пренсполненный ярости инспектор.

– Secret de Polichinelle – это секрет, который доступен всем. Но если кто-то про этот секрет ничего не знает, он так и живет в неведении – никто ему об этом секрете не говорит, ибо зачем же говорить об общеизвестном?

– Уму непостижимо, как я вас до сих пор не задушил, – заявил в ответ на эту тираду инспектор Спенс.

ГЛАВА 25

Дознание было закончено. Оно признало: миссис Апуорд была убита одним лицом или несколькими лицами.

После дознания по приглашению Эркюля Пуаро все присутствовавшие перебрались в Лонг-Медоуз.

Пуаро с присущим ему тщанием навел в вытянутой гостиной какое-то подобие порядка. Стулья были расставлены аккуратным полукругом, псов Морин хоть и не без труда, но удалось выдворить, и Эркюль Пуаро, взявший бразды правления в свои руки, отошел в конец комнаты и, смущенно прокашлявшись, открыл заседание.

– Дамы и господа...

Он выдержал паузу. А потом, ко всеобщему удивлению – что за нелепость? – продекламировал:

[1] Секрет Полишинеля.

Миссис Маггинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, на небе осталась,
С жизнью рассталась, рассталась. А как?
Стоя на колене, как я, вот так!
Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, на небе осталась,
С жизнью рассталась, рассталась. А как?
Вытянув руку, как я, вот так!
Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, на небе осталась,
С жизнью рассталась, рассталась. А как?
Вот та[illegible]

Видя озадаченные лица собравшихся, он продолжал:

— Только не считайте меня сумасшедшим. Да, это считалочка из детской игры, но это вовсе не значит, что я впал в детство. Возможно, в детские годы кто-нибудь из вас тоже играл в эту игру. Миссис Апуорд в нее играла. Она даже повторила мне эти строчки — только с небольшим изменением. Она сказала: "Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась. С жизнью рассталась, рассталась. А как? Высунулась сильно, как я. Вот так!" Да-да, она сказала именно это, именно это она и сделала. Сильно высунулась — и рассталась с жизнью, как и миссис Макгинти...

Чтобы провести наше расследование, давайте вернемся к самому началу — к миссис Макгинти, которая, стоя на коленях, скребла полы в чужих домах. Миссис Макгинти убили, по подозрению в убийстве был арестован Джеймс Бентли, его судили и приговорили к смертной казни. По некоторым причинам старший инспектор полиции Спенс, ведший это дело, усомнился в справедливости приговора и виновности Бентли, хотя улик было вполне достаточно. Я с ним согласился. И приехал сюда, чтобы выяснить: как и почему рассталась с жизнью миссис Макгинти?

Не буду занимать ваше внимание долгими и запутанными историями. Скажу лишь, что на след меня навела очень простая вещь: бутылочка чернил. В газете "Санди компэнизн", которую миссис Макгинти прочитала в последнее в своей жизни воскресенье, были напечатаны четыре фотографии. Вам про эти фотографии уже все известно, поэтому скажу лишь, что одну из них миссис Макгинти узнала — такую же она видела в одном из домов, куда ходила убираться.

Она сказала об этом Джеймсу Бентли, но он тогда — да и потом — не отнесся к ее словам серьезно. Он вообще слушал ее вполуха. Однако у него создалось впечатление, что миссис Макгинти видела эту фотографию в доме миссис Апуорд, и, когда она говорила о женщине, которой будет нечем гордиться, если все выйдет наружу, она имела в виду миссис Апуорд. Полагаться на Бентли в этом деле мы не можем, но слова насчет гордости, безусловно, были сказаны, а миссис Апуорд, несомненно, была женщиной горделивой и надменной.

Как всем вам известно — кто-то из вас присутствовал при этом лично, остальные узнали от очевидцев, — я показал эти четыре фотографии в доме миссис Апуорд. Я заметил, что в глазах миссис Апуорд мелькнула искорка удивления — она явно кого-то узнала, — и не преминул сказать ей об этом. Ей пришлось признаться, что так оно и есть. Она видела одну из этих фотографий, только не помнит где — так она сказала. Когда я спросил, о какой фотографии идет речь, она указала на маленькую Лили Гэмбол. Но это, позвольте вам сообщить, было неправдой. По каким-то своим соображениям миссис Апуорд решила пока не обнародовать свое открытие. И показала не на ту фотографию, чтобы отделаться от меня.

Но одного человека она не могла обмануть — убийцу. Один человек точно знал, какую именно фотографию узнала миссис Апуорд. Я не буду ходить вокруг да

около — речь идет о фотографии Евы Кейн, женщины, которая была соучастницей, жертвой, а может быть, и вдохновительницей в нашумевшем деле Крейга.

Назавтра вечером миссис Апуорд была убита. Причина убийства та же, что и в случае с миссис Макгинти. Обе они высунулись — и их постигла одна участь.

Незадолго до смерти миссис Апуорд в квартирах трех женщин зазвонил телефон. Миссис Карпентер, миссис Рендел и мисс Хендерсон получили приглашение навестить вечером миссис Апуорд. У ее служанки был выходной, а Робин Апуорд вместе с миссис Оливер отправились в Калленки. Логично предположить, что с каждой из этих трех дам она хотела поговорить наедине.

Но зачем говорить с тремя? Знала ли миссис Апуорд, где она видела фотографию Евы Кейн? Или только знала, что видела где-то, а где именно — не помнила? Было ли у этих женщин что-то общее? Пожалуй, ничего, кроме возраста. Каждой из них приблизительно в районе тридцати.

Наверное, все вы читали статью в "Санди компаниэн". Там есть сентиментальные строчки о дочери Евы Кейн, выросшей в счастливом неведении. По своему возрасту каждая из женщин, приглашенных миссис Апуорд, вполне могла быть дочерью Евы Кейн.

Сказанное позволяет предположить, что в Бродхинни живет молодая женщина, дочь знаменитого убийцы Крейга и его любовницы Евы Кейн, можно предположить и другое — женщина эта пойдет на все, чтобы сохранить свою родословную в тайне. Даже на убийство — на два убийства. Ведь когда миссис Апуорд нашли мертвой, на столе стояли две чашки из-под кофе, из обеих явно пили, и на чашке гостя оказались слабые следы помады.

Вернемся к трем женщинам, получившим в тот вечер приглашение навестить миссис Апуорд. Миссис Карпентер говорит, что решила в Лэбернемс не ходить. Миссис Рендел собиралась пойти, но заснула в кресле. Мисс Хендерсон пошла в Лэбернемс, но в доме не было

света, достучаться она не смогла и потому вернулась домой.

Так утверждают сами эти женщины, но есть факты, которые противоречат сказанному. Во-первых, имеется вторая чашка со следами помады на ней, во-вторых, у нас есть свидетельница, работница почты Эдна, и она твердо заявляет, что видела, как в дом входила светловолосая женщина. В-третьих, в доме пахло духами — дорогими и экзотическими, какими из названных дам пользуется только миссис Карпентер.

Тут повествование было прервано. Ив Карпентер выкрикнула:

– Это ложь! Злонамеренная и жестокая ложь! Это была не я! Меня там и близко не было. Гай, что ты сидишь и молчишь, когда на меня так гнусно клевещут?

Гай Карпентер побелел от гнева.

– Позвольте напомнить вам, мсье Пуаро, что за клевету можно пойти под суд, и все сидящие здесь — свидетели.

– Я сказал лишь, что ваша жена пользуется определенным сортом духов и определенным сортом помады, если на то пошло — где же здесь клевета?

– Это чушь! — воскликнула Ив. — Полная чушь! Мои духи там мог разбрызгать кто угодно.

Пуаро неожиданно одарил ее сияющей улыбкой.

– Вот именно! Кто угодно. Не очень изящный ход, но вполне очевидный. Неуклюжий и прямолинейный. Столь неуклюжий, что был достигнут результат, обратный желаемому, — таково мое личное мнение. Скажу больше. Этот ход дал мне, как говорится, пищу для размышлений. Да, пищу для размышлений.

Итак, запах духов и следы помады на чашке. Но удалить помаду с чашки — дело простое, уверяю вас, следы помады уничтожаются очень легко. Кстати, чашки можно было вообще унести и вымыть. Почему бы нет? В доме — ни души. Но сделано это не было. Возникает вопрос — почему? И вот до чего я додумался:

меня пытаются убедить, что это – дело рук женщины, что убийство совершила женщина. Я стал размышлять о телефонных звонках трем женщинам – всем трем приглашение было передано! Ни одна из них не говорила с миссис Апуорд лично. Так, может быть, спросил я себя, им звонила вовсе не миссис Апуорд? А кто-то другой, кто очень хотел вовлечь в это преступление женщину – любую. Я опять спросил себя – почему? И [illegible] только один ответ – миссис Апуорд была [illegible] женщиной, ее убил мужчина.

Он [illegible] аудиторию. Все сидели, не шелохнувшись. Лишь [illegible] выразили свое отношение к его словам.

Ив К[illegible]р с облегчением перевела дух:

– Теперь вы говорите дело!

А миссис Оливер, энергично закивав головой, сказала:

– Разумеется.

– К какому же выводу я пришел? Обе женщины – и миссис Апуорд, и миссис Макгинти – были убиты мужчиной! Но кем именно? Причина убийства одна и та же – узнанная фотография. Кому она принадлежала? Это первый вопрос. И почему хранилась?

На второй вопрос ответить, пожалуй, не сложно. Допустим, поначалу она хранилась из сентиментальности. После того как миссис Макгинти была... устранена, убийца решил, что уничтожать фотографию вроде бы и незачем. А вот после второго убийства... Тут уже было ясно, что убийство и фотография связаны напрямую. Хранить ее теперь опасно. Поэтому, вы со мной согласитесь, фотографию надо немедленно уничтожить.

Он оглядел собравшихся, и все закивали головами.

– Однако фотография не была уничтожена! Нет, не была! Мне это точно известно, потому что я ее нашел. Нашел несколько дней назад. В этом самом доме. В ящике комода, что стоит у стены. Вот она.

Он извлек из кармана выцветшую фотографию де-

вушки с жеманной улыбкой. В руках — розы.

– Да, – сказал Пуаро. – Это Ева Кейн. На обороте — карандашная надпись. Два слова. Сказать, что там написано? "Моя мама..."

Глаза его, строгие и обвиняющие, остановились на Морин Саммерхейз. Она откинула волосы со лба и, пораженная, уставилась на него вытаращенными глазами.

– Не понимаю... У меня никогда...

– Конечно, миссис Саммерхейз, не понимаете. Сохранить фотографию после второго убийства — тут могли быть только две причины. Первая — сентиментальность самого невинного свойства. У вас — подчеркиваю, у вас — чувства вины не было, вот вы и сохранили фотографию. Вы как-то сами сказали в доме миссис Карпентер, что были приемным ребенком. Думаю, вы никогда не знали, каково было имя вашей настоящей матери. Но это знал кто-то другой. Кто-то, для кого семья — нечто незыблемое, предмет гордости, и гордость эта заставляет его жить в доме своих предков, он гордится ими, гордится своей родословной. Человек этот скорее умрет, чем позволит миру — и собственным детям — узнать, что Морин Саммерхейз — дочь убийцы Крейга и Евы Кейн. Человек этот, повторяю, скорее умрет. Только что даст его смерть? И вот вам серьезнейший мотив для убийства.

Джонни Саммерхейз поднялся со своего места. Голос его, когда он заговорил, был спокойным, почти дружелюбным.

– Вам очень нравится пороть чушь, да? Разглагольствуете тут, теоретизируете. Но теория — она теория и есть! Оскорбляете мою жену...

Гнев его вдруг выплеснулся наружу.

– Грязная свинья, черт вас дери...

Он кинулся к Пуаро так стремительно, что никто и слова не успел вымолвить. Пуаро, однако же, проворно отскочил в сторону, и между ним и Саммерхейзом

возник невесть откуда взявшийся инспектор Спенс.

— Успокойтесь, майор Саммерхейз, полегче... полегче...

Саммерхейз тотчас взял себя в руки. Пожав плечами, сказал:

— Извините. Но это и правда бред! В конце концов... сунуть фотографию в ящик мог кто угодно.

— Совершенно верно, — подхватил Пуаро. — Фотография эта интересна еще и тем, что на ней нет отпечатков пальцев.

Он сделал паузу, потом легонько кивнул.

— А ведь они были бы, — продолжал он, — принадлежи фотография миссис Саммерхейз, она ведь хранила бы ее без всякой задней мысли и, естественно, оставила бы на ней отпечатки своих пальцев.

Морин воскликнула:

— Вы просто сумасшедший. Я в жизни не видела этой фотографии — только в тот раз у миссис Апуорд.

— На ваше счастье, — сказал Пуаро, — я знаю, что вы говорите правду. Фотографию подбросили в ящик комода всего за несколько минут до того, как я ее там нашел. В то утро содержимое этого ящика выбрасывалось на пол дважды, дважды я клал вещи на место: в первый раз фотографии среди них не было, а во второй — была. Стало быть, в этот отрезок времени ее и положили — и я знаю, кто это сделал.

В голосе его незаметно возникла новая нотка. Это уже не был смехотворный человечек с нелепыми усами и крашеными волосами, это был охотник, который чувствовал — преследуемый зверь где-то рядом.

— Оба эти преступления совершил мужчина, и причина, толкнувшая его на убийство, была до смешного простой — деньги. В доме миссис Апуорд найдена книга, на чистом листе в ее начале стоит надпись: "Ивлин Хоуп". Хоуп — эту фамилию взяла Ева Кейн, когда уехала из Англии. Если ее подлинное имя было Ивлин, она вполне могла наречь этим именем и своего ребенка.

Но Ивлин – имя не только женское, но и мужское. Почему мы решили, что у Евы Кейн родилась девочка? Скорее всего, потому, что так сказано в "Санди компэниэн"! Но в действительности в "Санди компэниэн" ничего такого не сказано, там упоминается дочь, но лишь как следствие романтического интервью с Евой Кейн. Между тем Ева Кейн уехала из Англии еще до рождения ребенка – поэтому никто не мог сказать, мальчик у нее родился или девочка.

Меня и самого это ввело в заблуждение. Романтическая неточность прессы.

Ивлин Хоуп, сын Евы Кейн, приезжает в Англию. Он – человек одаренный и привлекает внимание богатой женщины, которая ничего не знает о его происхождении – лишь придуманную им романтическую историю (история была замечательная, о трагической судьбе молодой балерины, умершей в Париже от туберкулеза!).

Женщина она одинокая, недавно потеряла собственного сына. И вот молодой одаренный драматург берет ее фамилию.

Но на самом деле вы Ивлин Хоуп, не так ли, мистер Апуорд?

Робин Апуорд завизжал:

– Конечно, не так! Я вообще не понимаю, о чем речь!

– Запираться бесполезно. Есть люди, которые знают вас под этим именем. Имя Ивлин Хоуп в книге написано вашим почерком – тем же почерком на обороте этой фотографии написаны слова "моя мама". Миссис Макгинти увидела эту фотографию и надпись на ней, когда разбирала ваши вещи. Прочитав статью в "Санди компэниэн", она сказала вам об этом. Миссис Макгинти решила, что на фотографии изображена миссис Апуорд в молодости, потому что и понятия не имела, что миссис Апуорд – не настоящая ваша мать. Но вам было ясно – если миссис Макгинти начнет болтать и разговор этот дойдет до миссис Апуорд, всему конец. У нее были

совершенно фанатичные взгляды на наследственность. Она ни минуты не стала бы терпеть приемного сына, чей отец — прогремевший на всю страну убийца. Не простила бы она и того, что вы ей солгали с самого начала.

Итак, миссис Макгинти надо заставить замолчать — любой ценой. Возможно, вы обещали ей маленький подарок, чтобы держала язык за зубами. На следующий вечер по дороге в радиостудию вы заглянули к ней — и убили ее. Вот так...

Речь сопровождением Пуаро схватил с полки молоток для колки сахара, завращал им и с силой опустил вниз, нанеся сокрушительный удар по голове Робина.

Жест был столь зловещим, что несколько человек, сидевших полукругом, вскрикнули.

Закричал и Робин Апуорд. Это был вопль ужаса. Он завопил:

— Не надо... Не надо... Это вышло случайно. Клянусь, все вышло случайно. Я не собирался ее убивать. Просто потерял голову. Клянусь вам.

— Вы смыли кровь и положили молоток туда, откуда взяли, — в эту самую комнату. Но наука теперь определяет наличие крови новыми методами — и выявляет невидимые отпечатки пальцев.

— Говорю вам, я не собирался ее убивать... Все это — сплошная ошибка... И вообще я не виноват... Я за свои действия не отвечаю. Это у меня наследственное. Помимо моей воли. Вы не можете меня повесить за то, в чем я не виноват...

Спенс едва слышно пробурчал:

— Не можем? Еще как можем!

А вслух произнес строго и официально:

— Должен предупредить вас, мистер Апуорд: все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

ГЛАВА 26

– Не представляю, мсье Пуаро, как вы могли заподозрить Робина Апуорда.

Пуаро не без самодовольства оглядел повернувшиеся к нему лица.

Давать объяснения – это он любил.

– Странно, что я не заподозрил его раньше. Ключом, простейшим ключом были слова, которые произнесла миссис Саммерхейз на вечере с коктейлями. Она сказала Робину Апуорду: "Мне не нравится быть приемным ребенком, а вам?" Вот он, ключ, – в двух последних словах "а вам?". Эти слова могли значить только одно – миссис Апуорд не была родной матерью Робина.

Миссис Апуорд сама жаждала скрыть правду – не дай бог, кто-нибудь узнает, что Робин не ее сын. Возможно, ей не раз доводилось слышать соленые шутки насчет блестящих молодых людей, которые живут со стареющими женщинами и за их счет. Правду знали очень немногие – узкий театральный круг, где она впервые встретилась с Робином. Близких друзей в Англии у нее почти не было – она слишком долго жила за границей, во всяком случае, она решила обосноваться здесь, подальше от родного Йоркшира. Иногда она встречалась с друзьями былых лет, и они, само собой разумеется, полагали, что этот Робин и есть тот самый мальчик, которого они знали ребенком, а она не считала нужным их разубеждать.

Но атмосфера в Лэбернемсе с самого начала показалась мне какой-то неестественной. Робин относился к миссис Апуорд не как испорченный ребенок, не как преданный сын. Он относился к ней, как протеже относится к своему патрону. В его неизменном обращении к ней "мадре" было что-то театральное. А миссис Апуорд, хоть и явно любила Робина, все же подсознательно обращалась с ним, как с ценной собственностью, за которую заплачены большие деньги.

Итак, Робин Апуорд прекрасно устроен, кошелек [illegible] и вдруг [illegible] все его смелые начинания, в этот [illegible] мир вторгается миссис Макгинти – она [illegible] фотографию, хранимую им в ящике, фотографию с надписью "моя мама" на обороте. А ведь он [illegible] Апуорд, что его мама – молодая актриса, умершая от туберкулеза! Миссис Макгинти [illegible] считает, что на фотографии [illegible] в молодости, потому что у [illegible] Робин – не сын миссис Апуорд. [illegible] Макгинти решилась на шантаж в [illegible], она рассчитывала на "скромное" [illegible] молчание, потому что, если [illegible] вдруг всплывет, такой "гонорар" [illegible] миссис Апуорд, это явно придется не [illegible]

Но Робин [illegible] решил не рисковать. Он похищает [illegible] для [illegible] сахара, о котором миссис Саммерхейз со смехом говорит, что это – идеальное орудие для убийства, и на следующий вечер по пути в радиостудию заходит к миссис Макгинти. Она, ничего не подозревая, проводит его в гостиную, и там он ее убивает. Он знает, где она хранит свои сбережения – об этом, кажется, знает вся деревушка, – и инсценирует ограбление, пряча деньги за домом. Подозрение падает на Бентли, и того арестовывают. Умный Робин Апуорд празднует победу, его горизонт снова безоблачен и чист.

Но тут я показываю четыре фотографии, и миссис Апуорд узнает фотографию Евы Кейн – ведь это же фотография балерины, матери Робина! Ей нужно немного подумать. Шутка ли – совершено убийство! Возможно ли, что Робин?.. Нет, она отказывается в это верить.

Какие шаги она бы предприняла, мы не знаем. Но Робин опять-таки решил не рисковать. Он разрабатывает всю мизансцену. Поездка в театр, когда в доме нет Дженит, телефонные звонки, кофейная чашка, тщательно вымазанная губной помадой, взятой из сумочки Ив

Карпентер, он даже покупает флакон ее духов с характерным запахом. Сцена была срежиссирована блестяще, с применением реквизита. Пока миссис Оливер ждала в машине, Робин дважды забегал в дом. На убийство ушло всего несколько секунд. Потом быстренько пошел в ход реквизит. Миссис Апуорд умерла и оставила ему по завещанию большие деньги, а сам он вне подозрений – все решат, что убийство совершила женщина. Ведь в тот вечер в коттедж должны были прийти три женщины. Ясно, что подозрение падет на одну из них. Так, собственно, и случилось.

Но Робин, как все преступники, проявил легкомыслие, слишком уверовал в собственную безнаказанность. Мало того, что в коттедже хранилась книга, на которой стояло его подлинное имя, он по ему одному известным причинам решил сохранить роковую фотографию. Было бы безопасней ее уничтожить, но он, видимо, посчитал, что она ему пригодится – поможет кого-то в нужный момент скомпрометировать.

Наверное, он остановил свой выбор на миссис Саммерхейз. Скорее всего, по этой причине он и переселился из коттеджа в Лонг-Медоуз. В конце концов, молоток для колки сахара принадлежал ей, а сама миссис Саммерхейз – он это знал – была приемным ребенком, пусть попробует доказать, что она – не дочка Евы Кейн!

Но тут Дейдри Хендерсон призналась, что была на месте убийства, и у него возникла мысль подбросить фотографию ей. Он попытался это сделать, воспользовавшись лестницей, которую садовник оставил под окном. Но миссис Уэтерби нервничала и настояла на том, чтобы все окна были заперты, и Робину не удалось проникнуть в дом. Он вернулся сюда и положил фотографию в ящик, с содержимым которого, к несчастью для него, я незадолго до этого ознакомился.

Итак, мне стало известно, что фотографию подбросили, понял я и чьих рук это дело – в доме кроме

меня находился еще один человек, и человек этот прилежно стучал на машинке у меня над головой.

Поскольку имя Ивлин Хоуп стояло на книге из коттеджа, мне стало ясно: Ивлин Хоуп – это либо миссис Апуорд... либо Робин Апуорд...

Имя Ивлин ввело меня в заблуждение – я связал его с миссис Карпентер, потому что ее зовут Ив. Но Ивлин – это не только женское имя, но и мужское.

Я вспомнил о разговоре в маленьком театре в Калленки, который мне пересказала миссис Оливер. Она разговаривала с молодым актером, который мог подтвердить мою теорию – теорию о том, что Робин не был родным сыном миссис Апуорд. Я понял, что этому актеру известны подлинные факты. Он рассказал миссис Оливер о том, как миссис Апуорд без особых раздумий покарала молодого человека, сказавшего ей неправду о своем происхождении. Это не могло не навести меня на размышления.

Откровенно говоря, я должен был докопаться до истины гораздо раньше. Но я допустил одну серьезную ошибку, и она замедлила ход расследования. Я был уверен, что на вокзале кто-то специально пихнул меня, намереваясь столкнуть на рельсы, – и это был убийца миссис Макгинти. Однако Робин Апуорд оказался чуть ли не единственным человеком в Бродхинни, который не мог быть на вокзале в Килчестере в то время.

Джонни Саммерхейз неожиданно хмыкнул.

– Может, это была какая-нибудь старая торговка с корзиной. Пихаться – их любимое занятие.

Пуаро сказал:

– Между прочим, Робин Апуорд вообще не принимал меня всерьез – настолько был уверен в себе. Это, впрочем, характерно для убийц. Может, оно и к лучшему. Потому что в этом деле улик нам явно не хватало.

Миссис Оливер пошевелилась.

– Вы хотите сказать, – вопросила она, потрясенная, –

что Робин убил свою мать, пока я сидела в машине и ни о чем таком не подозревала? Да у него просто не было на это времени!

– Оказывается, было. Представления людей о времени подчас до смешного ошибочны. Никогда не замечали, как быстро меняется декорация на сцене? В нашем случае на организацию реквизита ушло больше времени, чем на само убийство.

– Хорошенький театр, – машинально пробормотала миссис Оливер.

– Да, это было в высшей степени театральное убийство. Убийце не откажешь в выдумке и изобретательности.

– А я сидела себе в машине – и ни о чем не подозревала!

– Боюсь, – с улыбкой провозгласил Пуаро, – что ваша женская интуиция в тот день взяла выходной...

ГЛАВА 27

– В "Бритер и Скаттл" я не вернусь, – заявила Мод Уильямс. – Все равно это не фирма, а болото.

– К тому же свое предназначение она уже выполнила.

– Что вы хотите этим сказать, мсье Пуаро?

– Зачем вы приехали в эти края?

– Раз вы такой мистер Всезнайка, вам, наверное, известно и это?

– Есть у меня одна идея...

– И что же это за идея?

Пуаро окинул задумчивым взглядом волосы Мод.

– Я, признаться, умолчал кое о чем, – сказал он. – Все поняли так, что женщина, вошедшая в дом миссис Апуорд, светловолосая женщина, которую видела Эдна, была миссис Карпентер и что она отрицала это просто из страха. Поскольку миссис Апуорд была уби-

та Робином, уже не имело значения, кто туда заходил: миссис Карпентер или мисс Хендерсон. И все-таки я не думаю, что там была миссис Карпентер. Я думаю, мисс Уилкокс, что Эдна видела вас.

Почему меня?

В голосе ее зазвучали жесткие нотки.

Пуаро ответил вопросом на вопрос:

– Почему вас деревушка, Бродхинни, вас так интересовал? Потом, приехав туда, вы попросили у Робина Апуорда автограф – вы ведь не из тех, кто охотится за автографами. Что-то было известно про Апуордов? Зачем вы вообще приехали в эти края? Как узнали, что Ева Кейн уехала в Австралию, как узнали, под каким именем она живет в Англии?

– Все-таки разведали, да? Что ж, мне скрывать нечего, грех на мне лет.

Она открыла сумочку. Из потертого бумажника вытащила небольшую газетную вырезку, пожелтевшую от времени. С фотографии на него смотрело, так хорошо ему теперь известное, жеманное личико Евы Кейн.

Поперек снимка было написано: "Она убила мою маму..."

Пуаро вернул фотографию.

– Да, так я и думал. Ваша настоящая фамилия – Крейг?

Мод кивнула.

– Меня воспитала какая-то родня – хорошие, порядочные люди. Когда это случилось, я была уже не такая маленькая, чтобы все забыть. И много об этом думала. Думала о ней. Она ведь была жуткая дрянь – дети это чувствуют! А мой отец... он был просто слабак. И она опьянила его, вскружила голову. А ответ пришлось держать ему. За то, что сделала она – да-да, я никогда в этом не сомневалась. Знаю, конечно, он соучастник, потому что скрыл правду от властей, но что же сталось с ней? Когда я подросла, наняла детективов, чтобы выяснить это. Они обнаружили ее след в Австралии и в

конце концов сообщили, что она умерла. У нее остался сын – и звали его Ивлин Хоуп. Казалось бы, можно поставить точку. Но тут я подружилась с одним молодым актером. И услышала от него, что из Австралии приехал некий Ивлин Хоуп, он пишет пьесы, но живет здесь под другим именем – Робин Апуорд. Я, естественно, навострила ушки. Как-то вечером мне его показали – и он был со своей матерью. Выходит, подумала я, Ева Кейн вовсе не умерла. Наоборот, живет по-королевски, купается в деньгах. Я устроилась сюда на работу. Меня разбирало любопытство – нет, просто любопытством это не назовешь. Что ж, могу признаться, как-то поквитаться с ней мне хотелось... И когда вы раскопали всю подоплеку дела Джеймса Бентли, я, не долго думая, решила: убийца миссис Макгинти – это миссис Апуорд. Ева Кейн взялась за старое. Случайно я узнала от Майкла Уэста, что к ним на спектакль в Калленки приедут Робин Апуорд и миссис Оливер. И я решила поехать в Бродхинни и войти в логово к этой тигрице. Я хотела... сама толком не знаю, чего я хотела. Я сейчас говорю вам всю правду... в сумочке у меня лежал маленький пистолет, оставшийся с войны. Чего я хотела? Напугать ее? Или... Сама не знаю, говорю, как на духу... В общем, пришла я к этому дому. Изнутри – ни звука. А дверь не заперта. Я вошла. В каком виде я ее застала, вы знаете. Она сидела там мертвая, лицо распухло, посинело. И тут все, чем я жила последнее время, показалось такой глупостью, такой мелодрамой... Я поняла, глядя на нее, что у меня никогда не поднялась бы рука на человека... Но поняла и другое – попробуй объясни, каким ветром меня занесло в этот дом? Вечер был прохладный, я была в перчатках, значит, отпечатков пальцев оставить не могла, а что меня кто-то заметил, мне и в голову не пришло. Вот и все. – Она помедлила, потом резко спросила: – Как вы теперь поступите?

– Никак, – ответил Эркюль Пуаро. – Просто пожелаю вам счастья в жизни.

ЭПИЛОГ

Эркюль Пуаро и старший инспектор Спенс праздновали победу в "Vieille Grand'mère".

Когда подали кофе, Спенс откинулся на спинку кресла и, донельзя удовлетворенный, перевел дух.

– Харчи здесь явно недурны, – одобрительно заметил он. – Сытно на французский манер, скажем прямо, но где сегодня умеют готовить приличный бифштекс с жареной картошкой?

– Я здесь обедал в тот самый вечер, когда вы впервые приехали к [illegible], – предался воспоминаниям Пуаро.

– Да, много воды утекло с тех пор. Но надо отдать вам должное, мсье Пуаро. Вы этот номер провернули ловко. – Он чуть улыбнулся, и закаменелые черты его лица сразу ожили. – Ведь какое везенье, что этот молодой наглец не сообразил – улик-то у нас кот наплакал. Толковый адвокат стер бы нас в порошок вместе с нашей версией! Но он совсем очумел от неожиданности и бросил карты на стол. Сам себя закопал, так можно выразиться. Тут нам здорово повезло!

– Дело не только в везенье, – с укором произнес Пуаро. – Я ведь его вел, как ведут крупную рыбу! Вот он думает, что улику против миссис Саммерхейз я воспринимаю всерьез, – и тут выясняется, что ничего подобного, он страшно переживает, нервничает. К тому же он трус. Когда я замахал молотком, он и вправду подумал, что сейчас я его ударю. А внезапный страх всегда заставляет говорить правду.

– Хорошо еще, что вам не досталось от мистера Саммерхейза. – Спенс ухмыльнулся. – Человек он вспыльчивый, а быстрый – прямо ртуть! Я едва успел между вами вклиниться. Он вас простил?

– Да, мы теперь первейшие друзья. А миссис Саммерхейз я подарил поваренную книгу и лично научил ее готовить омлет. Mon Dieu, какие страдания я претерпел в этом доме!

Он прикрыл глаза.

– Да, тут было над чем поломать голову, – в раздумье произнес Спенс, не обращая внимания на тягостные воспоминания Пуаро. – Вся эта история показывает, насколько верна старая поговорка: у каждого рыльце в пушку. Взять миссис Карпентер: еще чуть-чуть – и ее обвинили бы в убийстве! Уж больно подозрительно она себя вела, а какая за ней вина? Так, тьфу.

– Eh bien, какая же? – полюбопытствовал Пуаро.

– Обычная история – сомнительное прошлое. Она была профессиональной партнершей в дансинге – девица видная, от мужчин не было отбоя. Приехала в Бродхинни и заявила, что она – военная вдова! Куда там! Состояла с кем-то, как теперь говорят, в гражданском браке. Но напыщенному чистоплюю вроде Гая Карпентера такая партия ни к чему, вот она и наплела ему про мужа, что погиб на войне. Понятное дело, когда мы стали копать, кто да откуда взялся, она прямо взбеленилась – не дай бог, правда о ее прошлом выйдет наружу!

Он отхлебнул кофе, потом негромко хмыкнул.

– Или Уэтерби. Прямо не дом, а какое-то осиное гнездо. Ненависть и злоба. Неуклюжая и обездоленная девушка. А что за всем этим? Да ничего особенного. Деньги, и не более того. Самые обыкновенные фунты, шиллинги и пенсы.

– Только и всего?

– У девушки есть деньги – и немалые. Достались по наследству от тетки. Мать вцепилась в нее, будто клещ, – упаси господи, запросится замуж! А отчим, тот ее ненавидит лютой ненавистью, потому что звонкая монета – у нее, по счетам платит она. Сам-то он, наверное, неудачник – за что в жизни ни брался, все впустую. Сволочной тип... а миссис Уэтерби – это чистый яд в сахарной оболочке.

– Согласен с вами. – Пуаро удовлетворенно кивнул. – Очень удачно, что у мисс Хендерсон есть деньги.

Ей будет гораздо легче заключить брак с Джеймсом Бентли.

Лицо старшего инспектора Спенса отразило удивление.

— Брак с Джеймсом Бентли? Дейдри Хендерсон и Джеймс Бентли? Кто это сказал?

— Я, — ответил Пуаро. — Потому что самолично занимаюсь этим делом. Нашу маленькую проблему мы разрешили, и у меня образовался избыток свободного времени. Вот я и взял на себя хлопоты, связанные с их женитьбой. Правда, заинтересованные стороны на этот счет пока в полном неведении. Но их тянет друг к другу. Оставь их на произвол судьбы — и ничего не произойдет... но Эркюль Пуаро обязательно скажет свое веское слово. Увидите! Дело сдвинется с мертвой точки.

Спенс ухмыльнулся.

— Вы не прочь, как говорится, запустить палец в чужой пирог?

— Ну, mon cher, это удар ниже пояса, — укоризненно сказал Пуаро.

— Да, вы правы. Все равно, какой-то он жалкий, этот Джеймс Бентли.

— Пожалеть его стоит, это верно! Ведь он сейчас наверняка удручен — узнал, что виселица от него отвернулась.

— Он должен на коленях перед вами ползать от благодарности, — заметил Спенс.

— Скорее, перед вами. Правда, он, наверное, так не считает.

— Вот тюфяк.

— Может, и так, но не забывайте — две женщины проявили к нему неподдельный интерес. Природа — штука непредсказуемая.

— Я думал, что ему в пару вы прочите Мод Уильямс.

— Выбирать он будет сам. — Пуаро пожал плечами. — Он сам — как бы это сказать? — вручит яблоко своей

избранище. Но полагаю: выбор его падет на Дейдри Хендерсон. Мод Уильямс уж слишком бойкая, так и пышет энергией. С ней он совсем забьется в свою раковину.

– Не понимаю одного – что они в нем находят?

– Пути господни воистину неисповедимы.

– В общем, теперь у вас работы непочатый край. Сначала Джеймса Бентли надо подготовить к плаванию по морю любви, а потом даровать девушке свободу, вырвать ее из когтей пропитанной ядом матери. О-о, эта кошка еще даст вам бой, покажет свои коготки!

– Орудия крупного калибра – залог успеха.

– Вы, наверное, хотите сказать – усы крупного калибра.

Спенс расхохотался. Пуаро самодовольно погладил усы и предложил:

– Не выпить ли бренди?

– Не откажусь, мсье Пуаро.

Пуаро сделал заказ.

– Да, – спохватился Спенс. – Едва не забыл. Вы помните Рендела?

– Естественно.

– Так вот, мы проверяли его, и выяснилась довольно странная вещь. Оказалось, когда его первая жена умерла в Лидсе – он там в то время практиковал, – в полицию на него пришло несколько анонимных писем. Довольно мерзких. Собственно, в них говорилось, что жену он отравил. Разумеется, такие сплетни – не новость. Доктор, что проводил экспертизу, был человеком посторонним, с надежной репутацией, и он твердо заявил: жена доктора Рендела умерла своей смертью. Зацепиться было не за что, сомнение вызывало одно: каждый из них застраховал свою жизнь в пользу другого... но ведь такое не редкость... Тоже не бог весть какая зацепка, и все-таки... Что скажете?

Пуаро вспомнил: миссис Рендел словно была чем-то испугана. Намекала на какие-то анонимные письма,

уверяла, что в них нет и слова правды. И не сомневалась: расследование дела миссис Макгинти — всего лишь предлог. Пуаро приехал с другой целью.

— Надо полагать, — задумчиво произнес он, — что анонимные письма получала не только полиция.

— Его новая жена тоже?

— Думаю, что да. Когда я появился в Бродхинни, жена мистера Рендела решила, что я приехал по его душу, а миссис Макгинти — всего лишь предлог. Это же подумал и он. Вот все и сошлось! В тот вечер столкнуть меня под [illegible] пытался доктор Рендел!

— Думаете, он и эту жену попытается спровадить на тот свет?

— Думаю, ей не следует страховать свою жизнь в его пользу, — сухо заявил Пуаро. — Но если он поймет, что он у нас на заметке, — возможно, проявит благоразумие.

— Что ж, это нам по силам. Будем держать нашего приветливого доктора под наблюдением, да так, чтобы от него это не укрылось.

Пуаро поднял стакан с бренди.

— За миссис Оливер, — провозгласил он.

— Почему вдруг за нее? Вам что-то припомнилось?

— Женская интуиция, — ответил Пуаро.

На минуту установилась тишина, потом Спенс медленно проговорил:

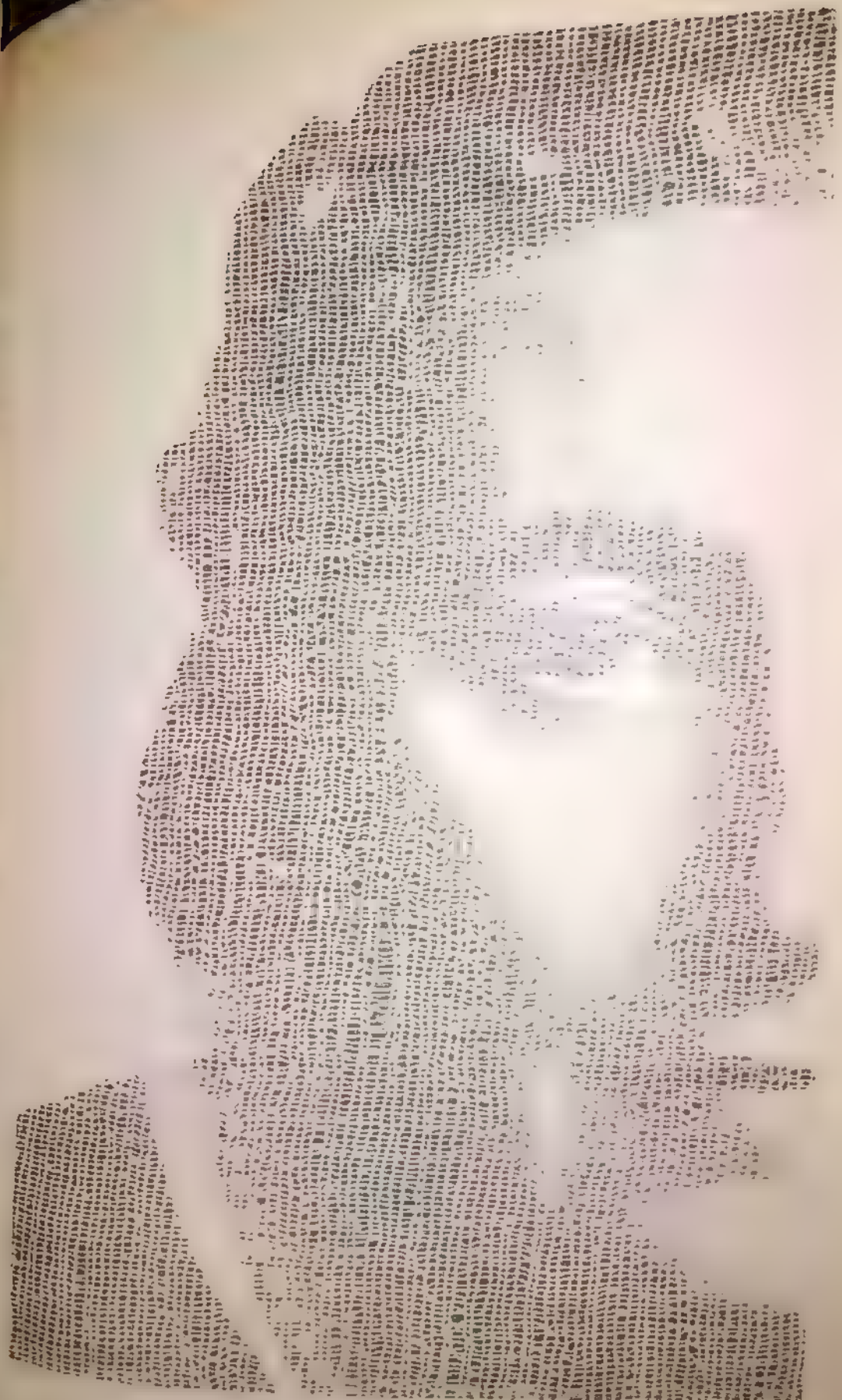
— Робин Апуорд предстанет перед судом на следующей неделе. Знаете, Пуаро, ничего не могу с собой поделать, но...

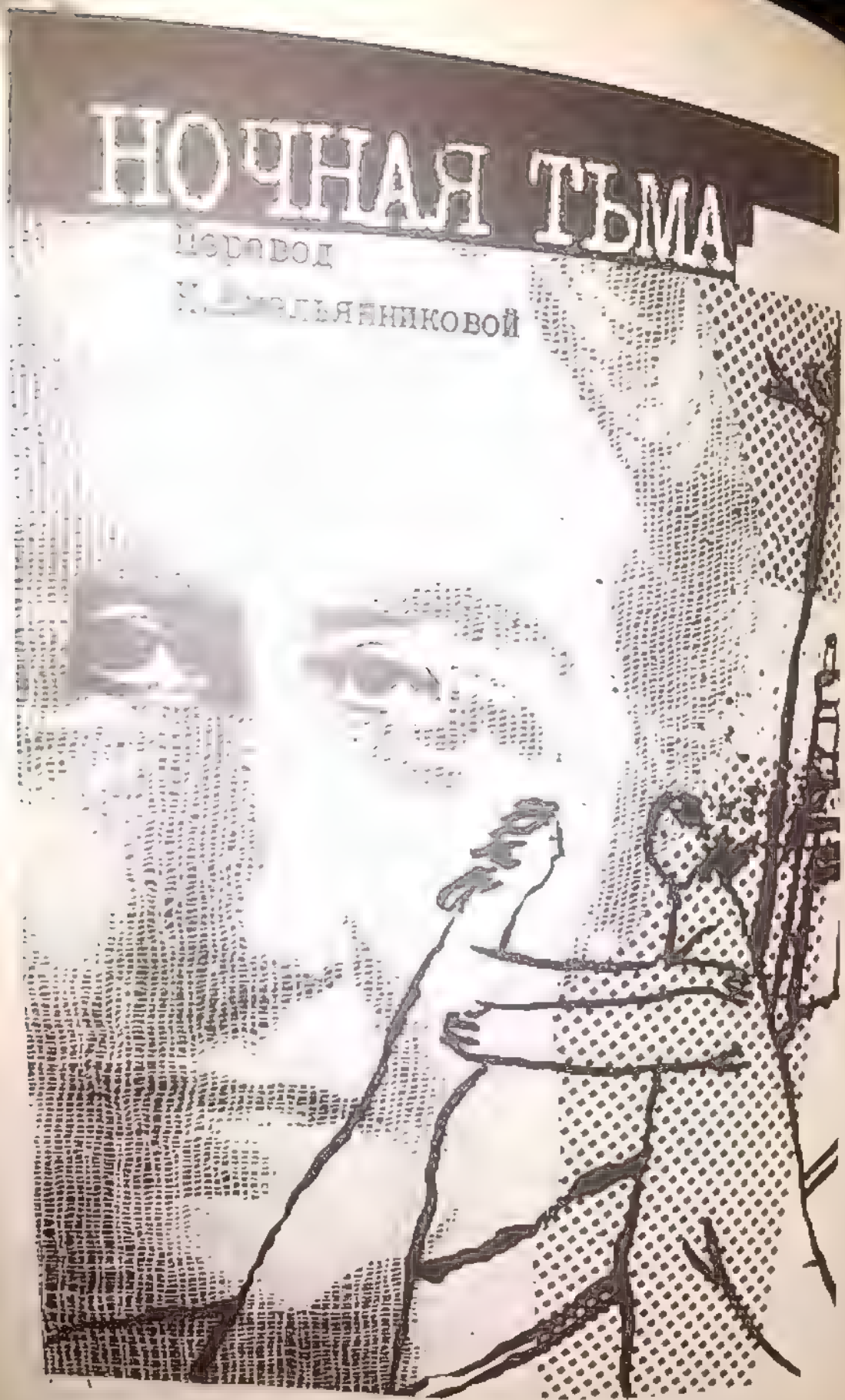
Пуаро в ужасе перебил его:

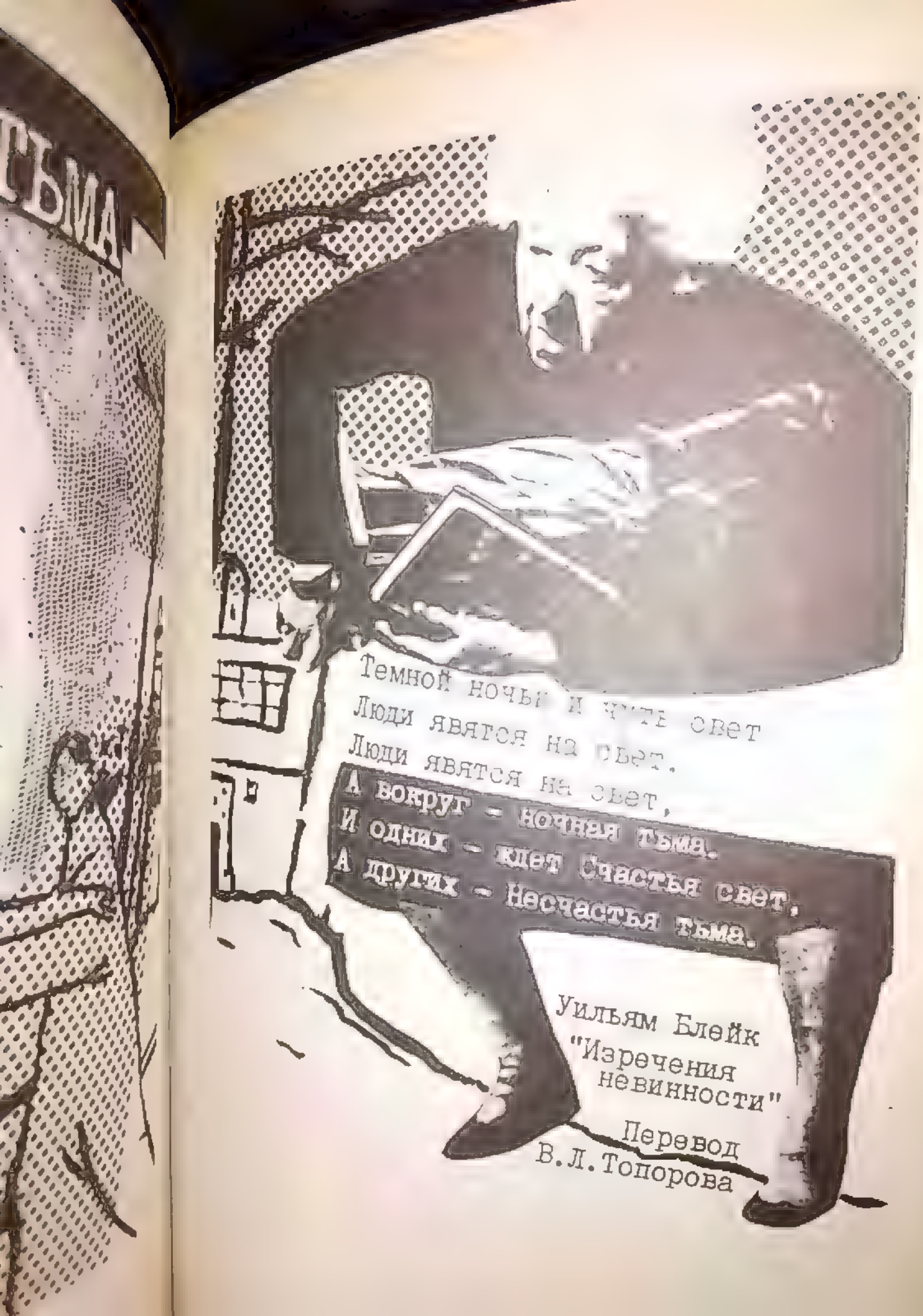
— Mon Dieu! Вы что же, теперь сомневаетесь в виновности Робина Апуорда? Только не говорите, что хотите начать все сначала!

Старший инспектор Спенс успокоил его, широко улыбнувшись.

— Бог мой, с чего вы взяли? Уж он-то точно убийца! — Потом добавил: — Такой дерзкий да наглый — ни перед чем не остановится!




НОЧНАЯ ТЬМА
ПЕРЕВОД


ТЬМА
Темной ночью и чуть свет
Люди явятся на свет,
Люди явятся на свет,
А вокруг - ночная тьма.
И одних - клеть Счастья свет,
А других - Несчастья тьма.
Уильям Блейк
"Изречения
невинности"
Перевод
В.Л.Топорова

КНИГА ПЕРВАЯ

1

В моем конце мое начало... Это изречение я часто слышал от разных людей. Звучит оно неплохо, но что на самом деле значит?

Есть ли некая точка отсчета, отыскав которую можно было бы сказать: "Все началось именно в тот день, в тот час, в том месте и с того события"?

Началась ли эта история, например, с того, что я заметил на доске объявлений компании "Джордж энд Дрэгон" сообщение о предстоящей продаже с аукциона довольно обширного поместья "Тауэрс"? В сообщении были указаны площадь "Тауэрса" в акрах, протяженность дорог в милях и дано весьма идеализированное изображение поместья, каким оно, наверное, было в пору своего расцвета, восемьдесят, а то и сто лет назад.

Я бездельничал и от нечего делать прогуливался по главной улице захолустного местечка Кингстон-Бишоп, как вдруг заметил объявление о продаже. Почему? Судьба сыграла злую шутку? Или, наоборот, на мою долю выпал счастливый случай? Трудно сказать.

А может быть, все началось с моей встречи с Сэнтониксом, с тех бесед, что мы вели. Перед моим внутренним взором проплывают его пылающие щеки, горящие глаза, движения сильной, хотя и тонкой кисти: он работает над эскизами зданий. В особенности одного дома, до того красивого, что я бы с удовольствием стал его владельцем.

Желание иметь дом, прекрасный и удивительный, о котором я и мечтать не смел, возникло у меня именно тогда, во время бесед с Сэнтониксом. Мы предавались мечтам о доме, который он построит для меня — если, конечно, ему позволит здоровье.

Я мечтал, что разделю этот дом с любимой жен-

шиной и мы, как в детской сказке, будем там "жить-поживать да добра наживать", – все это, конечно игра воображения, забава, но она заставляла меня жаждать того, что я вряд ли мог надеяться заполучить.

Ну, если это повесть о любви – а это, клянусь, [illegible] любви, – тогда почему бы мне не начать с того, что я впервые увидел Элли? Она стояла в тени разлапистой ели, что растет на Цыганском подворье.

[illegible]. Да, наверное, лучше начать с той [illegible], чуть вздрогнув, потому что [illegible] на солнце, отвернулся от доски [illegible], обратившись к местному жителю, [illegible] живую изгородь в двух шагах от [illegible], с [illegible] небрежностью в голосе той небрежностью, [illegible] спросил:

– А что представляет собой этот "Тауэрс"?

Я заметил, что старик некоса поглядел на меня с несколько странным выражением на лице.

– Мы этот дом называем по-другому. Что это за название? – неодобрительно фыркнул он. – Там уже много лет никто не живет, и все позабыли, что это "Тауэрс". – И опять фыркнул.

Я спросил у него, как же они называют этот дом, и он снова отвел глаза, как это делают деревенские жители, когда не хотят говорить откровенно. Глядя куда-то в сторону, словно там он видел что-то такое, чего не видел я, он сказал:

– У нас в округе его зовут Цыганским подворьем.

– А почему? – спросил я.

– Из-за какой-то истории. Сам толком не знаю. Одни говорят одно, другие – другое. – И затем добавил: – Известно только, что там вечно случаются несчастья.

– С машинами?

– По-разному бывает. В наши дни больше с машинами. Дорога там делает довольно крутой поворот.

– Понятно, – отозвался я. – Если крутой поворот, то, конечно, несчастных случаев не избежать.

– Местные власти поставили там дорожный знак, но толку от него мало. Несчастные случаи продолжаются.

– А почему "цыганское"? – спросил я.

Снова его взгляд скользнул в сторону.

– Да все те же россказни, – уклонился он от прямого ответа. – Говорят, когда-то это место принадлежало цыганам, а потом их выгнали, и они предали землю проклятью.

Я засмеялся.

– Чего тут смешного? – рассердился он. – Разве нет на земле мест, проклятых людьми? Вы, городские умники, про них ничего не знаете. Цыганское подворье – одно из таких мест. Когда из тамошней каменоломни стали брать камень для строительства, то погибло несколько человек. И старый Джорди как-то вечером свалился там с обрыва и сломал себе шею.

– Пьяный? – предположил я.

– Возможно. Выпить он был не дурак. Но пьяницы часто падают, разбиваются и все-таки остаются живы. А Джорди сломал себе шею. Вон там, – он ткнул пальцем себе за спину на поросший соснами холм, – на Цыганском подворье.

Пожалуй, с этого все и началось. Но тогда я не придал этому разговору никакого значения. Случайно запомнил – вот и все. Когда я задумываюсь, то есть когда задумываюсь всерьез, мне начинает казаться, что многое я домыслил сам. Не помню, до этого или чуть позже я спросил у него, есть ли в округе цыгане. Теперь, ответил он, их осталось немного. Полиция их гоняет.

– А почему цыган так не любят? – спросил я.

– Потому что они воруют, – сердито ответил он и пристально посмотрел на меня. – А в вас, случаем, нет цыганской крови? – угрюмо поинтересовался он, не спуская с меня глаз.

Я сказал, что понятия не имею. Я и вправду немного похож на цыгана. Быть может, поэтому меня и привлекло это название — Цыганское подворье. Я стоял улыбаясь и думая про себя, что, может, и в самом деле во мне есть капля цыганской крови. Мне нравился этот разговор.

Цыганское подворье... Я пошел по дорожке, что вилась среди темных деревьев, из городка на вершину холма, откуда открывался вид на море с кораблями. Панорама была чудесной, и мне вдруг подумалось: "А что, если бы Цыганское подворье принадлежало мне?" Глупая мысль! Когда я на обратном пути проходил мимо того местного жителя, что стриг кустарник, он сказал:

— Если вам нужны цыгане, то у нас здесь есть старая миссис Ли, что живет в коттедже, куда ее пустил майор.

— Какой такой майор? — спросил я.

— Майор Филпот, конечно. — Он был просто потрясен. Как мог я задать подобный вопрос? Я понял, что майор Филпот был местным божеством. А миссис Ли вроде как была у него на иждивении. Филпоты, похоже, жили и правили здесь с незапамятных времен.

Я попрощался с моим собеседником и двинулся дальше, но он сказал:

— Она живет в крайнем доме на этой стороне улицы. Наверное, вы застанете ее в саду. Тем, у кого в жилах цыганская кровь, в помещении не сидится.

Я побрел по улице, насвистывая и раздумывая про Цыганское подворье. И чуть было не забыл уже, о чем мне поведал старик, когда увидел, что из-за изгороди за мной пристально следит высокая темноволосая пожилая женщина. Я тотчас понял, что это и есть миссис Ли. Я остановился и заговорил с ней.

— Мне сказали, что вы знаете все про Цыганское подворье, — сказал я.

Глаза ее смотрели на меня в упор из-под растрепанной черной челки.

– Послушай меня, молодой человек. Забудь о Цыганском подворье. Ты красивый юноша. Цыганское подворье еще никому счастья не приносило, не принесет и тебе.

– Оно вроде бы продается, – сказал я.

– Да, но только глупец его купит.

– А есть желающие?

– Какой-то подрядчик. И не он один. И продадут его задешево. Вот увидишь.

– Почему обязательно задешево? – заинтересовался я. – Участок ведь превосходный.

Она ничего не ответила.

– Допустим, подрядчику удастся дешево купить его. И что он будет с ним делать?

Она засмеялась. Смех у нее был неприятный, даже зловещий.

– Снесет старый ветхий дом и построит новый. А то и двадцать-тридцать домов – и на всех будет лежать проклятье.

Не обратив внимания на ее заключительные слова, я не сумел сдержаться и выкрикнул:

– Этого ни в коем случае нельзя допустить!

– Можешь не волноваться: им всем грозит беда. И тем, кто купит поместье, и тем, кто будет класть кирпич и готовить раствор. Один упадет с лестницы. Нагруженный доверху грузовик перевернется, а шиферная плитка упадет с крыши прямо кому-то на голову. А потом ни с того ни с сего начнется ураган и станут падать деревья. Никому на свете Цыганское подворье не принесет счастья. Лучше оставить его в покое. Вот увидишь. – И, энергично тряхнув головой, она тихо повторила про себя: –Нет, не будет счастья тому, кто сунется на Цыганское подворье. И никогда не было.

Я рассмеялся.

– Не смейся, юноша, – приказала она. – Настанет день, когда ты пожалеешь о своем смехе. Счастья здесь не бывало – ни в доме, ни на земле.

– А что случилось с домом? – спросил я. – Почему

он так давно пустует? Почему он разрушается?

Его последние хозяева умерли, все до единого.

— А как они умерли? — заинтересовался я.

Об этом лучше помолчать. Но с тех пор ни у кого не было желания въехать туда. Вот дом и приходит в упадок. Про него забыли, и правильно сделали.

— Но я должен бы тебе не рассказать мне, что здесь произошло. Я должен знать ее я. — Ты ведь знаешь, а? И могу рассказать тебе как нищенка на паперти: — Хочешь, расскажу? Погадаю? Посеребри мне руку, и я расскажу. Это не принято. Ты из тех, кому в один прекрасный день повезет.

— Я не нищенка, — отозвался я, — и нет у меня серебра, но, во всяком случае.

Она продолжала тем же ноющим тоном продолжала.

— Кажется, у тебя шестипенсовик? Есть? Давай сюда. Я расскажу тебе все за один шестипенсовик. Что такое шесть пенсов? Ровным счетом ничего. Я погадаю тебе за шесть пенсов, потому что ты красавчик, за словом в карман не лезешь и умеешь себя держать. Возможно, ты далеко пойдешь.

Я вынул из кармана шестипенсовик не потому, что поверил в ее глупости, а потому, что мне чем-то пришлась по душе эта старая плутовка, хотя я и видел ее насквозь. Схватив монету, она сказала:

— Дай руку. Обе руки.

Она взяла мои руки в свои когтистые морщинистые лапы и уставилась на мои ладони. Минуту-другую она смотрела молча. Потом вдруг уронила их, резко оттолкнув от себя. И, сделав шаг назад, сурово сказала:

— Если хочешь себе пользы, сейчас же уезжай из Цыганского подворья и не возвращайся назад! Это лучший совет, какой я могу тебе дать. Не возвращайся.

— Почему? Почему мне нельзя вернуться?

— Потому что, если ты вернешься, тебя ждет горе,

утрата и, быть может, опасность. Тебя ждет беда, большая беда. Забудь про это место, говорю тебе. – Из всех...

Но она повернулась и пошла к дому. А войдя в него, захлопнула за собой дверь. Я не из суеверных. Как и все, я верю только в удачу, а не в болтовню про старые дома, на которых якобы лежит проклятье. Тем не менее мне стало тревожно при мысли о том, что старая карга что-то прочла по моим ладоням. Я посмотрел на них. Что можно там прочесть? Все прорицания – это сущая чепуха, умение вытягивать деньги, пользоваться чужой наивностью и доверчивостью. Я взглянул на небо. Солнце уже село, все вокруг изменилось. Вместе с сумерками в воздухе появилось что-то зловещее. Наверное, близится буря, решил я. Поднялся ветер, зашелестела на деревьях листва. Посвистывая, чтобы поднять настроение, я пошел по улице назад к центру Кингстон-Бишопа.

Я снова посмотрел на приклеенное к доске объявление о продаже "Тауэрса". Обратил внимание на дату. Я ни разу в жизни не бывал на аукционе, где продается недвижимость, и потому решил, что приеду обязательно. Интересно посмотреть, кто станет владельцем Цыганского подворья. Да, думаю, именно с этой минуты все и началось... Я вдруг размечтался. Приеду и сделаю вид, что готов бороться за возможность заполучить Цыганское подворье! Попробую сразиться с местными подрядчиками! А когда они выйдут из игры, потеряв надежду купить его задешево, я куплю его, поеду к Рудольфу Сэнтониксу и скажу ему: "Постройте мне дом. Я купил участок". И приведу туда девушку, красивую девушку, и мы будем, как говорится в сказках, "жить-поживать да добра наживать".

Меня нередко посещали подобные мечты. Они так и оставались мечтами, но мне от них делалось веселее. Так я рассуждал тогда! Господи боже мой! Если бы я только знал!

2

В окрестностях Цыганского подворья в тот день я оказался совершенно случайно. Я привез туда на машине каких-то людей на распродажу, причем вовсе не недвижимости, а вещей одного из домов. Это был большой и на редкость уродливый дом в предместье Лондона. Я привез туда весьма пожилую супружескую чету, которую [illegible] интересовала, как я понял из их разговоров, коллекция вещей из папье-маше, хотя понятия не имел, что это такое. Единственный раз, когда мне прежде довелось [illegible] слово "папье-маше", его употребила моя мать в [illegible] раковинах. Она утверждала, что раковины из [illegible] были куда приятнее нынешних из пластмассы. [illegible] представлялось странным желание богатых людей [illegible] в путь специально для того, чтобы купить [illegible], сделанную из этого загадочного материала.

Однако я запомнил этот факт и решил заглянуть в словарь, узнать, что же представляет собой папье-маше, если ради него люди готовы нанять машину и поехать на распродажу за город. Мне нравилось узнавать о неведомых для меня вещах. В ту пору мне было двадцать два года от роду, и я таким вот способом уже набрался кое-каких знаний. Я неплохо разбирался в автомобилях, был отличным механиком и умелым шофером. К тому времени я уже походил в конюхах в Ирландии. Потом чуть не связался с торговцами наркотиков, но вовремя опомнился и сбежал от них. Место шофера в известной на всю страну компании проката автомобилей – это совсем неплохо. Вместе с часовыми зарабатываешь приличные деньги. И стараний особых не требуется. Правда, порой одолевает скука.

Однажды летом я подрядился собирать фрукты. Платили скудно, но работа мне нравилась. Я перепробовал много занятий. Был официантом в третьеразрядном отеле, спасателем на пляже, торговал энциклопедиями

и пылесосами и кое-чем еще, работал даже в ботаническом саду, где научился разбираться в цветах.

Но долго я нигде не задерживался. С какой стати? Почти все, чем я занимался, мне нравилось. Одна работа была легкой, другая потруднее, но меня это не беспокоило. Я не из ленивых. Я, скорей, из непосед. Мне везде хотелось побывать, все посмотреть, все попробовать. Я постоянно был в поиске. Да, именно так. Я все время чего-то искал.

С тех пор как я расстался со школой, мне вечно чего-то хотелось, но, чего именно, я и сам не мог понять. Меня не покидало какое-то смутное неутолимое желание. Потом я понял, что меня влекло. Мне нужна была девушка... Мне нравились многие девушки, но я долго не встречал такой, на какой, не задумываясь, остановил бы свой выбор... Поначалу девушка тебе вроде очень нравится, а потом с не меньшим удовольствием знакомишься с другой. Девушек я менял так же часто, как работу. Первое время – полный порядок, потом она тебе начинает надоедать, вот и меняешь, меняешь. С тех пор как я бросил учиться, я только и делал, что менял одно на другое.

Большинство моих знакомых относились к моему образу жизни весьма скептически. Они были из породы так называемых "доброжелателей". Я же считал, что они просто меня не понимают. Они хотели, чтобы я постоянно ухаживал за одной и той же славной девушкой, накопив денег, женился бы на ней, нашел бы себе постоянную работу и жил бы поживал. День за днем, год за годом, и так без конца, аминь. Нет, ваш покорный слуга на это не способен! На свете должно быть нечто лучшее, нежели это пресное существование, подкрепляемое системой социального обеспечения в его недопеченном виде. Неужто, думал я, в мире, где человек сумел запустить в небо спутник и где всерьез ведут разговоры о полетах на другие планеты, не найдется чего-то способного заставить биться учащенно мое сердце, ради этого я

готов был обойти весь белый свет. Однажды, помню, шел я по Бонд-стрит. Было это в ту пору, когда я работал официантом, и мне как раз предстояло заступать на смену. Я шел не спеша, разглядывая в витринах обувь. До чего она была хороша! Как обычно говорится в газетной рекламе: "Вот что носят сегодня элегантные мужчины". А рядом фотография такого мужчины. И всегда он, этот тип, выглядит почему-то прощелыгой! Такая реклама вызывала у меня смех, да и только!

От витрины с обувью я перешел к другой витрине, которая принадлежала лавке, торговавшей картинами. В окне было всего три картины, искусно драпированные по углам золоченой рамы мягким бархатом какого-то нейтрального цвета. Настоящий шик, ничего не скажешь. Я не больно интересуюсь искусством. Однажды из чистого любопытства я побывал в Национальной галерее. Эти огромные забранные стеклом красочные изображения битв в горных долинах, запечатленные на полотне иссохшие святые, пригвожденные стрелами к крестам, и портреты жеманных, самодовольно улыбающихся знатных дам в шелках, бархате и кружевах нагоняли на меня тоску. Вот тогда я раз и навсегда решил, что искусство не для меня. Картина же, на которую я смотрел сейчас, была совсем другой. На витрине, как я уже сказал, было три картины. Одна — пейзаж, кусочек сельской местности, где я бываю ежедневно. Другая изображала женщину, нарисованную в таком странном ракурсе, с таким нарушением пропорций, что не сразу можно было догадаться, что перед тобой женщина. Вроде это как раз и называют авангардом. Что это значит, сказать по правде, я не смыслю. А вот третья картина была то, что надо. Вроде бы ничего особенного. Она была — как бы это сказать? — довольно простой. Несколько больших колец, вписанных одно в другое. И все разных цветов, причем самых неожиданных. А по краям брошены яркие мазки, которые,

по-видимому, ничего не означали. Только все вместе они были полны значения! Не умею я описывать. Могу только сказать, что от этой картины нельзя было оторвать глаз.

Я стоял перед витриной и чувствовал себя престранно, будто со мной случилось нечто необычное. Те модные туфли, к примеру, я бы купил с удовольствием. Я вообще очень разборчив в одежде. Я люблю хорошо одеваться, чтобы производить впечатление, но я никогда всерьез и не помышлял о покупке обуви на Бонд-стрит. Известно, какие у них там цены — такие туфли стоят не меньше пятнадцати фунтов. Говорят, что это ручная работа, потому, мол, и стоят так дорого. Пустая трата денег. Туфли, конечно, шикарные, но переплачивать за шик, ей-богу, не стоит. Я пока еще не сошел с ума!

Сколько же может стоить эта картина, подумал я. Не купить ли ее? Ты спятил, сказал я себе. Тебя же картины не интересуют. Все верно, но эту картину мне так хотелось... Хорошо бы ее заиметь. Повесить у себя в комнате, сидеть и смотреть на нее столько, сколько угодно, и знать, что она принадлежит тебе! Я покупаю картину! Безумие какое-то! Я снова посмотрел на нее. О чем я думаю? И, кроме того, я позволить-то себе этого, наверное, не могу. По правде говоря, в тот день кой-какие деньги у меня имелись. Удачно поставил на одну лошадку. Эта картина небось стоит немало. Фунтов двадцать. А то и двадцать пять? Во всяком случае, если прицениться, беды большой не будет. Ведь не съедят же меня! И я вошел, агрессивный и в то же время готовый обороняться.

Внутри царили тишина и величие. Освещение было приглушенным, стены выкрашены в какой-то серый цвет, а в середине стояла бархатная кушетка, на которую можно было сесть и любоваться картинами. Ко мне подошел человек, одетый с иголочки — как на рекламной картинке, — и в полном соответствии с окружающей обстановкой заговорил приглушенным голо-

сом. И что удивительно, он вовсе не держался с тем явным высокомерием, каким отличаются работники магазинов на Бонд-стрит. Выслушав меня, он снял картину с витрины и, подойдя к противоположной стене, поднял в руках так, чтобы я мог ее разглядывать, сколько захочу. Именно тогда меня осенило – как бывает, когда вдруг понимаешь, что к чему, – что при продаже картин действуют совсем иные правила, нежели при продаже других вещей. В такую лавку может войти человек [illegible] в старый, потертый костюм и обтрепанную [illegible] и оказаться миллионером, который желает [illegible] свою коллекцию. Или человек вроде меня, [illegible] бедно и безвкусно, но испытывающий такое неукротимое желание заполучить понравившуюся ему картину, что сумеет всеми правдами и неправдами собрать нужную сумму денег.

– Превосходный образец живописи, – сказал человек, продолжая держать в руках картину.

– Сколько? – быстро спросил я.

От его ответа у меня перехватило дыхание.

– Двадцать пять тысяч, – тихо сказал он.

Я умею делать хорошую мину при плохой игре и потому и бровью не повел. По крайней мере мне так показалось. Он назвал какую-то фамилию, по-видимому иностранную. Наверное, фамилию художника, и добавил, что картина к ним попала откуда-то из провинции и что ее хозяева и понятия не имели, что это такое. Я держался как мог.

– Деньги немалые, но картина, наверное, того стоит, – вздохнул я.

Двадцать пять тысяч фунтов. Курам на смех!

– Да, – тоже вздохнул он. – Конечно. – И, осторожно опустив картину, поставил ее обратно в витрину. – У вас неплохой вкус, – заметил он.

Я почувствовал, что мы с ним понимаем друг друга. Поблагодарив его, я вышел на Бонд-стрит.

3

Я не мастер описывать – во всяком случае, до настоящего писателя мне далеко. Вот, например, картина, про которую я рассказывал. Ничего особенного на ней вроде не было. То есть, хочу я сказать, никаких особых мыслей она не вызывала, ни о чем не говорила, но тем не менее я чувствовал ее значимость, понимал, что она имеет право на существование. Встреча с этой картиной была настоящим событием в моей жизни. Точно так же, как и Цыганское подворье. Не меньшую роль сыграл в моей судьбе и Сэнтоникс.

Пока я еще ничего о нем не рассказывал. Но вы, наверное, уже догадались, что он был архитектором. До него я с архитекторами никогда не встречался, хотя кое-что соображал в строительном деле. На Сэнтоникса я наткнулся в период моих блужданий. Случилось это, когда я работал шофером, возил богатых людей. Мне довелось побывать и за границей: дважды в Германии – я немного знаю немецкий, и дважды во Франции – по-французски я тоже болтаю, и один раз в Португалии. Обычно я возил пожилых людей, с хорошими деньгами и плохим здоровьем.

Когда возишь таких людей, начинаешь понимать, что наличие денег – не индульгенция от всех бед. И у богатых людей бывают сердечные приступы, и потому им надо все время глотать какие-то таблетки. И богачей в отелях, бывает, тоже невкусно кормят или плохо обслуживают, из-за чего возникают скандалы. Богачи, которых мне довелось знать, были людьми несчастными. Неприятностей у них по горло. То с налогами, то с размещением капитала. Послушали бы вы, о чем они беседуют между собой или с друзьями! Постоянное беспокойство – вот что гонит их в могилу. И в любви они тоже особой радости не находят, заполучая себе в жены либо длинноногих блондинок, которые с первых же дней брака начинают наставлять им рога, либо вечно

ноющих уродин, которые то и дело поучают их, как им следует поступать. Нет, по мне, лучше оставаться самим собой — Майклом Роджерсом, который любит путешествовать и время от времени завязывать интрижки с хорошенькими девушками.

Денег, разумеется, при такой работе у меня было немного, но я не жаловался. Жилось мне весело и привольно. Не знаю, конечно, как было бы дальше, ибо подобное отношение к жизни проходит вместе с молодостью. Нет молодости, и веселье перестает быть весельем.

Но в глубине души у меня таилось смутное желание обладать... Чем именно, я не знал и сам... Однако, продолжая начатую уже историю, расскажу об одном старике, которого часто возил на Ривьеру. У него там строился дом. Вот он и ездил смотреть, как идут дела. Архитектором у него был Сэнтоникс. Я так и не знаю, кем он был по национальности. Сначала я считал его англичанином, хотя такой странной фамилии мне ни разу не доводилось слышать. Нет, англичанином он, пожалуй, не был. Скорей всего, скандинавом. Со здоровьем у него было неважно — я сразу заметил. Он был молодой, светловолосый, с худым и каким-то странным лицом — перекошенным, или асимметричным. Со своими клиентами он не особенно церемонился. Вы, наверное, думаете, что поскольку они платили деньги, то заказывали и музыку? Как бы не так. Они боялись Сэнтоникса, потому что он всегда был уверен в своей правоте.

Помню, как только мы приехали и мой старик увидел, как идут дела, он прямо закипел от злости. Время от времени, пока я крутился возле них, выполняя обязанности то шофера, то лакея, мне довелось урывками слышать их разговор, и не приходилось сомневаться, что мистера Константина в скором времени ждет либо разрыв сердца, либо удар.

— Вы не сделали, как я велел! — кричал он. — И потратили слишком много! Мы

так не договаривались. Выходит, дом обойдется мне куда дороже, чем я рассчитывал?

– Совершенно верно, – ответил Сэнтоникс. – Но деньги для того и существуют, чтобы их тратить.

– Еще чего! Тратить! Вы не имеете права выходить за рамки определенной мною суммы, понятно?

– Тогда у вас не будет такого дома, какой вы хотите, – сказал Сэнтоникс. – Только я знаю, чего вы хотите. Дом, который я строю, соответствует вашему желанию. И мы с вами это твердо знаем. Не стоит скряжничать и препираться. Вам нужен роскошный дом, и вы его получите, чтобы потом показывать друзьям, которые будут вам завидовать. Я не всем берусь строить, я вам об этом уже говорил. Меня привлекают не только деньги. Ваш дом не будет похож на другие дома.

– Это ужасно! Ужасно!

– О, нет. Ужасно то, что вы сами не знаете, чего хотите. Или по крайней мере может создаться такое впечатление. На самом же деле вы подсознательно знаете, чего хотите, но не можете этого себе представить. Не видите этого. А я знаю. Я всегда знаю, чего люди ищут и что они хотят. У вас есть чувство красоты. Эту красоту я вам и подарю.

Он говорил, а я стоял рядом и слушал. И понемногу тоже начинал видеть, каким необычным будет этот дом, который строился среди сосен на берегу моря. Его окна вопреки обыкновению выходили не на море, а на просвет между горами, на крошечный кусочек неба. Это было странно, непривычно и прекрасно.

Когда я был свободен, Сэнтоникс иногда со мной заговаривал.

– Я строю дома только тем, кому пожелаю.

– То есть богатым, хотите сказать?

– Они должны быть богатыми, иначе строительство дома им не по карману. Но меня интересуют не деньги. Мои клиенты должны быть людьми состоятельными,

потому что дома, которые я строю, стоят недешево. Сам по себе дом еще ничего не значит. Ему нужна оправа, которая не менее существенна, чем сам дом. Красивый камень, рубин или изумруд, — это всего лишь красивый камень. Он ничего собой не представляет, ничего не значит, ибо, пока нет оправы, он не может служить украшением. И оправа должна быть достойна прекрасного камня. Ему такой оправой служит ландшафт, окружающая его природа, которая, пока существует сама по себе, ничего собой не представляет. Но как только в ней появляется дом, она становится оправой для жемчужины. Он посмотрел на меня и рассмеялся. — Понятно?

— Не совсем, — признался я. — И тем не менее... кое-что я понимаю.

— Вполне достаточно. В его глазах появилось любопытство.

Мы еще раз говорили на Ривьеру. К тому времени строительство дома было уже почти завершено. Не буду его описывать, потому что вряд ли мне это по силам, могу только сказать, что в нем было... нечто особенное, и был он прекрасен, это я понял. Этим домом можно было гордиться, показывать людям, жить в нем с любимым человеком. И вдруг в один прекрасный день Сэнтоникс сказал мне:

— Знаете, вам я, пожалуй, согласился бы построить дом. Мне представляется, что я знаю, какой дом вам хотелось бы иметь.

Я покачал головой.

— Я и сам-то не знаю, какой, — честно признался я.

— Вы, может, и не знаете, зато я знаю. — И добавил: — Жаль, что у вас нет денег.

— И никогда не будет, — сказал я.

— Как знать, — откликнулся Сэнтоникс. — Рожденный в бедности не обязательно должен пребывать в бедности до конца дней своих. Деньги — странная штука. Они идут к тому, кто их сильнее хочет.

– Чтобы разбогатеть, мне не хватает ума, – признался я.

– Честолюбия вам не хватает – вот в чем беда. Честолюбие у вас есть, но оно еще не проснулось.

– Что ж, – отозвался я, – в таком случае, как только я его разбужу и накоплю денег, я приеду к вам и попрошу построить мне дом.

– К сожалению, я не могу ждать... – вздохнул он. – Не могу позволить себе пребывать в ожидании. Мне отпущен короткий срок. Еще один-два дома, не больше. Никому не хочется умирать молодым, но порой приходится... Ладно, все это пустые разговоры.

– Значит, мне нужно побыстрее пробудить свое честолюбие.

– Не стоит, – сказал Сэнтоникс. – Вы человек здоровый, живется вам весело. Не нужно менять образ жизни.

– Да и пожелай я этого, ничего бы не вышло, – с грустью отозвался я.

В ту пору я именно так и считал. Мне нравилось, как я живу, а жил я, повторяю, весело, и здоровье у меня было отменное. Я часто возил людей, у которых водились деньги, заработанные тяжким трудом, а вместе с ними заработаны были язва желудка, грудная жаба и многое другое. Я вовсе не собирался перенапрягаться. Я старался работать не хуже других, но не более того. И честолюбия у меня не было, или, во всяком случае, так мне казалось. У Сэнтоникса же честолюбия, по-моему, было в избытке. Оно и заставляло его проектировать и строить дома, делать эскизы и еще что-то такое, чего я был не в силах постичь, но вместе с тем оно забирало у него все физические силы. Он и поначалу-то был не из сильных. Порой мне приходила в голову несуразная мысль о том, что он гонит себя в могилу своей работой, в которой выкладывается, удовлетворяя собственное честолюбие. Я же работать не хотел – вот и все. Я работе не доверял, презирал ее. По-моему, ничего хуже

работы человечество для себя не выдумало.

О Сэнтониксе я думал довольно часто. Он занимал мои мысли, пожалуй, больше остальных моих знакомых. Странная вещь — человеческая память. Уж очень она избирательна. Человек помнит то, что старается запомнить. Сэнтоникс и его дом, увиденная мною на Бонд-стрит картина, руины старого особняка под названием "Тауэрс" и рассказ о Цыганском подворье — все это я отлично запомнил! Хорошо помнил я девушек, с которыми встречался, и поездки за границу, куда возил клиентов. Клиенты же были все одинаковы — скучные. Они всегда останавливались в одних и тех же отелях и ели одну и ту же безвкусную пищу.

Меня по-прежнему не покидало странное ощущение ожидания чего-то [illegible] ожидания какого-то предложения или события. Не знаю, как получше описать это ощущение. Наверное, на самом деле я искал девушку моей мечты - причем вовсе не ту добропорядочную девушку, на которой можно было бы жениться и которая пришлась бы по вкусу моей матери, дяде Джошуа и кое-кому из моих приятелей. В ту пору я еще ничего не смыслил в любви. Зато недурно разбирался в сексе. Как и все, впрочем, представители моего поколения. Мы слишком много об этом говорили, слишком много слышали, а потому принимали все чересчур всерьез. Мы — я и мои приятели — понятия не имели, что бывает, когда приходит любовь. Мы были молоды и полны сил, мы разглядывали встречных девушек, оценивая по достоинству их фигуры, ножки, взгляды, брошенные на нас, и думали про себя: "Согласится она или нет? Стоит ли тратить время?" И чем больше девушек побывало у меня в постели, тем больше я хвастался. Чем большим молодцом меня считали друзья, тем большим молодцом я считал самого себя.

Я и не подозревал, что все это вовсе не любовь. Наверное, это знание рано или поздно приходит к каждому, и случается это внезапно. Тогда уж ты не

думаешь, как бывало: "Эта девушка, пожалуй, мне подходит... Она должна стать моей". Я по крайней мере испытывал совсем иное чувство. Я и понятия не имел, что, когда это случится, оно произойдет так стремительно. Что я скажу: "Вот девушка, которой я принадлежу. Я в ее власти. Я принадлежу ей целиком и навсегда". Нет, мне и в голову не приходило, что так получится. Не сказал ли как-то один старый комик — вроде была в его арсенале такая шутка: "Однажды мне суждено было испытать, что такое любовь. И если бы я почувствовал, что это может повториться, я бы предпочел любую другую пытку". То же самое и со мной. Если бы я знал, если бы я только мог знать, к чему все это приведет, я бы тоже предпочел любую другую пытку! Если бы я был умнее!

4

Я не забыл о своем желании побывать на аукционе. До него осталось три недели. Я успел дважды съездить на континент — раз во Францию и раз в Германию. Именно в Гамбурге и наступил критический момент. Во-первых, мне осточертела супружеская пара, которую я возил. Они олицетворяли собой все, что я ненавидел. Они были грубыми, неприятными на вид, ни с кем не считались и вызвали во мне желание прекратить свою лакейскую работу. Разумеется, я никак не проявлял своих чувств. Они мне были отвратительны, но я не сообщил им об этом. Иначе пришлось бы поссориться с фирмой, на которую я работал. Поэтому я просто позвонил своим пассажирам в отель, сказал, что заболел, и дал телеграмму в Лондон с таким же текстом, добавив, что могу оказаться в больнице, а потому прошу прислать мне замену. Никто не мог ко мне придраться. А поскольку я никого особенно не интересовал, то проверять они не стали, по-видимому полагая, что я лежу с высокой температурой и потому

не в силах сообщить дополнительные сведения. По возвращении в Лондон я бы поведал им кучу небылиц о том, как тяжко я болел. Но я не собирался этого делать. Я был сыт по горло своей шоферской деятельностью.

Этот бунт стал поворотным пунктом в моей жизни. Благодаря ему и многому другому я в нужный день и час очутился в [illegible], где шел аукцион.

"Если не продано ранее по личной договоренности" – такое [illegible] наклеено поперек доски с объявлениями. На [illegible], как выяснилось, не был продан. Я был так [illegible], что плохо соображал, что делаю.

Как и [illegible], я никогда до этого не бывал на аукционах. [illegible] недвижимость. Я был уверен, что событие [illegible] волнующим, но оказалось, что ошибся. Это [illegible] из самых скучных спектаклей, на которых мне [illegible] довелось бывать. Проходил он в довольно [illegible] атмосфере, в присутствии всего шести-семи человек. И аукционист на сей раз совсем не был похож на [illegible] мною аукционистов, распродававших мебель или что-то в этом роде. Добродушно пошучивая, они весело расхваливали товар. Здешний же ведущий полузадушенным голосом описал поместье, уточнил его площадь и другие данные и с полнейшим безразличием перешел к торгам. Когда кто-то предложил пять тысяч фунтов, аукционист устало улыбнулся, словно услышал не очень смешную шутку, и добавил кое-какие сведения. Поступило еще несколько предложений, в основном они исходили от лиц деревенской наружности: от человека, похожего на фермера, от одного, как я догадался, из конкурирующих между собой подрядчиков, а также от двух адвокатов, из которых один, похоже, приехал из Лондона, ибо был хорошо одет и на вид весьма интеллигентен. Правда, я не обратил внимания, предложил ли он свою цену. Если предложил, то очень тихо и, скорей, жестом. Так или иначе, аукцион подошел к концу, и ведущий скучным

голосом объявил, что поскольку никто не дал резервированную цену[1], то продажа откладывается.

– Ну и скучища! – пожаловался я одному из местных, выходя вслед за ним из помещения.

– Как всегда, – отозвался он. – Вы часто бывали на таких аукционах?

– Нет, – признался я. – По правде говоря, впервые.

– Зашли из любопытства, да? Я что-то не заметил, чтобы вы предлагали цену.

– А я и не собирался, – заверил его я. – Просто решил посмотреть, как это делается.

– Вот так чаще всего и делается. Они просто проверяют, заинтересуется кто-то или нет.

Я удивленно посмотрел на него.

– В этом поместье заинтересованы, по-моему, трое, – принялся объяснять мне мой новый знакомый. – Уэдерби, подрядчик из Хелминстера, Дэхем и Кумби, которые, насколько я понимаю, действуют от имени какой-то ливерпульской фирмы, и какая-то темная лошадка из Лондона – тоже вроде адвокат. Конечно, может, и еще есть претенденты, но эти, по-моему, главные. А продадут поместье задешево. Все так говорят.

– Из-за дурной славы? – спросил я.

– А, значит, вы слышали про Цыганское подворье? Болтовня, конечно. Местному совету давным-давно следовало бы спрямить дорогу – опасное там место.

– Но у поместья в самом деле дурная слава?

– Басни, и ничего больше! Но, так или иначе, настоящие торги, уверяю вас, состоятся за сценой. Желающие купить поместье назовут свою цену. Скорей всего, оно достанется ливерпульцам. Вряд ли Уэдерби даст большие деньги. Он любит покупать дешево. Сейчас кругом продают землю под застройку. А это поместье

[1]Резервированная цена – цена, ниже которой продающая сторона отказывается продать свой товар с аукциона.

может позволить себе купить тот, кто потом снесет старый дом и выстроит новый.

— Да, в наши дни такое случается не часто, — согласился я.

— Дороговато содержать его. Тут и налоги, и кое-что еще, да и прислугу в сельской местности не так-то просто найти. Нет, люди, скорей, выложат несколько тысяч за шикарную квартиру в городе где-нибудь на шестнадцатом этаже современного здания. На неладный огромный дом в деревне охотников в наши дни мало.

— Но почему бы вместо него не построить современный дом? — удивился я. — Со всеми удобствами.

— Можно, конечно, но стоить это будет дорого, да к тому же многие боятся жить в безлюдном месте.

— Ну, не все, — заметил я.

Он засмеялся, и мы распрощались. Я отправился восвояси, хмурясь и о чем-то размышляя. Ноги сами понесли меня вверх по тропинке среди деревьев к той петляющей дороге, что вела на вересковую пустошь.

Таким образом, я очутился в том месте, где впервые увидел Элли. Как я уже сказал, она стояла в тени высокой разлапистой ели, а вид у нее был примерно такой, будто еще секунду назад ее там не было и материализовалась она прямо из дерева. На ней был костюм из темно-зеленого твида, светло-каштановые волосы своим оттенком напоминали осенние листья, а сама она казалась какой-то бесплотной. Увидев ее, я остановился. Она смотрела на меня, чуть приоткрыв рот, и вид у нее был испуганный. Наверное, и у меня был испуганный вид. Мне хотелось что-то сказать, но я не знал что.

— Простите, но я вовсе не собирался вас напугать. Я и не заметил, что здесь кто-то есть.

— Можете не извиняться, — отозвалась она, и голос у нее был тихий и ласковый, как у маленькой девочки. — Я тоже не ожидала никого встретить здесь. — Чуть огля-

девшись, она добавила: – Тут так безлюдно. – И вздрогнула.

В тот день дул довольно прохладный ветер. А может, дело вовсе не в ветре, не знаю. Я подошел чуть поближе.

– Страшновато здесь, правда? – спросил я. – Я говорю про этот разрушенный дом.

– "Тауэрс"? – задумчиво произнесла она. – Так называлось поместье, да? Только... только почему-то никаких башен[1] здесь нет.

– Ну и что, – сказал я. – Люди любят придумывать величественные названия своим домам.

– Вполне возможно, – улыбнулась она. – Это... это то самое поместье, которое сегодня продавали с аукциона. Может, вы об этом слышали?

– Да, – ответил я. – Я как раз оттуда.

– Вот как? – чуть удивилась она. – Вы что, хотели его купить?

– Разве я похож на человека, который готов купить разрушенный дом и несколько сотен акров вересковой пустоши? – спросил я. – Нет, я не из тех людей.

– Продажа состоялась? – поинтересовалась она.

– Нет, никто не дал цены, даже близкой к резервированной.

– Понятно, – облегченно отозвалась она.

– А вы что, хотели его купить? – спросил я.

– О нет, – ответила она. – Ни в коем случае. – В ее голосе слышалась тревога.

Я помолчал, а потом выпалил слова, которые были у меня на губах.

– Я вам солгал, – признался я. – Я не могу купить это поместье, потому что у меня нет таких денег. Но если бы мог, я бы его купил. Я хочу его купить. Можете смеяться надо мной, сколько угодно, но я вам сказал все как есть.

[1] Тауэрс – башни (*англ.*).

– Но не кажется ли вам, что оно в таком жалком состоянии...

– Конечно, – перебил ее я, – я вовсе не хотел сказать, что оно мне нравится в его нынешнем виде. Я бы немедленно снес этот уродливый и мрачный дом. Но само поместье вовсе не кажется мне уродливым и мрачным. Оно прекрасно. Взгляните сюда. А потом сделайте несколько шагов и посмотрите в просвет между деревьями на эти холмы и поля. Видите? Прорубить здесь аллею... А если посмотреть отсюда...

Я взял ее за руку и повернул на девяносто градусов. Если мы всех [illegible] вопреки традициям, то она, по-моему, этого не заметила. Во всяком случае, я не переходил границ. [illegible] только хотелось показать ей то, что видел я сам.

– Отсюда, – сказал я, – начинается спуск к морю и скалам. Между нами и морем лежит городок, но его отсюда не видно, потому что вниз ведет [illegible] вереница холмов. А если вы повернетесь еще на девяносто градусов, то увидите заросшую лесом долину. Не кажется ли вам, что если вырубить часть деревьев и проложить аллеи, если расчистить пространство вокруг дома, то дом будет великолепно смотреться? Только не нужно строить дом на том месте, где стоит старый. Его следует поставить в пятидесяти-ста ярдах правее. И у вас будет чудесный дом. Дом, выстроенный гениальным архитектором.

– А среди ваших знакомых есть гениальные архитекторы? – В ее голосе слышалось сомнение.

– Есть один, – ответил я.

И тут я принялся рассказывать ей про Сэнтоникса. Мы сидели рядышком на поваленном дереве, и я рассказывал. Я рассказывал тоненькой, стройной девушке, которую видел впервые в жизни, о своей мечте с той пылкостью, на какую только был способен.

– Этого никогда не случится, – сказал я, – я понимаю. Не может случиться. Но вы только представьте

себе, что здесь можно сделать. Мы бы вырубили деревья, появилось бы открытое пространство, и мы бы посадили цветы, рододендроны и азалии, а потом сюда приехал бы мой друг Сэнтоникс. Он все время кашляет, потому что погибает не то от чахотки, не то от чего-то еще, но он бы успел построить нам дом. Он бы сумел построить самый замечательный дом на свете. Вы даже не представляете себе, какие он строит дома. Он строит их очень богатым людям, но не всем, а только тем, кто знает, чего хочет. И не просто знает, чего хочет, а жаждет осуществить свою заветную мечту.

– Мне бы тоже хотелось иметь такой дом, – сказала Элли. – Вы заставили меня увидеть его, почувствовать... Да, жить в нем было бы чудесно. Но мечты порой сбываются. Здесь можно было бы чувствовать себя свободной, а не связанной по рукам и ногам людьми, которые принуждают тебя делать то, чего ты не хочешь, и не позволяют делать то, чего тебе хочется. О, как мне надоела моя жизнь и люди, которые меня окружают!

Вот как все это началось у нас с Элли. Я был одержим своей мечтой, а Элли тяготилась своей жизнью. Мы замолчали и посмотрели друг на друга.

– Как вас зовут? – спросила Элли.

– Майк Роджерс, – ответил я. – Майкл Роджерс, – поправился я. – А вас?

– Фенелла. – И не сразу, но добавила: – Фенелла Гудмен. – И с тревогой взглянула на меня.

Больше не было сказано ни слова, но мы продолжали смотреть друг на друга. Нам обоим хотелось встретиться вновь, но в ту минуту мы не знали, как это сделать.

5

Вот как все началось у нас с Элли. По правде сказать, наши отношения развивались не очень быстро, ибо у каждого из нас были свои секреты, которыми мы вовсе не спешили поделиться друг с другом. Нам не

хотелось рассказывать о себе все до конца, как полагалось бы, а поэтому мы довольно часто натыкались на какой-то невидимый барьер. Мы не отваживались, например, спросить: "Когда мы встретимся в следующий раз? Где я вас увижу? Где вы живете?" Потому что если задаешь такие вопросы, то и тебе могут их задать.

Когда Фенелла называла свое имя, на лице у нее была такая тревога, что я в первую минуту было решил, что ее, наверное, зовут по-другому. Мне показалось, что она меня обманывает. Разумеется, я быстро отогнал прочь сомнения и назвал ей свое настоящее имя.

В тот [illegible] никак не могли расстаться, а потому испытывали [illegible] неловкость. Похолодало, и нам хотелось покинуть "Тауэрс" — но что потом? Довольно неуклюже я для пробы спросил:

— Вы живете где-то поблизости?

Она ответила, что живет в Маркет-Чэдуэлле. Это был маленький городок неподалеку. В нем была большая, довольно приличная гостиница. Значит, она остановилась там, решил я. Она, в свою очередь с такой же неловкостью, спросила у меня:

— А вы живете здесь?

— Нет, — ответил я. — Не здесь. Я приехал сюда только на один день.

Опять воцарилось довольно неловкое молчание. Подул ветерок. Она дрожала от холода.

— Пойдемте, — предложил я. - От ходьбы нам станет теплее. У вас есть машина или вы пользуетесь автобусом и поездом?

Она сказала, что оставила машину в городке.

— Ничего, обойдусь без нее, — добавила она.

Она вроде немного нервничала. Я решил было, что ей хочется избавиться от меня, только она не знает, как это сделать. И потому сказал:

— Дойдем вместе до деревни, согласны?

Она бросила на меня благодарный взгляд. Мы медленно пошли вниз по петляющей дороге, на которой

произошло так много несчастных случаев. Когда мы очутились в том месте, где начинался крутой поворот, из тени елей вдруг кто-то вышел. Это произошло так неожиданно, что Элли испуганно ахнула и вздрогнула. Оказалось, что это старая миссис Ли, с которой я несколько дней назад разговаривал в ее саду. Сегодня она показалась мне еще более безумной — ее растрепанные черные волосы развевались по ветру, а на плечах была алого цвета накидка. Властная осанка делала ее выше ростом.

– А вы откуда здесь, молодые люди? — спросила она. – Что привело вас в Цыганское подворье?

– Разве мы вторглись в чужие владения? — спросила Элли.

– Смотря как на это взглянуть. Когда-то эта земля принадлежала цыганам. Потом нас прогнали. Вам здесь не будет счастья, и незачем разгуливать по Цыганскому подворью.

Элли не отличалась агрессивностью. А потому отозвалась мягко и вежливо:

– Извините, мы не знали, что сюда нельзя приходить. По-моему, это поместье сегодня продавалось на аукционе.

– Тому, кто его купит, оно принесет несчастье, — заявила старуха. – Запомни, моя красавица, ибо ты и вправду красивая девушка, мало радости оно принесет будущему владельцу. Эта земля проклята, проклята давным-давно, много лет назад. Держись подальше от нее. Держись подальше от Цыганского подворья. Опасность и смерть оно принесет тебе. Уезжай к себе домой за океан и не возвращайся больше в Цыганское подворье. И не говори потом, что я тебя не предупредила.

Вспыхнув от обиды, Элли сказала:

– Но мы же не делаем ничего плохого.

– Полно вам, миссис Ли, – вмешался я. – Зачем пугать эту юную леди?

И, повернувшись к Элли, объяснил:

– Миссис Ли живет в деревне. У нее там свой

коттедж. Она гадалка и умеет предсказывать будущее. Правда, миссис Ли? – в шутливом тоне обратился я к ней.

– Да, я умею это делать, – спокойно отозвалась она, еще больше выпрямляясь. – Я обладаю таким даром. Я родилась с ним. Мы все умеем это делать. Могу предсказать будущее и тебе, юная леди. Положи мне на ладонь серебряную монету, и я скажу, что тебя ждет.

– Я не хочу знать свое будущее.

– Всем полезно знать свое будущее. Чтобы избежать беды, которая неминуемо вас постигнет, коли не принять мер предосторожности. Не скупись, у тебя в кармане полно денег. Полным-полно. Я знаю кое-что, что и тебе не грех знать.

По-моему, во всех женщинах живет непреодолимое желание заглянуть в свое будущее. Я замечал это у тех девиц, с которыми имел дело. Мне почти всегда приходилось расплачиваться за них на ярмарках, где стоят кабинки гадалок. Элли открыла сумочку и, достав две полукроны, положила их старухе в руку.

– Вот правильно, моя красавица. А теперь послушай, что скажет тебе матушка Ли.

Элли стянула с руки перчатку и протянула свою изящную ладошку старухе, которая уставилась на нее, бормоча:

– Что мы видим здесь? Что видим?

И вдруг резко оттолкнула от себя руку Элли.

– На твоем месте я бы тотчас уехала отсюда. Уезжай и не возвращайся, говорю я тебе. Все, что я сказала тебе раньше, – чистая правда. То же самое я вижу у тебя на ладони. Забудь про Цыганское подворье, забудь, что ты его видела. Там не только разрушенный дом, там еще и земля, на которой лежит проклятье.

– Да что вы к ней привязались? – не выдержал я. – Эта юная леди не имеет никакого отношения к той земле, о которой вы твердите. Она приехала сюда погулять. И никого здесь не знает.

Старуха не обратила на меня никакого внимания. – Говорю тебе, моя красавица, предупреждаю тебя, – сурово продолжала она. – Тебя ждет счастливая жизнь, но ты должна избегать опасности. Избегай мест, где живет проклятье, там тебя поджидает беда. Уезжай туда, где тебя любят и лелеют. Ты должна быть осторожней. Помни это. Иначе... Иначе... – Она вздрогнула. – Не по душе мне то, что я вижу у тебя на ладони.

И вдруг одним быстрым движением сунула две полукроны обратно Элли в руку, бормоча при этом какие-то слова, которые мы с трудом расслышали.

– Здесь случится что-то очень жестокое, жестокое. – И, повернувшись, быстрыми шагами удалилась.

– Какая... Какая страшная женщина, – сказала Элли.

– Не обращайте на нее внимания, – грубовато отозвался я. – По-моему, она не совсем в себе. Просто решила вас попугать. К этому месту у них здесь, по-моему, особое отношение.

– А что, тут часто бывали несчастные случаи? Случалась беда?

– Боюсь, что да. Посмотрите на этот поворот, обратите внимание, какая узкая здесь дорога. Членов местного совета давно следует расстрелять за бездействие. Как не быть здесь авариям? Даже предупредительных знаков и то почти нет.

– Только аварии или еще что-нибудь?

– Люди любят собирать сплетни про несчастные случаи. А таких случаев везде хватает. Вот и получается, что какое-то место обрастает слухами.

– И это одна из причин, из-за чего, как говорят, это поместье будет продано за бесценок?

– Вполне возможно. То есть, если его приобретет кто-либо из местных. Но я не думаю, что оно достанется местным. Скорей, его купят под застройку. Вы дрожите, – заметил я. – Не надо. Пойдемте быстрее, – предложил я. – Может, будет лучше, если мы распрощаемся здесь?

– Нет. Ни в коем случае. А почему это будет лучше?

Я решился на отчаянный шаг.

– Знаете, – сказал я, – завтра я собираюсь в Марket-Чэдуэлл. Может... Не знаю, будете ли вы еще там... Я хочу спросить, нельзя ли мне... увидеться с вами? – Я переступил с ноги на ногу и отвернулся. Лицо у меня, по-моему, горело. Но если не сказать все сейчас, что делать дальше?

– Можно, – ответила она. – Я уеду в Лондон только вечером.

– Тогда, быть может... Не согласитесь ли вы... Наверное, я веду себя чересчур нахально?

– Почему же? Вовсе нет.

– Тогда, быть может, мы с вами посидим в кафе? Оно называется, по-моему, "Голубая собака". Вполне приличное кафе, – добавил я. – То есть я хочу сказать, что... – Я никак не мог подобрать нужного мне слова и потому воспользовался словом, которое не раз слышал от матери. – Оно вполне культурное, – волнуясь, заключил я.

И тут Элли рассмеялась. Наверное, это и вправду звучит в наши дни несколько странно.

– Я уверена, что там очень мило, – сказала она. – Хорошо, я приду. Примерно в половине пятого, устраивает?

– Я буду ждать вас там, – отозвался я. – Я... Я очень рад. – Я не уточнил, чему я был рад.

Мы уже подошли к повороту, за которым начинались дома.

– До свиданья, – сказал я, – до завтра. И забудьте все, что наплела вам эта старая карга. Ей, похоже, нравится пугать людей. На ней свет клином не сошелся.

– А вам это место не кажется страшным? – спросила Элли.

– Цыганское подворье? Нет, – ответил я, пожалуй, чуть более решительно, чем следовало, но мне и вправду оно не казалось страшным. Я, как и прежде, считал, что

место это очень красивое – красивая оправа для краси-
вого дома...

Вот как прошла моя первая встреча с Элли. На следующий день я был в Маркет-Чэдуэлле и сидел в "Голубой собаке" в ожидании Элли. Она пришла. Мы пили чай и беседовали. Мы так и не разоткровенничались до конца про нас самих и жизнь, которую мы ведем, а больше болтали о разных пустяках. Потом Элли, взглянув на часы, сказала, что ей пора, потому что ее поезд на Лондон уходит в пять тридцать.

– А мне показалось, что у вас здесь машина, – сказал я.

Она чуть смутилась и призналась, что вчера говорила не про собственную машину. Но так и не объяснила, чья это была машина. Нами снова овладело чувство неловкости. Я подозвал официантку, расплатился за чай, а потом решился прямо спросить у Элли:

– Суждено ли мне увидеть вас снова?

Она сидела, опустив глаза.

– Я пробуду в Лондоне еще две недели, – сказала она.

– Где и когда? – спросил я.

Мы договорились встретиться в "Риджентс-парк-отеле" через три дня. Стояла чудесная погода. Мы пообедали в ресторане на открытом воздухе, а затем прошли в сад королевы Марии, уселись там в шезлонгах и принялись болтать. С этого дня мы начали рассказывать о себе. Я сказал, что получил неплохое образование, но карьеры не сделал. Рассказал, как менял занятие одно за другим, не про все, конечно, но про некоторые рассказал – как никак не мог на чем-либо остановиться, как мне все надоело и я искал, искал... Как ни странно, но она слушала меня, затаив дыхание.

– Совсем другая жизнь, – заметила она. – Как удивительно непохоже.

– Непохоже? На что?

– На мою жизнь.

– Вы богаты?

– Да, – ответила она. – Я бедная маленькая богачка.

И нехотя, отрывистыми фразами стала рассказывать мне о своей богатой семье, об удушливой, тоскливой атмосфере комфорта в доме, о том, что ей запрещено выбирать себе друзей и делать то, что хочется, – а она видит, как люди наслаждаются жизнью, в то время как ей в этом отказано. Ее мать умерла, когда она была совсем маленькой, и отец женился снова. А потом, спустя несколько лет, умер и он. Я понял, что она не очень дружна со своей мачехой. Большей частью она живет в Америке, [illegible] путешествует по разным странам.

Я слушал ее и не понимал, как в наше время молоденькая [illegible] может вести такое существование – практи[illegible]сидеть взаперти в четырех стенах. Конечно, [illegible] на вечерах и приемах, но мне казалось, будто [illegible] происходило пятьдесят лет назад – так она об этом [illegible]. В ее мире, по-видимому, не было места ни [illegible] отношениям, ни веселью, и ее образ жизни отличался от моего, как день от ночи. Слушать об этом было по-своему любопытно, но рассказ ее навевал уныние.

– Значит, у вас совершенно нет близких друзей? – не мог поверить я. – А как насчет молодых людей?

– Их для меня выбирают, – понуро ответила она. – От них веет смертельной тоской.

– Вы живете как в тюрьме, – заметил я.

– В общем-то, да.

– И ни одной близкой подруги?

– Теперь появилась. Ее зовут Грета.

– А кто такая эта Грета? – спросил я.

– Ее наняли мне в компаньонки – нет, пожалуй, не совсем так. Сначала у нас в течение года жила девушка-француженка, помогала мне учить французский язык, а потом из Германии приехала Грета – помогать в немецком. Но Грета оказалась не такой, как все. И с ее приездом все переменилось.

– Вам она нравится?

– Она мне очень помогает, – ответила Элли. – Она на моей стороне. Она делает все, чтобы я могла хоть изредка поступать по собственному усмотрению. Она не боится солгать ради меня. Я ни за что не смогла бы побывать на Цыганском подворье, если бы не Грета. Она живет со мной в Лондоне, опекая меня, пока моя мачеха находится в Париже. Если я куда-нибудь уезжаю, я сочиняю два-три письма и оставляю их Грете, а она отправляет их каждые три-четыре дня, и на них стоит лондонский почтовый штемпель.

– А почему вы вдруг решили поехать на Цыганское подворье? – спросил я. – И для чего?

Она ответила не сразу.

– Мы с Гретой так решили, – сказала она. – Она удивительный человек, – продолжала она, – постоянно придумывает интересные вещи, предлагает новые идеи.

– А как она выглядит, эта Грета? – спросил я.

– О, Грета очень красивая, – ответила Элли. – Высокая, светловолосая. И все умеет делать.

– Мне она, наверное, не понравится, – сказал я.

Элли засмеялась.

– Понравится, вот увидите. Не сомневаюсь. Она к тому же очень умная.

– Не люблю умных девиц, – сказал я. – Равно как и высоких блондинок. Мне нравятся маленькие девушки с волосами цвета осенних листьев.

– Вы, наверное, ревнуете к Грете, – заметила Элли.

– Возможно. Вы ведь ее очень любите, не так ли?

– Да, очень. С ее появлением моя жизнь стала совсем другой.

– Это она посоветовала вам приехать сюда? Интересно зачем? В этих краях нет ничего необычного. Прямо какая-то загадка.

– Это наш секрет, – смутившись, призналась Элли.

– Ваш и Греты? Какой же?

Она покачала головой.

– Пусть это останется моей тайной, – сказала она.

– Ваша Грета знает, что вы встречаетесь со мной?

– Она знает, что я с кем-то встречаюсь. И все. Она не задает вопросов. Она знает, что я счастлива.

После этой встречи я целую неделю не видел Элли. Вернулась из Парижа ее мачеха, приехал и еще кто-то, кого она называла дядей Фрэнком, мимоходом Элли упомянула, что у нее скоро день рождения и что по этому поводу будет большой прием.

– Всю эту неделю я не смогу выбраться из дома. Но после этого... После этого все станет по-другому.

– Почему после этого все станет по-другому?

– Я смогу делать, что захочу.

– С помощью Греты, как обычно?

Как только я упоминал имя Греты, Элли начинала смеяться.

– Глупо ревновать к ней, – говорила она. – В один прекрасный день вы познакомитесь, и, я уверена, она вам понравится.

– Мне не по душе девушки, которые любят командовать, – упрямился я.

– А почему вы решили, что она любит командовать?

– С ваших же слов. Вечно она чего-нибудь устраивает.

– Грета очень энергичная, – сказала Элли, – и умелая. Моя мачеха целиком на нее полагается.

Я спросил, что собой представляет дядя Фрэнк.

– По правде говоря, – ответила она, – я не очень хорошо его знаю. Он муж сестры моего отца. По-моему, он всегда был чем-то вроде перекати-поля и не раз попадал в переделки. Он из тех, о ком всегда говорят намеками.

– Не принят в обществе? – спросил я. – Из непутевых?

– О нет, ничего страшного, но у него были неприятности. Что-то связанное с деньгами, по-моему. И тогда нашим адвокатам, попечителям и так далее пришлось постараться, чтобы все уладить. Это обошлось недешево.

– Ага! – воскликнул я. – Значит, в вашей семье он представляет порок. Тогда мне лучше подружиться с ним, чем с добродетелью в образе Греты.

– Когда ему хочется, он может быть очаровательным, – сказала Элли. – Он интересный собеседник.

– Но вы его не очень жалуете? – резко спросил я.

– Почему же? Вовсе нет... Просто порой мне кажется – не знаю, как это получше сказать, – что я не понимаю, о чем он думает или что замышляет.

– Он что, из любителей замышлять?

– Не могу понять, что он в действительности собой представляет, – сказала Элли.

Она ни разу не предложила, чтобы я познакомился с кем-нибудь из ее семьи. Может, мне самому намекнуть, порой думал я. Но не был уверен, как она среагирует на мое предложение. Наконец я решился на откровенность.

– Послушайте, Элли, – сказал я, – как по-вашему, не пора ли мне познакомиться с вашей семьей?

– Мне бы не хотелось, чтобы вы с ними знакомились, – не задумываясь, ответила она.

– Я, конечно, ничего особенного собой не... – начал я.

– Я вовсе не это имела в виду, боже упаси! Просто они поднимут шум, а я этого не хочу.

– Иногда мне кажется, – сказал я, – что мы занимаемся каким-то темным делом, где я играю весьма неблаговидную роль.

– Я уже достаточно взрослая, чтобы иметь собственных друзей, – сказала Элли. – Скоро мне исполнится двадцать один год. Когда это случится, я буду иметь законное право заводить себе друзей по своему усмотрению. Но сейчас, видите ли... Как я уже сказала, они поднимут страшный шум и увезут меня куда-нибудь, где я не смогу с вами встречаться. И тогда... В общем, пусть пока все останется как есть.

– Если это устраивает вас, то устраивает и меня, – ответил я. – Просто не хотелось бы встречаться, так сказать, тайком.

— Никто не встречается тайком. Разве плохо иметь друга, с которым можно откровенно поговорить? Или, — она вдруг улыбнулась, — помечтать. Вы даже не представляете себе, как это приятно.

Да, именно этим мы занимались – мечтали! Наши встречи все больше и больше были посвящены этому. Иногда мечтал я, но гораздо чаще Элли.

— Предположим, что мы купили Цыганское подворье и строим там дом.

Я [illegible] рассказывал ей о Сэнтониксе, о домах, которые [illegible] построил. Я пытался описать ей эти дома и объяснить [illegible] думаю, задумывая их. Не думаю, что у меня [illegible] получалось, потому что я вообще плохо [illegible] рисую. Элли представляла дом по-своему – [illegible]. Мы не произносили слов "наш дом", но это явно [illegible] мелось...

Итак, в течение недели мне предстояло обходиться без ее общества. Я взял из банка деньги, которые мне удалось сколотить (очень немного), купил колечко с зеленым камнем в виде ирландского трилистника и подарил ей на день рождения. Оно ей очень понравилось, она явно была обрадована.

— Чудесное кольцо, — сказала она.

На ней редко бывали драгоценности, но если уж она что-либо надевала, то это были настоящие брильянты и изумруды. И тем не менее мое зеленое ирландское колечко пришлось ей по вкусу.

— Этот подарок мне понравился больше всех, — заверила меня она.

Потом я получил от нее записку. Сразу же после дня рождения она уезжала вместе со своей семьей на юг Франции.

"Но вы не беспокойтесь, — писала она, — я буду в Лондоне через две-три недели — по пути в Америку. Мы обязательно встретимся. И поговорим о чем-то очень интересном".

Мне было тревожно и немного не по себе из-за того,

что я не виделся с Элли и знал, что она во Франции. Кое-что стало известно и про Цыганское подворье. Его, по-видимому, купило какое-то частное лицо, но кто именно, выяснить не удалось. Покупателя, как мне сказали, представляла одна из лондонских юридических контор. Я попытался выведать подробности, но из этого ничего не вышло. Контора вела себя крайне осторожно. К ее руководству я, естественно, не посмел обратиться, а подружился с одним из клерков, от которого и получил кое-какую информацию. Поместье было продано очень богатому клиенту, который вложил капитал в землю, надеясь на большие доходы, когда начнется активная застройка местности.

Очень трудно узнать что-либо, когда имеешь дело с престижной фирмой. Все сведения держатся под таким секретом, будто они принадлежат военной разведке. И адвокаты никогда не назовут человека, в интересах которого они действуют. О том, чтобы их подкупить, не может быть и речи!

Меня не покидало состояние крайней тревоги. Я постарался выбросить все мысли из головы и отправился навестить свою мать.

Мы с ней давным-давно не виделись.

6

Последние двадцать лет моя мать прожила на одной и той же улице, состоявшей из похожих друг на друга домов, весьма респектабельных, но совершенно лишенных какой-либо оригинальности и привлекательности.

Парадный вход был на славу побелен и выглядел так же, как всегда. Номер 46. Я нажал кнопку звонка, и в дверях появилась моя мать. Выглядела она тоже как всегда: высокая, костлявая, седые волосы разделены пробором посредине, не рот, а капкан, во взгляде подозрительность. Она была твердой, как гранит, однако там, где дело касалось меня, давала порой слабинку. По мере

возможности она старалась этого не показывать, но я уже давно ее раскусил. Ее ни на минуту не покидало желание видеть меня другим, но ее мечтам так и не суждено было сбыться. Отношения у нас постоянно были натянутыми.

– Оказывается, это ты! – удивилась она.

– Да, – отозвался я, – это я.

Она сделала шаг назад, чтобы дать мне пройти, я вошел в дом и, миновав гостиную, очутился в кухне. Она тоже прошла в кухню и остановилась, глядя на меня.

– Давно мы не виделись, – сказала она. – Чем ты был занят?

– Ничем особенным, – пожал я плечами.

– Значит, все как обычно? – спросила мать.

– Как обычно, – подтвердил я.

– Сколько же мест ты переменил с тех пор, как мы виделись в последний раз?

– Пять, – с минуту подумав, ответил я.

– Пора бы тебе повзрослеть.

– Я давно уже повзрослел, – сказал я, – и давно выбрал себе образ жизни. А ты как поживаешь?

– Тоже как обычно, – ответила мать.

– Здорова и все такое прочее?

– У меня нет времени болеть, – сказала мать и вдруг спросила: – Зачем ты пришел?

– Разве я обязательно должен прийти за чем-то?

– Так бывало всегда.

– Не понимаю, почему ты так отрицательно относишься к моему желанию повидать мир?

– Водить лимузины по Европе, по-твоему, "видеть мир"?

– Конечно.

– Вряд ли ты увидишь много интересного, коли будешь бросать работу, предупредив хозяев всего за день, и, сославшись на болезнь, оставлять клиентов в каком-то забытом богом городе.

– Откуда тебе это известно?

– Звонили из твоей фирмы. Спрашивали, не знаю ли я, где ты живешь?

– А зачем я им понадобился?

– Наверное, решили снова взять тебя на работу, – ответила мать. – Только не понимаю почему.

– Потому что я неплохой шофер и нравлюсь клиентам. Во всяком случае, не моя вина, что я заболел, не так ли?

– Не знаю, – сказала мать.

Весь ее вид свидетельствовал о том, что я кругом виноват.

– А почему ты не позвонил им, когда вернулся в Англию?

– Потому, что у меня были более важные дела, – ответил я.

– Опять чего-то задумал? – удивленно подняла она брови. – Снова какие-то дурацкие затеи? Что ты делал с тех пор, как вернулся?

– Работал заправщиком на бензоколонке, механиком в гараже, клерком, мыл посуду в третьеразрядном ночном клубе.

– То есть катился по наклонной плоскости, – подытожила мать с каким-то мрачным удовлетворением.

– Ни в коем случае, – возразил я. – Это все входит в мои планы.

Она вздохнула.

– Чего хочешь, чаю или кофе? У меня есть и то и другое.

Я предпочел кофе. Я уже отучился пить чай. Мы сели за стол, и она отрезала нам по куску домашнего пирога.

– А ты изменился, – вдруг сказала она.

– Я? В чем?

– Не знаю в чем, но изменился. Что случилось?

– Ничего не случилось. А что должно было случиться?

– Ты возбужден, – сказала она.

Собираюсь ограбить банк, – пошутил я.

Но ей было не до шуток.

– Нет, этого я не боюсь.

– Напрасно. По-моему, в наши дни это самый легкий способ разбогатеть.

- Чтобы как следует к этому подготовиться, нужно немало потрудиться, – сказала она. – Поработать головой, чего ты не слишком любишь делать. Кроме того, дело это рискованное.

– Ты считаешь, что видишь меня насквозь?

– Нет, не считаю. По правде говоря, я далеко не все про тебя знаю, потому что мы с тобой люди разные. Но я чувствую, когда ты замышляешь что-то новое. Как сейчас, например. В чем дело, Мики? Нашел девушку?

– Почему ты решила, что я нашел девушку?

– Я всегда знала, что рано или поздно это случится.

– Что значит "рано или поздно"? У меня было много девушек.

– Я имею в виду не это. Тогда ты занимался девушками от нечего делать, боялся утратить сноровку, но до сих пор всерьез ими не интересовался.

– А сейчас, ты полагаешь, я увлечен всерьез?

– Значит, дело действительно в девушке, Мики?

– Отчасти, – опустил я глаза.

– И что она собой представляет?

– То, что мне нужно, – ответил я.

– Ты нас познакомишь?

– Нет, – сказал я.

– Вот, значит, как?

– Да не в этом дело. Я просто не хочу лишний раз тебя волновать и...

– При чем тут волнение? Ты не хочешь мне ее показать, потому что боишься, что я скажу "нет". Так?

– Если бы ты и сказала "нет", я все равно тебя не послушался бы.

– Возможно, но тебе это было бы неприятно. Где-то в глубине души ты бы стал сомневаться, потому что все-

таки прислушиваешься к моему мнению. Есть в тебе нечто такое, что я давно разгадала и, наверное, не ошиблась, – тебе это известно. Я единственный человек на свете, кто способен поколебать твою самоуверенность. Эта девушка, которой ты так увлечен, она из непутевых?

– Из непутевых? – засмеялся я. – Если бы ты ее увидела! Ты меня смешишь!

– Что тебе от меня нужно? Ты ведь пришел не просто так. Как всегда.

– Мне нужны деньги, – сказал я.

– От меня ты их не получишь. А зачем они тебе? Истратить на нее?

– Нет, – сказал я, – мне нужно купить шикарный костюм на свадьбу.

– Собираешься на ней жениться?

– Если она даст согласие.

Это ее потрясло.

– Если бы ты только решился рассказать мне что-нибудь! – воскликнула она. – По-моему, ты дал маху. Случилось то, чего я всегда боялась: ты выбрал плохую девушку.

– Плохую девушку? Ты спятила! – разозлился я.

И вышел из дома, изо всей силы хлопнув за собой дверью.

7

Дома меня ждала телеграмма из Антиба.

"Встречаемся завтра в четыре тридцать в обычном месте".

Элли была совсем другой, я это сразу заметил. Мы встретились, как всегда, в "Риджентс-парке" и поначалу чувствовали себя чуть стесненно. Я собирался ей кое-что сказать, а потому волновался, не зная, как это выразить. Наверное, так бывает с каждым мужчиной, когда он решил сделать предложение.

Элли тоже почему-то вела себя несколько странно.

Быть может, думала, как поделикатнее мне отказать. Но я почему-то все-таки был уверен, что она мне не откажет. Весь мой расчет основывался на том, что Элли меня любит. Но в ней появилась какая-то независимость, уверенность в себе, которые едва ли можно было объяснить только тем, что она стала на год старше. День рождения не может настолько изменить девушку. Она вместе со своей семьей побывала на юге Франции и немного мне об этом рассказала. А потом несколько смущенно добавила:

— Я... Я видела этот дом. Тот, о котором вы мне говорили. Который построил ваш приятель-архитектор.

— Кто? Сэнтоникс?

— Да. Мы ездили к ним обедать.

— Как это получилось? Ваша мачеха знакома с владельцем этого дома?

— С мистером Константином? Нет... Не очень, хотя они встречались и... Если честно, это Грета сделала так, чтобы нас туда пригласили.

— Опять Грета, — привычно сердитым голосом произнес я.

— Я же вам говорила, — отозвалась Элли, — что Грета умеет все.

— Да ладно. Значит, она сумела сделать так, что вы, ваша мачеха...

— И дядя Фрэнк... — вставила Элли.

— Всей семьей, — усмехнулся я, — и, разумеется, сама Грета...

— Нет, Грета не ездила, потому что... — Элли помолчала. — Кора, моя мачеха, не считает, что Грета должна ездить с нами в гости.

— Поскольку она не член семьи, а всего лишь бедная родственница? — спросил я. — Или, верней, компаньонка? Грете порой, наверное, надоедает такое отношение?

— Она не просто компаньонка, она мне как подруга.

— Дуэнья, нянька, наставница, приятельница — есть много слов.

– Подождите, – сказала Элли, – прежде всего я хочу сказать вам, что теперь понимаю, о чем вы говорили, рассказывая о своем друге Сэнтониксе. Дом этот чудесный. Он... Он ни на что не похож. Мне кажется, что если бы мы с ним договорились, то у нас тоже был бы чудесный дом.

Она произнесла эти слова машинально. "Мы", сказала она. "У нас". Значит, отправившись на Ривьеру, Элли заставила Грету устроить так, чтобы она смогла посмотреть особняк, про который я ей рассказывал, потому что решила еще отчетливее представить себе, что за дом построит нам в мире грез Рудольф Сэнтоникс.

– Я рад, что вам понравился этот дом, – сказал я.

– А чем вы занимались все это время? – спросила она.

– Работал, как всегда, – ответил я, – и побывал на скачках, где поставил на аутсайдера все до последнего пенни и выиграл в тридцать раз больше. Кто рискнет утверждать, что мне не везет?

– Очень рада за вас, – сказала Элли, но в голосе ее не было радости, ибо выиграть, поставив на аутсайдера все до последнего пенни, ничего не значило в том обществе, в котором она вращалась. Во всяком случае, не столько, сколько это значило для меня.

– И еще я побывал у матери, – добавил я.

– Вы ни разу не сказали, что у вас есть мать.

– А зачем? – удивился я.

– Разве вы не любите свою мать?

– Не знаю, – подумав, ответил я. – Иногда мне кажется, что не люблю. Когда человек становится взрослым, он так или иначе уходит от своих родителей. И от матерей, и от отцов.

– По-моему, вы ее все-таки любите, – упорствовала Элли. – Иначе вы бы не задумались, отвечая на мой вопрос.

– Я ее порой боюсь, – признался я. – Она слишком хорошо меня знает. Знает мои слабости, я хочу сказать.

– Должен же кто-нибудь их знать, – заметила Элли.

– Что вы имеете в виду?

– Кто-то из великих сказал: ни один камердинер не видит в своем господине героя. Наверное, каждому из нас требуется такой камердинер. Довольно трудно жить, если все время стараешься понравиться всем.

– Вы умница, Элли, – восхитился я и взял ее за руку. – А вы тоже все обо мне знаете?

– Думаю, да, – спокойно и просто ответила Элли.

– Я ведь рассказал вам о себе немного.

– Вы хотите сказать, что никогда не рассказывали мне о себе? Вы больше отмалчивались. А это совсем другое. И тем не менее я, по-моему, неплохо в вас разбираюсь.

– Не уверен, – отозвался я и продолжал: – Пусть это звучит довольно нелепо, но должен признаться, что я вас люблю. Несколько запоздалое признание, не так ли? Я хочу сказать, что вы, конечно, давно уже об этом знаете, практически с самого начала, правда?

– Да, – сказала Элли, – и вы тоже знаете про меня.

– Вопрос в том, – решился я, – что нам дальше делать? Нам будет нелегко, Элли. Вы хорошо знаете, что я собой представляю, чем занимался и какой образ жизни вел. Когда я ездил навестить мать, то снова увидел ту мрачную улочку, на которой она живет. Это совсем не тот мир, в котором существуете вы, Элли. И я не уверен, сумеем ли мы когда-либо совместить эти два мира.

– Вы могли бы познакомить меня с вашей матерью?

– Мог бы, – согласился я, – но лучше этого не делать. Наверное, это звучит грубо, даже жестоко, но, видите ли, нас с вами ожидает довольно странное будущее. Это будет не та жизнь, которую вели вы, и не та, которую вел я. Это будет новая жизнь, где нам предстоит примирить мои бедность и невежество с вашими богатством, образованностью и положением в обществе. Моим друзьям вы будете казаться высокомерной, а

ваши друзья решат, что со мной неприлично появляться в свете. Итак, что же нам делать?

– Я скажу вам, – ответила Элли, – что мы будем делать. Мы будем жить на Цыганском подворье, в доме, нет, в воздушном замке, который нам построит ваш друг Сэнтоникс. Вот что мы будем делать. – И добавила: – Но сначала нам надо пожениться. Вы ведь это имели в виду?

– Да, – сказал я, – именно это. Но я не уверен, что я для вас удачная партия.

– Все очень просто, – отозвалась Элли. – Мы можем пожениться на следующей неделе. Я ведь уже совершеннолетняя. И потому могу делать все, что пожелаю. А это главное. Вы, наверное, правы насчет наших родственников. До тех пор пока все не будет кончено, я ничего не скажу своим родным и вы можете не говорить своей матери, а потом, если они и устроят скандал, уже будет поздно.

– Чудесно, – обрадовался я, – чудесно, Элли. Но есть одно препятствие. Не хотелось бы говорить вам об этом. Мы не сможем жить на Цыганском подворье, Элли. Если мы и построим дом, то только не там. Цыганское подворье продано.

– Я знаю, что оно продано, – отозвалась Элли и засмеялась. – Вы не понимаете, Майк. Это я купила его.

8

Мы сидели на усеянной цветами лужайке у ручья, журчавшего среди камней и пешеходных троп. Вокруг нас было множество людей, но мы их не замечали и даже не видели, что они есть, потому что мы были увлечены разговором о своем будущем. Я не сводил глаз с нее, она – с меня. Мне было трудно говорить.

– Майк, – сказала она, – я должна кое-что тебе объяснить. О себе.

– Не нужно, – ответил я, – не нужно мне ничего объяснять.

— Нет, нужно. Я должна была рассказать тебе об этом сразу, но мне не хотелось, потому что... Потому что я боялась, что из-за этого ты уйдешь. И этим объясняется отчасти мой поступок в отношении Цыганского подворья.

— Ты купила его? — спросил я. — Каким образом?

— С помощью адвокатов, — ответила она. — Как это обычно делается. Мои адвокаты одобрили мое намерение вложить капиталы в землю, ибо она растет в цене.

Было довольно странно вдруг услышать, как нежная и робкая Элли с такой уверенностью и знанием дела рассуждает о купле-продаже недвижимости.

— Ты купила его для нас?

— Да. Я обратилась не к нашему семейному адвокату, а к [illegible] ему. Объяснила ему, что меня интересует. [illegible] изучить вопрос и запустила машину в ход. Было еще двое покупателей, но они не собирались переплачивать. Самое главное было не упустить сделку и подготовить все нужные документы, чтобы я могла подписать их, как только стану совершеннолетней. Документы подписаны, дело сделано.

— Но тебе ведь пришлось внести депозит. У тебя нашлись такие деньги?

— Нет, — ответила Элли, — нет, в моем распоряжении не было больших денег, но зато всегда есть люди, готовые ссудить нужную сумму. И если обратиться в новую юридическую контору, где очень заинтересованы, чтобы к их услугам прибегали и впоследствии, когда у клиента будет полное право распоряжаться унаследованными деньгами, они готовы пойти на риск, надеясь, что клиент не умрет в одночасье как раз накануне дня рождения.

— Ты так по-деловому разговариваешь, — заметил я, — что у меня просто дух захватывает.

— Бог с ними, с этими делами, — сказала Элли. — Вернемся к тому, о чем я начала тебе рассказывать. Кое о чем я тебе уже сообщила, но ты, по-моему, как следует этого не осознал.

– Не хочу я ничего осознавать, – закапризничал я, повысив голос. Я почти кричал. – Не надо мне ничего рассказывать. Не хочу ничего знать о том, что ты делала, кого любила или что с тобой было.

– Разговор у нас вовсе не об этом, – возразила Элли. – Мне и в голову не пришло, что ты можешь не понять, о чем идет речь. Не бойся, никаких любовных тайн у меня нет. До тебя я никого не любила. Дело в том, что... У меня есть деньги.

– Я это знаю, – сказал я. – Ты мне уже говорила.

– Да, – чуть улыбнулась Элли, – я помню, я назвала себя "бедной маленькой богачкой". Но речь не об этом. Видишь ли, мой дед нажил огромное состояние на нефти. В основном на нефти. И кое на чем другом. Жены, которым он платил алименты, умерли, наследниками остались только мы с отцом, потому что два других брата отца тоже погибли. Один – в Корее, а другой – в автомобильной катастрофе. Отец получил в наследство колоссальное состояние, которое после его внезапной кончины перешло ко мне. В своем завещании отец оговорил сумму, которая поступает в распоряжение моей мачехи, поэтому ни на что больше она претендовать не может. Все это принадлежит мне. Я... Я – одна из самых богатых женщин Америки, Майк.

– Боже милостивый, – пробормотал я, – а я и не знал... Да, ты права, о таком я и подозревать не мог.

– Я не хотела, чтобы ты знал. Не хотела тебе говорить. Поэтому и боялась назвать себя – Фенелла Гудмен. На самом деле я вовсе не Гудмен, а Гутман, но я решила, что про Гутманов ты слышал, а потому и произнесла фамилию на английский манер: Гудмен.

– Да, – подтвердил я, – про Гутманов я наслышан. Нет, когда ты назвала себя, мне и в голову ничего такого не пришло. Мало ли людей носят эту фамилию?

– Поэтому-то, – продолжала она, – я была так ограждена от других, лишена свободы. Меня охраняли частные детективы, и молодых людей тщательно прове-

ряли, прежде чем им разрешалось даже поговорить со мной. Если у меня появлялся новый знакомый, раньше всего убеждались, подходит ли он мне по всем статьям. Ты даже не представляешь, как страшно было так жить. Но теперь все кончено, и, если ты не возражаешь...

— Конечно, не возражаю, — перебил ее я. — Мы будем веселиться вовсю. По правде говоря, — добавил я, — что касается лично меня, то мне и твоего богатства мало.

Мы оба рассмеялись.

— Больше всего, — сказала она, — мне нравится то, что ты никогда не лжешь.

— Кроме того, — заметил я, — тебе ведь, наверное, приходится платить огромный налог? Вот в чем одно из немногих моих преимуществ. Деньги, которые я зарабатываю, идут прямо мне в карман, и никто не может их у меня отнять.

— У нас будет свой дом, — сказала Элли, — свой дом на Цыганском подворье. — И почему-то вдруг вздрогнула.

— Тебе не холодно, дорогая? — поинтересовался я, взглянув на залитое солнцем небо.

— Нет, — ответила она.

И в самом деле, было необыкновенно жарко. Мы совсем разомлели на солнышке. Так жарко бывает, наверное, только на юге Франции.

— Нет, — повторила Элли. — Просто я вспомнила ту цыганку...

— Забудь о ней, — сказал я. — Она ведь сумасшедшая.

— Как по-твоему, она и вправду считает, что та земля проклята?

— Цыгане, по-моему, все такие. Вечно твердят о разных проклятьях.

— Ты много знаешь про цыган?

— Ничего не знаю, — признался я. — Если тебе не нравится Цыганское подворье, Элли, мы можем купить землю в другом месте. На вершине горы в Уэльсе, на побережье в Испании или среди холмов в Италии. Сэн-

тоникс и там построит для нас дом.

– Нет, – не согласилась со мной Элли. – Если честно, я хочу, чтобы наш дом был там, где мы впервые встретились. Внезапно появившись из-за поворота, ты шел по дороге, потом увидел меня и остановился, не сводя с меня глаз. Я этого никогда не забуду.

– И я тоже, – пообещал я.

– Вот там пусть и будет наш дом. И твой друг Сэнтоникс построит его.

– Если он еще жив, – почему-то встревожился я. – Он тяжко болен.

– Он жив, – сказала Элли. – Я к нему ездила.

– Ты к нему ездила?

– Да. Когда была во Франции. Он был там в санатории.

– С каждой минутой, Элли, ты меня удивляешь все больше и больше. Сколько ты совершила поступков!

– По-моему, он замечательный человек, – сказала Элли, – но довольно страшный.

– Он тебя напугал?

– Да, не знаю почему, но мне было очень страшно.

– Ты рассказала ему про нас?

– Да. Я рассказала ему все, и про нас, и про Цыганское подворье, и про дом. Он ответил, что мы обязательно должны воспользоваться его услугами. Он очень болен, но, по его словам, у него еще достанет сил поехать посмотреть участок, подготовить документацию и сделать эскизный проект. Он сказал, что не беда, если даже он умрет до окончания строительства, но я ответила ему, – добавила Элли, – что он обязан жить и дальше, потому что мне хочется, чтобы он увидел, как мы заживем в этом доме.

– И что он на это сказал?

– Он спросил меня, знаю ли я, что делаю, выходя за тебя замуж, и я сказала, что, конечно, знаю.

– А потом?

– Интересно, знаешь ли ты, что делаешь, поинтересовался он.

– Я-то знаю, – не сомневался я.

– Он сказал: "Вы всегда будете знать, куда идете, миссис Гутман. – И добавил: – Вы всегда будете идти туда, куда вам хочется, но Майк, – продолжал он, – может пойти по неверному пути. Он еще недостаточно взрослый, чтобы знать, куда он идет". На что я ответила, что рядом со мной тебе ничего не грозит.

Она была крайне самоуверенным существом. Слова Сэнтоникса меня разозлили. Он напоминал мою мать. Она всегда знала, что знает обо мне больше, чем я сам.

– Я знаю, куда иду, – сказал я. – Я иду туда, куда хочу, и мы идем туда вместе.

– Развалины старого дома уже убирают, – сообщила Элли. И перешла к практическим делам. – Как только эскизный проект будет готов, работа пойдет быстро. Нам нужно спешить. Так сказал Сэнтоникс. Хочешь, мы зарегистрируем наш брак в следующий вторник? – спросила Элли. – Вторник - хороший день.

– Только без всяких свидетелей, – поставил условие я.

– Кроме Греты, – сказала Элли.

– К черту эту Грету, – рассердился я. – Ее у нас на свадьбе не будет. Только мы с тобой, и все. А свидетелей можем взять прямо с улицы.

Я и вправду считал тогда, что это был самый счастливый день в моей жизни...

КНИГА ВТОРАЯ

9

Вот так мы с Элли стали мужем и женой. Произошло это несколько внезапно, но, в общем-то, именно так и

бывает в жизни. Мы решили пожениться и намерение свое осуществили.

Но это только начало моей истории, а не конец любовного романа или сказки. "И стали они жить-поживать да добра наживать". После таких слов и рассказывать-то больше не о чем. Мы поженились, мы были счастливы, и прошло немало времени, прежде чем нас разыскали. Вот тогда и начались обычные трудности и заботы.

Вся история с нашей женитьбой прошла на удивление просто. В своем желании обрести свободу Элли довольно ловко заметала свои следы. Верная Грета делала все необходимое и стояла на страже, охраняя интересы Элли. А я довольно быстро понял, что, собственно говоря, Элли и ее дела особенно никого не интересовали. Ее мачеха была целиком занята светской жизнью и романами. Если Элли отказывалась сопровождать ее в какое-нибудь место на земном шаре, она никогда не настаивала. К услугам Элли были многочисленные гувернантки, горничные и учителя, и, если ей хотелось поехать в Европу, никто не возражал. Когда она выразила желание отметить свое совершеннолетие в Лондоне, ей снова пошли навстречу. Теперь, когда она имела право распоряжаться своим огромным состоянием, она стала настоящей хозяйкой. Пожелай она купить виллу на Ривьере, замок на Коста-Брава, яхту или еще что-нибудь, то стоило лишь упомянуть об этом, как кто-то из свиты, постоянно окружающей миллионеров, тотчас приступил бы к делу.

На Грету все это семейство смотрело, по словам Элли, как на незаменимую помощницу. Сообразительная, деловая, надежная, способная подготовить с предельной расторопностью любое мероприятие, она пускала в ход все свои чары, стараясь угодить мачехе, дяде и разнообразным родственникам, которые вечно терлись у них в доме. В распоряжении Элли было не меньше трех адвокатов, которым она время от времени

отдавала распоряжения. Она была окружена густой сетью банкиров, адвокатов и финансистов — того требовали унаследованные ею капиталы. Это был мир, о котором я получал отрывочную информацию, в основном из замечаний, которые Элли небрежно роняла в ходе наших разговоров. Ей, естественно, и в голову не приходило, что я ничего не смыслю в подобных вещах. Она же выросла в этом мире и, естественно, не сомневалась, что любой взрослый человек должен в них разбираться и все такое прочее.

Но правда говоря, на ранней стадии нашего брака нам больше всего нравилось выявлять то непривычное, что было в образе жизни каждого из нас. Или, грубо говоря — а я вообще-то сам с собой был предельно прям и откровенен, ибо это был единственный способ приспособиться к [illegible] обстоятельствам, — бедняк и понятия не имеет, как живет богач, а богач не знает, как живет бедняк, и уяснение этих особенностей нас обоих завораживало.

— Послушай, Элли, — однажды встревоженно обратился я к ней, — как по-твоему, будет большой скандал из-за того, что мы поженились?

Элли ответила не сразу, причем довольно равнодушно.

— О да, — сказала она, — они, наверно, страшно рассердятся. — И добавила: — Надеюсь, ты не очень будешь этим огорчен.

— Я-то нет. Мне что? Я про тебя. Тебе-то здорово достанется?

— Вполне возможно, отозвалась Элли, — но слушать не обязательно. Ведь сделать-то они ничего не смогут.

— Но попробуют?

— О да, — воскликнула Элли, — обязательно! — И задумчиво добавила: — Они, скорей всего, попытаются от тебя откупиться.

— Откупиться?

– Чему ты так удивился? – улыбнулась Элли улыбкой счастливой девочки. – Ничего тут особенного нет. – И добавила: – В случае с Минни Томпсон они так и поступили.

– Минни Томпсон? Это та, которую часто называют нефтяной принцессой?

– Совершенно верно. Она сбежала с пляжным спасателем и вышла за него замуж.

– Послушай, Элли, – опять встревожился я, – я ведь тоже работал когда-то спасателем в Литлхэмптоне.

– Правда? Как интересно! И долго?

– Нет, конечно. Всего одно лето.

– Ну и нечего беспокоиться, – сказала Элли.

– И что же получилось с Минни Томпсон?

– Кажется, им пришлось выложить двести тысяч долларов отступного, – объяснила Элли. – На меньшую сумму он не соглашался. Минни была настоящей нимфоманкой да к тому же полоумной.

– От твоих слов, Элли, прямо страшно становится, – сказал я. – Оказывается, я приобрел не только жену, но и возможность в любое время обменять ее на приличные деньги.

– Совершенно верно, – подтвердила Элли. – Обратись к влиятельному адвокату и скажи ему, что хочешь поговорить с ним начистоту. Он устроит тебе развод и неплохие алименты, – продолжала учить меня Элли. – Моя мачеха была замужем четыре раза, – добавила она, – и заработала на этом порядочную сумму. – И опять повторила: – О, Майк, чему ты так удивляешься?

Самое смешное заключалось в том, что я действительно был потрясен. Меня возмущало моральное разложение общества, особенно среди богатых. В Элли было столько от маленькой девочки, которая так трогательна в отношении к жизни, что я был поражен, обнаружив, как хорошо она разбирается в деловых вопросах, мало чему удивляясь. И тем не менее я был в основном

прав в своем понимании Элли. Я очень неплохо видел, что она собой представляет, ценил ее простодушие, ее доверчивость, ее доброту. Это отнюдь не означало, что она плохо знала окружающую реальность. Хотя, конечно, были такие области, о которых она имела довольно смутное представление. Она почти ничего не знала о том мире, откуда появился я, о мире, где люди заняты поиском работы, где есть гангстеры и наркотики, где идет борьба за существование, где на каждом углу попадаются самоуверенные хлыщи, которых я так хорошо успел изучить, прожив среди них всю мою жизнь. Она и понятия не имела, что значит, когда тебя стараются выдать приличным и благородным человеком, у которого, однако, вечно пусто в кармане, когда твоя мать [illegible] каждое пенни и лезет из кожи вон, чтобы ее сын занял достойное положение в обществе, и как это горько становится, когда легкомысленный, безалаберный сын пренебрегает выпавшим на его долю шансом и, послушавшись чужого совета, теряет все, что у него есть.

Элли очень нравились мои рассказы о себе, равно как и мне о ее жизни. Мы оба были первопроходцами в чужих краях.

Оглядываясь назад, я вижу, какой удивительно счастливой была наша жизнь в те первые после женитьбы дни. Тогда я был уверен, что так и должно быть. По-видимому, того же мнения придерживалась и Элли. Нас зарегистрировали в мэрии Плимута. Гутман — фамилия вполне обычная. Никто, в том числе и газетчики, не знал, что наследница миллионов Гутманов находится в Англии. Время от времени в газетах попадались сообщения о том, что она не то в Италии, не то совершает круиз на чьей-то яхте. Свидетелями на регистрации были клерк из мэрии и пожилая машинистка. Регистратор на полном серьезе прочел нам небольшую лекцию о той огромной ответственности, какую мы берем на себя, вступая в брак, и пожелал нам счастья.

Из мэрии мы вышли миссис и мистером Роджерс! Неделю мы провели в отеле на берегу моря, а затем отправились за границу. Три недели, не жалея расходов, мы путешествовали по континенту.

Мы побывали в Греции, затем во Флоренции, в Венеции, полежали на пляжах Лидо, съездили на Французскую Ривьеру, а оттуда в Доломитовы горы. Я даже не помню, как называлась половина мест. Мы либо летали самолетом, либо фрахтовали яхту, либо нанимали роскошный лимузин. А пока мы наслаждались жизнью, Грета, как сказала мне Элли, держала оборону на домашнем фронте.

Она тоже путешествовала, рассылая письма и открытки, которые Элли заготовила заранее.

– День расплаты, конечно, настанет, – говорила Элли. – Они бросятся на нас, как стая стервятников. Но пока мы можем позволить себе радоваться жизни.

– А что будет с Гретой? – поинтересовался я. – Не рассердятся ли они на нее, когда узнают про обман?

– Конечно, рассердятся, – ответила Элли. – Но Грета крепкий орешек. Она им не по зубам.

– А сумеет она найти себе новое место?

– Зачем ей искать новое место? – удивилась Элли. – Она будет жить у нас.

– Нет! – сказал я.

– Почему нет, Майк?

– Не надо, чтобы с нами кто-нибудь жил, – ответил я.

– Грета не будет нам мешать, – старалась объяснить Элли. – Наоборот, с ней будет гораздо легче. Честно говоря, я не знаю, что бы я делала без нее. Она отлично ведет хозяйство и быстро улаживает все проблемы.

– Как хочешь, но мне это не по душе, – упрямился я. – Кроме того, мы ведь говорили, что это будет наш дом, наш воздушный замок. Мечтали жить там только вдвоем.

– Да, – согласилась Элли, – я тебя понимаю. Но тем

не менее... — Она помолчала. — Грете будет очень обидно, если ей не найдется места в нашем доме. Ведь целых четыре года она жила со мной и столько для меня сделала. Вспомни, как она помогала мне выйти за тебя.

— Я бы не хотел, чтобы она все время оказывалась между нами!

— Но она вовсе не такая, Майк. Ты ведь ее даже не видел.

— Да. Знаю, что не видел, но дело вовсе не в том, понравится она мне или нет. Мы должны жить одни, Элли.

— Милый Майк! — ласково отозвалась Элли.

На этом наш разговор закончился.

Во время наших странствий мы встретили Сэнтоникса. Случилось это в Греции. Он жил в небольшой рыбацкой хижине на берегу моря. Я испугался, увидев его: так плохо он выглядел. Гораздо хуже, чем год назад. Он очень тепло встретил нас с Элли.

— Значит, все-таки поженились? — спросил он.

— Да, — ответила Элли, — и теперь намерены построить себе дом.

— У меня здесь с собой эскизный проект, — сказал он мне. — Она вам сказала, что приезжала, разыскала меня и отдала... распоряжения? — договорил он, намеренно подобрав это слово.

— О нет, не распоряжения, — запротестовала Элли. — Я вас еле упросила.

— Вам известно, что мы купили участок? — спросил я.

— Элли сообщила мне об этом телеграммой. И прислала с десяток фотографий.

— Разумеется, прежде всего вам придется приехать и посмотреть участок, — сказала Элли. — Вдруг он вам не понравится?

— Мне он нравится.

— Как вы можете так говорить, если не видели его?

— Я видел его, дитя мое. Пять дней назад я слетал

туда. Кстати, встретил там одного из ваших адвокатов, англичанина с таким кувшинным рылом.

– Мистера Кроуфорда?

– Именно. По правде говоря, работа уже началась: расчищают участок, убирают развалины, кладут фундамент, делают дренаж... Когда вы вернетесь в Англию, мы там встретимся. – Он вынул эскизы, и мы сидели, разговаривая и разглядывая наш будущий дом. Среди эскизов была даже акварель с изображением дома, а также архитектурные проекции и общий вид участка.

– Нравится, Майк?

Я глубоко вздохнул.

– Да, – сказал я. – Об этом я и мечтал.

– Вы часто говорили, Майк, какой вам хотелось бы иметь дом. И, когда мне хотелось пофантазировать, я вспоминал тот участок земли, который вас так очаровал. Вы были влюблены в дом, который, быть может, никогда бы не увидели и никогда бы не построили.

– Но он обязательно будет построен, – вмешалась Элли. – Вы его построите, правда?

– Если на то будет воля бога или дьявола, – отозвался Сэнтоникс. – От меня это не зависит.

– Разве вам не лучше? – В моем голосе звучало сомнение.

– Запомните раз и навсегда: мне уже никогда не станет лучше. Судьбу не переломить.

– Чепуха, – отозвался я. – Люди то и дело изобретают новые лекарства. Врачи же просто мерзавцы. Сколько раз бывало, что они приговаривают человека к смерти, а он смеется над ними и живет еще добрых пятьдесят лет.

– Восхищен вашим оптимизмом, Майк, но у меня слишком серьезное заболевание. Меня кладут в больницу, меняют мне кровь всю целиком, и я выхожу на волю, получив небольшой запас жизни. Но с каждым разом этот запас становится все меньше и меньше.

– Вы очень храбрый человек, – заметила Элли.

– О нет, совсем не храбрый. Когда твердо знаешь,

что тебя ждет, особой храбрости не требуется. Нужно только отыскать себе утешение.

— Строить дома, например?

— Нет, не в этом. С каждым разом я слабею все больше, и поэтому строить дома становится труднее. Силы убывают. Но утешение все-таки можно найти. Порой очень странное.

— Я вас не понимаю, — сказал я.

— Вы и не поймете меня, Майк. Я даже не уверен, способна ли на это Элли. Может быть, да. — И продолжал, обращаясь больше к себе, чем к нам: — В человеке всегда живут рядом слабость и сила. Слабость, причина которой в убывающей жизнеспособности, а сила — в нереализованной энергии. Если вам суждено вскорости умереть, то не имеет значения, чем вы заняты в данную минуту. Поэтому вы можете выбрать любое занятие по душе. Ничто не может вас остановить, никто не может вам помешать. Я могу разгуливать по улицам Афин, стреляя в не понравившихся мне людей. Понятно?

— Но полиция может вас арестовать, — заметил я.

— Конечно, может. Но что из этого? Самое большое, на что они способны, — это лишить меня жизни. Но очень скоро меня лишит жизни сила, куда более могущественная, нежели закон. Что еще они в состоянии со мной сделать? Посадить меня в тюрьму на двадцать-тридцать лет? Смешно, не правда ли? Я столько не проживу. Полгода-год, самое большее полтора! Никто ничего со мной не может сделать. Поэтому в тот период жизни, что мне отпущен, я король. Я могу делать, что хочу. Порой эта мысль опьяняет. Беда только в том, что нет больше соблазнов, нет ничего такого необычного или противозаконного, чего мне хотелось бы натворить.

Когда после визита к нему мы ехали в Афины, Элли сказала:

— Какой странный человек. Знаешь, иногда я его боюсь.

– Боишься Рудольфа Сэнтоникса? Почему?

– Потому что он не такой, как другие, и потому что в нем есть что-то жестокое и высокомерное. А высокомерие вызвано тем, по-моему, что он знает, что скоро умрет. А вдруг он, – оживилась Элли, глядя на меня с вдохновением и волнением на лице, – вдруг он воздвигнет нам волшебный замок на скале среди сосен, и когда мы приедем туда, встретит нас на пороге и затем...

– Что затем, Элли?

– И затем войдет вслед за нами в дом и, закрыв за нами дверь, там же на пороге убьет нас? Перережет нам горло или сделает еще что-нибудь.

– Господи, Элли, ну и мысли же у тебя!

– Беда в том, что мы с тобой, Майк, живем в нереальном мире. Мы мечтаем о том, чему, быть может, никогда не суждено случиться.

– Это Цыганское подворье наводит тебя на мысли о смерти?

– Его название и то проклятье, что лежит на нем.

– Нет никакого проклятья! – закричал я. – Все это чепуха. Забудь об этом.

Мы были в Греции.

10

Случилось это, по-моему, на следующий день. Мы были в Афинах, когда на ступеньках Акрополя встретились с группой американских туристов, совершавших круиз вокруг Греции и высадившихся на берег. От группы отделилась женщина лет тридцати пяти и бросилась прямо к Элли.

– Господи, глазам не верю, неужто это Элли Гутман? Что ты здесь делаешь? А я и понятия не имела, что ты в Греции. Ты что, тоже в круизе? – восклицала она.

– Нет, – ответила Элли, – я приехала в Афины на несколько дней.

– Как приятно тебя видеть! Где Кора? Тоже здесь?

– Нет, Кора, по-моему, в Зальцбурге.

– Ну и ну! – Женщина посмотрела на меня, и Элли спокойно сказала:

– Позвольте познакомить вас: мистер Роджерс, миссис Беннингтон.

– Здравствуйте. Сколько ты здесь пробудешь?

– Я завтра уезжаю, – ответила Элли.

– О боже, если я сейчас же не уйду, то потеряю свою группу, а я ни в коем случае не хочу упустить ни слова из объяснений гида. Правда, они нас жутко погоняют. К концу дня я ужасно устаю. Может, мы встретимся где-нибудь в баре?

– Только не сегодня, – ответила Элли. – Мы едем на экскурсию.

Миссис Беннингтон побежала догонять свою группу, а Элли, которая шла со мной поднималась по ступеням Акрополя, повернулась и начала спускаться.

– Вот и решение нашей задачи, правда? – спросила она.

– Какое решение?

Элли помолчала минуту-другую, а потом, вздохнув, сказала:

– Сегодня же вечером я должна написать письма.

– Кому?

– Коре, дяде Фрэнку и еще, наверное, дяде Эндрю.

– Кто такой дядя Эндрю? Ты о нем никогда не говорила.

– Эндрю Липпинкот. Он вообще-то мне не родственник. Он мой главный опекун, или попечитель, или как там это еще называется. Он адвокат, и очень известный.

– И что ты им напишешь?

– Напишу, что вышла замуж. Я не осмелилась прямо сказать Норе Беннингтон: "Позволь представить тебе моего мужа". Она бы заохала, заахала и сказала: "А я и не слышала, что ты вышла замуж, дорогая. Ну, расскажи-ка мне все по порядку" – и так далее. По-

моему, моя мачеха, дядя Фрэнк и дядя Эндрю имеют право узнать об этом первыми. – Она вздохнула. – О господи, как нам было хорошо до сих пор.

– И что же они все скажут или сделают? – спросил я.

– Поднимут шум, наверное, – спокойно ответила Элли. – Но даже если они это сделают, то ничего не изменится, что они прекрасно понимают. Нам, наверное, придется с ними встретиться. Можем поехать в Нью-Йорк. Хочешь? – спросила она у меня.

– Нет, – ответил я, – ни в коем случае.

– Тогда они приедут в Лондон, кое-кто, во всяком случае. Не знаю, будет ли тебе от этого легче.

– Мне не по душе ни Нью-Йорк, ни Лондон. Я хочу быть с тобой и смотреть, как приедет Сэнтоникс и будет расти по кирпичику наш дом.

– Это успеется, – отозвалась Элли. Не думаю, что встречи с членами моей семьи займут у нас уж так много времени. Скорей всего, разразится большой скандал, и на этом все кончится. Так что решай: либо мы летим в Америку, либо они прилетают в Лондон.

– Ты ведь сказала, что твоя мачеха в Зальцбурге.

– Я сказала это только потому, что не решилась признаться, что не знаю, где она. Да, – вздохнула Элли, – придется вернуться домой и там сразу со всеми повидаться. Надеюсь, Майк, ты не будешь чересчур зол на них.

– На кого? На членов твоей семьи?

– Да. Не будешь злиться, если они проявят к тебе крайнюю недоброжелательность?

– Такова, наверное, цена, которую мне суждено уплатить за женитьбу на тебе, – сказал я. – Как-нибудь переживу.

– Есть еще твоя мать, – напомнила Элли.

– Ради бога, Элли, не вздумай устроить встречу твоей мачехи с ее брильянтами и жемчугами и моей мамаши из глухого закоулка. Вряд ли у них найдется, что сказать друг другу!

— Будь Кора моей родной матерью, они бы нашли, о чем поговорить, — сказала Элли. — Хорошо бы, чтоб тебя поменьше мучила мысль о классовых различиях, Майк!

— Меня? — воскликнул я. — Это у вас в Америке говорят: "Богаты, так здравствуйте, а бедны, так прощайте!"

— Ну и что? Разве обязательно нужно написать это на плакате и повесить его на себя?

— Я не умею элегантно одеваться, — с горечью признался я. — Не умею правильно говорить, ничего не смыслю в искусстве и музыке и только что узнал, кому и сколько давать на чай

— А не кажется ли тебе, Майк, что в этом есть и положительная сторона? По-моему, да.

— Во всяком случае, — сказал я, — незачем тащить мою мать к твоим родственникам.

— Я никого никуда не предлагала тащить, но, по-моему, Майк, когда мы вернемся в Англию, я должна навестить твою мать.

— Нет! — взорвался я.

Она несколько испуганно вскинула на меня глаза.

— Почему нет, Майк? Помимо всего прочего, просто невежливо не представиться твоей матери. Ты сказал ей, что женился?

— Пока нет.

— Почему?

Я ничего не ответил.

— Не проще ли сказать ей, что ты женат, и познакомить нас, как только мы вернемся в Англию?

— Нет, — повторил я, на сей раз потише, но тем не менее довольно твердо.

— Ты не хочешь, чтобы мы с ней встретились? — задумчиво произнесла Элли.

Конечно, я этого не хотел. По-моему, это было вполне очевидно, но я вовсе не собирался ничего растолковывать. Да и не знал, как это сделать.

– Это совершенно ни к чему, – упорствовал я. – Ты сама должна понимать. Ничего хорошего из этого не получится, я уверен.

– Думаешь, я ей не понравлюсь?

– Ты не можешь не понравиться, и все равно... Не знаю, как это объяснить. Она, скорей всего, расстроится и смутится из-за того, что я женился... так сказать, не на ровне. Звучит старомодно, конечно, но она мыслит по-старому.

Элли задумчиво покачала головой.

– Неужели в наши дни есть еще люди, которые так считают?

– Еще бы! И у вас в Америке тоже!

– Да, – сказала она, – наверное, ты прав. Но если это человеку только на пользу...

– Ты хочешь сказать, если это принесет ему кучу денег...

– Дело не только в деньгах.

– Нет, – возразил я, – именно в деньгах. Если у человека куча денег, то им восхищаются, на него смотрят с почтением, и тогда уже не имеет значения, где он родился.

– Но так везде, – заметила Элли.

– Прошу тебя, Элли, прошу тебя, не настаивай на визите к моей матери.

– Я все-таки думаю, что это невежливо с нашей стороны.

– Ни в коем случае. Позволь мне знать, что лучше для моей матери. Она расстроится, говорю я тебе.

– Но ты должен сообщить ей, что женился.

– Ладно, – кивнул я. – Сообщу.

Мне пришло в голову, что куда лучше послать матери письмо из-за границы. В тот вечер, когда Элли писала дяде Эндрю, дяде Фрэнку и своей мачехе Коре Ван Стивизант, я тоже написал письмо матери. Оно оказалось довольно коротким.

"Дорогая мама! – писал я. – Мне следовало бы

написать тебе раньше, но я чувствовал себя как-то неловко. Три недели назад я женился. Произошло это довольно неожиданно. Моя жена очень хорошенькая и милая девушка. У нее много денег, из-за чего мне порой делается не по себе. Мы собираемся построить себе дом где-нибудь в деревне. А пока путешествуем по Европе. Всего наилучшего. Твой Майк".

Результаты наших почтовых стараний были несколько различны. Получив мое письмо, моя мать только через неделю написала ответ, который был вполне типичным для нее.

"Дорогой [illegible]! Была рада получить твое письмо. Надеюсь, ты [illegible] счастлив. Любящая тебя мама".

Как Элли и предсказывала, со стороны ее родственников было [illegible] шума. Фигурально выражаясь, мы потревожили [illegible] гнездо. Нас стали осаждать репортеры, которые требовали романтических подробностей о нашем браке. Появились статьи о том, что наследница состояния Гутманов сбежала со своим возлюбленным, посыпались письма от банкиров и адвокатов. И наконец была достигнута договоренность об официальных встречах. В Цыганском подворье мы встретились с Сэнтониксом, посмотрели еще раз эскизный проект, обсудили кое-какие подробности, а затем, убедившись, что строительство началось, прибыли в Лондон, сняли номер-люкс в "Кларидже" и приготовились отразить наступление вражеской конницы.

Первым прибыл мистер Эндрю П. Липпинкот. Это был пожилой джентльмен, сухой и сдержанный на вид, высокий, поджарый, с обходительными и учтивыми манерами, родом из Бостона, но по его произношению я бы никогда не догадался, что он американец. Договорившись с нами по телефону, он явился к нам в номер ровно в двенадцать часов. Элли нервничала, но довольно умело это скрывала.

Мистер Липпинкот поцеловал Элли, а мне, приветливо улыбнувшись, протянул руку.

– Ну, Элли, моя дорогая, выглядишь ты отлично. Цветешь, можно сказать.

– Как поживаете, дядя Эндрю? И как сюда добрались? Самолетом?

– Нет. Я очень неплохо поплавал на "Королеве Мэри". А это твой муж?

– Да, это Майк.

Я постарался не ударить лицом в грязь.

– Как поживаете, сэр? – И предложил ему что-нибудь выпить, на что он, улыбнувшись, ответил отказом, а потом, сев в кресло с прямой спинкой и позолоченными подлокотниками, посмотрел поочередно на Элли и на меня.

– Итак, – сказал он, – вы, молодые люди, привели нас в шоковое состояние. Все как в старинных романах, да?

– Извините нас, – взмолилась Элли. – Мы в самом деле сожалеем, что так поступили.

– Вот как? – довольно сухо осведомился мистер Липпинкот.

– Я считала, что так будет проще, – оправдывалась Элли.

– Не могу согласиться с тобой, моя дорогая.

– Дядя Эндрю, – сказала Элли, – вы же отлично знаете, какой шум поднялся бы, попробуй я поступить по-другому.

– Почему же обязательно должен был подняться шум?

– Разве вы их не знаете? – защищалась Элли. – Да и себя, между прочим, тоже, – добавила она. – Я уже получила два письма от Коры. Одно вчера, а второе сегодня утром.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что мы не могли не разволноваться, моя дорогая. Что вполне естественно в сложившихся обстоятельствах, не так ли?

– Я имею право сама решать, за кого, как и когда мне выходить замуж.

– Не возражаю, но только родственники редко воспринимают подобные казусы благосклонно.

– Если честно, то я просто избавила вас от лишних волнений.

– Еще раз не возражаю.

– Но это же правда, разве нет?

– Ты пошла на обман – не так ли? – да еще с помощью особы, которой следовало бы дважды подумать, прежде чем поступить так, как поступила она.

– Вы говорите о Грете? – вспыхнула Элли. – Она делала лишь то, о чем я ее просила. Они очень на нее сердятся?

– Естественно. А на что еще вы с ней могли рассчитывать? Вспомни, к ней относились с большим доверием.

– Я уже совершеннолетняя и могу поступать, как мне заблагорассудится.

– Но ведь вы затеяли все это тогда, когда тебе еще не исполнилось двадцать один, не так ли?

– Элли ни в чем не виновата, сэр, – вмешался я. – Начать с того, что многие обстоятельства внутрисемейных отношений были мне неизвестны, а поскольку все ее родственники находились за границей, то у меня не было никакой возможности с ними познакомиться.

– Насколько я понимаю, – сказал мистер Липпинкот, – Грета, по просьбе Элли, отправляла письма, дезинформируя миссис Ван Стивизант и меня, причем делала это крайне умело. Вам знакома Грета Андерсен, Майкл? Разрешите называть вас Майклом, поскольку вы муж Элли.

– Разумеется, – отозвался я, – зовите меня просто Майком. Нет, мне не знакома мисс Андерсен...

– В самом деле? Меня это весьма удивляет. – И он окинул меня долгим, задумчивым взглядом. – А я-то был уверен, что она присутствовала на регистрации вашего брака.

– Нет, Греты с нами не было, – сказала Элли. Она

бросила на меня укоряющий взгляд, и я неловко
зерзал в кресле.

Мистер Липпинкот продолжал задумчиво меня разглядывать, и мне почему-то стало не по себе. По-видимому, он собирался что-то сказать, но потом раздумал.

– Боюсь, – заговорил он после паузы, – что вам обоим, Майкл и Элли, придется выслушать немало упреков и осуждений со стороны родственников Элли.

– Набросятся, как стая стервятников, – заметила Элли.

– Вполне возможно, – не стал возражать мистер Липпинкот. – Ну а я попытался облегчить им это, – добавил он.

– Вы на нашей стороне, дядя Эндрю? – улыбнулась ему Элли.

– Вряд ли стоит задавать подобный вопрос опытному адвокату. Я давно понял, что в жизни приходится считаться только с fait accompli[1]. Вы двое полюбили друг друга, вступили в брак, купили, как я понял из твоих слов, Элли, участок земли на юге Англии и уже строите там дом. Следует ли из этого, что вы намерены поселиться в Англии?

– Да, у нас есть такое желание. Разве вы против? – чуть раздраженно спросил я. – Элли стала моей женой и, следовательно, подданной Великобритании. А поэтому почему бы ей не поселиться в Англии?

– Никто против этого не возражает. По правде говоря, Фенелла может жить где пожелает, а также владеть недвижимостью в разных странах. Дом в Нассау, если ты помнишь, Элли, тоже принадлежит тебе.

– А я всегда думала, что он Корин. Она вела себя так, будто это ее дом.

– Он является твоей собственностью. Кроме того, у тебя есть дом на Лонг-Айленде – он всегда в твоем

[1] Свершившийся факт (*лат.*).

распоряжении. А также тебе принадлежат обширные участки нефтеносной земли на западе Соединенных Штатов. Говорил он приятно, приветливо, но у меня было такое ощущение, будто эти слова произносятся специально для меня. Пытался ли он таким манером вбить клин в наши с Элли отношения? Я не видел смысла, какой толк внушать мужу, что его жена владеет недвижимостью в разных концах земного шара и сказочно богата. Куда уместнее выглядело бы его старание намеренно [illegible] права Элли на собственность, деньги и [illegible]. Если я, по его мнению, охотник за приданым, [illegible], что он явно льет воду на мою мельницу. [illegible] сообразил, что мистер Липпинкот не так-[illegible]. Нелегко понять, куда он клонит и что скрывается [illegible] сладостным и приветливостью. Пытался ли он по-своему заставить меня почувствовать себя не в [illegible], осознать, что на мне вечно будет клеймо охотника [illegible]?

– Я привез с [illegible] довольно много документов, – обратился он к Элли, – которые тебе придется просмотреть вместе со мной. Мне нужна твоя подпись.

– Пожалуйста, дядя Эндрю. В любое время.

– Хорошо. Но особой спешки нет. У меня есть еще дела в Лондоне, я пробуду здесь дней десять.

Десять дней, подумал я. Немало. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы мистер Липпинкот пробыл в Лондоне десять дней. Держался он со мной, можно сказать, вполне любезно, что, однако, вовсе не означало, что он принял мою сторону. Но в ту минуту я засомневался, враг ли он мне. Если враг, свои карты он, во всяком случае, быстро не раскроет.

– А сейчас, – продолжал он, – раз уж мы встретились и пришли, так сказать, к согласию, мне хотелось бы коротко поговорить с твоим мужем.

– Можешь поговорить с нами обоими, – сказала Элли. Она была настороже. Я положил руку ей на плечо.

– Не сердись, малышка. Ты не курочка, зашi-

щающая своего цыпленка. – И я осторожно подтолкнул ее к дверям, ведущим в спальню. – Дядя Эндрю хочет узнать, что я собой представляю. Он имеет на это право.

Я вывел ее из комнаты и, аккуратно прикрыв за собой обе двери, вернулся в большую, красивую гостиную. Взяв стул, я уселся напротив мистера Липпинкота.

– Слушаю, – сказал я.

– Благодарю вас, Майкл, – отозвался он. – Прежде всего хочу вас уверить, что я ни в коем случае не испытываю к вам, как вы, возможно, полагаете, неприязни.

– Рад слышать, – ответил я не очень уверенно.

– Позвольте мне быть откровенным, – начал мистер Липпинкот, – более откровенным, чем я мог быть в присутствии моей дорогой Элли, опекуном которой я состою и которую очень люблю. Возможно, вы еще не совсем поняли, Майкл, какое это необыкновенное, светлое и привлекательное создание.

– Не беспокойтесь. Я в нее влюблен.

– Это не совсем одно и то же, – сухо заметил мистер Липпинкот. – Надеюсь, что вы не только влюблены в нее, но и по-настоящему поняли, какая у нее добрая, но и весьма ранимая душа.

– Постараюсь понять, – сказал я. – По-моему, это не составит большого труда. Элли – само совершенство.

– Тогда перейдем к тому, о чем я хотел с вами поговорить. Я буду предельно откровенен. Вы не из тех молодых людей, среди которых Элли, на мой взгляд, следовало бы искать своего избранника. Нам, мне и членам ее семьи, разумеется, было бы больше по душе, если бы она вышла замуж за человека ее круга...

– За джентльмена, другими словами, – перебил его я.

– Не только. В браке очень важно, считаю я, чтобы муж и жена имели одинаковое воспитание. Именно воспитание, а не происхождение. В конце концов,

Герман Гутман, дед Элли, начал жизнь простым докером. А закончил ее одним из самых богатых людей в Америке.

— Может, и со мной случится то же самое, кто знает? — отозвался я. — Вдруг и я закончу свою жизнь одним из самых богатых людей в Англии?

— Все возможно, — согласился мистер Липпинкот. — У вас есть такого рода намерения?

— Я мечтаю не о больших деньгах, — ответил я. — Мне хотелось бы... Мне хотелось бы делать что-то полезное, стать кем-то... Не зная, чем закончить, я умолк.

— Значит, у вас есть какие-то планы, скажем так? Что ж, это похвально.

— Я начинаю игру без единого козыря, — сказал я, — с нуля. Я никто и ничто и не намерен этого скрывать.

Он одобрительно кивнул.

— Сформулировано откровенно и точно, отдаю вам должное. Видите ли, Майкл, я не родственник Элли, но я был ее опекуном, и, согласно воле покойного деда, мне было доверено ведение ее дел. Я управляю ее состоянием и ее капиталовложениями. На мне лежит определенная ответственность за ее судьбу. Поэтому мне хотелось бы побольше знать о человеке, которого она выбрала себе в мужья.

— Что ж, — отозвался я, — наведите обо мне справки, и вы легко выясните все, что вас интересует.

— Совершенно верно, — согласился мистер Липпинкот. — Можно пойти по этому пути. В этом есть свои резоны. Но на самом деле, Майкл, мне хотелось бы услышать все, что я могу о вас услышать, из ваших собственных уст. Мне хотелось бы, чтобы вы сами рассказали, чем занимались до сих пор.

Мне, конечно, это не понравилось. Да и он наверняка знал об этом. Да и кому в моем положении это могло понравиться? Естественно, человеку хочется представить себя в лучшем свете. Я пытался делать это еще в школе, да и потом тоже, рассказывая о чем-либо, не забывал

нахваливать себя, прибавляя то, чего не было. И мне нисколько не было стыдно. По-моему, такие действия вполне естественны. По-моему, так и следует поступать, если хочешь преуспеть в жизни. Научитесь представлять себя в наилучшем свете. Люди видят вас таким, каким вы сами себя считаете, а быть похожим на этого малого из Диккенса я вовсе не собираюсь. Помните тот фильм, что показывали по телевизору? Поучительная у них получилась история, должен заметить. Урия — так вроде его звали, потирая руки, прикидывался скромным, а на самом деле, прикрываясь маской смирения, замышлял гадости и плел интриги. Я не из числа таких тихонь.

Я был не прочь прихвастнуть перед приятелями, мог, не задумываясь, приврать хозяину, к которому нанимался на работу. В конце концов, в каждом человеке есть и хорошее, и дурное, и я не понимаю, зачем выставлять напоказ дурное да еще постоянно твердить об этом. Нет, рассказывая про свое житье-бытье, я всегда выставлял себя в лучшем свете. Но с мистером Липпинкотом, решил я, этот номер не пройдет. Он вроде раздумал наводить обо мне справки, но я отнюдь не был уверен, что он этого не сделает. Поэтому я рассказал о себе все как было, без прикрас.

Убогое детство, отец-пьяница, зато хорошая мать, которая трудилась изо всех сил, чтобы я получил образование. Я не стал скрывать, что был перекати-полем, что менял то и дело занятия. Он умел слушать, вызывал на откровенность. Время от времени, однако, я напоминал себе, что он большой хитрец. Он то вставлял вопросики, то делал вроде бы пустяковые замечания в надежде, что я потеряю бдительность и начну что-нибудь слишком горячо утверждать или отрицать.

Да, меня не покидало чувство того, что я обязан быть начеку и держать ухо востро. А потому я очень обрадовался, когда спустя десять минут он откинулся на спинку кресла и пытка, внешне совершенно на нее непохожая, завершилась.

— Вы, по-видимому, не прочь пойти на риск, мистер Роджерс... Майкл. Что ж, это неплохо. А теперь расскажите-ка мне подробнее о доме, который вы строите с Элли.

— Находится он, — начал я, — неподалеку от городка под названием Маркет-Чэдуэлл.

— Да, — сказал он, — я знаю, где это находится. По правде говоря, я ездил туда. Вчера, если быть точным.

Это меня немного напугало. Я убедился, что его на кривой не объедешь, что в своих попытках добраться до сути он гораздо настойчивей, чем можно было бы предположить.

— Место там очень красивое, — осторожно начал я, — и дом, который мы строим, тоже должен получиться на загляденье. Архитектором у нас некий Сэнтоникс — Рудольф Сэнтоникс. Не знаю, слышали ли вы когда-нибудь про него...

— О, да, — откликнулся мистер Липпинкот. — Это довольно известное имя среди архитекторов.

— По-моему, он работал в Соединенных Штатах.

— Да, он многообещающий и талантливый зодчий. К сожалению, насколько мне известно, у него плохо со здоровьем.

— Он говорит, что его дни сочтены, — сказал я, — но я в это не верю. По-моему, он поправится. Врачи могут наговорить такое!

— Будем надеяться, что вы окажетесь правы. Вы, я вижу, оптимист.

— В отношении Сэнтоникса — да.

— Хотелось бы, чтобы ваш прогноз оправдался. На мой взгляд, купив это поместье, вы с Элли совершили превосходную сделку.

Довольно приятно было услышать от старика это "вы с Элли", без малейшего намека, что Элли совершила эту покупку самостоятельно.

— Я проконсультировался с мистером Кроуфордом...

— Кроуфордом? — чуть нахмурился я.

– С мистером Кроуфордом из адвокатской конторы "Рис и Кроуфорд". Здесь, в Англии. Именно мистер Кроуфорд руководил покупкой поместья. Эта адвокатская контора имеет высокую репутацию, и, насколько мне известно, покупка обошлась недорого. В общем-то это меня несколько удивило. Я знаком с нынешними ценами на землю в Англии и, признаться, затрудняюсь объяснить случившееся. По-моему, мистер Кроуфорд и сам был удивлен, приобретя участок по столь низкой цене. Возможно, вам известно, почему это поместье было куплено так дешево. Мистер Кроуфорд предпочел не высказывать своих соображений. Мне показалось, что он даже несколько смутился, когда я задал ему этот вопрос.

– Видите ли, на этой земле лежит проклятье, – не стал скрывать я.

– Извините, Майкл, я не совсем понял, что вы сказали.

– Проклятье, сэр, – пояснил я. – Эта земля проклята цыганами, и местные жители называют ее Цыганским подворьем.

– А! И что, по этому поводу существует целая легенда?

– Да. Хотя мне и не известно, что тут правда, а что вымысел. Давным-давно на этой земле было совершено убийство. В нем были замешаны муж, жена и еще один мужчина. Рассказывают, что муж убил этих двоих, а потом и себя. По крайней мере к такому выводу пришло местное расследование. Но ходят и другие слухи. Не думаю, чтобы кто-нибудь знал, что там произошло на самом деле. Прошло много лет, и с тех пор поместье раз пять переходило из рук в руки, и никто там подолгу не жил.

– Ага! – в раздумье произнес мистер Липпинкот. – Неплохой образец английского фольклора. – И с любопытством взглянул на меня. – А вы с Элли не боитесь этого проклятья? – улыбнулся он.

– Конечно, нет, – заверил его я. – Мы с Элли не верим в подобную чепуху. Честно говоря, нам здорово повезло, что поместье досталось нам так дешево. – И когда я это сказал, меня вдруг обожгла мысль: действительно дешево, но при деньгах Элли, при недвижимости, ей принадлежавшей, при всем ее богатстве, ей, наверное, было безразлично, приобрела она землю дешево или по самой высокой цене. Нет, решил я, все не так просто. В конце концов, она была внучкой докера, ставшего миллионером. Потомки такого человека всегда будут знать цену деньгам.

– Я тоже не из суеверных, – сказал мистер Липпинкот. – А вот [illegible], которая открывается с того места, где будет ваш дом, просто великолепна. – Он помолчал. – Надеюсь только, что, когда вы переедете туда жить, Элли не придется слышать со всех сторон эти сказки о проклятье.

– Постараюсь утаить от нее все, что смогу, – пообещал я. – Вряд ли кто-нибудь заговорит с ней об этом.

– Деревенские жители любят подобные истории, – сказал мистер Липпинкот. – А Элли, не забывайте, не так закалена, как вы, Майкл. Она легко поддается чужому влиянию. Правда, не во всем. Кстати... – Он замолчал, так и не договорив того, что собирался. И постучал пальцем по столу. – Теперь я хочу поговорить с вами на весьма деликатную тему. Вы только что сказали, что никогда не встречали эту Грету Андерсен.

– Да. Как я уже сказал, мы с ней еще не встречались.

– Странно. И весьма любопытно.

– А в чем дело? – пытливо посмотрел на него я.

– Я не сомневался, что вы знакомы, – задумчиво ответил он. – А что вам про нее известно?

– Что она уже некоторое время живет при Элли.

– Она живет при Элли с тех пор, как Элли исполнилось семнадцать. Занимаемая ею должность требует определенной ответственности и доверия. Впервые она приехала в Штаты в качестве секретаря и компаньонки.

Ей надлежало сопровождать Элли, когда миссис Ван Стивизант, мачеха Элли, куда-нибудь уезжала, что, должен заметить, случалось довольно часто. — Последние слова он произнес особенно сдержанно. — Грета Андерсен, насколько мне известно, происходит из хорошей семьи, она полушведка-полунемка и располагает отличными рекомендациями. Элли к ней весьма привязана, что неудивительно.

— Так я и понял, — вставил я.

— В некотором отношении, как мне представляется, эта привязанность переходит границы. Надеюсь, вы не против такой откровенности.

— Разумеется, нет. По правде говоря, я... Мне тоже пару раз приходило в голову, что Элли уж слишком часто ссылается на Грету. Порой — я знаю, это не мое дело, — порой меня это порядком раздражало.

— И тем не менее Элли не выразила желания познакомить вас с Гретой?

— Видите ли, — начал я, — тут есть свои сложности. Она хотела познакомить нас, впрочем не слишком на этом настаивая. Дело в том, что мы были чересчур заняты друг другом. Кроме того, я не жаждал познакомиться с Гретой. Мне не хотелось делить Элли с кем-то еще.

— Понятно. Все понятно. И Элли не предлагала, чтобы Грета присутствовала на регистрации?

— Предлагала, — ответил я.

— Но вы этого не захотели. Почему?

— Не знаю. Если честно, не знаю. Мне казалось, что эта Грета, эта девушка или женщина, которую я в глаза никогда не видел, помогая Элли, слишком много на себя берет. Например, когда отправляет от имени Элли открытки и письма родственникам или разрабатывает наш маршрут. Я чувствую, что Элли чересчур полагается на Грету, позволяет Грете командовать ею, готова выполнить все, что Грета потребует. Я... Извините, мистер Липпинкот, я, наверное, должен не говорить вам всего этого, а просто признаться, что я ревную. Но так

или иначе, я разозлился и заявил, что не хочу присутствия Греты в мэрии, что этот день принадлежит нам, и только нам. И поэтому мы отправились регистрироваться одни, а свидетелями у нас были клерк и машинистка из этого учреждения. Может, конечно, я поступил несправедливо по отношению к Грете, но мне хотелось побыть с Элли наедине.

— Понятно. Все понятно. По-моему, вы поступили очень мудро.

— Вам тоже не нравится Грета, — проницательно заметил я.

— Слово "тоже" здесь вряд ли уместно, Майкл, коль скоро вы с ней не знакомы.

— Согласен. Но, видите ли, когда о ком-нибудь много слышишь, у тебя волей-неволей формируется об этом человеке свое представление и ты способен судить о нем. Ладно, пусть во мне говорит ревность. Но почему вам не нравится Грета?

— Если откровенно, - ответил мистер Липпинкот, — поскольку вы муж Элли, а мне очень хочется, чтоб Элли была счастлива, то должен признаться, что мне не по душе то влияние, которое Грета оказывает на Элли. Она берет на себя слишком много.

— Вы полагаете, она попытается нас поссорить? — спросил я.

— Нет, пока у меня нет никаких оснований для подобного утверждения.

Он сидел, моргая, как старая сморщенная черепаха, и испытующе глядел на меня.

Я понятия не имел, что еще сказать. Тогда он заговорил первым, тщательно подбирая слова.

— Значит, разговоров о том, что Грета Андерсен будет жить с вами, пока не было?

— Нет, и этому не бывать, если это будет зависеть от меня, — сказал я.

— А, вот как вы к этому относитесь? Значит, этот вопрос все же обсуждался?

– Элли как-то упомянула об этом. Но мы молодожены, мистер Липпинкот, и хотели бы, чтобы наш дом, наш новый дом, принадлежал только нам. Вполне естественно, она будет приезжать к нам в гости...

– Вполне естественно, считаете вы? Но вы не можете не понимать, что у Греты теперь возникнут немалые трудности. Дело вовсе не в том, какого мнения о ней Элли, а в том, какие выводы сделают те люди, которые ее нанимали и облекли доверием.

– Вы хотите сказать, что вы или миссис Ван Каптам-ее откажете ей в рекомендациях, если она захочет подыскать себе новое место?

– Думаю, да, кроме разве того, на что она имеет право претендовать по закону.

– И вы полагаете, что она захочет приехать в Англию и жить за счет Элли?

– Не хотелось бы чересчур настраивать вас против нее. Ведь это только мои предположения. Мне не по душе отдельные ее поступки и методы, которыми она пользовалась. По-моему, Элли с ее крайне щедрым сердцем будет очень огорчена тем, что ей волей-неволей пришлось нарушить жизненные планы Греты. И потому она способна, поддавшись эмоциям, пригласить ее жить у вас.

– Вряд ли Элли так поступит, – медленно отозвался я не без волнения в голосе. Я был уверен, что это не останется без внимания Липпинкота. – А не могли бы мы, то есть Элли конечно, назначить ей какую-либо пенсию?

– Подобная формулировка не представляется мне вполне уместной, – заметил мистер Липпинкот. – Когда речь идет о пенсии, то подразумевается, что человек уже достиг определенного возраста, а Грета – молодая женщина, и, могу сказать, весьма привлекательной наружности. Даже красивая, честно говоря, – с осуждением и очень сухо добавил он. – И весьма нравится мужчинам.

– Может, она выйдет замуж? – предположил я. – Кстати, если она действительно хороша собой, то почему она до сих пор не замужем?

– Были мужчины, которым она нравилась, но они ее, по-видимому, не интересовали. Тем не менее ваше предложение я нахожу весьма уместным. Его, наверное, можно осуществить, не затронув ничьих чувств. Ни у кого не вызвало бы удивления, если бы Элли по достижении совершеннолетия и вступив в брак, чему немало способствовала Грета, в порыве благодарности одарила ее крупной суммой денег. – Слова "в порыве благодарности" мистер Липпинкот произнес кислым, как лимонный сок, голосом.

– Что ж, значит, все в порядке, – весело отозвался я.

– Еще раз убеждаюсь, что вы оптимист. Будем надеяться, что Грета не откажется от такого предложения.

– А почему она должна отказаться? Она что, ненормальная?

– Не знаю, – сказал мистер Липпинкот. – Я буду крайне удивлен, если она откажется и останется с Элли в прежних дружеских отношениях.

– Вы имеете в виду... О чем вы говорите?

– Мне хотелось бы разрушить ее влияние на Элли, – сказал мистер Липпинкот. Он встал. – Надеюсь, вы поможете мне довести дело до разумного конца?

– Еще бы! – сказал я. – Меньше всего мне нужно, чтобы эта Грета вечно тут торчала.

– Когда вы увидите ее, ваше мнение вполне может измениться, – предупредил мистер Липпинкот.

– Не думаю, – возразил я. – Я не люблю энергичных женщин, даже если они привлекательны и оказывают важные услуги.

– Благодарю вас, Майкл, за то, что вы так терпеливо выслушали меня. Надеюсь, вы с Элли не откажетесь доставить мне удовольствие поужинать со мной? Скажем, в ближайший вторник вечером? Кора Ван

Стивизант и Фрэнк Бартон к тому времени уже, вероятно, будут в Лондоне.

– И мне предстоит с ними встретиться?

– О да, такая встреча неизбежна. – Он улыбнулся мне, и на этот раз его улыбка была более искренней, нежели прежде. – Ничего страшного в этом нет, – добавил он. – Кора, скорей всего, постарается вам нагрубить, а Фрэнк будет разве что слегка бестактным. Что касается Рюбена, то он вряд ли сумеет приехать в Лондон.

Я не знал, кто такой Рюбен. Еще один родственник, наверное.

Я подошел к дверям и распахнул их.

– Выходи, Элли, – позвал ее я. – Допрос окончен.

Она вошла в комнату, перевела взгляд с Липпинкота на меня, потом подошла к нему и поцеловала его.

– Милый дядя Эндрю, – сказала она, – я вижу, вы не очень ругали моего мужа.

– Видишь ли, моя дорогая, если бы я стал очень ругать твоего мужа, в будущем ты, вероятно, перестала бы ко мне обращаться, не так ли? А сейчас я сохранил за собой право время от времени давать тебе полезные советы. Вы ведь оба еще очень молоды.

– Ладно, – согласилась Элли, – будем вас терпеливо слушать.

– А теперь, милочка, мне бы хотелось, если можно, поговорить с тобой.

– Моя очередь быть третьим лишним, – сказал я и прошел в спальню.

Я сделал вид, что захлопнул за собой двери, но на самом деле, очутившись в спальне, тотчас приоткрыл внутреннюю дверь. Меня воспитывали не так, как Элли, и поэтому я не мог не удовлетворить жгучего желания выяснить, насколько лицемерным может оказаться мистер Липпинкот. Но мои ожидания не оправдались. Он дал Элли два-три вполне разумных совета. Сказал, что я нахожусь в трудном положении в

качестве бедного мужа при богатой жене, и начал уговаривать ее подарить Грете определенную сумму денег. На это она охотно согласилась, добавив, что сама хотела просить его об этом. Кроме того, он предложил, чтобы она прибавила денег на содержание Коры Ван Стивизант.

— Разумеется, крайней необходимости в этом нет, — добавил он. — Она весьма недурно обеспечена, получая алименты от нескольких мужей. Помимо этого, как тебе известно, у нее есть определенный, хотя и небольшой, [illegible] капиталов, оставшихся от твоего деда.

Тем [illegible] ты считаете, что я должна ей прибавить?

— Ты [illegible] никому не должна. Но мне представляется, [illegible] и ты это сделаешь, она будет гораздо лояльнее по отношению к тебе. Я просто увеличил бы сумму ее дохода, причем это увеличение ты вправе в любое время аннулировать. Если тебе станет известно, что она дурно отзывается о Майкле, о тебе или о вашей совместной жизни, ты всегда сможешь принять меры, и она, зная об этом, тоже попридержит свой злой язык.

— Кора всегда меня недолюбливала, — согласилась Элли. — И я об этом знала. — И несколько смущенно добавила: — Вам понравился Майкл, дядя Эндрю?

— По-моему, это весьма привлекательный молодой человек, — отозвался мистер Липпинкот. — И я понимаю, почему ты решила выйти за него замуж.

Большего, по-моему, я не смел ожидать. Я превосходно знал, что я не из тех, кто может ему понравиться, и потому тихонько прикрыл дверь. А через минуту-другую Элли пришла за мной.

Мы прощались с Липпинкотом, когда в дверь постучали и вошел посыльный с телеграммой в руках. Элли взяла у него телеграмму, открыла ее и вскрикнула от нечаянной радости.

— Это от Греты, — объяснила она. — Сегодня вече-

ром она приезжает в Лондон и завтра посетит нас. — Потом посмотрела на нас. — Правда, чудесно?

Она увидела две наши кислые физиономии и услышала две любезные фразы:

— Разумеется, моя дорогая.

— Конечно.

11

На следующее утро я отправился по магазинам и вернулся в отель гораздо позже, чем рассчитывал. Элли я застал в вестибюле отеля, где она сидела с высокой молодой блондинкой. Это была Грета. Они болтали, перебивая друг друга.

Я не умею описывать людей, но сделаю попытку описать Грету. Начну с того, что она в самом деле, как утверждала Элли, была очень красивая и, в чем без большой охоты признался мистер Липпинкот, весьма привлекательная. Что вовсе не одно и то же. Если про женщину говорят, что она привлекательная, это отнюдь не означает, что ею восхищаются. Мистер Липпинкот, насколько я понял, не питал к Грете нежных чувств. Тем не менее, когда Грета входила в вестибюль отеля или в ресторан, мужчины, как по команде, поворачивали головы. Это была женщина нордического типа с золотистыми волосами цвета спелой кукурузы, которые по моде того времени носила зачесанными высоко наверх, а не так, как любят носить у нас в Челси, когда волосы свисают прядями по обе стороны лица, и выглядела типичной шведкой или немкой с севера Германии. Если бы ей приколоть на спину пару крыльев, она вполне могла сойти за валькирию на костюмированном балу. Глаза у нее были ярко-голубые, а фигура обольстительная. Словом — женщина что надо!

Я подошел к ним и поздоровался, как мне показалось, вполне естественно и приветливо, хотя и испытывал некоторое смущение. Плохой из меня актер.

– А это наша Грета, Майк! – воскликнула Элли.

– Догадываюсь, – довольно вежливо, но без особых восторгов отозвался я. И добавил: – Очень рад наконец-то познакомиться с вами, Грета.

– Если бы не Грета, мы бы не смогли пожениться, – сказала Элли. – Ты же знаешь.

– Ну, уж что-нибудь, наверное, придумали бы, – усомнился я.

– Сомневаюсь, особенно если бы мои родственники всем скопом навалились на нас. Они бы этого никогда не допустили. Скажи мне, Грета, они очень разозлились? – спросила Элли. – Ты мне об этом ничего не написала и не сказала.

– Зачем [illegible] молодоженов во время медового месяца? – улыбнулась Грета.

– Но на тебя они очень сердились?

– Конечно! А ты как думаешь? Но смею тебя уверить, для меня это не было неожиданностью.

– Что же именно они сделали?

– То, что и следовало ожидать, – засмеялась Грета. – Прежде всего меня, конечно, уволили.

– Я так и думала. Но за что?! А в рекомендации они тебе, надеюсь, не отказали?

– Очень даже отказали. С их точки зрения, я постыдно нарушила оказанное мне доверие. – И добавила: – Нарушила с удовольствием, между прочим.

– Но что ты сейчас делаешь?

– Поступаю на работу.

– В Нью-Йорке?

– Нет. Здесь, в Лондоне. Секретаршей.

– А деньги у тебя есть?

– Дорогая Элли, – сказала Грета, – как у меня не может быть денег, когда ты, предваряя то, что может случиться, сделала мне королевский подарок в виде чека?

По-английски говорила она отлично, почти без акцента, хотя порой употребляла невпопад кое-какие разговорные обороты.

– Я чуть-чуть повидала мир, нашла себе в Лондоне квартиру и накупила множество разных вещей.

– Мы с Майклом тоже купили кучу вещей, – сказала Элли, улыбаясь при воспоминании о том, как мы делали покупки.

Мы и вправду в наших путешествиях по Европе не теряли времени даром. Как хорошо иметь при себе доллары – нам были нипочем все ограничения нашего британского казначейства. В Италии мы накупили парчи и других тканей для домашних нужд. В той же Италии и во Франции мы приобрели картины, уплатив за них бешеные деньги. И мне открылся целый новый мир, о котором я никогда и мечтать не смел.

– У вас обоих прямо ликующий вид, – отметила Грета.

– Ты еще не видела нашего дома, – сказала Элли. – По-моему, он будет изумительным. Таким, каким мы и мечтали его видеть, правда, Майк?

– Я его видела, – призналась Грета. – В первый же день после возвращения в Англию я наняла машину и съездила туда.

– Ну и? – спросили мы с Элли в один голос.

– Ну, не знаю... – протянула Грета, неодобрительно покачав головой.

Огорченная Элли разом потухла. Но меня-то не проведешь. Я сразу понял, что Грета шутит. Если мне и пришло в эту минуту в голову, что шутит она зло, то не успела эта мысль и возникнуть, как Грета рассмеялась звонким мелодичным смехом, который заставил окружающих повернуться и посмотреть на нас.

– Видели бы вы ваши физиономии, – сказала она, – в особенности твою, Элли. Мне просто захотелось вас немножко подразнить. Дом – чудо, блеск. Этот архитектор – гений.

– Да, – подтвердил я, – он человек незаурядный. Когда вы познакомитесь с ним...

– Я с ним знакома, – сказала Грета. – Он был там,

на стройке, когда я приехала. Да, он и вправду личность. Только есть в нем что-то жутковатое, вы не находите?

— Жутковатое? — удивился я. — В каком смысле?

— Не знаю. Такое впечатление, будто он видит тебя насквозь. А это всегда неприятно. — И добавила: — У него какой-то болезненный вид.

— Он болен. Очень болен, — сказал я.

— Как жаль. А что с ним, туберкулез или что-то другое?

— Нет, — ответил я, — не туберкулез. По-моему, у него что-то с [illegible].

— Понятно. Не [illegible] в наши дни врачи способны лечить практически любые заболевания — правда? — если только [illegible] на тот свет прежде, чем вылечить. Ладно, [illegible] о нем. Давайте думать о доме. Когда его построят?

— Похоже, [illegible]. А я и понятия не имел, что можно так быстро построить дом, — заметил я.

— Все дело в деньгах, — отозвалась Грета. — Работа идет в две смены, да и рабочим выплачивают добавочное вознаграждение. Ты даже не представляешь себе, Элли, как замечательно иметь такие деньги, как у тебя.

Но я-то представлял. За последние несколько недель я многому научился. После женитьбы я попал в совершенно другой мир, вовсе не похожий на тот, каким он мне казался со стороны. До сих пор для меня верхом богатства были два выигрыша подряд на скачках, которые я тратил, не задумываясь, кутил, что называется, на всю катушку. Невежество, конечно. Невежество класса, к которому я принадлежал. Элли же существовала совсем в другом измерении. И было оно вовсе не таким, каким я его представлял. Я-то считал, что дело только в том, чтобы иметь как можно больше предметов сверхроскоши. Нет, богачи не состязались в том, у кого окажутся более фешенебельные дома, оснащенные огромным количеством светильников, с бассейнами вместо ванн, у кого лучше еда и шикарнее ма-

шины. И тратили они деньги не ради того, чтобы их тратить на зависть окружающим. Наоборот, мир этот был до удивления скромным – он отличался той скромностью, какая возникает, когда перестаешь сорить деньгами только для того, чтобы ими сорить. Человек не может пользоваться одновременно тремя яхтами или четырьмя машинами, не может есть более трех раз в день, а если покупает по-настоящему дорогую картину, то у него, возможно, нет желания повесить вторую такую в этой комнате. Вот как все это просто. Все, что ему принадлежит, обычно самого высокого качества, но вовсе не потому лишь, что оно самого высокого качества, а потому, что если ему уж чего-нибудь хочется, то почему не выбрать лучшее из того, что есть. И он не знает слов: "Боюсь, что не могу себе этого позволить". Вот, как это ни странно, и живут эти люди в такой удивительной, непостижимой скромности. Как-то решили мы купить картину какого-то французского импрессиониста, по-моему Сезанна. Мне пришлось порядком постараться, чтобы запомнить его фамилию. Вечно путаю его со словом "Сезам". И вот, когда мы гуляли по улицам Венеции, Элли остановилась посмотреть работы уличных художников. В основном они писали картины специально для туристов, стереотипные портреты красавиц с белозубыми улыбками и светлыми волосами до плеч.

Там Элли купила крошечную картинку с видом на канал. Художник, который ее написал, сразу понял, что́ мы собой представляем, и запросил с Элли шесть английских фунтов. Самое забавное заключалось в том, что Элли хотелось иметь эту шестифунтовую картинку не меньше, чем Сезанна.

Нечто подобное произошло однажды и в Париже.

– Хорошо бы купить свежий батон, – вдруг ни с того ни с сего сказала она, – и съесть его с маслом и сыром, который продают завернутым в виноградные листья.

Так мы и поступили, и мне показалось, эта еда ей понравилась больше, чем ужин в ресторане накануне, который обошелся нам фунтов в двадцать. Сначала я не мог этого понять, но потом стал вроде разбираться, что к чему. Начал я также понимать, не без оттенка горечи, что наш с Элли брак состоял не только из забав и веселья. Для начала мне следовало хотя бы заняться самообразованием, научиться входить в ресторан, делать заказ и давать на чай ровно столько, сколько следует, а в особых случаях и больше. Нужно было запомнить, какие вина соответствуют какой еде. Учился я всему этому, в основном наблюдая за другими людьми. У Элли я спросить не мог, потому что это было вне ее понимания. Она как-то сказала: "Но, дорогой мой Майк, ты можешь заказать все, что тебе хочется. Какое имеет значение, что подумает официант, если заметит, что ты заказал не то вино, которое полагается к этой еде?" Да, для нее это было не важно, ибо она родилась богатой, а для меня имело огромное значение именно потому, что я был из другого мира. Я не умел быть скромным. И в одежде тоже. Правда, в этом случае Элли могла оказать мне помощь, так как знала, в какой магазин следует пойти, а там уж передавала меня в руки продавцов.

Разумеется, до совершенства и в умении одеваться и разговаривать мне было еще далеко. Но это меня особенно не смущало, поскольку я уже вполне мог общаться с людьми вроде старого Липпинкота, а когда приедут мачеха и дяди Элли, вероятно, и в их обществе не оробею. Тем более что в скором будущем это и вовсе не будет иметь значения. Как только дом будет закончен и мы туда переедем, мы окажемся далеко от так называемого светского общества. В нашем собственном королевстве. Я взглянул на сидевшую напротив меня Грету. Интересно, что она на самом деле думает про наш дом? Мне-то он представлялся именно таким, о каком я мечтал, и полностью меня удовлетворял. Мне захотелось

съездить туда и пройтись по извилистой тропинке, среди деревьев, которая вела к небольшой бухте, где будет наш собственный пляж, куда никто из посторонних не сможет проникнуть. В тысячу раз приятнее войти в воду там, думал я, нежели на общем пляже, где бок о бок лежат сотни человеческих тел. Мне не нужна бессмысленная роскошь. Мне хотелось бы – опять эти слова, мои собственные слова, – мне хотелось бы, хотелось... Я чувствовал, как во мне нарастает желание. Мне хотелось бы обладать красивой женщиной и красивым домом, какого нет ни у кого, и пусть в этом доме будет полно красивых вещей, принадлежащих только мне. В этом доме все будет принадлежать мне.

– Он думает о нашем доме, – услышал я слова Элли.

Оказалось, она уже дважды предлагала, чтобы мы пошли в ресторан. Я ласково взглянул на нее.

Позже вечером, когда мы одевались к ужину, Элли попробовала получить у меня ответ на занимающий ее вопрос.

– Майк, тебе нравится Грета?

– Конечно, – не стал возражать я.

– Мне бы очень хотелось, чтобы она тебе понравилась.

– Да нравится она мне, – запротестовал я. – С чего ты взяла, что она мне не нравится?

– Не знаю. Я заметила только, что, даже разговаривая с ней, ты старался на нее не смотреть.

– Знаешь, это, наверное, потому... потому, что я нервничаю.

– Из-за Греты?

– Да. Она внушает какой-то благоговейный трепет.

И я поведал Элли о том, что Грета похожа на валькирию.

– Только не на такую толстую, как обычно в опере, – засмеялась Элли. Вслед за ней рассмеялся и я.

– Тебе-то все это нипочем, потому что ты знаешь ее уже много лет, – сказал я. – Я вижу, что она... очень умная, деловая, практичная. – Из кучи пришедших на

ми слов я никак не мог найти наиболее подходящее, а потом вдруг выпалил: – В ее присутствии я чувствую себя каким-то неполноценным.

– О Майк! – Элли одолевали угрызения совести. – Конечно, у нас с ней есть о чем поговорить. Вспомнить все смешное, что с нами случалось, и так далее. Я понимаю... да, понимаю, что ты испытывал неловкость, потому что не мог принять участия в нашем разговоре. Но очень скоро вы с ней станете друзьями. Ты ей нравишься. Ты ей очень нравишься, она сама мне сказала.

– Она в любом случае тебе бы это сказала!

– О нет, не только не она. Грета своих чувств не скрывает. Разве ты не слышал, как она высказывалась сегодня?

И правда, за обедом Грета не стеснялась в выражениях. Обращаясь больше ко мне, нежели к Элли, она заявила:

– Быть может, вам порой казалось странным, что я, ни разу не видя вас, тем не менее поддерживала увлечение Элли. Но меня просто выводил из себя тот образ жизни, который они заставляли ее вести, связав по рукам и ногам деньгами и принятыми у них в обществе условностями. Ей ни разу не представилась возможность порадоваться жизни, поехать туда, куда глаза глядят, сделать то, что по душе. Она давно хотела восстать, только не знала как. Вот я и подтолкнула ее. Я подсказала ей поискать поместье в Англии, объяснив, что, достигнув совершеннолетия, она сможет купить его и распрощаться со всеми своими родственниками в Нью-Йорке.

– У Греты всегда полно чудесных идей, – заметила Элли. – Ей приходит в голову такое, до чего мне никогда бы не додуматься.

Что сказал в разговоре со мной Липпинкот? "Мне не по душе то влияние, которое Грета оказывает на Элли". Так ли это? Странно, но мне представлялось, что это не совсем так. Есть в Элли нечто такое, чувствовал я, что

осталось неподвластным чарам Греты. Элли, не сомневался я, всегда готова воспринимать любые идеи, которые совпадают с ее собственными желаниями. Грета уговаривала Элли восстать, но Элли сама давно была готова восстать, только не знала, с чего начать. Все отчетливей я понимал, что Элли была из тех наивных душ, кто наделен невероятным запасом душевной энергии. Я был убежден, что Элли, если пожелает, вполне способна отстоять свою точку зрения, только она не очень часто этого хотела. Как нелегко распознать в человеке его истинную сущность, думал я. Даже в Элли. И в Грете. И в моей собственной матери... Почему она всегда смотрит на меня так испуганно?

А мистер Липпинкот? И, когда мы чистили какие-то невиданной величины персики, я сказал:

– К моему удивлению, мистер Липпинкот отнесся к факту нашей женитьбы на редкость благосклонно.

– Мистер Липпинкот – старая лиса, – заметила Грета.

– Ты всегда так говоришь, Грета, – отозвалась Элли, – а по-моему, он душка. Строгий, но справедливый.

– Что ж, оставайся при своем мнении, если тебе угодно, – сказала Грета. – Я же ему ни на пенни не доверяю.

– Не доверяешь ему? – возмутилась Элли.

Грета покачала головой.

– Знаю, – сказала она. – Он воплощение того, каким должен быть опекун и адвокат. Столп респектабельности и надежности.

– Хочешь сказать, что он присвоил мои денежки? – засмеялась Элли. – Не говори глупостей, Грета. В банках есть тысячи контролеров и ревизоров, которые проверяют каждый чек.

– Наверное, он и вправду человек честный, – заметила Грета. – Тем не менее именно из таких людей чаще всего и получаются растратчики. И потом все удив

ляются: "Никогда бы не поверил, что мистер А. или мистер Б. на это способен. Кто бы мог подумать?" Вот именно так: "Кто бы мог подумать?" Вот

Элли, поразмыслив, заявила, что заняться честными делами мог бы скорее дядя Фрэнк. В целом же все эти разговоры ее не слишком обеспокоили.

– Да, у него внешность проходимца, – согласилась Грета. – Это даже настораживает. Слишком он добродушен и приветлив! Но по большому счету он мошенником быть не способен.

– Он бра[illegible] твоей матери или твоего отца? – спросил я. У меня [illegible] не было времени разобраться как следует в родственных [illegible] Элли.

– Он [illegible] сестры моего отца, – ответила Элли. – Она его бросила, вышла замуж за другого и умерла лет шесть-семь назад. А дядя Фрэнк остался у нас в семье.

– Их трое, – пришла ей на помощь Грета. – Три пиявки, так сказать. Родные дяди Элли погибли. Один в Корее, другой – в автомобильной катастрофе, поэтому у нее остались мачеха с весьма подмоченной репутацией, обаятельный бездельник дядя Фрэнк, Рюбен, которого она тоже называет дядей, хотя на самом деле он ее кузен. И еще Эндрю Липпинкот и Стэнфорд Ллойд.

– А это кто? – удивился я.

– Тоже опекун, верно, Элли? Во всяком случае, именно он заправляет ее капиталами. Что совсем не составляет труда, потому что, когда ты богат, как Элли, деньги, так сказать, сами делают деньги без посторонней помощи. Вот кто ее окружает, – добавила Грета, – я не сомневаюсь, что вы их увидите в самом скором времени. Они явятся, чтобы посмотреть на вас.

Я застонал и взглянул на Элли.

– Ничего, Майк, – ласково улыбнулась она. – С чем приедут, с тем и уедут.

12

Явились, не запылились. Но никто из них в Лондоне не задержался. Во всяком случае, в тот раз, когда они явились впервые. Они приехали, чтобы посмотреть на меня. В их обществе я чувствовал себя неловко, потому что это были настоящие американцы, народ, с которым я не очень хорошо знаком. Кое-кто из них оказался довольно приятным. Дядя Фрэнк, например. На его счет я полностью согласен с Гретой. Я бы и пенни ему не доверил. Мне доводилось встречать таких типов и в Англии. Рослый, с толстым брюхом и мешками под глазами, свидетельствующими о том, что он не прочь выпить, он знал толк в женщинах, а еще больше — в денежных купюрах. Пару раз он одалживал деньги у меня, довольно мелкие суммы, которые могли его выручить на день-другой. Мне пришло в голову, что он не столько нуждался в деньгах, сколько хотел меня проверить, убедиться, легко ли я даю в долг. Это меня порядком обеспокоило, ибо я не знал, что лучше: дать или не дать. Может, категорически отказать, и пусть он считает меня скрягой, или прикинуться беспечным малым, широкой натурой, каковой я себя вовсе не чувствовал? В конце концов, решил я, плевать мне на дядю Фрэнка.

Кора, мачеха Элли, заинтересовала меня больше других. Лет сорока, с крашеными волосами и манерой болтать без умолку, она очень умело держалась и с Элли была сама доброта.

— Забудь про те письма, которые я писала тебе, Элли, — говорила она. — Согласись, что твое замужество не могло не привести нас в состояние шока. Мы ничего не подозревали. Я, конечно, знаю, что на это тебя подвигла Грета. Сама бы ты ни за что так не поступила.

— Грета тут ни при чем, — оправдывалась Элли, — да и я вовсе не хотела вас огорчить. Я просто считала, что... Чем меньше пересудов...

— Конечно, Элли, дорогая, отчасти ты права. Но твои опекуны, Стэнфорд Ллойд и Эндрю Липпинкот, пришли в ярость. Наверное, перепугались, что их обвинят в том, что они плохо за тобой смотрели. Разумеется, они и понятия не имели, что за человек Майк. Они и не подозревали, какой он обворожительный, собственно, я и сама не знала. — И она улыбнулась мне такой приторно-сладкой и лицемерной улыбкой, каких я и не видел! Я про себя подумал, что если существует на свете ненависть женщины к мужчине, так это ненависть Коры ко [illegible]. Я понимал, почему она ласкова с Элли. Вернувшись в Америку, Эндрю Липпинкот, несомненно, посоветова[illegible]ться. Элли продавала кое-что из своей [illegible] в Америке, поскольку решила переселиться [illegible], но была готова оказывать Коре большую [illegible] помощь, чтобы та могла жить там, где ей заб[illegible]лится. Никто ни словом не обмолвился о [illegible] муже Коры. По-видимому, он отчалил куда-то в далекие края, причем не один. В общем, как я понял, надвигался очередной развод. Но с этого мужа больших алиментов не ожидалось. Последний раз Кора вышла замуж за человека много себя моложе и привлекательного физически, но без денег.

Кора очень нуждалась в этом пособии. У нее были вкусы и привычки, требующие немалых расходов. Старый Эндрю Липпинкот, не сомневался я, довольно прозрачно намекнул ей, что Элли может приостановить обещанную помощь, если Кора забудется и начнет слишком усердно критиковать мужа Элли.

Кузен Рюбен, или дядя Рюбен, в Англию не приехал. Вместо этого он написал Элли милое, ни к чему не обязывающее письмо, в котором выражал надежду, что она будет счастлива, но сомневался, понравится ли ей Англия. "Если не понравится, незамедлительно возвращайся в Штаты. Мы встретим тебя с радостью. В особенности я, твой дядя Рюбен".

— Он вроде неплохой человек, — сказал я Элли.

– Да-а, – в раздумье протянула Элли. Она, по-видимому, была не слишком в этом убеждена.

– Ты привязана по-настоящему к кому-нибудь из них? – поинтересовался я. – Или об этом нельзя спрашивать?

– Можешь спрашивать о чем угодно. – Но ответила она не сразу. А потом сказала твердо и решительно: – Нет, наверное, не привязана. Наверное, это покажется несколько странным, но причина, по-моему, в том, что никто из них мне не близок. Ведь нас объединяют только обстоятельства, а не кровное родство. Насколько мне помнится, я любила своего отца. Он был слабохарактерным и не оправдал надежд деда, потому что мало соображал в делах и не хотел заниматься бизнесом. Его больше привлекала рыбалка во Флориде. А потом он женился на Коре, и мы с Корой друг другу не понравились. Маму свою я не помню. Я любила дядю Генри и дядю Джо. С ними было весело, гораздо веселее, чем с отцом. По-моему, он был тихим и грустным человеком. Дяди же оба умели наслаждаться жизнью. Дядя Джо был, мне кажется, человеком необузданным, какими бывают иногда те, у кого много денег. Он погиб в автокатастрофе, а дядю Генри убили на войне. К тому времени дед был уже болен, и смерть трех сыновей оказалась для него тяжким ударом. Кору он недолюбливал, а остальные наши дальние родственники его мало интересовали. Дядя Рюбен, например. Никогда не знаешь, что замышляет Рюбен, говорил он. Вот почему он решил установить опеку над своим состоянием, завещав также большую сумму денег в дар музеям и больницам. Он хорошо обеспечил Кору и мужа своей дочери дядю Фрэнка.

– Но основная доля наследства досталась тебе?

– Да. Но, по-моему, это его беспокоило, а потому он постарался привлечь к опеке крупных специалистов.

– То есть дядю Эндрю и мистера Стэнфорда Ллойда. Адвоката и банкира.

– Да. Он, вероятно, считал, что сама я с этим не справлюсь. Странно, однако, то, что он позволил мне стать полноправной наследницей в двадцать один год, а не в двадцать пять, как делают многие люди. Скорей всего, потому, что я женщина.

– Действительно странно, – согласился я. – Казалось бы, ему следовало поступить как раз наоборот.

– Нет, – покачала головой Элли, – дедушка, наверное, рассуждал так: юноши необузданны, совершают необдуманные поступки, а потом их прибирают к рукам злокозненные [illegible]. Он считал, что им надо дать время перебеситься. Однажды он сказал мне: "Если женщина [illegible] от природы разумом, то к двадцати одному году [illegible] должна неплохо соображать. Зачем заставлять [illegible] еще четыре года? А если она дура, то дурой и останется". И еще он сказал, – Элли посмотрела на меня и улыбнулась, – что меня он не считает дурой. "Ты, возможно, и не очень разбираешься в жизни, Элли, – сказал он, – но нюх у тебя есть. Особенно на людей. И надеюсь, будет всегда".

– Не думаю, что я ему очень бы понравился, – задумчиво отозвался я.

Элли не умела врать. А потому не стала меня разубеждать, решив сказать то, что она думала на самом деле.

– Пожалуй, – согласилась она. – Он, наверное, даже испугался бы. Разумеется, сначала. А потом ему пришлось бы к тебе привыкнуть.

– Бедняжка Элли, – вдруг вырвалось у меня.

– Почему?

– Помнишь, и ты говорила то же самое?

– Помню. Я сказала "бедная маленькая богачка". И была совершенно права.

– На этот раз я имел в виду нечто совсем другое, – отозвался я. – Я назвал тебя бедняжкой вовсе не потому, что у тебя нет денег. Я имел в виду... – не сразу нашелся я, – что вокруг слишком много людей, кото-

рые ждут от тебя подачки, а вот твоя собственная судьба их мало волнует. Верно?

– Да нет, дядя Эндрю, по-моему, искренне меня любят, – не очень уверенно возразила Элли. – Он всегда очень внимателен и участлив ко мне. Что же касается остальных... Тут ты, пожалуй, прав. Их интересуют только подачки.

– Они приезжают и попрошайничают, верно? Одалживают у тебя деньги, ждут подарков. Надеются, что ты выручишь их из беды, и стараются ухватить кусок пожирнее!

– Что ж, это вполне естественно, – спокойно отозвалась Элли. – Но теперь с этим покончено. Я буду жить здесь, в Англии, и нечасто встречаться с ними.

В этом она, конечно, ошиблась, но пока пребывала в счастливом неведении. Чуть позже явился сам Стэнфорд Ллойд собственной персоной. Он привез Элли на подпись кучу бумаг и документов, требуя от нее согласия на разные капиталовложения. Он говорил с ней о ценных бумагах и акциях, о недвижимости, которой она владела, и о контроле над расходами. Для меня все это было полной тарабарщиной. Помочь ей или посоветовать что-либо путное я был не в состоянии. Но и помешать Стэнфорду Ллойду обманывать ее я тоже не мог. Оставалось только надеяться, что он этим не занимается, но откуда мне, невежде, было это знать?

Стэнфорд Ллойд был слишком хорош, чтобы в его реальность можно было верить. Он был банкиром и выглядел банкиром. Довольно интересный внешне, хотя и не первой молодости, он держался со мной необыкновенно учтиво и, хотя, похоже, считал меня полным ничтожеством, старательно это скрывал.

– Надеюсь, это последний из стаи стервятников? – спросил я, когда он наконец отбыл.

– Тебе они все не нравятся, правда?

– Твоя мачеха Кора – настоящая ведьма, да к тому же лицемерная. Извини, Элли, я не должен был говорить этого.

– Почему же, если ты искренне так считаешь? По-моему, ты не далек от истины.

– Тебе, наверное, было очень одиноко, Элли, – заметил я.

– Да, одиноко. Разумеется, у меня были подружки. Я ходила в очень привилегированную школу, но и там не чувствовала себя свободной. Если я начинала с кем-нибудь дружить по-настоящему, нас старались разъединить, навязывая мне новые знакомства. Отношения с людьми строились, исходя из их положения в обществе. Конечно, если бы мне кто-то очень понравился, то я бы решилась [illegible]. Но я никогда так далеко не заходила. [illegible]человека не находилось. Только когда появился [illegible] все стало по-другому. Впервые я почувствовала [illegible] кому-то дорога. Это было чудесное ощущение [illegible] смущало.

– Не хорошо [illegible] начал я, отвернувшись к окну. Ты [illegible]

– Не знаю. [illegible] хотелось бы, чтобы ты чересчур полагалась на Грету. Нехорошо так зависеть от другого человека.

– Ты не любишь ее, Майк, – сделала вывод Элли.

– Почему же? – быстро возразил я. – Наоборот, она мне очень нравится. Но тебе следует понять, Элли, что она... что я ее вижу впервые. Наверное – будем смотреть правде в глаза, – я ревную тебя к ней. Ревную, потому что вы с ней... чего я не понял сразу, очень привязаны друг к другу.

– Не надо ревновать. Она — единственный человек, кто был добр ко мне, кто меня любил... пока я не встретила тебя.

– Но ты уже меня встретила, – сказал я, – и мы стали мужем и женой. – И повторил сказанное мною раньше: – И теперь будем жить-поживать да добра наживать.

13

Я стараюсь изо всех сил, хотя, наверное, получается у меня неважно, дать представление о тех, кто вошел в нашу жизнь, а точнее, в мою жизнь, поскольку в жизни Элли эти люди уже давно существовали. Мы ошиблись, надеясь, что они отвяжутся от Элли. Ничего подобного. Они и не собирались делать это. Однако в ту пору мы еще об этом не знали.

Мы приобщались к английской жизни. Дом наш был построен, мы получили от Сэнтоникса телеграмму. Перед этим он предупредил меня, что ему требуется еще неделя, но вдруг пришла телеграмма: "Приезжайте завтра".

Мы поехали туда на машине и прибыли на закате. Услышав шум мотора, Сэнтоникс вышел нам навстречу. Он стоял перед домом. Когда я увидел, что дом закончен, во мне что-то дрогнуло, словно желая выплеснуться наружу! Это был мой дом – наконец-то у меня есть дом! Я стиснул руку Элли.

– Нравится? – спросил Сэнтоникс.

– Шик! – ответил я, сказав глупость, но он меня понял.

– Да, – согласился он, – это лучшее, что я сделал за всю жизнь... Дом обошелся недешево, но стоит того! Пришлось превысить смету по всем параметрам. Ну-ка, Майк, берите Элли на руки, – распорядился он, – и несите через порог, как полагается молодоженам, когда они входят в новый дом!

Я вдруг покраснел, но поднял Элли на руки – она была легче перышка – и внес в дом, как велел Сэнтоникс. К сожалению, я споткнулся о порог и увидел, что Сэнтоникс нахмурился.

– Ну вот и все, – сказал Сэнтоникс. – Будьте добрым к ней, Майк. Заботьтесь о ней и берегите ее. Она сама заботиться о себе не умеет.

– Почему это меня надо беречь? – возмутилась Элли.

– Потому что мы живем в недобром мире, – ответил Сэнтоникс, – и вокруг вас, девочка моя, полно злых людей. Вы уж мне поверьте, я кое-кого уже видел. Они были здесь, высматривали, вынюхивали, как крысы. И сами они не лучше крыс. Извините меня за эти слова, но кому-то следовало их произнести.

– Больше никто беспокоить нас не будет, – ответила Элли. – Они все уехали обратно в Штаты.

– Может быть, – отозвался Сэнтоникс, – но оттуда всего несколько часов лету.

Он положил руки ей на плечи. Руки у него были худые и [illegible]-прозрачные. Он выглядел очень плохо.

– [illegible] мог, дитя мое, я бы присмотрел за вами, – [illegible], – но у меня нет на это сил. Мои дни сочтены. [illegible] научиться самой заботиться о себе.

– Хватит [illegible] на пророчество цыганки, Сэнтоникс, – вмешался [illegible]. – Покажите-ка нам лучше дом. Все до последнего уголка.

Мы обошли весь дом. Некоторые комнаты еще стояли пустыми, но большинство из тех вещей, что мы купили, – картины, мебель и шторы – были уже развешаны и расставлены.

– Мы до сих пор не придумали, как назвать наш дом, – вдруг вспомнила Элли. – Не называть же его по-старому – "Тауэрс". Это было бы глупо. Как еще его называют, ты мне говорил? – обратилась она ко мне. – Цыганское подворье, верно?

– Только не это, – возразил я. – Мне это название не нравится.

– Все равно его всегда будут так называть в этих местах, – заметил Сэнтоникс.

– Потому что здесь живут глупые, суеверные люди, – буркнул я.

Затем мы уселись на террасе, любуясь закатом и открывающейся перед нами панорамой, и начали придумывать названия для нашего дома. Получилось что-то вроде игры. Начали мы всерьез, а потом стали приду-

мывать названия одно глупее другого: "Конец пути", "Сердечная радость" или на манер названия пансионатов: "Морское побережье", "Чудесный островок", "Сосны". Но тут вдруг стемнело, стало холодно, и мы вошли в дом. Занавешивать окна мы не стали, только прикрыли их. Мы привезли с собой еду. На следующий день в дом должны были прибыть слуги, нанятые нами за большие деньги.

– Им, наверное, здесь не понравится, скажут, что тут одиноко, и потребуют расчета, – сомневалась Элли.

– Тогда, чтобы они остались, вам придется удвоить им жалованье, – посоветовал Сэнтоникс.

– Вы считаете, что каждого можно купить! – засмеялась Элли.

Мы привезли с собой паштет, французский батон и большие красные креветки. Мы уселись за стол, смеялись, ели и беседовали. Даже Сэнтоникс, казалось, позабыл о болезни, оживился, и глаза у него загорелись от возбуждения.

И тут вдруг произошло нечто неожиданное. Зазвенело стекло, в окно влетел, упав прямо на стол, камень. Разбился стакан, и осколком Элли поцарапало щеку. С минуту мы сидели в оцепенении, затем я вскочил, бросился к окну, распахнул его и выбежал на террасу. Никого не было. Я вернулся в комнату.

Взяв бумажную салфетку, я наклонился над Элли и вытер струйку крови, которая появилась у нее на щеке.

– Тебя поцарапало... Ничего, дорогая, пустяк. Крошечная царапина от осколка.

Мой взгляд встретился со взглядом Сэнтоникса.

– Почему это произошло? – спросила Элли. В глазах у нее было недоумение.

– Мальчишки, – ответил я, – юные негодяи. Узнали, наверное, что мы въезжаем. Тебе еще повезло, что они бросили только камень... Могли выстрелить из духового ружья.

– Но зачем они это сделали? Зачем?

— Не знаю, — ответил я. — Просто из хулиганства.

Элли вдруг встала.

— Я боюсь, — сказала она. — Мне страшно.

— Завтра во всем разберемся, — сказал я. — Нам пока еще ничего не известно про людей, что живут вокруг.

— Может, это потому, что мы богатые, а они бедные? — добивалась Элли. Она обращалась не ко мне, а к Сэнтониксу, словно он лучше знал ответ на вопрос, чем я.

— Нет, — медленно произнес Сэнтоникс, — не думаю...

— Может, потому, что они нас ненавидят... Ненавидят Майка и меня. Потому что мы счастливы? — старалась угадать Элли.

И снова Сэнтоникс покачал головой.

— Нет, это что-то в чем-то другом... — согласилась с ним Элли. — А в чем, мы понятия не имеем. Цыганское подворье будет ненавидеть. Преследовать. Вполне возможно, что в конце концов им удастся выгнать нас отсюда...

Я налил стакан вина и протянул ей.

— Молчи, Элли, — упрашивал ее я. — Не надо этого говорить. Выпей вина. Произошло неприятное событие, но это всего лишь дурацкая выходка, грубая шутка.

— Интересно, — сказала Элли, — интересно... — Она пристально посмотрела на меня. — Кто-то пытается выгнать нас отсюда, Майк. Выгнать нас из дома, который мы построили, из дома, который нам так нравится.

— Мы не позволим нас выгнать, — заявил я. И добавил: — Я сам буду опекать тебя, присматривать, чтобы ничего с тобой не случилось.

Она снова посмотрела на Сэнтониксa.

— Может, вы знаете? — спросила она. — Вы ведь были здесь все время, пока строился дом. Неужто вам никогда ничего не говорили, не кидали в вас камни, не мешали строительству?

— Иногда трудно отличить случайность от злого умысла, — сказал Сэнтоникс.

– Значит, несчастные случаи имели место?

– Обычно, когда идет строительство, несчастных случаев не миновать. Ничего, правда, серьезного или трагического не происходит. Один падает с лестницы, другой роняет себе на ногу что-то тяжелое, третий занозит палец, и начинается заражение.

– Но не более того? Ничего такого, что могло бы считаться настоящей бедой?

– Нет, – ответил Сэнтоникс. – Нет, клянусь вам!

– Помнишь ту цыганку, Майк? – повернулась ко мне Элли. – Как странно она вела себя тогда, как уговаривала меня не переезжать сюда.

– Она не совсем нормальная, эта цыганка.

– Мы построили дом на Цыганском подворье, – сказала Элли. – Мы ее не послушались. – И, топнув ногой, заключила: – Я не позволю выгнать меня отсюда. Никому не позволю!

– Никто нас отсюда не выгонит, – подтвердил я. – Мы будем здесь счастливы.

Наши слова прозвучали как вызов судьбе.

14

Так началась наша жизнь на Цыганском подворье. Нового названия дому мы так и не подыскали. С того первого вечера за домом закрепилось прежнее название.

– Пусть называется Цыганским подворьем, – сказала Элли, – докажем, что мы ничего не боимся. И бросим им вызов, правда? Оно принадлежит нам, и к черту всякие цыганские проклятия.

На следующий день она пришла в себя, повеселела, и вскоре мы занялись устройством на новом месте, стали знакомиться с округой и с соседями. Мы с Элли отправились к тому коттеджу, в котором жила старая цыганка. Хорошо бы, подумал я, застать ее в саду. До этого Элли видела ее только один раз – в тот день,

когда она нам гадала. Пусть Элли увидит, что это самая обычная женщина, которая копает картофель у себя на огороде, но мы ее не застали. Дом был заперт. Я спросил у ее соседки, не умерла ли она, но та покачала головой.

— Наверное, уехала, — объяснила она. — Время от времени она куда-то уезжает. Она ведь настоящая цыганка. И поэтому не может долго сидеть на одном месте. Уезжает, а потом снова возвращается. — И, дотронувшись до головы, добавила: — У нее тут не все в порядке. — И спросила, стараясь скрыть любопытство: — Вы из этого нового дома, да? Из того, который только что выстроили на вершине холма?

— Совершенно верно, — отозвался я. — Мы переехали вчера вечером.

— Красивый дом, ничего не скажешь, — похвалила женщина. — Мы все ходили смотреть, как он строится. Одно удовольствие видеть такой дом — правда? — на месте этих старых, мрачных деревьев. — И, обратившись к Элли, робко спросила: — Вы ведь, мы слышали, американка?

— Да, — ответила Элли, — я американка или, точнее, была американкой, но сейчас я замужем за англичанином и потому стала англичанкой.

— И вы решили жить здесь постоянно?

— Да, — ответили мы.

— Что ж, надеюсь, вам у нас понравится. — В ее голосе послышалось сомнение.

— А почему нам может здесь не понравиться?

— Уж больно тут одиноко. Люди, знаете ли, не любят жить в уединении, да еще когда кругом полно деревьев.

— Как на Цыганском подворье, — подсказала Элли.

— А, значит, вы слышали, как это место у нас называют? Но дом, который там раньше стоял, назывался "Тауэрс". Не знаю почему. Никаких башен там не было, по крайней мере в мое время.

— По-моему, "Тауэрс" — нелепое название, — заметила Элли. — Мы лучше будем называть наше поместье

по-старому, Цыганским подворьем.

– Если так, то надо сообщить об этом в почтовое отделение, – сказал я, – иначе нам не будут приносить нашу корреспонденцию.

– Наверное.

– Хотя, если хорошенько подумать, Элли, – заметил я, – имеет ли это значение? Не лучше ли вообще не получать никаких писем?

– Это может осложнить нашу жизнь, – засомневалась Элли. – А куда нам будут присылать счета?

– Мы без них прекрасно обойдемся, – весело ответил я.

– Что тут прекрасного? – удивилась Элли. – Явятся судебные исполнители и будут тут крутиться. И кроме того, – добавила она, – мне вовсе не в радость отсутствие писем. Я хочу получать письма от Греты.

– Забудь про Грету, – попросил я. – Ладно, пойдем дальше.

Мы обошли Кингстон-Бишоп. Славный городок, в лавках вежливые продавцы. Ничего предвещавшего беду мы не приметили. Правда, нашей прислуге это место почему-то пришлось не по вкусу, но мы договорились, чтобы их в выходные дни отвозили в ближайший приморский город или в Маркет-Чэдуэлл. Особого восторга по поводу расположения дома они тоже не выразили, но их беспокоили отнюдь не слухи о Цыганском подворье. Никто не посмеет утверждать, что в доме водятся привидения, объяснил я Элли, потому что дом только что построили.

– Да, – согласилась Элли, – о доме речь не идет. В доме все в порядке. Беда притаилась где-то снаружи. То ли в этом крутом, прикрытом деревьями повороте на дороге, то ли в той глухой роще, где меня тогда напугала встреченная нами цыганка.

– В будущем году, – пообещал я, – мы срубим эти деревья и посадим вместо них рододендроны или какие-нибудь цветы.

Мы продолжали строить планы.

Приехала Грета и осталась у нас на уик-энд. Она пришла в восторг от дома и сочетания в нем красок, восхищалась нашей мебелью и картинами. Держалась она с большим тактом. В воскресенье вечером она заявила, что не хочет беспокоить нас больше и что утром ей все равно надо на работу.

Элли расцвела, показывая ей дом. Я видел, как Элли ее любит. И старался вести себя разумно, никому не досаждал и обрадовался отъезду Греты в Лондон, потому что ее пребывание у нас в доме действовало мне на нервы.

Прожив в новом доме недели две, мы перезнакомились со всеми в округе и наконец предстали перед самим Богом. В один прекрасный день он явился к нам с визитом. Элли и Элли вели спор по поводу того, где будет проходить цветочный бордюр, когда наш, на мой взгляд, сверхчуткий дворецкий, выйдя в сад, объявил, что нас ждет в гостиной майор Филпот.

— Сам Господь Бог! — прошептал я Элли. Она спросила, что я имею в виду.

— Местные жители видят в нем Всевышнего, — объяснил я.

Мы вошли в дом, где нас ждал майор Филпот. Это был довольно приятный, но ничем не примечательный человек лет шестидесяти, в далеко не новом костюме, какие любят носить в деревне. У него были седые волосы, редеющие на макушке, и щеточка колючих усов. Он извинился за то, что его жена по причине нездоровья не может нас посетить. Она почти не выходит, объяснил он. Он сел и принялся с нами болтать. Ничего значительного или интересного он не сказал, но зато сумел сделать свое присутствие необременительным. Легко переходил с одной темы на другую, не задавал вопросов, но тем не менее довольно быстро распознал, что нас особенно интересует. Поговорил со мной про скачки, обсудил с Элли, где лучше разбить сад и какие

цветы любит здешняя почва. Он сообщил, что раза два побывал в Штатах. Выведал у Элли, что она хотя и не очень интересуется скачками, но любит ездить верхом. И сказал ей, что если она собирается держать лошадей, то сможет по какой-то там дороге, ведущей среди сосен, выбраться на довольно длинный участок поросшей вересковом низины, где легко пустить лошадь в галоп. Затем мы вернулись к разговору о нашем доме и легендах о Цыганском подворье.

– А вы, оказывается, знаете, как здесь называют ваше поместье, и, наверное, все истории про него тоже вам известны? – спросил он.

– В основном про цыганские проклятья, – ответил я. – И большей частью от миссис Ли.

– О боже, – простонал майор Филпот. – Бедняжка Эстер! Она, наверное, вам надоела, да?

– Она, между прочим, не сумасшедшая? – спросил я.

– Во всяком случае, не такая, какой прикидывается. Я чувствую себя в некотором роде ответственным за нее. Я поселил ее в своем коттедже, – добавил он. – На ее благодарность я не рассчитывал. Просто я испытываю жалость к этой пожилой женщине, хотя она порой может изрядно докучать.

– Своим гаданием?

– Не только. А что, она вам гадала?

– Не знаю, можно ли это назвать гаданием, – ответила Элли. – Скорей, она уговаривала нас не переселяться сюда.

– Странно, – удивился майор Филпот, подняв свои кустистые брови. – Обычно когда она гадает, то предпочитает говорить только хорошее. Прекрасный незнакомец, звон свадебных колоколов, шестеро детей и куча добра и денег ждет тебя, моя красавица, – вдруг загнусавил он, подражая цыганке. – Когда я был ребенком, цыгане здесь часто раскидывали табор, – принялся рассказывать он. – В ту пору я, наверное, к ним и

привязался, хотя, конечно, вороватыми они были и тогда. Но меня всегда к ним тянуло. Если не требовать от них полного подчинения закону, они ведут себя вполне достойно. Немало цыганского жаркого поел я, пока был школьником. Наша семья считала себя обязанной миссис Ли. Она спасла моего брата, вытащила из-подо льда, когда он мальчишкой провалился в прорубь.

Я как-то неловко задел рукой хрустальную пепельницу, сбросив ее со стола. Она разлетелась вдребезги.

Я собрал осколки. Мне помог майор Филпот.

Я так и думала, что миссис Ли совершенно безобидна, — сказала Элли. — Напрасно я ее боялась.

- Бо[illegible] — снова взлетели вверх его брови. — Неужто [illegible] этого?

- А [illegible]ниваться? — вмешался я. — Миссис Ли ей скорее угрожала, нежели предупреждала.

- Угрожала? — не мог поверить он.

- Во всяком случае, мне так показалось. И затем в первый же вечер после нашего сюда переезда произошел довольно неприятный инцидент.

И я рассказал ему, как, разбив окно, в комнату влетел камень.

— Боюсь, в наши дни развелось очень много юных хулиганов, — заметил он, — хотя в здешних местах их куда меньше, нежели в других. Тем не менее случается и такое, к моему глубокому сожалению. — Он посмотрел на Элли. — Мне очень жаль, что вас напугали. Какой позор, что подобный случай имел место, да еще в первый же вечер в новом доме.

— Я уже забыла об этом, — поспешила заверить его Элли. — Кстати, это не единственный случай. Вскоре произошло кое-что еще.

Я и об этом ему рассказал. Однажды утром мы вышли из дому и наткнулись на насаженную на нож мертвую птицу, а рядом лежал кусок бумаги, на котором рукой человека явно необразованного было

нацарапано: "убирайтесь отсюда подобру-поздорову".

Филпот очень рассердился.

– Вам следовало заявить об этом в полицию, – сказал он.

– Мы решили этого не делать, – объяснил я. – Иначе тот, кто ведет с нами игру, еще больше разойдется.

– Тем не менее подобные поступки следует пресекать, – настаивал Филпот. Он вдруг превратился в судью. – Иначе потом людей не остановить. Считают, наверное, это забавой. Только... только это никак не забава. Злоба, недоброжелательность... Не думаю, – добавил он, разговаривая, скорее, с самим собой, нежели с нами, – не думаю, что кто-то из местных замыслил против вас что-то недоброе... против лично кого-нибудь из вас, хочу я сказать.

– Конечно, – согласился я, – ведь мы оба прежде здесь никогда не бывали.

– Постараюсь узнать, что смогу, – пообещал Филпот.

Он встал и осмотрелся по сторонам.

– Знаете, – сказал он, – мне нравится ваш дом. Против моего ожидания. Я из тех, кого называют людьми старой закалки. Мне нравятся старые дома и старые строения. И совсем не по душе эти спичечные коробки, которые, как грибы, растут по всей стране. Большие коробки, похожие на пчелиные соты. Мне куда больше нравятся здания с лепниной, с архитектурными украшениями. Но ваш дом мне нравится. Он без особых затей, как и все современные дома, но вместе с тем есть в нем изящество и свет. А из его окон многое смотрится совсем по-другому, нежели прежде. Интересно, очень интересно. Кем он построен? Англичанином или иностранцем?

Я рассказал ему про Сэнтоникса.

– Гм, – задумался он, – я, пожалуй, где-то про него читал. Может, в журнале "Дом и сад"? Там были и снимки.

– Он человек известный, – объяснил я.

— Хорошо бы с ним когда-нибудь встретиться, хотя, признаться, я не знал бы, о чем нам поговорить. Я ведь ничего не смыслю в искусстве.

Затем он спросил нас, когда мы могли бы отобедать у них.

— Покажу вам мой дом, — пообещал он.

— Дом, наверное, старый? — спросил я.

— Построен в тысяча семьсот двадцатом году. Дом славный. А первый был поставлен еще при Елизавете. В самом [illegible] семнадцатого века он сгорел, и на том же месте [illegible] нынешний.

— Вы [illegible] здесь жили? — спросил я, имея в виду, конечно, [illegible] лично, но он меня понял.

— Да. [illegible] здесь со времен Елизаветы. Иногда процветали, иногда еле-еле сводили концы с концами, в неурожайные [illegible] продавали землю, а когда дела шли на поправку, [illegible] ее покупали. Я буду рад показать мой дом вам обоим, — добавил он, с улыбкой поглядывая на Элли. — Американцам нравятся старые дома, я знаю. А вот на вас он вряд ли произведет впечатление, — обратился он ко мне.

— Не буду утверждать, что разбираюсь в старине, — откликнулся я.

Громко топая, он вышел. В машине его ждал спаниель. Машина была старой, побитой, краска с нее во многих местах слезла, но я к этому времени уже частично пересмотрел свое понимание ценностей. Я понял, что в здешних местах, где на него смотрели как на бога, он уже дал нам свое благословение и скрепил его печатью. Это было видно невооруженным глазом. Элли ему понравилась. Я был склонен думать, что и я ему понравился, хотя время от времени он и задерживался на мне взглядом, словно ему предстояло поскорее оценить нечто такое, с чем прежде не доводилось встречаться.

Когда я вернулся в гостиную, Элли осторожно собирала осколки хрусталя.

— Жаль, что она разбилась, — с грустью сказала

она. – Мне эта пепельница нравилась.

– Купим такую же, – предложил я. – Это ведь не старинная вещь.

– Я знаю! А чего ты испугался, Майк?

– Каких-то слов Филпота, – не сразу ответил я. – Они напомнили мне случай из моего детства. Мы с приятелем прогуливали уроки и пошли кататься на коньках на местном пруду. Лед не выдержал нас, дураков, мой приятель провалился, и, когда подоспела помощь, он уже утонул.

– Какой ужас!

– Да, я совершенно позабыл этот эпизод, пока Филпот не поведал нам про своего брата.

– Мне он нравится, Майк. А тебе?

– Очень. Интересно, какая у него жена.

В начале следующей недели мы отправились на обед к Филпотам. У них был белый дом эпохи Георгов, довольно симпатичный по архитектуре, хотя и без особых изысков. Обстановка была старой, но уютной. На стенах вытянутой в длину столовой висели портреты – по-видимому, предков Филпота. Картины были далеко не шедеврами, но я подумал, что они смотрелись бы куда лучше, если бы их как следует почистили. Среди них был портрет белокурой девицы, разодетой в розовый шелк, на которую я засмотрелся.

– У вас недурной вкус, – улыбнулся майор Филпот. – Это Гейнсборо, причем одна из его лучших работ, хотя предмет внимания художника в свое время наделал много шума. Ее очень подозревали в том, что она отравила своего мужа. Возможно, это было вызвано предубеждением, поскольку она была иностранкой. Джервейз Филпот привез ее откуда-то из-за границы.

Для знакомства с нами были приглашены еще несколько соседей. Доктор Шоу, пожилой господин с любезными, но усталыми манерами, вынужден был уехать еще до окончания обеда. Остались молодой и серьезный на вид викарий, средних лет дама с грубым

голосом, которая занималась разведением собак породы "корги", и высокая, красивая, темноволосая девица по имени Клодия Хардкасл, которая, по-видимому, обожала лошадей, хотя они и вызывали у нее сенную лихорадку.

Они с Элли быстро подружились. Элли тоже увлекалась верховой ездой и тоже была подвержена аллергии.

– В Штатах у меня ее вызывала амброзия, – говорила она, – но отчасти и лошади. Правда, сейчас это меня не очень беспокоит, поскольку появилась масса чудесных лекарств против аллергии. Я вам дам на пробу несколько [illegible]. Они ярко-оранжевого цвета. И если вы [illegible] перед выходом из дома принять такую [illegible]. Не больше раза вам чихнуть не придется.

Клодия Хардкасл сказала, что это было бы замечательно.

От перхоти у меня аллергия еще сильнее, чем от лошадей, – призналась она. – В прошлом году я была в Египте, и, когда объезжала пирамиды, у меня по лицу непрерывно текли слезы.

– У некоторых аллергия на кошек, – заметила Элли. – И на пух из подушек. – И они продолжали свой разговор про аллергию.

Я сидел рядом с миссис Филпот, высокой и стройной женщиной, которая, время от времени отрываясь от обильной еды, говорила исключительно о своем здоровье. Она ознакомила меня с полным перечнем всех своих заболеваний и рассказала, как озадачены многие выдающиеся светила медицины ее состоянием. Иногда она позволяла себе отклониться от этой темы, расспрашивая меня, чем я занимаюсь. Когда я ловко ушел от ответа, она попыталась, правда не настойчиво, выяснить, с кем я знаком. Я мог бы совершенно честно ответить: "Ни с кем", но решил воздержаться по причине того, что, во-первых, она задала мне этот вопрос вовсе не из снобизма, а во-вторых, мой ответ мало ее интересовал.

Миссис Корги — ее настоящую фамилию я прослушал — была куда более настойчива в своих расспросах, но я отвлек ее разговором о жестокости к животным и невежестве ветеринарных врачей. Беседовать на эту тему было вполне безопасно, но очень скучно.

Позже, когда мы довольно бесцельно прогуливались по саду, ко мне подошла Клодия Хардкасл.

— Я наслышана о вас от моего брата, — вдруг ни с того ни с сего заявила она.

Я удивился. Я не был знаком с братом Клодии Хардкасл.

— Вы уверены? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Но ведь он строил ваш дом.

— Вы хотите сказать, что Сэнтоникс — ваш брат?

— Сводный. Я плохо его знаю. Мы встречаемся редко.

— Он замечательный человек, — сказал я.

— Многие так считают, я знаю.

— А вы?

— Не уверена. Как на него посмотреть. Одно время он покатился вниз... Люди не желали иметь с ним дела. А потом вдруг переменился. Начал неожиданно преуспевать. Казалось, будто он перестал... — она сделала паузу, — будто он перестал думать о чем-либо ином, кроме своей работы.

— По-моему, так оно и есть.

Затем я спросил у нее, видела ли она наш дом.

— Нет. После окончания строительства не видела.

Я пригласил ее зайти к нам.

— Мне ваш дом не понравится, предупреждаю вас. Я не люблю современных домов. Предпочитаю особняки эпохи королевы Анны.

Она пообещала записать Элли в члены гольф-клуба. И кататься верхом они будут вместе. Элли купит лошадь — может, и не одну. Они с Элли, по всей видимости, уже успели подружиться.

Когда Филпот показывал мне свои конюшни, он упомянул о Клодии.

– Умеет охотиться с собаками, – сказал он. – Жаль только, испортила себе жизнь.

– Каким образом?

– Вышла замуж за богача, много ее старше. Он американец по фамилии Ллойд. Ничего из этого брака не получилось. Они очень быстро разошлись. Она взяла свою девичью фамилию. Вряд ли выйдет замуж еще раз. Уж очень настроена против мужчин. А жаль.

Когда мы ехали домой, Элли сказала:

– Скучновато, но приятно. Славные люди. Мы будем очень счастливы здесь, правда, Майк?

– Конечно, – ответил я и, сняв руку с руля, пожал ей запястье.

Когда мы вернулись домой, я высадил Элли у дверей, а сам отвел машину в гараж.

Идя к дому, я услышал, что Элли играет на гитаре. У нее была красивая старинная испанская гитара, которая, наверное, стоила кучу денег. Обычно она напевала под гитару нежным, низким голосом. Довольно приятным. Большинство ее песен я слышал впервые. Ритуальные песни американских негров, старинные ирландские и шотландские баллады, мелодичные и довольно грустные. Ничего похожего на поп-музыку или что-нибудь подобное. Наверное, это были народные песни.

Я обошел террасу и остановился у входа.

Элли пела одну из моих любимых песен. Не знаю, как она называется. Она еле слышно проговаривала слова, наклонив над гитарой голову и тихонько пощипывая струны. Мелодия этой песни тоже была благозвучно-грустной.

Вот что нужно знать всегда:
Слитны радость и беда.
Знай об этом – и тогда
Не споткнешься никогда.

Темной ночью и чуть свет
Люди явятся на свет,
Люди явятся на свет,
А вокруг — ночная тьма.
И одних ждет Счастья свет,
А других — Несчастья тьма[1].

Она подняла голову и увидела меня.

— Почему ты так смотришь на меня, Майк?

— Как?

— Ты смотришь на меня так, будто любишь меня.

— Конечно, я тебя люблю. Как еще я должен смотреть на тебя?

— Но о чем ты думал, пока смотрел?

Я ответил в раздумье и искренне:

— Я вспомнил, как впервые увидел тебя, когда ты стояла в тени разлапистой ели. — Да, я и в самом деле вспоминал первые минуты знакомства с Элли, охватившие меня удивление и волнение...

Улыбнувшись мне, Элли тихо пропела:

Темной ночью и чуть свет
Люди явятся на свет,
Люди явятся на свет,
А вокруг — ночная тьма.
И одних ждет Счастья свет,
А других — Несчастья тьма.

Человеку суждено только тогда осознать, какие минуты в его жизни были самыми счастливыми, когда уже поздно.

Минуты, когда мы, вернувшись с обеда у Филпотов, в полном блаженстве пребывали у себя дома, и были такими минутами. Только понял я это гораздо позже.

[1] "Изречения невинности" Уильяма Блейка. Перевод В. Топорова.

Спой песенку про муху, — попросил я. И она запела незамысловатую песенку на веселый танцевальный мотив.

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Всё я играю,
Пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет.

Так пусть умру я.
Или живу —
Счастливой мухой
Себя зову[1].

О, Элли, Элли!..

15

В этом мире все происходит вовсе не так, как ждешь, — просто диву даешься.

[1] "Муха" Уильяма Блейка. Перевод С. Маршака.

Мы переехали в наш дом и жили там, скрывшись от родственников и знакомых, как я надеялся и рассчитывал. Только, конечно, от всех нам скрыться не удалось. Заокеанская родня не оставляла нас в покое.

Прежде всего, эта проклятая мачеха Элли. Она посылала письма и телеграммы, умоляя Элли съездить к агентам по продаже недвижимости. Ее так очаровал наш дом, писала она, что она решила тоже купить себе поместье в Англии. По ее словам, месяца два в году она бы с удовольствием проводила в Англии. Следом за ее очередной телеграммой явилась она сама, и мы вынуждены были возить ее по округе, показывать все дома, которые их владельцы собирались продать. В конце концов она более-менее остановилась на одном — в пятнадцати милях от нас. Нам она совершенно была не нужна. Одна только мысль о том, что она будет рядом, уже навевала тоску, но сказать ей об этом мы не смели. По правде говоря, даже скажи мы ей об этом, она бы все равно купила его. Запретить ей не приезжать в Англию мы не могли. Элли, как я понимал, ни за что не пошла бы на ссору. Однако, пока Кора ожидала заключения оценочной комиссии, мы получили еще несколько телеграмм.

Дядя Фрэнк, по-видимому, влип в какую-то историю, связанную с мошенничеством и нечестно нажитыми деньгами, и, как я понял, ему требовалась немалая сумма, чтобы откупиться. Мистер Липпинкот и Элли продолжали обмениваться телеграммами. А потом обнаружились какие-то распри между Стэнфордом Ллойдом и Липпинкотом. Они поссорились из-за капиталовложений Элли. В своем невежестве и легковерии я считал, что те, кто живут в Америке, пребывают далеко от нас. Мне и в голову не приходило, что родственники и деловые партнеры Элли могут в любую минуту сесть на самолет и уже через сутки вылететь обратно. Сначала прилетел и улетел Стэнфорд Ллойд. А за ним объявился Эндрю Липпинкот.

Элли пришлось ездить в Лондон, чтобы встретиться с ними. Я пока плохо разбирался в финансовых делах. Мне казалось, что говорят они на эти темы с предельной осторожностью. В данном случае речь шла о передаче Элли находившихся в их распоряжении ее капиталов, и тут у нас возникло подозрение, что либо мистер Липпикот тянул с решением вопроса, либо Стэнфорд Ллойд намеренно задерживал отчетность.

В период затишья между их приездами мы с Элли обнаружили "Каприз". До тех пор мы не очень-то исследовали наши владения (за исключением участка, прилегающего к дому). Теперь же мы принялись ходить по тропинкам, проложенным через рощу, смотрели, куда они ведут. Однажды мы шли по тропинке, настолько заросшей, что порой ее просто не было видно. Но мы все-таки прошли по ней до конца, и она привела нас к необычному, белому, похожему на храм строению, которое Элли назвала "Каприз". Было оно в сравнительно приличном состоянии, поэтому мы произвели в нем уборку, покрасили заново стены, поставили туда стол, несколько стульев, диван, угловой буфет, который заполнили посудой, стаканами и бутылками. Все это доставляло нам удовольствие. Элли предложила расчистить тропинку, чтобы легче было туда добираться, но я сказал, что не стоит, куда интереснее, если, кроме нас, никто не будет знать, где это находится. Элли согласилась, решив, что так даже романтичнее.

— Уж Коре-то мы, во всяком случае, ничего не скажем, — заключил я, и Элли не возражала.

Когда мы возвращались оттуда, не в первый раз, а потом, уже после того, как Кора уехала и мы надеялись, что снова наступит мир и покой, Элли, которая шла впереди меня, пританцовывая, вдруг зацепилась за корень дерева и упала, растянув себе связки.

Пришел доктор Шоу и сказал, что, хотя растяжение связок в лодыжке штука малоприятная, через неделю Элли будет ходить. Элли послала за Гретой. Я не стал

возражать. Как следует ухаживать за ней было некому — не нашлось подходящей женщины, хочу я сказать. Слуги у нас были порядочные бездельники, да и сама Элли хотела только Грету.

Приехала Грета. Поистине, она была ниспослана Элли свыше. И мне тоже, между прочим. Она быстро принялась за дело и привела наше хозяйство в полный порядок. Слуги тотчас потребовали расчета, объясняя это тем, что их тяготит безлюдье. Но, по-моему, на самом деле их обидела Кора. Грета дала объявление и почти тотчас наняла супружескую пару. Грета массировала Элли лодыжку, развлекала ее, доставала для нее именно то, что, знала она, понравится Элли: книги, фрукты — мне бы это и в голову не пришло. Они, казалось, просто наслаждались обществом друг друга. Элли была явно счастлива. И Грета не спешила уехать... Она осталась у нас.

— Ты ведь не будешь возражать, правда, — сказала мне Элли, — если Грета поживет у нас еще немного?

— Конечно, нет, — ответил я. — Пусть живет.

— Так удобно, когда она здесь, — добавила Элли. — Знаешь, есть много сугубо женских обязанностей, которые можно выполнять лишь сообща. Я чувствую себя ужасно одинокой, когда рядом нет женщины.

С каждым днем Грета все больше и больше прибирала к рукам наше хозяйство, приглядывала за слугами и отдавала распоряжения. Я делал вид, что мне нравится пребывание Греты, но однажды, когда Элли с поднятой кверху ногой лежала в гостиной, а мы с Гретой сидели на террасе, между нами вдруг вспыхнула ссора. Я не помню точно слов, с которых все началось. Грета сказала что-то, мне не понравившееся, я ответил грубостью. Возник скандал. Мы перешли на крик. Грета дала волю своему языку, высказав в самых нелестных выражениях все, что думала обо мне. Я тоже не остался в долгу, напомнив ей, что она чересчур любит распоряжаться и совать нос в чужие дела, что она слишком

Грета употребляет своим влиянием на Элли, а этого я ни в коем случае не намерен терпеть. Мы заходились в крике, оскорбляя друг друга, как вдруг на террасу, прыгая на одной ноге, вышла Элли и остановилась, попеременно глядя на нас обоих.

— Извини меня, родная. Я очень виноват, — тотчас прекратив крик, сказал я и, войдя в дом, снова уложил Элли на диван.

- Я и понятия не имела, что тебе так не по душе пребывание Греты у нас в доме.

Я успокоил ее как мог, сказав, что не стоит обращать внимания на пустяки — просто я вышел из себя, что я порой бываю очень раздражительным. Все это, сказал я, объясняется тем, что Грета, по-моему, чересчур любит командовать. Быть может, ей это кажется вполне естественным, поскольку за годы пребывания у них в доме она привыкла распоряжаться. А в завершение добавил, что вообще-то Грета мне очень нравится и что я вышел из себя лишь по причине того, что последнее время был огорчен и расстроен. Все кончилось тем, что мне пришлось просить Грету остаться у нас.

Ну и сцену мы устроили! Ее свидетелями стали многие — они не могли не слышать наш крик. И в первую очередь — наш новый дворецкий и его жена. Когда я сержусь, я перехожу на крик. Боюсь только, я переусердствовал. Ни в чем не знаю меры.

Грета, казалось, вся была сосредоточена на заботах о самочувствии Элли, запрещая ей делать то одно, то другое.

— Знаете, она ведь не отличается большим здоровьем, — сказала она мне.

— Правда? По-моему, с ней все в порядке, — возразил я.

— Нет, Майк, она такая хрупкая.

Когда в очередной раз к нам пришел доктор Шоу, чтобы посмотреть лодыжку Элли и сказать, что все

отлично и что можно, покрепче забинтовав лодыжку, гулять, я задал ему идиотский, как это вообще свойственно мужчинам, вопрос:

– Разве у Элли слабое здоровье, доктор Шоу?

– Кто вам это сказал? – Доктор Шоу был из тех врачей, что в наше время встречаются довольно редко, и среди местных жителей заслужил прозвище "Организм сам справится". – Насколько я понимаю, она совершенно здорова, – сказал он. – А растянуть связки может каждый.

– Я говорю не про ее лодыжку. Я спрашиваю, может, у нее плохое сердце или еще что-нибудь в этом духе?

Он посмотрел на меня поверх очков.

– Перестаньте, молодой человек. С чего это вам пришло в голову? Вы, по-моему, не из тех, кого беспокоят женские болезни?

– Я спрашиваю только потому, что об этом сказала мисс Андерсен.

– А, мисс Андерсен! Что она понимает? Разве она училась медицине?

– Нет, – ответил я.

– Ваша жена очень богатая женщина, если верить местным слухам, – сказал он. – Конечно, есть люди, которые считают всех американцев богатыми.

– Моя жена – человек состоятельный, – осторожно заметил я.

– А потому вам хорошо бы помнить следующее. Богатым женщинам свойственна мнительность. Есть врачи, которые, пользуясь этим, постоянно снабжают их порошками и пилюлями, стимулирующими средствами или, наоборот, транквилизаторами, без которых они вполне могли бы обойтись. Деревенские же жительницы чувствуют себя превосходно, ибо их никто такими лекарствами не потчует.

– Она, по-моему, принимает какие-то пилюли, – сказал я.

— Если хотите, я ее посмотрю. Могу заодно узнать, какую дрянь ей прописали. Я всегда говорю своим пациентам: "Выбросите все ваши лекарства на помойку. Организм сам справится".

Перед уходом он поговорил с Гретой.

— Мистер Роджерс попросил меня осмотреть его супругу. Не вижу, правда, для этого особых оснований. Но ей не помешало бы побольше бывать на свежем воздухе. Какие лекарства она принимает?

— У нее есть таблетки на тот случай, если она переутомится, и снотворное.

Грета повела доктора Шоу посмотреть лекарства Элли.

— Я ничего этого не принимаю, доктор Шоу, — улыбнулась Элли. — Кроме средства от аллергии.

Шоу изучил лекарства, посмотрел рецепты и заявил, что не видит в них ничего дурного, а потом взял в руки рецепт на снотворное.

— Вы плохо спите?

— Здесь нет. По-моему, с тех пор как мы сюда переехали, я не выпила ни одной таблетки.

— Очень хорошо. — Он погладил ее по плечу. — Вы совершенно здоровы, моя дорогая. Разве что порой нервничаете чуть больше, чем следует. Вот и все. Пилюли эти сильного действия не оказывают. В наше время их принимали очень многие, и никому не было от них вреда. Продолжайте их принимать, а снотворным лучше не пользоваться.

— Не понимаю, почему я забеспокоился, — виновато признался я. — Наверное, из-за Греты.

— Грета чересчур со мной носится, — засмеялась Элли. — А сама никогда не принимает никаких лекарств. Обещаю тебе, Майк, произвести генеральный смотр всех моих лекарств и большинство из них выкинуть.

Элли подружилась со многими из наших соседей. Довольно часто нас навещала Клодия Хардкасл, и они с Элли нередко ездили вместе верхом. Я не умею сидеть

на лошади. Всю жизнь я имел дело только с автомобилями и прочей техникой. Я ничего не понимаю в лошадях и никогда ими не занимался, за исключением недели-другой, когда в Ирландии выгребал навоз из конюшни, но решил про себя, что, когда мы будем в Лондоне, я пойду в какой-нибудь шикарный манеж и постараюсь обучиться искусству верховой езды. Дома мне начинать не хотелось. Соседи будут надо мной смеяться. Но Элли верховая езда была явно на пользу. По-моему, она получала от этого истинное удовольствие.

Грета поддерживала ее увлечение, хотя сама в лошадях ничего не смыслила.

Элли и Клодия отправились на распродажу, и по совету Клодии Элли купила себе гнедую кобылу по кличке "Игра". Я просил Элли поостеречься, когда она впервые поехала кататься одна, но она только рассмеялась.

– Я езжу верхом с трех лет, – сказала она.

Поэтому два-три раза в неделю Элли обязательно выезжала покататься на лошади. Грета же садилась в машину и отправлялась в Маркет-Чэдуэлл за покупками.

– Ох уж эти ваши цыгане! – как-то сказала за обедом Грета. – Сегодня утром мне попалась на дороге страшная-престрашная старуха. Я чуть ее не задавила. Стояла посреди дороги и не двигалась с места. Пришлось остановиться. А ведь я ехала в гору.

– А что ей было надо?

Элли слушала, но не вмешивалась. По-моему, она заволновалась.

– Такая нахалка! Посмела мне угрожать, – сказала Грета.

– Вам? – воскликнул я.

– Велела убираться из здешних мест. "Эта земля принадлежит цыганам, – сказала она. – Убирайся отсюда! Все вы убирайтесь отсюда. Если вам дорога жизнь, уезжайте, откуда приехали!" И погрозила мне кулаком. "Если я тебя прокляну, – сказала она мне, –

то не будет тебе счастья всю оставшуюся жизнь. Вы покупаете нашу землю да еще разводите на ней лошадей! Не бывать лошадям там, где должны стоять цыганские шатры!"

На этом Грета умолкла. После обеда Элли, чуть хмурясь, сказала:

– Тебе все это не кажется странным, Майк?

– По-моему, Грета немного преувеличивает, – отозвался я.

– И мне ее слова почему-то кажутся неправдоподобными, – сказала Элли. – Не выдумала ли она все это, а?

– Для чего? – в раздумье ответил я. И спросил в упор: – А ты последнее время не встречала нашу Эстер? Когда ездила верхом?

– Эту цыганку? Нет.

– Ты уверена?

– Где-то я ее вроде видела, – призналась Элли. – Мне казалось, что она выглядывает из-за деревьев, однако вблизи она ни разу не появлялась.

Но однажды Элли вернулась из поездки домой бледная и дрожащая. Старуха вышла из леса. Натянув вожжи, Элли остановилась поговорить с ней. Но старуха, сказала она, только трясла кулаком и что-то бормотала. На этот раз я разозлилась, сказала Элли, и спросила у нее: "Что вам здесь надо? Эта земля вам не принадлежит. Это наша земля и наш дом".

И тогда старуха сказала: "Эта земля никогда не будет вашей, никогда не будет вам принадлежать. Я уже раз предупредила тебя, а сейчас предупреждаю второй раз. Третьего предупреждения не будет. Смерть не заставит себя ждать, говорю тебе. Я вижу ее. Она недалеко, она у тебя за спиной. Она приближается к тебе и скоро тебя настигнет. У твоей лошади белая нога. Разве тебе не известно, что ездить верхом на лошади с белой ногой – плохая примета? Я вижу, как идет смерть и как твой новый дом превращается в руины".

– Пора с этим кончать! – разозлился я.

На этот раз Элли было не до смеха. Они обе с Гретой выглядели грустными. Я отправился в деревню. Сначала я подошел к дому миссис Ли. С минуту я постоял возле калитки, но так как в доме не было света, я отправился в полицию. С сержантом Кином я уже был знаком. Сержант, коренастый, рассудительный мужчина, выслушав меня, сказал:

– Очень сожалею, что так получилось. Миссис Ли – старая женщина и может наболтать глупостей. Но до сих пор у нас с ней не было никаких недоразумений. Я ее вызову, поговорю, скажу, чтобы она к вам не приставала.

– Буду вам признателен, – сказал я.

С минуту он помолчал, а потом сказал:

– Не хотелось бы наводить вас на мрачные мысли, мистер Роджерс, но не кажется ли вам, что в наших местах есть кто-то, кому по какой-то, пусть незначительной, причине мешаете вы или ваша жена?

– Нет. А почему вы спросили?

– У старой миссис Ли последнее время завелись деньги. Не знаю откуда...

– И что вы предполагаете?

– Что кто-то ей платит. Кто-то, кому нужно выжить вас отсюда. Много лет назад был такой случай. Она взяла у кого-то в деревне деньги, чтобы выжить соседа. Делала то же самое: угрожала, пугала, пророчила. Деревенские жители суеверны. Вы не поверите, в скольких английских деревнях считают, что есть, к примеру, ведьмы. Тогда миссис Ли строго предупредили, и с тех пор, насколько мне известно, она подобной деятельностью не занималась, но кто ее знает? Она любит деньги... И за деньги может пойти на многое...

Но я не мог согласиться с сержантом.

– Нас ведь здесь никто не знает, – сказал я. – У нас еще не было времени завести врагов, – объяснил я.

Обеспокоенный и озадаченный, я поплелся обратно домой. Завернув за угол террасы, я услышал треньканье

гитары Элли, а от дома отделился и пошел мне навстречу высокий человек, который стоял, заглядывая в окно. На мгновенье мне показалось, что это наша цыганка, но потом я узнал Сэнтоникса.

— Оказывается, это вы? — удивился я. — Откуда вы явились? Мы давно о вас ничего не слышали.

Он ответил мне не сразу. Взяв меня за руку, он отвел меня в сторону.

— Значит, она здесь! — сказал он. — Все понятно! Я знал, что рано или поздно она появится. Зачем вы ее впустили? Она человек опасный. Вам следовало бы об этом знать.

— О ком вы говорите? Об Элли?

— Нет, не об Элли. О другой. Как ее зовут? О Грете.

Я молча смотрел на него.

— Вам известно, что собой представляет эта Грета? Она явилась сюда и захватила власть, так? Теперь вы от нее не отделаетесь! Она останется здесь навсегда!

— У Элли растяжение связок на ноге, — объяснил я. — Вот Грета и приехала ухаживать за ней. Она... По-моему, она скоро уедет.

— Откуда вам знать? Она всегда стремилась сюда приехать. Я это чувствовал. Я ее раскусил, когда она приезжала сюда во время строительства.

— Элли, по-моему, ее любит, — пробормотал я.

— О да, она ведь одно время жила у Элли, верно? И умеет влиять на Элли.

То же самое сказал и Липпинкот. В последнее время я сам убедился, насколько справедливы эти слова.

— Она вам нужна здесь, Майк?

— Не могу же я выбросить ее из дому, — разозлился я. — Она давняя приятельница Элли. Ее лучший друг. Что я, черт побери, могу сделать?

— Да, — согласился Сэнтоникс, — вы и вправду ничего не можете сделать.

И посмотрел на меня. Очень странным взглядом. Я так и не понял, что означали его последние слова.

– Вы понимаете, Майк, что вы делаете? – спросил он. – Есть у вас какое-либо представление? Иногда мне кажется, что вы об этом и понятия не имеете.

– Конечно, понимаю, – ответил я. – Я делаю то, что мне хочется. И иду, куда хочется.

– Да? Интересно. Но понимаете ли вы на самом деле, чего вы хотите? Я боюсь за вас из-за Греты. Она сильнее вас.

– Не понимаю, что из этого следует. Не все ли равно, кто сильнее.

– Вы так думаете? У меня же другое мнение. Она сильный человек, из тех, кто всегда добивается своего. По-моему, вы вовсе не рассчитывали, что она будет жить вместе с вами. Так вы говорили. Однако она здесь, и я наблюдал за ними. Они с Элли проводят время вместе, чувствуют себя свободно, болтают, смеются. А кто вы, Майк? Какую роль вы играете? Гостя?

– О чем вы говорите? Рехнулись вы, что ли? Какой я гость? Я муж Элли.

– Вы – муж Элли или Элли – ваша жена?

– Что за глупость? – спросил я. – Разве это не одно и то же?

Он вздохнул. И плечи его вдруг обвисли, словно из них ушла вся сила.

– Вы меня не понимаете, – сказал Сэнтоникс. – Я не могу до вас достучаться. Не могу заставить услышать меня. Иногда мне кажется, что вы кое-что понимаете, а иногда – что вы ничего не понимаете, ни в себе, ни в других.

– Послушайте, – сказал я, – до сих пор я терпеливо слушал вас, Сэнтоникс. Вы замечательный архитектор... но...

На его лице появилось странное выражение.

– Да, – подтвердил он, – я хороший архитектор. И этот дом – мое лучшее творение. Построив его, я был почти удовлетворен. Вы ведь хотели такой дом. И Элли тоже – чтобы жить в нем с вами. Она получила то, что

хотела, и вы тоже. Выгоните другую женщину, Майк, пока не поздно.

— Как я могу огорчить Элли?

— Эта женщина сделает с вами, что пожелает, — сказал Сэнтоникс.

— Послушайте, — принялся объяснять я, — мне Грета тоже не нравится. Она действует мне на нервы. На днях мы с ней жутко поругались. Но выгнать ее не так просто, как вы думаете.

— Да, я знаю, что с ней не просто совладать.

— Тот, кто назвал это место Цыганским подворьем и сказал, что на нем лежит проклятье, наверное, сделал это нарочно, — рассердился я. — Из-за деревьев нам навстречу выскакивают цыгане, грозят кулаком и предупреждают, что если мы не уберемся отсюда, то нас ждет нечто страшное. Это место должно быть прекрасным и светлым.

Мне странно было слышать свои собственные слова. Я произнес их так, будто говорил кто-то другой.

— Да, оно должно быть таким, — согласился Сэнтоникс. — Должно, но не будет, если им владеет какая-то нечистая сила.

— Неужели вы в самом деле верите?..

— Я верю во многое... Мне известно кое-что про нечистую силу. Неужели вы до сих пор не поняли, не почувствовали, что во мне тоже живет нечистая сила? И жила всегда. Вот почему я знаю. Я чувствую, когда она рядом, хотя не всегда знаю в ком... Я хочу, чтобы дом, который я построил, был свободен от нечистой силы, понятно? — В его голосе появилась угроза. — Понятно? Для меня это имеет значение.

Внезапно его поведение резко изменилось.

— Пошли, — сказал он. — Хватит говорить глупости. Пошли повидаем Элли.

Мы вошли через огромное, распахнутое окно, и Элли радостно бросилась навстречу Сэнтониксу.

В тот вечер Сэнтоникс был, как всегда, мил и любе-

зен. Никакого наигрыша — он был самим собою, обязательным и веселым. Разговаривал он больше с Гретой, словно проверяя на ней свое умение покорять людей. Казалось, будто он пребывает под впечатлением от нее, будто она ему очень нравится, будто он жаждет доставить ей удовольствие. Это вызвало у меня чувство опасения: в Сэнтониксе было что-то такое, чего я не сумел разглядеть.

Грета всегда реагировала на особое к себе внимание. И демонстрировала себя в лучшем свете. Она умела, когда надо, притушить свою красоту или высветить ее, и в тот день она была такой красивой, какой я ее никогда не видел. Она улыбалась Сэнтониксу и слушала его как зачарованная. Интересно, думал я, чего он добивается? Никогда не знаешь, чего от него ждать. Элли сказала, что надеется, он поживет у нас несколько дней, но он покачал головой. Ему нужно уехать на следующий день, объяснил он.

— Вы что-нибудь сейчас строите? Чем-то заняты?

Нет, отвечал он. Он только что вышел из больницы.

— Подлатали меня в очередной раз, — сказал он. — Боюсь только, в последний.

— Подлатали? А что вам делали?

— Выкачали из меня всю плохую кровь и заменили ее свежей, алой кровью, — ответил он.

— Ох! — вздрогнула Элли.

— Не беспокойтесь, с вами такого не случится, — заверил ее Сэнтоникс.

— Но почему это случилось с вами? — спросила Элли. — Почему судьба к вам так жестока?

— Разве жестока? — удивился Сэнтоникс. — Я слышал, как вы только что пели:

Вот что нужно знать всегда:
Слитны радость и беда.
Знай об этом — и тогда
Не споткнешься никогда.

Вот я и не споткнусь, потому что знаю, зачем я рожден. А вас, Элли,

Темной ночью и чуть свет
Люди явятся на свет,
Люди явятся на свет,
А вокруг — ночная тьма.
И одних ждет Счастья свет...

Вас ждет счастья свет.

— Хорошо, когда живешь без страха, — вдруг ни с того ни с сего сказала Элли.

— А что, разве вам страшно?

— Я боюсь, когда мне угрожают, — ответила Элли. — И когда на меня насылают проклятья.

— Вы говорите о вашей цыганке?

— Да.

— Забудьте о ней, — сказал Сэнтоникс. — Забудьте хоть на сегодняшний вечер. Будем счастливы, Элли. За ваше здоровье! Долгой вам жизни, а мне — быстрого и легкого конца. Майку тоже желаю счастья, а... — Он умолк, подняв стакан перед Гретой.

— Итак, — сказала Грета, — что мне?

— А вам — пусть сбудется то, что вам суждено! Удача, наверное? — добавил он с насмешкой.

Ранним утром Сэнтоникс уехал.

— Странный он человек, — заметила Элли. — Я его никогда не понимала.

— А я не понимаю и половины того, что он говорит, — отозвался я.

— Но он знает, о чем говорит, — задумалась Элли.

— Ты хочешь сказать, что он способен предсказывать будущее?

— Нет, — ответила Элли, — я не об этом. Он разбирается в людях. Я уже тебе об этом говорила. Он знает людей лучше, чем они знают самих себя. Из-за этого одних он ненавидит, а других жалеет. Однако меня ему почему-то не жаль, — опять задумчиво добавила она.

– А почему он должен тебя жалеть? – заинтересовался я.

– Потому что... – так и не закончила фразу Элли.

16

На следующий день я быстрым шагом шел по нашей роще в самой ее чащобе, там, где тень от сосен особенно густа, как вдруг увидел на просеке высокую женщину. Я инстинктивно отпрянул в сторону, не сомневаясь, что это наша цыганка. Каково же было мое изумление, когда я понял, кто передо мной. Это была моя мать. Высокая, суровая, седовласая.

– Господи боже, – воскликнул я, – ты меня прямо напугала, мама. Что ты здесь делаешь? Приехала к нам? Мы ведь тебя уже давно приглашали.

Честно говоря, мы ее вовсе не приглашали. Один раз я послал ей довольно равнодушное письмо – вот и все. Причем я постарался изложить приглашение в таких выражениях, чтобы мать его, естественно, не приняла. Я не хотел, чтобы она сюда приезжала. Я никогда не искал ее общества.

– Совершенно верно, – ответила она. – Наконец-то я выбралась вас навестить. Убедиться, что у тебя все в порядке. А это, значит, тот шикарный дом, который вы построили? Он и вправду шикарный, – кисло добавила она, глядя куда-то в сторону.

В ее голосе слышалось осуждение, что, впрочем, не было для меня неожиданностью.

– Слишком шикарный для такого, как я? – спросил я.

– Я этого не сказала, сынок.

– Но подумала.

– Не для этого ты был рожден, и то, что ты оторвался от своей среды, добром не кончится.

– Тебя послушать, так вообще надо сидеть и ждать манны небесной.

– Да, мне известно, что ты так считаешь, но я что-то не помню случая, когда честолюбие сослужило бы человеку службу. Это такая штука, от чего человек гниет заживо.

– Ради бога, хватит каркать, – рассердился я. – Пошли. Сама посмотришь наш шикарный дом и познакомишься с моей шикарной женой, и увидим, будешь ли ты и тогда воротить нос.

– С твоей женой? Я с ней знакома.

– Как знакома? – не сразу понял я.

– Разве она тебе ничего не сказала?

– Что именно? – спросил я.

– Что она была у меня.

– Была у тебя? – ничего не соображал я.

– Да. В один прекрасный день раздался звонок в дверь, я открыла, и там стояла и боязливо смотрела на меня очень славная на вид девушка, да еще разодетая в пух и прах. "Вы мама Майка?" – спросила она. "Да, – ответила я. – А вы кто?" "А я его жена, – сказала она. – Я пришла познакомиться с вами. По-моему, нехорошо, что я не знакома с матерью моего мужа..." "Держу пари, он не хотел, чтобы вы приходили, – сказала я и, поскольку она промолчала, добавила: – Можете мне ничего не говорить, но я своего сына знаю, и мне известно, чего он хочет и не хочет". На что она ответила: "Вы, наверное, думаете, что он вас стыдится, потому что вы бедные, а я богатая, но это не так. Он совсем не такой. Честное слово". На что я сказала: "Не учи меня, девочка. Я отлично знаю все недостатки моего сына. Но такого недостатка у него нет. Он не стыдится своей матери и среды, из которой вышел. Он не стыдится меня, – сказала я ей. – Он, скорей, меня боится. Я знаю про него слишком много". Эти слова, по-видимому, показались ей забавными. "Матери, наверное, всегда думают, что знают все про своих сыновей. А сыновья, наверное, этого очень стесняются".

"Отчасти это верно, – сказала я. – Когда человек

молод, он всегда прикидывается не тем, кто он есть. Я сама так вела себя, когда была ребенком и жила у тетки. Но на стене над моей постелью в золоченой раме висела картина, изображавшая огромный глаз. И надпись: "Господь видит тебя". У меня мурашки бежали по спине, когда я ложилась спать".

– Элли должна была предупредить меня, что побывала у тебя, – сказал я. – Почему она держала это в секрете, не понимаю. Ей обязательно следовало поставить меня в известность.

Я разозлился. Ужасно разозлился. Я и не подозревал, что у Элли могут быть секреты от меня.

– Ее, наверное, напугал собственный поступок, но ей нечего скрывать от тебя, сынок.

– Пошли, – повторил я. – Пошли, посмотришь наш дом.

Не знаю, понравился ей дом или нет. По-моему, нет. Высоко подняв брови, она прошлась по комнатам и затем очутилась в той, что примыкала к террасе. Там сидели Элли и Грета. Они только что вернулись из сада, и Грета еще не успела снять свою алую шерстяную накидку. Мать, окинув взглядом обеих, остановилась в дверях как вкопанная. Элли вскочила и кинулась к ней.

– Миссис Роджерс! – воскликнула она. И повернулась к Грете: – Мама Майка приехала посмотреть наш дом. Как замечательно! А это – моя приятельница Грета Андерсен.

Она схватила руки матери в свои, а мать, улыбнувшись ей, принялась сосредоточенно разглядывать Грету.

– Понятно, – произнесла она, словно самой себе. – Понятно.

– Что вам понятно? – заинтересовалась Элли.

– Я все думала, – ответила мама, – все думала, что тут делается. – Она огляделась. – Да, дом у вас замечательный. И какие красивые занавеси, мебель и картины!

– Будете пить чай? – спросила Элли.

– Вы-то, похоже, уже отпили чай.

— Чай можно пить в любое время, — сказала Элли. И обратилась к Грете: — Не хочется звонить, звать слуг. Будь добра, Грета, сходи на кухню и завари свежего чая.

— С удовольствием, дорогая, — откликнулась Грета и выскользнула из комнаты, окинув мать быстрым, чуть испуганным взглядом.

Мать опустилась в кресло.

— А где ваши вещи? — забеспокоилась Элли. — Вы поживете у нас? Мы будем очень рады.

— Нет, девочка, я не останусь у вас. Через полчаса у меня поезд. Я хотела только взглянуть, как тут у вас. — И быстро договорила, по-видимому желая высказаться пока Греты не было в комнате: — Не беспокойся, Майк. Я рассказала ему, как ты приходила ко мне, чтобы помириться со мной.

— Извини меня, Майк, что я тебе об этом не сказала,— решительно произнесла Элли. — Я считала, что лучше умолчать.

— Она пришла ко мне только потому, что у нее доброе сердце, — защищала ее мать. — Очень хорошая девочка — твоя жена, Майк, и к тому же красивая. Да, очень красивая. — И еле слышно добавила: — Извините меня.

— За что? — удивилась Элли.

— За то, что было у меня на уме, — ответила мать и с усилием добавила: — Говорят, все матери такие. На сноху смотрят с недоверием. Но, увидев тебя, девочка, я поняла, что ему повезло. Трудно поверить, но, видать, на этот раз я ошиблась.

— Какая наглость! — весело вознегодовал я. — У меня всегда был отличный вкус.

— У тебя всегда был вкус к дорогим вещам — это верно, — поправила меня мать, поглядев на парчовые занавески.

— Признаться, и я их люблю, — улыбнулась Элли.

— Время от времени, — посоветовала ей мать, — заставляй его экономить. Ему это будет только на пользу.

– Не надо меня заставлять, – сказал я. – Хорошая жена должна считать, что все, чего бы ни делал муж, идет только на благо. Правда, Элли?

Личико Элли сияло от счастья.

– Не кажется ли тебе, Майк, – засмеялась она, – что ты себя переоцениваешь?

Грета внесла чайник. Мы только-только отделались от того ощущения неловкости, которое владело нами поначалу, но, как только Грета появилась, вернулось и это чувство. Мать решительно пресекла все попытки Элли уговорить ее остаться у нас, и через некоторое время Элли перестала настаивать. Мы с ней проводили мать по тенистой аллее, что вела к воротам.

– Как это место называется? – вдруг спросила мать.

– Цыганское подворье, – ответила Элли.

– А, да! – словно вспомнила мать. – У вас тут что, живут цыгане?

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Я встретила цыганку, когда шла к вам. Она почему-то странно на меня посмотрела.

– Она вообще-то невредная, – заметил я. – Только немного с приветом.

– Почему ты считаешь, что она с приветом? – Мать с легкой усмешкой посмотрела на меня. – Она что, затаила на вас обиду?

– Мы ничем ее не обидели, – сказала Элли. – Просто она придумала, будто мы выгнали ее с ее земли или что-то в этом духе.

– Наверное, хочет на этом заработать, – решила мать. – Цыгане все такие. Поднимают скандал, рассказывая всем направо и налево, как их обидели. Но как только сунешь им монету, сразу умолкают.

– Вы не любите цыган, – сделала вывод Элли.

– Воровatые они больно. Работать на одном месте не хотят, вот и подбирают все, что плохо лежит.

– Мы... – начала Элли. – Мы стараемся о ней не думать.

Мать попрощалась, а потом спросила:

— А кто эта молодая женщина, что живет с вами?

Элли объяснила, что Грета до нашей женитьбы три года провела у них в доме и что, если бы не Грета, жизнь у нее была бы ужасной.

— Грета нам очень помогает. Она замечательный человек, — сказала Элли. — Я просто не представляю, что бы делала без нее.

— Она живет с вами или приехала погостить?

Элли не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Она... В настоящее время она живет с нами, потому что я растянула связки и вынуждена была пригласить кого-нибудь ухаживать за мной. Но сейчас я уже поправилась.

— Молодоженам лучше жить одним, — заметила мать.

Мы стояли у ворот и смотрели, как мать спускается вниз с холма.

— Сильный у нее характер, — задумчиво сказала Элли.

Я был сердит на Элли, очень сердит за то, что она, не предупредив меня, поехала и разыскала мою мать. Но когда она повернулась и посмотрела на меня, чуть приподняв одну бровь, с забавной полуробкой, полудовольной улыбкой маленькой девочки, я не мог не улыбнуться.

— Ну и обманщица же ты, — сказал я.

— Порой приходится ею быть, — ответила Элли.

— Прямо как у Шекспира в пьесе, в которой я однажды участвовал. Ее ставили у нас в школе. — И я смущенно процитировал: — "Отца ввела в обман, тебе солжет"[1].

— Кого ты играл? Отелло?

— Нет, — ответил я. — Отца Дездемоны. Поэтому я и помню эти слова.

— "Отца ввела в обман, тебе солжет", — в раздумье

[1] "Отелло", акт I, сцена 1. Перевод Б. Пастернака.

повторила Элли. – Я же, насколько мне помнится, ни разу не обманула своего отца. Может, если бы он прожил подольше, и обманула.

– Мне думается, он бы отнесся к нашему браку не более благосклонно, чем твоя мачеха, – сказал я.

– Я тоже так думаю, – отозвалась Элли. – Он, по-моему, был привержен условностям. – И опять она забавно улыбнулась улыбкой маленькой девочки. – Поэтому мне, наверное, пришлось бы, как Дездемоне, обмануть отца и бежать из дому.

– Почему тебе так хотелось повидаться с моей матерью, Элли? – полюбопытствовал я.

– Дело вовсе не в том, что мне хотелось повидаться с нею, – ответила Элли. – Меня мучило, что я не знакома с ней. Ты не очень часто говорил о своей матери, но из того немногого, что я слышала, я поняла, что она всегда старалась делать для тебя все, что было в ее силах. Много работала, чтобы ты подольше учился, и помогала, чем могла. Вот я и подумала, что если я сама к ней не поеду, то она сделает вывод, что я кичусь своим богатством.

– Твоей вины тут не было бы, – сказал я. – Скорее, виноват я.

– Да, – согласилась Элли и добавила: – Я ведь понимаю, почему ты не хотел, чтобы я познакомилась с твоей матерью.

– Думаешь, у меня комплекс неполноценности из-за матери? Ничего подобного, уверяю тебя, Элли. Ни в коем случае.

– Пожалуй, – задумалась Элли, – теперь я это понимаю. Ты не хотел, чтобы она при мне читала тебе нравоучения.

– Какие нравоучения? – недоумевал я.

– Теперь я вижу, – продолжала Элли, – что она из тех людей, которые хорошо знают, чем следует заниматься другим. Она ведь в свое время, наверное, наставляла тебя, советуя, какую работу ты должен искать.

– Совершенно верно, – сказал я. – Главное, постоянную, чтобы сидеть на одном месте.

– Ну а сейчас все это уже не имеет никакого значения, – продолжала Элли. – Я не сомневаюсь, что она желала тебе только добра. Но, к сожалению, плохо знала тебя, Майк. Ты не способен долго сидеть на одном месте. И размеренная жизнь тоже не по тебе. Ты хочешь ездить, смотреть и делать то, что нравится, то есть по-своему блаженствовать.

– Я хочу жить с тобой в этом доме, – сказал я.

– Некоторое время, вполне возможно... И мне думается... Мне думается, ты всегда будешь стремиться вернуться сюда. И я тоже. Мы будем приезжать сюда каждый год и здесь быть более счастливыми, чем в любом другом месте. Но сидеть на одном месте ты не сможешь. Ты захочешь путешествовать, видеть мир, приобретать вещи. Например, если у тебя появится желание разбить здесь сад, мы поедем смотреть сады в Италии, в Японии и в других странах.

– Ты обещаешь мне жизнь, полную чудес, Элли, – сказал я. – Извини, что я рассердился на тебя.

– Я разрешаю тебе сердиться на меня, – сказала Элли. – Я тебя не боюсь. – И, чуть нахмурившись, добавила: – Твоей матери Грета не понравилась.

– Грета многим не нравится, – согласился я.

– В том числе и тебе.

– Послушай, Элли, зачем ты все время напоминаешь об этом? Ведь это неправда. Сначала я немного ревновал к ней – вот и все. А сейчас мы с ней в очень хороших отношениях. – И добавил: – Она, наверное, из тех, кто вызывает у людей желание защищаться.

– Мистеру Липпинкоту она тоже не нравится, верно? Он считает, что она имеет на меня слишком большое влияние, – сказала Элли.

– А это действительно так?

– Интересно, почему ты спрашиваешь? Да, пожалуй, это так. Что вполне естественно. У нее довольно сильный

характер, а мне хочется иметь при себе человека, которому я могу доверять и на которого могу положиться. И кто в любой момент придет мне на защиту.

– То есть поддержит в желании добиться своего? – усмехнулся я.

И мы рука об руку вошли в дом. Не знаю почему, но в тот день в доме было сумрачно. Наверное, потому, что солнце уже ушло с террасы, оставив после себя ощущение тьмы.

– Что случилось, Майк? – спросила Элли.

– Не знаю, – ответил я. – Мне вдруг сделалось холодно.

– Словно мороз по коже пробежал – есть такое выражение, да? – спросила Элли.

Греты в доме не было. Слуги сказали, что она пошла гулять.

Теперь, когда моя мать узнала про нашу женитьбу и познакомилась с Элли, я сделал то, что уже некоторое время собирался сделать. Я послал ей чек на большую сумму. Велел перебраться в дом получше и купить из обстановки то, чего ей не хватало. Я, конечно, не был уверен, примет ли она чек или нет. Эти деньги я не заработал и не мог даже прикинуться, будто они принадлежат мне. Как я и ожидал, она вернула разорванный пополам чек с запиской. "Мне эти деньги не нужны, – писала она. – Каким ты был, таким и останешься. Больше я в этом не сомневаюсь. Да поможет тебе бог". Я швырнул записку Элли.

– Посмотри, какая у меня мать, – сказал я. – Из-за того, что я женился на богатой и живу на деньги моей жены, старуха готова сжить меня со свету.

– Не волнуйся, – ответила Элли. – Так рассуждает не она одна. Ничего, со временем оттает. Она тебя очень любит, Майк, – добавила она.

– Тогда почему она все время требует от меня, чтобы я изменился? Чтобы стал таким же, как она? Я –

это я. И никем другим не стану. Я уже не мальчик, чтобы она могла лепить меня по своему образу и подобию. Я взрослый человек. Какой есть, таким и буду!

– Будешь, будешь, – согласилась Элли. – И я тебя люблю.

И затем, наверное чтобы меня отвлечь, она спросила нечто, еще больше меня обеспокоившее:

– Что ты думаешь о нашем новом дворецком?

Я ничего о нем не думал. Да и что было о нем думать? Кстати, я считал, что он куда лучше нашего прежнего дворецкого, который даже не старался скрыть, что презирает меня за мое общественное положение.

– Вполне порядочный человек, – ответил я. – А почему ты спрашиваешь?

– Мне только что пришло в голову, не из охранников ли он.

– Из охранников? О чем ты говоришь?

– Не нанял ли дядя Эндрю детектива, подумалось мне.

– Для чего?

– Вдруг кто-нибудь решит меня украсть. В Штатах у нас всегда были охранники, особенно в загородных резиденциях.

Еще один минус в жизни богачей, о котором я и представления не имел!

– Какая чудовищная мысль!

– Не знаю... Я-то к этому привыкла. А в чем дело? На это не стоит обращать внимания.

– А его жена тоже охранница?

– Вполне возможно, хотя готовит она отлично. Дядя Эндрю, а может, и Стэнфорд Ллойд – не знаю, кому пришла в голову эта мысль, – должно быть, немало заплатили нашим прежним слугам, чтобы они ушли, а тем временем приготовили эту пару. Проделать все это большого труда не составило.

– И ничего тебе не сказали? – не мог поверить я.

– Они и не собирались мне говорить. Я ведь могла

поднять шум. Конечно, вполне возможно, что я ошибаюсь, — задумчиво произнесла она. — Хотя когда вокруг тебя всю жизнь крутятся подобные люди, ты волей-неволей обучаешься их отличать.

— Бедная маленькая богачка, — зло сказал я.

Элли ничуть не обиделась.

— Весьма подходящее определение, — согласилась она.

— Каждый раз я обнаруживаю в тебе все новые и новые качества, — признался я.

17

Удивительная вещь — сон. Ложишься спать с мыслями о цыганах, о шпионах и детективах, засланных в твой дом, об угрозе похищения и еще о сотне других вещей, а как только засыпаешь, все эти мысли исчезают, испаряются. Ты путешествуешь по каким-то неведомым странам, и, когда просыпаешься, мир выглядит совсем иначе. Ни страхов, ни дурных предчувствий. Вот и я, проснувшись утром семнадцатого сентября, испытывал воодушевление.

"Чудесный день! — убежденно сказал я себе. — Мне предстоит чудесный день". Я не кривил душой. Я был похож на тех людей из рекламных объявлений, которые зовут вас поехать куда угодно и делать что угодно. Я припомнил все, что было запланировано на этот день. Мы с майором Филпотом договорились встретиться на распродаже, которая должна была состояться в особняке, расположенном милях в пятнадцати от нас. Там имелись весьма неплохие вещи, и я уже отметил для себя в каталоге две-три позиции. Все это меня порядком наэлектризовало.

Филпот недурно разбирался в старинной мебели и серебре, но вовсе не потому, что был натурой артистической, скорее, наоборот, а просто потому, что знал в

этом толк. В его семье все в этом разбирались.

За завтраком я еще раз просмотрел каталог. Элли спустилась вниз уже в костюме для верховой езды. Теперь по утрам она часто ездила верхом – иногда одна, иногда в компании с Клодией. Как у многих американцев, у нее была привычка завтракать только кофе и стаканом апельсинового сока. Я же теперь, поскольку нужды сдерживать себя не было, на манер английского сквайра обязательно заказывал горячее, причем несколько блюд сразу. В то утро я ел почки, а потом жаренную с беконом колбасу. Очень вкусно.

– А вы что собираетесь делать, Грета? – спросил я.

Грета ответила, что должна встретиться с Клодией Хардкасл на станции в Маркет-Чэдуэлле, откуда они отправятся в Лондон на распродажу белья. Я спросил, какого белья – дамского?

Поглядев на меня с презрением, Грета объяснила, что они едут на распродажу постельного белья и полотенец. В присланном ей недавно каталоге специализированного магазина на Бонд-стрит обещались весьма низкие цены.

– Если Грета на целый день уезжает в Лондон, то почему бы тебе не встретиться с нами у "Джорджа" в Бартингтоне? В этом ресторане, по словам Филпота, неплохо кормят. Он тоже хотел бы, чтобы ты приехала. В час дня. Надо проехать через Маркет-Чэдуэлл и мили через три повернуть. Там, по-моему, есть указатель.

– Ладно, – согласилась Элли. – Приеду.

Я помог ей сесть на лошадь и смотрел ей вслед, пока она не исчезла за деревьями. Элли любила ездить верхом. Она поднималась по одной из петляющих троп, спускалась в низину и там мчалась во весь опор. Я оставил ей маленькую машину, потому что ее было легче запарковать, а сам сел в большой "крайслер" и явился в Бартингтон как раз к началу распродажи. Филпот был уже там и занял мне место.

– Есть недурные вещи, – сказал он. – Две отличные

картины: Ромни и Рейнольдс. Вас они интересуют?

Я отрицательно покачал головой. В ту пору меня привлекали только современные художники.

– Приехало несколько перекупщиков, – продолжал Филпот. – Двое из Лондона. Видите вон там худого человека с поджатыми губами? Это Крессингтон. Очень известная личность. А ваша жена с вами не приехала?

– Нет, – ответил я, – ее не очень занимают распродажи. И кроме того, мне не хотелось, чтобы она приезжала сюда нынче утром.

– Почему?

– Хочу сделать ей сюрприз, – объяснил я. – Вы обратили внимание на номер сорок два?

Он взглянул в каталог, а потом через комнату на вещи.

– Хм. Письменный стол из папье-маше? Довольно красивая вещичка. Просто великолепная работа. Да еще письменный стол! Редко встречается. Бюваров вот полно. А это старинная вещь. Никогда такой не видел.

Крышка стола была с инкрустацией, изображающей Виндзорский замок, а по бокам – букеты из роз, украшенных трилистником.

– И в отличном состоянии, – заметил Филпот, с любопытством посмотрев на меня. – Никогда бы не подумал, что у вас вкус к таким вещам...

– Да нет, – улыбнулся я. – На мой взгляд, эта вещь чересчур изысканная и причудливая. Но Элли такой стиль нравится. На следующей неделе у нее день рождения, вот я и решил сделать ей сюрприз. Поэтому мне и не хотелось, чтобы она была здесь. Но я знаю, что лучшего подарка для нее не сыскать. Она будет в восторге.

Мы вошли, сели, и распродажа началась. За стол, которым я интересовался, запросили довольно дорого. Оба перекупщика из Лондона очень им заинтересовались, хотя один из них так умело скрывал свою заинтересованность, что с трудом можно было заметить, как он качнул

каталогом, подавая знак аукционисту, который зорко следил за ним, что выходит из игры. Еще я купил резной чиппендейлский стул, который, как мне казалось, будет неплохо смотреться у нас в холле, и парчовые занавеси в довольно приличном состоянии.

– Вижу, аукцион вам понравился, – заметил Филпот, поднимаясь с места, когда аукционист объявил об окончании утренней распродажи. – Во второй половине дня тоже приедете?

– Нет, – покачал я головой. – Больше меня там ничего не интересует. Будут торговать в основном мебелью и коврами.

Я так и думал. Что ж... – Он взглянул на часы. – Нам, пожалуй, пора. Элли будет ждать нас у "Джорджа"?

– Да, она обещала подъехать.

– А эта мисс Андерсен?

– Грета уехала в Лондон, – сказал я. – Отправилась на распродажу постельного белья. По-моему, вместе с мисс Хардкасл.

– А, да, Клодия на днях что-то говорила об этом. Нынче цены на простыни и прочие вещи стали просто чудовищными. Знаете, сколько стоит полотняная наволочка? Тридцать пять шиллингов. А когда-то мы платили по шесть шиллингов за штуку.

– Откуда вам известны цены на предметы домашнего обихода? – удивился я.

- Слышу, как жалуется моя жена, – улыбнулся Филпот. – Вы превосходно выглядите, Майк. У вас такой жизнерадостный вид.

– Потому что я купил этот стол из папье-маше, – объяснил я. – Во всяком случае, и от этого. Сегодня я с самого утра чувствую себя счастливым, знаете, как бывает, когда все идет как по маслу.

– Гм, – отозвался Филпот, – будьте осторожны. Говорят, такое состояние обычно предвещает беду.

– Мало ли что говорят, – возразил я.

– Умерьте вашу радость, молодой человек, – по-

ответовал Филпот, — а не то и вправду недалеко до беды.

— Я в эти глупости не верю, — заявил я.

— А как насчет предсказаний цыган?

— Последнее время нашей цыганки что-то не видно, — сказал я. — С неделю уже, во всяком случае.

— Уехала куда-нибудь, — предположил Филпот.

Он спросил меня, подвезу ли я его. Я ответил, что, конечно, подвезу.

— А то зачем попусту гонять обе машины? Когда будем возвращаться, вы меня здесь высадите, ладно? А что, Элли приедет тоже на машине?

— Да, на малолитражке.

— Надеюсь, у "Джорджа" нас на славу накормят, — сказал майор Филпот. — Я голоден.

— Вы что-нибудь купили? — спросил я. — Я так увлекся, что ничего кругом не замечал.

— Да, вы с такой страстью отдались торговле, что даже перестали замечать, как ведут себя перекупщики. Нет, я ничего не купил. Поторговался немного, но все оказалось куда выше той цены, которую я готов был заплатить.

Я знал, что, хотя Филпоту принадлежало много земли в округе, денежный его доход был невелик. Он был одновременно и бедняком, и крупным землевладельцем. Чтобы располагать наличными, он был бы вынужден продать часть своих владений, но он этого делать не собирался. Он землю любил.

Когда мы подъехали к ресторану, там уже стояло много машин — наверное, туда съехались те, кто был на аукционе. Но машины Элли среди них не было. Мы вошли, я огляделся вокруг: Элли, по-видимому, еще не явилась. Было начало второго.

В ожидании Элли мы выпили по стаканчику у стойки. В баре было полно народу. Я заглянул в ресторан, наш столик был пустым, а за другими сидели в основном местные жители. Возле окна я увидел человека, лицо которого показалось мне знакомым. Где я его встречал и когда, я вспомнить не мог, но что

встречал, не сомневался. Был он, по-моему, не из местных. Слишком хорошо он был одет. Конечно, в жизни мне довелось встречаться с кучей людей, всех не вспомнишь. Нет, этого я видел совсем недавно. Но на кладбище его не было, это точно.

Ко мне подошла в своем излюбленном черном [illegible] хозяйка ресторана и спросила:

— Вы будете обедать, мистер Роджерс? А то тут есть люди, которые ждут места.

— Через минуту-другую приедет моя жена, — объяснил я.

Я вернулся к Филлоту. У Элли, наверное, спустило колесо.

— Нам лучше [illegible] сказал я. — А то они начинают нервничать. У них сегодня переполнено. Боюсь, — добавил я, — [illegible] не самая пунктуальная из дам.

— Дамы, [illegible] любят заставлять нас ждать, — любезно [illegible] Филлот. — Ладно, Майк, будь по-вашему. Пойдемте [illegible] за стол.

Мы вошли в [illegible] заказали бифштекс и почки в тесте и приступили к еде.

— Как не стыдно Элли так подводить нас, — возмущался я. И добавил, что случилось это, наверное, потому, что Грета уехала в Лондон. — Элли привыкла, — объяснил я, — что Грета всегда напоминает ей обо всех ее обязанностях, присматривает, чтобы она не опаздывала.

— Она очень полагается на мисс Андерсен?

— В этом отношении — да, — ответил я.

Мы съели бифштекс и почки и принялись за яблочный пирог, не слишком щедро украшенный кремом.

— Не забыла ли она про нас вообще? — вдруг спросил я.

— Может, ей позвонить?

Я подошел к телефону и набрал наш номер. Ответила кухарка, миссис Карсон.

— О, это вы, мистер Роджерс? Миссис Роджерс еще не возвратилась.

– Что значит "не возвратилась"? Откуда?

– Не возвратилась с прогулки верхом.

– Но она уехала сразу после завтрака! Не могла же она кататься все утро!

– Она ничего не сказала. Я давно ее жду.

– Почему вы не позвонили мне раньше и не сказали, что она не вернулась? – спросил я.

– Я не знала, куда вам звонить. Откуда мне знать, где вы?

Я сказал ей, что я у "Джорджа" в Бартингтоне и дал номер телефона. Она должна была позвонить, как только Элли вернется или позвонит. Затем я вернулся к нашему столику. Увидев мое лицо, Филпот сразу понял: что-то случилось.

– Элли не вернулась домой, – сказал я. – Утром она уехала кататься. Она часто ездит по утрам, но не больше чем полчаса.

– Не нужно волноваться заранее, молодой человек, – доброжелательно заметил Филпот. – Вы живете в безлюдном месте, вы же знаете. Может, лошадь сломала ногу, и Элли пришлось возвращаться пешком. А там спуски да подъемы. И никого не встретишь, кто мог бы оказать помощь.

– Если бы она передумала и решила заехать к кому-нибудь, она могла бы позвонить сюда, – размышлял я, – и попросить нам передать.

– Не горячитесь, – остановил меня Филпот. – Лучше пойдемте попробуем что-нибудь разузнать.

Когда мы подошли к стоянке, от нее только что отъехала машина. В ней был тот самый человек, которого я увидел в ресторане, и внезапно меня осенило, кто это. Стэнфорд Ллойд или кто-то, очень на него похожий. Интересно, что он здесь делает? Приехал повидаться с нами? Если да, то почему он нас не известил? В машине вместе с ним сидела женщина, напоминавшая Клодию Хардкасл. Но Клодия ведь уехала в Лондон за покупками вместе с Гретой. Все это меня несколько смутило...

Пока мы ехали, Филпот раз-другой посмотрел на меня. Поймав его взгляд, я невесело заметил:

— Сегодня утром вы велели мне поменьше радоваться.

— Забудьте об этом. Она могла упасть, растянуть связки, мало ли что. Хотя она неплохо ездит верхом, — добавил он. — Я видел. Не думаю, что произошел несчастный случай.

— Кто знает, — отозвался я.

Мы ехали быстро и наконец очутились на той дороге, которая вела через пустошь к нашему дому. Поглядывая по сторонам, мы то и дело останавливались, чтобы расспросить попадавшихся нам навстречу людей. От дорожника, укладывавшего торф, мы услышали первую новость.

— Часа два назад, а может, и раньше я видел лошадь без всадника, — сказал он. — Хотел было поймать ее, да, как только приблизился, она возьми да ускачи. А вот людей никого не видел.

— Поедемте лучше к вам домой, — посоветовал Филпот. — Может, там что-нибудь известно.

Мы поехали домой, но там никто ничего не знал. Разыскав конюха, мы послали его на поиски Элли. Филпот позвонил к себе и велел своему человеку тоже искать Элли. А мы с ним пошли по тропинке через рощу, по которой часто ездила Элли, и оттуда вышли в низину.

Сначала ничего не было видно. Но когда мы двинулись вдоль опушки туда, куда выходило еще несколько тропинок, мы ее нашли. Сначала нам показалось, что лежит кучка одежды. Рядом паслась вернувшаяся обратно лошадь. Я побежал. Филпот бросился вслед за мной с такой прытью, какую трудно было ожидать от человека его возраста.

Элли лежала, запрокинув лицо к небу.

Филпот подошел и нагнулся над ней. И тотчас выпрямился.

– Надо немедленно разыскать доктора Шоу, – сказал он. – Он живет ближе остальных. Только... боюсь, это бесполезно, Майк.

– Вы хотите сказать... Она умерла?

– Да, – ответил он. – Не будем тешить себя напрасной надеждой.

– О господи! – простонал я и отвернулся. – Не могу поверить. Только не Элли.

– Хлебните-ка, – предложил мне Филпот.

Он вынул из кармана фляжку, открутил пробку и протянул фляжку мне. Я сделал большой глоток.

– Спасибо, – сказал я.

Подъехал конюх, и Филпот послал его за доктором Шоу.

18

В старом побитом "лендровере" явился Шоу. В этой машине он, наверное, ездил с визитами по отдаленным фермам в непогоду. Едва взглянув на нас, он подошел к Элли и наклонился над ней. Потом приблизился к нам.

– Она умерла по меньшей мере часа три-четыре назад, – сказал он. – Как это случилось?

Я объяснил ему, что, как обычно, после завтрака она поехала кататься верхом.

– Бывали у нее несчастные случаи, когда она ездила кататься?

– Нет, – ответил я, – она превосходная наездница.

– Да, я знаю, что она хорошо ездила. Я сам видел ее не раз на лошади. Насколько мне известно, она еще ребенком умела сидеть на лошади. Вопрос, не случалось ли с ней что-либо за последнее время такого, что могло вывести ее из равновесия? Если лошадь напугалась...

– Почему лошадь должна была напугаться? Это спокойное животное...

— У этой лошади очень кроткий нрав, — заметил майор Филпот. — Она хорошо себя ведет, исключительно спокойна. У Элли что-нибудь сломано?

— Я ее еще не осматривал, но, по-моему, никаких физических повреждений у нее нет. Конечно, может быть, внутреннее кровоизлияние, а может быть, и шок.

— От шока не умирают, — заметил я.

— Иногда умирают. Если у нее было плохое сердце...

— В Америке утверждали, что у нее что-то такое было, какой-то там порок...

— Гм, я ниче[illegible] не заметил, когда ее осматривал. Конечно, [illegible] мы не сделали. Ладно, что толку об этом говорить. Узнаем потом. После расследования.

Он оки[illegible] [illegible] взглядом и потрепал по плечу.

— Идите [illegible] [illegible], — посоветовал он. — Вот у вас-то [illegible] шок.

В деревне люди появляются ниоткуда, и к этому времени вокруг [illegible] собралось человека три: один подошел с дороги, где стоял в ожидании попутного транспорта, краснощекая женщина, которая, срезая путь, шла на ферму, и дорожный рабочий.

Они охали и обменивались репликами.

— Бедная молодая дама.

— Совсем юная. Ее что, лошадь сбросила, да?

— От лошадей только и жди беды.

— Это миссис Роджерс, что ли? Американка из "Тауэрс"?

Только когда они вволю наудивлялись и высказались, старик дорожник, качая головой, сказал:

— Я, кажется, видел, как это случилось. Да, видел.

— Что именно вы видели? — резко обернулся к нему доктор.

— Я видел, как скакала лошадь.

— А как дама упала, вы не видели?

— Нет, не видел. Я видел, как она ехала по опушке

...ся, но потом я повернулся и принялся разбивать ...камни. А затем услышал стук копыт и увидел, как ...скачет лошадь. Мне и в голову не пришло, что случилось ...неладное. Я решил, что дама зачем-то слезла с лошади ...и отпустила ее. Лошадь бежала не ко мне, а в противоположную сторону. Нет, кроме дамы и лошади, я ...никого не видел.

– И что дама лежит на земле, вы тоже не видели?

– Нет. Я плохо вижу издалека. Лошадь я заметил только потому, что она оказалась на фоне неба.

– Дама ехала одна? С ней или поблизости никого не было?

– Никого. Она была одна. Она проехала далеко от меня прямо туда, к лесу. Нет, кроме нее и лошади, я больше никого не видел.

– Наверное, ее напугала цыганка, – вдруг сказала краснощекая женщина.

Я круто повернулся.

– Какая цыганка? Когда?

– Это было... Это было часа три-четыре назад, когда я утром шла по дороге. Примерно без четверти десять я увидела цыганку. Ту, что живет в коттедже на краю деревни. По крайней мере мне показалось, что это была она. Поклясться не могу – она была далеко. Но только она носит у нас в округе красную накидку. Она шла по дорожке среди деревьев. Мне рассказывали, что она и раньше говорила гадости бедной молоденькой американке. Угрожала ей. Твердила, что случится беда, если она отсюда не уедет. Грозила вовсю.

– Цыганка! – сказал я. И с горечью пробормотал про себя, но так, чтобы все слышали: – Цыганское подворье! Хорошо бы нам никогда не видеть этого места.

КНИГА ТРЕТЬЯ

19

Удивительно трудно восстановить в правильной последовательности события, происшедшие вслед за смертью Элли. До этой беды, как вы сами могли убедиться, я все прекрасно помнил. Только сомневался, с чего начать рассказ, — вот и все. Но после смерти Элли моя жизнь оказалась, словно ножом, разрезанной пополам. К тому, что произошло потом, я оказался совсем не подготовленным. Я стал путаться в появлявшихся вокруг меня людях, в сменявших друг друга событиях. Я утратил способность контролировать себя. Так, во всяком случае, мне казалось.

Все лица, имевшие отношение к этой истории, были очень добры ко мне. Это мне запомнилось лучше всего. Я спотыкался на каждом шагу, выглядел потрясенным и не знал, что делать. Грета же была в своей стихии. Она обладала удивительным умением, присущим только женщинам, взять ситуацию в руки. То есть иметь дело со всеми мелкими, вроде бы пустяковыми проблемами, которые нужно кому-то решать. Я на это был совершенно неспособен.

По-моему, первое, что я отчетливо помню после того, как Элли унесли и я вернулся к себе домой — к нам домой, в наш дом, — был визит доктора Шоу, который пришел побеседовать со мной. Я не помню точно, когда это было. Разговаривал он спокойно, ласково, рассудительно, стараясь объяснить мне, что произошло.

Приготовления. Я помню, как он несколько раз употребил это слово. До чего же оно противное! И все, что за ним стоит. Все, что стоит в жизни за громкими словами. Любовь — секс — жизнь — смерть — ненависть. Вовсе не они определяют наше существование. А множество других мелких, унизительных вещей, о кото-

рых вы и не думаете, пока они не возникнут перед вами, и от которых вам никуда не уйти. Явились агенты из похоронного бюро, и начались приготовления к похоронам. Слуги ходили по комнатам, опуская шторы на окнах. Почему из-за того, что умерла Элли, нужно опускать шторы? Какие глупости!

Именно поэтому, помнится мне, я и испытывал благодарность к доктору Шоу. Он разумно и терпеливо внушал мне, что следует делать, медленно произнося слова, ибо хотел быть уверенным, что они до меня доходят.

Я и понятия не имел, что представляет собой расследование коронера, выяснение подробностей при невыясненных обстоятельствах смерти. Я никогда в такой процедуре не участвовал, а потому она показалась мне удивительно оторванной от жизни и непрофессиональной. Коронер, суетливый коротышка в пенсне, предложил мне опознать погибшую, рассказать, как мы в последний раз виделись за завтраком, как Элли уехала кататься верхом, чем она обычно занималась по утрам и как мы договорились встретиться за обедом у "Джорджа". В тот день она была, сказал я, такой, как всегда, и на свое здоровье ни в коем случае не жаловалась.

Доктор Шоу давал показания спокойным тоном, но как-то неубедительно. Серьезных повреждений нет, сломана ключица, есть ушибы, какие бывают в результате падения с лошади, не очень серьезные и полученные в ту же минуту, когда наступила смерть. Она лежала на том же месте, где, по-видимому, и упала. По его мнению, смерть была мгновенной. Причина смерти — не телесные повреждения, а паралич сердца в результате шока. Насколько я сумел уразуметь из длинной вереницы медицинских терминов, Элли погибла просто из-за остановки дыхания, от чего-то вроде удушья. Все внутренние органы у нее были жизнеспособными, содержимое желудка подозрений не вызывало.

Грета, которая тоже давала показания, более настойчиво, нежели ранее доктор Шоу, утверждала, что у Элли три-четыре года назад было плохо с сердцем. Ничего определенного ей не известно, но родственники Элли иногда говорили, что у нее неважное сердце и что ей нельзя себя перетруждать. Ничего более определенного она никогда не слышала.

Затем перешли к показаниям людей, которые были поблизости от того места, где разыгрались события. Первым говорил человек, который укладывал торф. Он видел, как дама проехала мимо него; она была на расстоянии примерно пятидесяти ярдов. Он знал, кто она, хотя прежде никогда с ней не разговаривал. Это была хозяйка нового дома.

— Вы узнали ее по внешнему виду?

— Нет, не совсем. Я узнал ее лошадь, сэр. Над копытом у нее белая щетка. Она раньше принадлежала мистеру Кэри из Шеттлгрума. Говорили, что это смирная лошадь, хорошо себя ведет и вполне годится даме для верховой езды.

— Как вела себя лошадь, когда вы ее видели? Не слушалась?

— Нет, все было в порядке.

Стояло хорошее утро, сказал он. Людей поблизости почти не было. Во всяком случае, он не приметил. По этой дороге через пустошь не часто ходили, только если нужно было срезать путь к одной из ферм. Другая дорога пересекала эту через милю от начала. Утром ему попались на глаза один-два человека, но он не обратил на них внимания – один был на велосипеде, другой шел пешком. Они были от него слишком далеко, чтобы он сумел разглядеть их, да и вообще он многого не заметил. До того как он увидел даму в седле, он видел старую миссис Ли, так, во всяком случае, ему показалось. Она шла по дороге в его сторону, а потом свернула в лес. Она часто ходила по пустоши, то входя в лес, то выходя из него.

Коронер спросил, почему в суд не доставили миссис Ли. Насколько ему известно, ей послали повестку. Однако ему ответили, что несколько дней назад миссис Ли уехала из деревни — когда именно, никто не знал. И куда — тоже было неизвестно. Такая уж за ней водилась привычка. Она часто уезжала и приезжала, никого не ставя в известность, поэтому ничего необычного в этом не было. Двое-трое из присутствующих добавили, что, по их мнению, в тот день, когда случилось несчастье, ее в деревне не было. Коронер снова обратился к старику дорожнику.

— Вы, однако, считаете, что видели миссис Ли?

— Не могу сказать наверняка. Зря говорить не буду. Я видел высокую женщину, которая шла широким шагом, и на ней была красная накидка, какую часто носит миссис Ли. Но я особенно не приглядывался. Я был занят делом. Может, это была она, а может, и нет. Откуда мне знать?

Что касается остального, то он в основном повторил то, что уже рассказал нам. Он видел, как дама проехала мимо него, ему и раньше приходилось видеть ее верхом на лошади, а потому особенного внимания он на нее не обратил. Позже он увидел лошадь без всадника. Казалось, будто она чем-то напугана. "По крайней мере так мне подумалось", — сказал он. Он не знал, во сколько это случилось. Часов в одиннадцать, а может, и раньше. Позже он опять видел лошадь, только уже гораздо дальше. Она бежала к лесу.

Потом коронер вызвал меня и задал несколько вопросов насчет миссис Ли, миссис Эстер Ли, что проживает в коттедже на окраине деревни.

— Вы и ваша жена знали миссис Ли в лицо?

— Да, — ответил я, — довольно хорошо.

— Вы с ней разговаривали?

— Да, несколько раз. Или, скорее, — добавил я, — она разговаривала с нами.

— Она когда-нибудь угрожала вам или вашей жене?

Я ответил не сразу.

— В некотором смысле, пожалуй, да, — в раздумье произнес я, — но мне и в голову не приходило...

— Что не приходило?

— Мне и в голову не приходило, что она говорит об этом всерьез, — ответил я.

— В ее словах была обида на вашу жену?

— Моя жена как-то об этом упомянула. Ей кажется, сказала она, что миссис Ли что-то против нее имеет, но она не может понять, что именно.

— Вы или ваша жена когда-нибудь позволили себе выгнать ее из своего поместья, угрожали ей или грубо с ней обращались?

— Грубила только она.

— Не создавалось ли у вас впечатления, что она человек душевно неуравновешенный?

Я задумался.

— Пожалуй, — ответил я. — По-моему, она решила, что земля, на которой мы построили себе дом, принадлежит ей или ее племени, или как они там себя называют. Она на этом зациклилась, — медленно добавил я, — и с течением времени эта мысль овладевала ею все больше и больше.

— Понятно. Она никогда не угрожала вашей жене физической расправой?

— Нет, — поколебавшись, отозвался я. — Утверждать подобное, пожалуй, было бы несправедливо. Она только говорила моей жене, знаете, как делают цыгане во время гадания: "Тебя ждет беда, если ты отсюда не уберешься". Или: "Тебя настигнет проклятье, если ты останешься здесь".

— Фигурировало ли в ее угрозах слово "смерть"?

— Пожалуй, да. Но мы не воспринимали его всерьез. По крайней мере я, — внес я поправку.

— А ваша жена?

— Боюсь, да. Старуха, как вам известно, умела наводить страх. Но не думаю, чтобы она соображала, о чем говорит и что делает.

Коронер отложил расследование на неделю. Все обстоятельства свидетельствовали о том, что смерть Элли была несчастным случаем, но не хватало фактов, чтобы определить, чем именно она вызвана. Коронер отложил расследование, чтобы выслушать показания миссис Эстер Ли.

20

На следующий день после расследования я навестил майора Филпота и напрямую попросил высказать его мнение. В то утро кто-то, кого старик дорожник принял за миссис Эстер Ли, шел в лес.

– Вы ведь хорошо знаете эту старуху, – сказал я. – Как по-вашему, способна ли она совершить преступление по злому умыслу?

– Не могу в это поверить, Майк, – ответил он. – Чтобы совершить подобное преступление, нужно иметь серьезный повод, например, отомстить за нанесенную обиду. Или что-нибудь вроде этого. А что ей сделала Элли? Ничего.

– Да, это кажется невероятным, я знаю. Но почему она то и дело возникала словно из-под земли, угрожала Элли, требуя, чтобы она уехала отсюда? Словно у нее была причина затаить злобу на Элли, но из-за чего? Она никогда раньше не видела Элли, ведь та приехала из другой страны. Никакой связи, ничего общего между ними не было.

– Знаю, знаю, – отозвался Филпот, – и тем не менее, Майк, меня не покидает чувство, что есть что-то такое, чего мы не знаем. Например, бывала ли ваша жена в Англии до вашей женитьбы? Быть может, какой-то кусок жизни она провела в здешних местах?

– Нет, никогда, это определенно. Хотя тут много неясного. Я, по правде говоря, так мало знаю про Элли. Понятия не имею, с кем она была знакома, где бывала. Мы ведь познакомились совсем недавно. – Боясь сказать лишнее, я замолчал. – Знаете, как мы встрети-

лись? — продолжал я. — Нет, вам ни за что не догадаться, как это вышло. — И вдруг я, сам не зная почему, рассмеялся. Но тотчас взял себя в руки. Я чувствовал, что вот-вот впаду в истерику.

Я видел, что он терпеливо ждет, пока я приду в себя. Он, несомненно, был человек деликатный.

— Мы встретились здесь, на Цыганском подворье, — сказал я. — Я прочел объявление о продаже "Тауэрс" и пошел по дороге, ведущей на вершину холма, потому что мне хотелось посмотреть, что представляет собой это поместье. Вот как я впервые ее увидел. Она стояла под деревом. Я ее напугал — или, скорей, она меня напугала. Во всяком случае, именно с этого все и началось. А потом мы приехали жить сюда, в это проклятое богом и людьми место.

— Вы уже тогда чувствовали, что вас здесь ждет беда?

— Нет... Да... По правде говоря, не знаю. Я никогда в этом даже себе не признавался. Не хотел признаться. Элли, по-моему, с самого начала боялась жить здесь. — И медленно произнес: По-моему, кто-то умышленно старался ее напугать.

— Что вы хотите этим сказать? — довольно резко спросил он. — Кто хотел ее напугать?

— Может быть, эта цыганка. Но я почему-то в этом сомневаюсь... Она старалась встретиться с Элли, убедить ее, что это место принесет ей несчастье. Убеждала ее уехать.

— Почему же вы сразу не сказали мне об этом? — сердито спросил он. — Я бы поговорил с Эстер. Велел бы ей придержать язык.

— Но зачем она это делала? — допытывался я. — Что ею двигало?

— Подобно многим людям, — ответил Филпот, — она любит напускать на себя важность. И когда гадает, одних предупреждает о грядущей беде, а другим обещает богатство и счастливую жизнь. Она любит делать вид, будто способна предсказывать будущее.

– А что, если... – медленно проговорил я, – ей посулили денег? Мне сказали, что к деньгам у нее слабость.

– Да, к деньгам она очень неравнодушна. Вы думаете, кто-то ей заплатил, так? А кто подсказал вам эту мысль?

– Сержант Кин, – ответил я. – Сам я до такого никогда бы не додумался.

– Понятно. – И он в сомнении покачал головой. – Не могу поверить, – сказал он, – что она умышленно старалась напугать вашу жену до такой степени, чтобы произошел несчастный случай.

– Может, она и не предполагала, что это приведет к смертельному исходу. Она могла сделать что-нибудь такое, что испугало лошадь, – сказал я. – Например, выпустить шутиху или взмахнуть листом белой бумаги. Порой мне кажется, что она затаила обиду на Элли, но по какой причине, понятия не имею.

– Мне подобное предположение представляется неосновательным.

– Это место никогда ей не принадлежало? – спросил я. – Я спрашиваю про землю.

– Нет. Цыган, правда, несколько раз прогоняли с этой земли. Их всегда гонят, но не думаю, что они всю жизнь пребывают в обиде на новых владельцев земли.

– Да, мне такое предположение тоже представляется надуманным. И тем не менее меня все время гложет мысль, что, может, по какой-то причине, о которой мы и понятия не имеем, она затаила такую обиду?

– По причине, нам неизвестной, – так по какой же именно?

Минуту-другую я размышлял.

– Все, что я скажу, тоже может показаться надуманным. Предположим, как сказал сержант Кин, что некто заплатил ей за то, чтобы она делала то, что делала. Что же хотел этот некто? Чтобы мы оба убрались отсюда восвояси? Свои усилия он или они сосредоточили на

Элли, а не на мне, потому что женщину запугать куда легче. А запугав ее, а через нее и меня, заставить нас обоих уехать отсюда. Если так, то этот некто хочет, чтобы эта земля снова поступила в продажу. Скажем, так: кто-то по какой-то причине желает заполучить нашу землю, — пришел к выводу я.

— Что ж, предположение ваше логично, — отозвался Филпот, — только я не могу понять, кого и по какой причине может привлекать эта земля.

— Быть может, в ней есть залежи полезных ископаемых, — предположил я, — о которых никто и не подозревает.

— Сомневаюсь.

— Или в ней зарыты сокровища. Я понимаю, это звучит глупо, но кто знает: вдруг здесь спрятали деньги после ограбления большого банка.

Филпот продолжал качать головой, но уже менее энергично.

— Единственная возможность разузнать что-либо, — продолжал я, — это, так сказать, заглянуть за спину миссис Ли и увидеть человека, который ей платит. Может, существует какой-то неведомый нам враг Элли?

— Но вы даже не подозреваете, кто это может быть?

— Нет. Она здесь никого не знала. В этом я уверен. Ничего общего с этим местом у нее не было. — Я встал. — Спасибо за то, что меня выслушали.

— Жаль, что я не смог быть вам полезным.

Я вышел, нащупывая вещь, которая была у меня в кармане. Затем, словно решившись, повернулся и снова вошел в гостиную.

— Мне хотелось бы показать вам кое-что, — сказал я. — Вообще-то я нес это сержанту Кину, чтобы услышать его мнение.

И вынул из кармана камень, завернутый в измятый кусок бумаги, на котором печатными буквами было кое-что написано.

– Это бросили нам в окно за завтраком сегодня утром, – сказал я. – Я спускался по лестнице, когда услышал звон разбитого стекла. Когда мы только приехали сюда, нам тоже бросили в окно камень. Не знаю, сделал это один и тот же человек или нет.

Я снял бумагу и протянул ее Филпоту. Это был обрывок грязной оберточной бумаги. На ней были какие-то печатные буквы, выведенные выцветшими чернилами. Филпот надел очки и стал рассматривать написанное. Там было всего несколько слов: "Вашу жену убила женщина".

Филпот поднял глаза.

– Удивительно! – сказал он. – А первая записка, которую вы получили, тоже была написана печатными буквами?

– Не помню. Я даже не помню, что там было написано. Мы тогда не сомневались, что это дело рук местных хулиганов. Но это уже не похоже на хулиганскую выходку.

– Вы считаете, что ее бросил человек, который что-то знает?

– Возможно, ее бросил кто-то, желающий нам зла. Знаете, как в деревнях любят писать анонимные письма.

Он отдал обрывок бумаги мне обратно.

– По-моему, вы правы, – сказал он. – Ее надо отнести сержанту Кину. В анонимных письмах он разбирается куда лучше меня.

Сержанта Кина я застал в полицейском участке, и он явно заинтересовался принесенной мною запиской.

– Странные здесь происходят вещи, – заметил он.

– Что, по-вашему, это значит? – спросил я.

– Трудно сказать. Может, просто со злобы хотят кого-то обвинить.

– А может, намекают на миссис Ли?

– Нет, не думаю, что, решив это сделать, поступили бы таким образом. Хотя все возможно... Хотелось бы думать, что это именно так... Возможно, кто-то что-то

видел или слышал — шум, крик или лошадь промчалась мимо, — и сейчас же после этого увидели или встретили женщину. Но тогда выходит, что встреченная женщина не была цыганкой, потому что и так все уверены, что в этом деле замешана цыганка. Здесь же, похоже, говорится о совершенно другой женщине.

— А что насчет цыганки? — спросил я. — Есть какие-нибудь новости, нашли ее?

Он медленно покачал головой.

— Нам известны несколько мест, куда она обычно ездила, когда уезжала отсюда. В сторону Восточной Англии. У нее там друзья среди цыган. По их словам, нынче она туда не приезжала, но особенно верить им нельзя. Их нелегко заставить говорить. В тех местах ее довольно хорошо знают в лицо, но в последнее время ее никто там не видел. На самом деле говоря, я и не думаю, что она отправилась в Восточную Англию.

Эти слова он произнес с особенным нажимом.

— Я не совсем понимаю, — признался я.

— Посмотрите на это вот с какой стороны. Она боится. Допустим, для этого у нее есть основания. Она угрожала вашей жене, шумела ее, а сейчас, скажем не без ее участия, произошел несчастный случай, и ваша жена умерла. Полиция бросится ее разыскивать. Ей это известно, поэтому она постарается, так сказать, уйти в подполье. Попытается убежать от нас как можно дальше. Не будет показываться в общественных местах и пользоваться общественным транспортом.

— Но, надеюсь, вы ее найдете? У нее такая приметная внешность.

— Разумеется, в конце концов мы ее найдем. Только на это требуется время. То есть если все это произошло именно так.

— А вы считаете, что могло произойти и по-другому?

— Видите ли, меня все время смущает одна мысль. Не платил ли ей кто-нибудь, чтобы она приставала к вашей жене с угрозами?

– В таком случае она приложит еще больше усилий, чтобы исчезнуть, – сказал я.

– Но тогда существует и еще кто-то, заинтересованный в том, чтобы ее убрать. Об этом тоже следует помнить, мистер Роджерс.

– Вы говорите, – в раздумье произнес я, – о человеке, который ей платил?

– Да.

– А если ей платила женщина?

– Значит, кому-то стало известно об этой женщине. Вот и принялись за анонимные записки. Теперь эта женщина тоже испугается. Не забудьте, она никак не ожидала, что такое случится. Как бы она ни хотела, чтобы цыганка, напугав вашу жену, заставила ее уехать отсюда, она никак не думала, что угрозы завершатся смертью миссис Роджерс.

– Да, – согласился я, – на смерть она никак не рассчитывала. Все это было задумано, только чтобы напугать нас – мою жену и меня – и заставить уехать отсюда.

– А чья теперь очередь бояться? Женщины, по вине которой произошел этот несчастный случай? То есть миссис Эстер Ли. Которая может чистосердечно во всем признаться. Сказать, что это была вовсе не ее затея. Повиниться, что ей за это заплатили. И назвать кто. Сказать, кто ей платил. И кому-то это может очень не понравиться, а, мистер Роджерс?

– Вы имеете в виду ту неизвестную женщину, которую мы примерно вычислили, даже не зная, что она существует?

– Мужчину или женщину – словом, того, кто ей платил. Вот этот кто-то и постарается заставить ее замолчать как можно быстрее.

– Вы полагаете, что ее уже нет в живых?

– Такая возможность не исключена, – сказал Кин. И вдруг он почему-то резко изменил направление разговора. – Вам известен домик под названием "Каприз",

мистер Роджерс, который стоит в самой чащобе вашей рощи?

— Да, — ответил я, — а что? Мы с женой его отремонтировали и обставили. Мы иногда заходили туда, но не очень часто. А почему вы спрашиваете?

— Мы, знаете ли, прошлись по здешним местам. И заглянули в "Каприз". Он не был заперт.

— Да, — подтвердил я, — мы его не запирали. Там ничего ценного не было. Всего лишь несколько предметов обстановки.

— Мы решили было, не скрывается ли там старая миссис Ли, но никаких следов ее не обнаружили. Однако мы нашли вот что. Я все равно собирался показать эту вещь вам. — Он открыл ящик и вынул небольшую изящную, отделанную золотом зажигалку. Это была дамская зажигалка, и на ней бриллиантами была выложена буква "К". — Эта вещь не принадлежит вашей жене?

— Нет, раз на ней буква "К". Нет, эта зажигалка не принадлежит Элли, — ответил я. — У нее такой не было. И у мисс Андерсен тоже. Ее зовут Грета.

— Мы нашли зажигалку в "Капризе". Кто ее там оставил? Вещица недурная, наверное, стоит немалых денег.

— "К"? Не знаю никого, чье имя начиналось бы с этой буквы, за исключением Коры, — задумался я. — Это мачеха моей жены, миссис Ван Стивизант, но я просто не представляю, чтобы она отыскала "Каприз" по крутой, заросшей тропинке. И, кроме того, она уже давно не была у нас. Около месяца. Да я и не видел, чтобы она когда-нибудь пользовалась зажигалкой. Конечно, может, я просто не заметил, — добавил я. — Мисс Андерсен, наверное, знает.

— Что ж, возьмите зажигалку с собой и покажите ей.

— Хорошо. Но если это так, если зажигалка действительно принадлежит Коре, странно, что мы, побывав в "Капризе" совсем недавно, ее почему-то не видели.

там не так много вещей. Если бы что-нибудь валялось на полу, мы бы сразу это заметили. Зажигалка была на полу?

– Да, возле дивана. Разумеется, зайти туда мог кто угодно. Там ведь очень удобное место, например, для встречи любовников. Я говорю о местных жителях. Но у них вряд ли нашлась бы такая вещь.

– Есть еще Клодия Хардкасл, – вспомнил я. – Но и у нее вряд ли имеются такие дорогие вещи. И что ей делать в "Капризе"?

– Она ведь дружила с вашей женой, правда?

– Да, – подтвердил я, – она была здесь самой близкой подругой Элли.

– Вот как? – удивился сержант Кин.

Я всмотрелся в него.

– Не хотите ли вы сказать, что Клодия Хардкасл была... врагом Элли? Это полная чепуха.

– Причины и вправду нет, я согласен, но, видите ли, с женщинами никогда не знаешь, чего ожидать.

– Мне кажется... – начал я, но тут же замолчал, потому что то, что я хотел сказать, могло показаться крайне нелепым.

– Да, мистер Роджерс?

– Мне кажется, что Клодия Хардкасл была когда-то замужем за американцем... За американцем по фамилии Ллойд. А главного попечителя капитала моей жены в Америке зовут Стэнфорд Ллойд. Конечно, на свете сотни Ллойдов, и это может оказаться случайным совпадением. Однако какое все это имеет отношение к смерти Элли?

– По-видимому, никакого. Но тем не менее..

– Самое забавное, что в тот самый день, когда произошел... несчастный случай, я видел Стэнфорда Ллойда здесь, за обедом у "Джорджа" в Бартингтоне...

– Он к вам не приезжал?

Я покачал головой.

– Он был с дамой, которая мне показалась похожей

на мисс Хардкасл. Но, скорей всего, я ошибся. Вы, наверное, знаете, что человек, который построил наш дом, ее брат?

— Она интересовалась вашим домом?

— Нет, — ответил я. — По-моему, она не в большом восхищении от своего брата как от архитектора. — Я встал. — Не стану больше занимать у вас время. Постарайтесь найти цыганку.

— Могу вас заверить, что поиски будут продолжаться. Коронер тоже этого требует.

Я попрощался с ним и вышел из участка. И, как это часто случается, когда вы вдруг встречаете человека, о котором только что говорили, из почтового отделения, когда я проходил мимо, вышла Клодия Хардкасл. Мы остановились. С легкой застенчивостью, которую испытываешь, когда обращаешься к человеку, только что похоронившему кого-то из близких, она сказала:

— Я очень переживаю смерть Элли, Майк. Больше я вам ничего не скажу. Я не люблю, когда люди начинают выражать соболезнования. Но это... Это я должна была вам сказать.

— Я знаю, — отозвался я. — Вы ведь любили Элли. Вы помогли ей чувствовать себя здесь как дома. Я очень вам благодарен.

— Я хотела задать вам один вопрос, и, думаю, лучше спросить у вас сейчас, пока вы не уехали в Америку. Я слышала, вы скоро уезжаете?

— Как только сумею. У меня там много дел.

— Я хотела спросить вас... не хотите ли вы продать ваш дом? Я подумала, что вы решите объявить о его продаже до отъезда... И если да, то мне хотелось бы первой услышать ваши условия.

Я смотрел на нее во все глаза. Вот уж чего не ожидал! Такого вопроса я и представить не мог.

— Вы хотите сказать, что не прочь его купить? Но мне казалось, что современная архитектура вас никак не привлекает?

– Мой брат Рудольф сказал мне, что это его лучшая работа. А кому знать, как не ему? Вы, конечно, пожелаете получить за него большие деньги, но я готова их заплатить. Да, мне хотелось бы иметь этот дом.

Ее предложение крайне удивило меня. Приходя к нам, она никогда не высказывала ни малейшего восхищения нашим домом. Интересно, подумал я – не в первый, кстати сказать, раз, – что собой представляют в действительности их отношения с братом? Может, она поклонница его таланта? Иногда мне казалось, что она его не любит, даже ненавидит. Отзывалась она о нем очень странно. Но каковы бы ни были ее истинные чувства, значил Сэнтоникс для нее немало, в этом я не сомневался. Я медленно покачал головой.

– Насколько я понимаю, вы считаете, что я продам дом и уеду отсюда, потому что здесь погибла Элли, – сказал я. – Но на самом деле все наоборот. Здесь мы жили и были счастливы, и именно здесь я буду всегда ее помнить. Нет, я не собираюсь продавать Цыганское подворье – ни за какие деньги, уверяю вас!

Наши взгляды скрестились. Получилось нечто вроде схватки. Она опустила глаза первой.

Я набрался храбрости и спросил:

– Вы когда-то были замужем. Меня это, конечно, не касается, но не зовут ли вашего бывшего мужа Стэнфордом Ллойдом?

Секунду она смотрела на меня молча. Потом вдруг сказала:

– Да, – и отвернулась.

21

Полная неразбериха – вот что я помню, когда оглядываюсь назад. Репортеры, задающие вопросы, требующие интервью, огромное количество писем и телеграмм, и Грета, которая справляется со всем этим...

Первое, что меня поразило, был тот факт, что члены

семьи Элли оказались вовсе не в Америке, как мы предполагали. Мы были потрясены, узнав, что большинство из них в Англии. То, что Кора Ван Стивизант была в Англии, это понятно. Она была женщиной неугомонной и металась по всей Европе: из Италии в Париж, оттуда в Лондон и обратно в Америку — сначала в Палм-Бич, а потом на Запад, на свое ранчо. В день смерти Элли она была всего в пятидесяти милях от нас, пытаясь подыскать подходящий для себя дом в Англии. Она прилетела на два-три дня в Лондон, нашла новых агентов по торговле недвижимостью, известила их о своих условиях и в тот день, разъезжая по округе, осмотрела с полдюжины домов.

Стэнфорд Ллойд, как выяснилось, прилетел в Лондон на том же самолете на какое-то деловое свидание. И узнали они о смерти Элли не из телеграмм, отправленных нами в Соединенные Штаты, а из газетных сообщений.

Ожесточенный спор возник по поводу того, где похоронить Элли. Я считал, что ее следует похоронить там, где она умерла и где мы с ней жили.

Но члены семьи Элли были категорически против. Они пожелали перевезти ее тело в Америку, чтобы похоронить там, где покоятся ее предки: дед, отец, мать и прочие родственники. В их желании, если вдуматься, не было ничего противоестественного.

Договориться со мной об этом явился Эндрю Липпинкот. Рассуждал он вполне разумно.

— Она никогда не высказывала никаких пожеланий, где ее похоронить, — заметил он.

— А с какой стати она должна была высказывать такие пожелания? — разозлился я. — Сколько ей было — двадцать один? В двадцать один год никто не задумывается о смерти и о том, где и как его похоронят. Приди нам в голову эта мысль, мы бы, наверное, пожелали, чтобы нас похоронили рядом, даже если бы не умерли одновременно. Кто думает о смерти в расцвете лет?

– Совершенно справедливое замечание, – согласился мистер Липпинкот. – А затем сказал: – Боюсь, вам тоже предстоит поехать в Америку. Есть много деловых вопросов, которые требуют вашего внимания.

– Деловых вопросов? А какое я имею отношение к бизнесу?

– Очень большое, – ответил он. – Разве вам неизвестно, что, согласно завещанию, вы являетесь основным наследником состояния, принадлежавшего Элли?

– В качестве ближайшего родственника, хотите вы сказать?

– Нет. Согласно ее завещанию.

– Разве Элли оставила завещание?

– Конечно, – ответил мистер Липпинкот. – Элли была деловой женщиной. Это и неудивительно, ведь всю свою жизнь она прожила в мире бизнеса. Поэтому, как только она стала совершеннолетней, то есть незамедлительно после регистрации брака, она составила с помощью своего лондонского адвоката завещание с указанием один его экземпляр переслать мне. – Помолчав, он сказал: – Если вы приедете в Штаты, настоятельно рекомендую вам передать свои дела в руки хорошего адвоката.

– Зачем?

– Потому что при наличии огромного капитала, большого количества недвижимости, ценных бумаг и пакета акций в различных видах промышленности вам потребуется правовая помощь.

– Я ничего не смыслю в такого рода делах, – признался я. – Ничего.

– Я вполне вас понимаю, – отозвался мистер Липпинкот.

– А не мог бы я передать все это в ваши руки?

– Можете.

– Тогда почему бы нам и не поступить именно так?

– Тем не менее я придерживаюсь мнения, что вы должны быть также представлены независимой фирмой.

Я уже действую от имени отдельных членов семьи, и вполне может случиться так, что их и ваши интересы столкнутся. Если вы мне доверяете, я постараюсь сделать так, чтобы вас представлял исключительно компетентный адвокат.

— Спасибо, — сказал я. — Вы очень любезны.

— Если вы позволите мне быть несколько бестактным... — Он выглядел чуть смущенным. Меня обрадовало намерение Липпинкота быть бестактным.

— Разумеется, — сказал я.

— Я бы посоветовал вам быть крайне осторожным, когда вы будете что-либо подписывать. В особенности деловые бумаги. Прежде чем подписать, прочтите документ сосредоточенно и внимательно.

— А пойму я что-нибудь, если прочту такой документ, о каком вы говорите?

— Если вам что-либо будет непонятно, вы передадите его своему юрисконсульту.

— Вы даете мне понять, что я должен кого-то опасаться? — спросил я с внезапно вспыхнувшим интересом.

— Я полагаю, что с моей стороны было бы не совсем уместным ответить на подобный вопрос, — заважничал мистер Липпинкот. - Кроме этого, я ничего не могу вам сказать. Там, где речь идет о больших суммах денег, желательно не доверять никому.

Итак, значит, он меня предупреждал, что я должен кого-то опасаться, но имени назвать не пожелал. Это я понял. Кого же? Коры, что ли? Или у него есть уже давно подозрения в отношении красномордого банкира Стэнфорда Ллойда, доброжелательного, богатого и беззаботного, который недавно приезжал сюда "по делу"? Или дяди Фрэнка, который может подсунуть мне какие-нибудь фальшивые документы? Внезапно я увидел самого себя, бедного, доверчивого, наивного простака, угодившего в болото, кишащее крокодилами, которые скалят в улыбке зубы, прикидываясь добрыми друзь-

ями, а сами готовы разорвать меня на куски.

– В мире царит вражда, – предупредил меня мистер Липпинкот.

Этого он мог бы и не говорить, но тут я вдруг задал ему вопрос.

– Кому на пользу смерть Элли? – спросил я.

Он пристально посмотрел на меня.

– Весьма любопытный вопрос. Почему вы его задали?

– Не знаю, – ответил я. – Просто потому, что это пришло мне в голову.

– Больше всех вам, – сказал он.

– Разумеется, – отозвался я, – но сейчас речь не обо мне. Я в самом деле хочу знать, кому еще на пользу эта смерть?

Мистер Липпинкот ответил далеко не сразу.

– Если вас интересует, – наконец заговорил он, – упомянула ли Фенелла в своем завещании каких-то конкретных лиц, отказав им некоторую сумму, то должен вам ответить, да, но в весьма незначительных размерах. В ее завещании фигурируют несколько старых слуг, ее бывшая гувернантка, два-три благотворительных заведения, но ничего такого, что представляло бы интерес. Есть завещательный отказ на имя мисс Андерсен, но также небольшой, поскольку, как вам, наверное, известно, Элли уже наградила мисс Андерсен довольно солидной суммой.

Я кивнул. Да, Элли мне об этом говорила.

– Вы были ее мужем. Других близких родственников у нее не было. Но, насколько я понял, вы не об этом спрашивали.

– Я сам не знаю, о чем я спрашивал, – сказал я. – Но так или иначе, вам удалось, мистер Липпинкот, внушить мне подозрения, правда, я и сам не могу сказать, на чей они счет. Только смутные подозрения. Что же касается денег, то я мало в них разбираюсь, – твердо добавил я.

— Я вам верю. Но позвольте заметить, что никакими подозрениями, никакими негативными сведениями я не располагаю. Когда человек умирает, обычно производится оценка положения его финансовых дел. Это может произойти очень скоро или отложиться на долгие годы.

— Вы хотите сказать, — понял я, — что кто-то из членов семьи может незамедлительно предпринять кое-какие меры, и тогда наступит полная неразбериха, которая кончится тем, что меня заставят подписать, например, документы об отказе от обязательств, или как там вы это называете.

— Если бы дела Фенеллы не были бы, так сказать, в отрегулированном состоянии, как им и положено быть, то в таком случае — да, возможно, ее преждевременная смерть могла бы, скажем, оказаться весьма благоприятной кое для кого — не будем называть имен, — кто смог бы, поскольку ему пришлось бы иметь дело с таким, извините меня, дилетантом, как вы, замести свои следы очень умело. Я сказал вам все, что могу, больше на эту тему мы разговаривать не будем. Это было бы неблаговидно.

В маленькой церкви отслужили скромную панихиду. Если бы можно было не присутствовать, я бы ни в коем случае туда не пошел. Я ненавидел всех этих людей, которые выстроились перед церковью и не спускали с меня глаз. Любопытных глаз. Грета спасла меня от многих неприятных моментов. До сих пор я не сознавал до конца, какой это сильный и надежный человек. Она все приготовила, заказала цветы, предусмотрела даже мелочи. Теперь я лучше стал понимать, почему Элли во всем полагалась на Грету. Таких, как Грета, на свете раз-два и обчелся.

В церкви в основном были наши соседи, некоторых мы почти не знали. Но мне на глаза попалось лицо, которое я когда-то видел, только не мог вспомнить где. Когда я вернулся домой, Карсон доложил, что в

гостиной меня ждет посетитель.

– Я не могу его сегодня принять. Пусть уходит. Его не следовало и впускать!

– Прошу извинить меня, сэр, но джентльмен сказал, что он родственник.

– Родственник?

И мне сразу вспомнился человек, которого видел в церкви.

Карсон протянул мне визитную карточку.

Сначала я ничего не понял. Мистер Уильям Пардоу. Повертев карточку в руках, я покачал головой. И отдал визитку Грете.

– Вы случайно не знаете, кто это? – спросил я. – Лицо его мне показалось знакомым, но где я его видел, не могу вспомнить. Может, это кто-то из приятелей Элли?

Грета взяла у меня визитку и посмотрела на нее.

– Ну конечно, – сказала она.

– Кто это?

– Дядя Рюбен. Кузен Элли, помните? Она вам наверняка про него рассказывала.

Теперь я понял, почему его лицо показалось мне знакомым. У Элли в гостиной висели фотографии ее родственников. Вот почему его лицо было мне знакомо. Пока я видел его только на фотографии.

– Иду, – сказал я.

Я вошел в гостиную. Навстречу мне поднялся мистер Пардоу.

– Майкл Роджерс? Возможно, мое имя вам незнакомо, но ваша жена была мне кузиной, хотя и называла меня дядей Рюбеном. Нам с вами не довелось встретиться. С тех пор как вы поженились, я впервые в Европе.

– Разумеется, я про вас слышал, – сказал я.

Не знаю, как получше описать Рюбена Пардоу. Рослый, плотного телосложения, с крупными чертами и рассеянным выражением на лице, как будто его мысли

витали где-то далеко-далеко. Но, поговорив с ним несколько минут, вы начинали понимать, что он знает, что к чему, лучше, чем можно было предположить.

— Мне незачем говорить вам, как я был потрясен и расстроен, услышав о смерти Элли, — сказал он.

— Не будем об этом, — предложил я. — Я не в силах вести подобные разговоры.

— Конечно, конечно. Я вас прекрасно понимаю.

Он был любезен и дружелюбен, но вместе с тем было в нем нечто такое, что вызывало у меня смутную тревогу. Вошла Грета, и я спросил:

— Вы знакомы с мисс Андерсен?

— Разумеется, — ответил он. — Как поживаете, Грета?

— Недурно, — сказала Грета. — Вы давно приехали?

— Недели две назад. Вот путешествую.

— Я уже встречал вас, — сказал я. И, не найдя сил сдержаться, продолжал: — Я видел вас на днях.

— Правда? Где?

— На аукционе в поместье под названием Бартингтон Мэнор.

— А, конечно, — сказал он, — да, да, по-моему, я вас тоже заметил. Вы были с человеком лет шестидесяти с темными усами.

— Да, — подтвердил я, — с майором Филпотом.

— Вы оба, по-моему, пребывали в отличном настроении, — заметил он.

— Лучше не бывает, — отозвался я и повторил с той же тревогой, которая меня не покидала: — Лучше не бывает.

— Ну разумеется. Ведь в то время вы и понятия не имели о том, что произошло. Это было как раз в тот день, когда Элли погибла, да?

— Мы ждали Элли к обеду, — сказал я.

— Какая трагедия! — воскликнул дядя Рюбен. — Настоящая трагедия...

— А я и не знал, — перебил его я, — что вы в Англии. И Элли, наверное, не знала. — Я замолчал, ожидая, что

же он мне на это ответит.

– Да, – подтвердил он, – я ей не написал. Дело в том, что я не знал, сколько времени сумею здесь пробыть, а получилось так, что я завершил все свои дела раньше, чем предполагал, и надеялся, что после аукциона у меня будет время повидаться с вами.

– Вы прилетели из Штатов по делу? – спросил я.

– И да, и нет. Кора хотела со мной посоветоваться по двум вопросам. Один из них – касательно того дома, который она намерена здесь купить.

Именно от него я и узнал, что Кора в Англии.

– И об этом мы не знали, – сказал я.

– В тот день она была совсем недалеко отсюда, – заметил он.

– Недалеко? В отеле?

– Нет, она остановилась у приятельницы.

– А я и не знал, что у нее здесь есть друзья.

– У женщины по фамилии – как ее? – Хардкасл.

– У Клодии Хардкасл? – удивился я.

– Да. Они с Корой большие приятельницы. Кора познакомилась с ней, еще когда жила в Штатах. Разве вы об этом не слышали?

– Мне очень мало что известно о вашей семье, – сказал я.

Я посмотрел на Грету.

– Вы знали, что Кора знакома с Клодией Хардкасл?

– Первый раз слышу, – ответила Грета. – Вот почему Клодия в тот день так и не появилась.

– Правильно! – воскликнул я. – Она ведь должна была поехать с вами на поезде в Лондон. Вы должны были встретиться на станции в Маркет-Чэдуэлле...

– Да, но ее там не оказалось. Она позвонила сюда уже после моего ухода. Сказала, что к ней неожиданно приехали из Америки и что поэтому она не может ехать в Лондон.

– По-видимому, это Кора к ней приезжала?

– Конечно, – подтвердил Рюбен Пардоу. Он покачал

головой. — До чего же все запутано, — вздохнул он. И продолжал: — Насколько я понимаю, расследование отложено?

— Да, — ответил я.

Он допил свой чай и встал.

— Не хочу вас больше беспокоить, — сказал он. — Если смогу быть вам чем-нибудь полезен, я остановился в "Мажестике" в Маркет-Чэдуэлле.

Я поблагодарил его, но сказал, что вряд ли он нам сможет помочь. Когда он ушел, Грета сказала:

— Интересно, что ему нужно? Зачем он приходил? — И вдруг резким тоном добавила: — Пусть все они убираются туда, откуда явились.

22

Больше у меня забот на Цыганском подворье не было. Я оставил дом на Грету, а сам отправился на пароходе в Нью-Йорк ликвидировать там свои дела и, что меня несколько пугало, принять участие в отвратительно пышных, разволочных похоронах Элли.

— Ты едешь в джунгли, — предупредила меня Грета. — Будь осторожен. Не дай им возможности содрать с тебя живьем шкуру.

Она оказалась права. Я действительно очутился в джунглях. И понял это сразу, как только туда прибыл. Я плутал в этих джунглях. У меня было такое ощущение, словно меня вытащили из норы. Я был не охотником, а дичью. Я был окружен вооруженными людьми. Вполне возможно, что порой я несколько преувеличивал грозившую мне опасность. Но иногда мои страхи подтверждались. Помню, как я был у адвоката, рекомендованного мне мистером Липпинкотом (исключительно любезный человек, который обращался со мной как врач, к которому пришел на прием больной). Ранее мне посоветовали избавиться от тех земельных участков, где стояли буровые вышки, поскольку мои

права на эту землю были несколько сомнительны.

Он спросил меня, кто дал мне этот совет. Стэнфорд Ллойд, ответил я.

– В таком случае придется этим заняться, – сказал он. – Такой человек, как Стэнфорд Ллойд, знает толк в подобных делах.

Позднее я услышал от него:

– Ваши права на эту собственность в полном порядке, у вас нет никаких оснований для срочной продажи, как он вам советовал. Пока придержите ее.

Я понял, что прав: на меня идет охота. Им было известно, что там, где дело касается денег, я абсолютный профан.

Похороны были величественные и, на мой взгляд, ужасные. С позолотой, как я и предполагал. На кладбище, больше похожем на городской парк с памятниками из мрамора, свидетельствовавшими о богатстве усопших, было множество цветов. Элли ни в коем случае не понравились бы такие похороны. Но тут ее родственники были в своем праве.

Через четыре дня после моего прибытия в Нью-Йорк я получил письмо из Кингстон-Бишопа.

В заброшенном карьере на другой стороне холма было найдено тело старой миссис Ли. К тому времени она уже была мертвой несколько дней. В том месте и прежде бывали несчастные случаи, а потому давно твердили, что карьер следует обнести забором, но так это и осталось на словах. Коронер вынес вердикт: смерть от несчастного случая, и деревенскому совету было рекомендовано незамедлительно огородить карьер. В коттедже миссис Ли под досками обнаружили триста фунтов стерлингов в купюрах по фунту.

В постскриптуме майор Филпот добавил: "Вы будете огорчены, не сомневаюсь, узнав, что вчера на охоте погибла, упав с лошади, Клодия Хардкасл".

Клодия погибла? Я не мог в это поверить! Какой ужас! Не прошло и двух недель, как второй человек

погибает, упав с лошади. Неужто бывают такие странные совпадения?

Не хочется останавливаться на том времени, которое я провел в Нью-Йорке. Я был инопланетянином, задыхающимся в чуждой мне атмосфере, и, кроме того, постоянно помнил, что обязан проявлять осторожность в словах и поступках. Той Элли, которую я знал и которая принадлежала мне, не было рядом. Она превратилась в американку, наследницу огромного состояния, окруженную друзьями, знакомыми и дальними родственниками, представителями фамилии, которая жила там уже пять поколений. Как комета, путешествующая по небу, она пролетела над моей страной и надо мной. А потом вернулась к себе домой, чтобы быть похороненной рядом со своей родней. Меня это радовало. Мне было бы хуже, если бы она лежала на аккуратном маленьком кладбище у подножия заросшего соснами холма на окраине деревни. Да, мне было бы куда хуже.

— Вернись туда, где твой дом, Элли, — сказал я про себя.

Время от времени мне вспоминалась та песенка, которую она любила петь, подыгрывая себе на гитаре. Я видел ее пальцы, ласково пощипывающие струны:

Темной ночью и чуть свет
Люди явятся на свет,
Люди явятся на свет,
А вокруг — ночная тьма.
И одних ждет Счастья свет...

"Как это верно, — думал я. — Вот тебя ждал Счастья свет. Этот свет был у тебя и на Цыганском подворье. Только он быстро погас. Ты вернулась туда, где, быть может, у тебя не было столько света, где ты не была счастлива. Зато ты дома, среди своей родни".

Интересно, вдруг пришло мне в голову, а где буду

покоиться я, когда придет мой черед умереть? На Цыганском подворье? Возможно. Приедет моя мать известить мою могилу – если, конечно, сама к тому времени не умрет. Но я почему-то не мог представить мать мертвой. Легче было думать о собственной смерти. Да, она приедет и увидит мою могилу. И выражение ее лица вряд ли смягчится. Но хватит думать о ней. Я вовсе не хочу о ней думать. Не нужна мне она, не хочу ее видеть.

Нет, это неправда. Дело вовсе не в том, хочу или не хочу я ее видеть. Дело в том, что, когда она смотрит на меня, когда ее глаза видят меня насквозь, мною овладевает страх. "Матери – это же нечистая сила! – думал я. – Почему они непрестанно следят за своими детьми? Почему они считают, что знают о своих детях все? Ничего они не знают! Ничего! Она должна гордиться мною, радоваться за меня, радоваться той жизни, какой я добился. Она должна..." Я с трудом вырвался из плена своих мыслей о ней.

Сколько времени я уже в Штатах? Почему-то я не в силах вспомнить. Казалось, будто я сто лет брожу среди людей, которые следят за мной с фальшивой улыбкой на устах и неприязнью во взгляде. Каждый день я твержу себе: "Я должен через это пройти. Я должен через это пройти, и тогда..." Вот эти два последних слова и были мне надеждой. Я их твердил и твердил себе. По нескольку раз в день. И тогда... В этих словах таилось мое будущее. Я твердил их так же, как когда-то повторял два других слова: я хочу...

Все лезли из кожи вон, стараясь угодить мне, потому что я был богат! Согласно условиям завещания Элли, я стал богатым из богатых. К этому нелегко было привыкнуть. У меня были капиталы, о которых я и понятия не имел: акции, ценные бумаги, недвижимость, — и не знал, что со всем этим делать.

Накануне моего возвращения в Англию у меня состоялся долгий разговор с мистером Липпинкотом. Я

и в мыслях не позволял себе называть его иначе как мистер Липпинкот. Он так и не стал мне дядей Эндрю. Я сказал ему, что намерен забрать у Стэнфорда Ллойда ту часть капитала, которая находится под его опекой.

— Вот как! — На его обычно бесстрастном лице взлетели вверх колючие брови. Он взглянул на меня хитрыми глазками, и я задумался над тем, что означает это его "вот как!".

— По-вашему, я неправильно поступаю? — забеспокоился я.

— У вас есть для этого основания, я полагаю?

— Нет, — ответил я, — никаких оснований у меня нет. Мною руководят чувства. Надеюсь, я могу быть с вами откровенным?

— Уверяю вас, что этот разговор останется между нами.

— Ладно, — кивнул я. — По-моему, он мошенник.

— Ага. — Вид у мистера Липпинкота был явно заинтересованный. — Что ж, вполне возможно, инстинкт вас не подводит.

Теперь я знал, что был прав. Стэнфорд Ллойд жульничал с акциями Элли, капиталовложениями и всем прочим. Я подписал доверенность и вручил ее Эндрю Липпинкоту.

— Вы согласны, — спросил его я, — взять все на себя?

— Что касается финансовых дел, — ответил мистер Липпинкот, — можете полностью мне доверять. В этом вопросе я буду делать все, что в моих силах. Не думаю, что вы разочаруетесь во мне.

Интересно, что он хотел этим сказать? А что хотел, я не сомневался. По-моему, он давал мне понять, что я ему не нравлюсь и никогда не нравился, но что касается капитала, то он будет стараться изо всех сил, поскольку я был мужем Элли. Я подписал все нужные бумаги. Он спросил, каким видом транспорта я возвращаюсь в Англию? Лечу? Нет, сказал я, не лечу, а плыву.

— Мне хочется побыть некоторое время наедине с

...ним собой, – объяснил я. – Морское путешествие, ...адеюсь, пойдет мне на пользу.

– И где же вы собираетесь жить?

– На Цыганском подворье, – ответил я.

– Ага. Значит, вы решили жить там?

– Да, – подтвердил я.

– А я-то думал, что вы намерены продать это по-...местье.

– Нет, – ответил я, и мое "нет" прозвучало чуть ...тверже, чем следовало. Я вовсе не собирался расставаться ...Цыганским подворьем. Цыганское подворье было ...частью той мечты, какую я лелеял еще с юности.

– Кто-нибудь присматривает за домом, пока вы ...здесь, в Штатах?

Я ответил, что поручил это Грете Андерсен.

– А, да, – отозвался мистер Липпинкот. – Грете.

По тому, как он произнес "Грете", было очевидно, что он имел в виду нечто вполне определенное, но я не стал ловить его на слове. Если она ему не нравилась, то это его дело. Он всегда ее недолюбливал. Наступило какое-то неловкое замешательство, и я решил, что мне следует что-то сказать.

– Она очень хорошо относилась к Элли, – начал я. – Ухаживала за ней во время болезни. Специально приехала к нам, чтобы помогать Элли. Я чувствую себя в неоплатном долгу перед ней. И мне хотелось бы, чтобы вы это понимали. Вы просто не представляете, как она мне сострадала и какое проявляла участие после смерти Элли. Не знаю, что бы я без нее делал.

– Разумеется, разумеется, – откликнулся мистер Липпинкот, но еще более сдержанно, нежели обычно.

– Поэтому я не могу не быть ей обязан.

– Очень способная девица, – заметил мистер Липпинкот.

Я встал, распрощался с ним и еще раз поблагодарил его.

– Вам не за что меня благодарить, – сухо, как

всегда, отозвался мистер Липпинкот, добавив: – Я написал вам небольшое письмо и отправил его авиапочтой в Цыганское подворье. Если вы плывете, то по прибытии оно, вероятно, уже будет вас ждать. – И пожелал: – Счастливого путешествия.

Вот и все.

Вернувшись к себе в отель, я нашел телеграмму. Меня просили срочно прибыть в одну из калифорнийских больниц. Мой приятель Рудольф Сэнтоникс, говорилось в телеграмме, хочет, чтобы я приехал. Ему осталось жить недолго, и он желал перед смертью меня повидать.

Я перекомпостировал билет на более поздний срок и полетел в Сан-Франциско. Сэнтоникс был еще жив, но уже явно погибал. В больнице мне сказали, что неизвестно, придет ли он перед смертью в сознание, но он был очень настойчив в своем желании повидать меня. Я сидел у него в палате и смотрел на него. От человека, которого я когда-то знал, осталась только оболочка. Он и раньше-то не выглядел здоровяком, была в нем какая-то прозрачность, хрупкость, болезненность. А сейчас и вовсе превратился в высохшую мумию из музея. Я сидел и думал: "Хорошо бы он поговорил со мной. Пусть скажет хоть что-нибудь, хоть слово перед тем, как умрет".

Мне было так одиноко, так одиноко и страшно. Я сумел уйти от врагов и пришел к другу – к единственному моему другу. Только он, кроме матери, знал обо мне все, но про мать мне сейчас не хотелось и думать.

Раза два я заговаривал с медсестрой, спрашивал, нельзя ли что-нибудь сделать, но она только качала головой и дипломатично уходила от ответа:

– Может, он придет в сознание, а может, и нет.

Вот я и сидел. Вдруг он зашевелился и застонал. Сестра тихонько его приподняла. Он смотрел на меня, но я не понял, узнал он меня или нет. Он смотрел сквозь меня куда-то в стену. Но вдруг его взгляд стал ос-

мысленным. "Узнал! – подумал я. – Он меня видит". Он что-то проговорил, но так тихо, что мне пришлось наклониться над ним. Нет, он шептал какие-то бессмысленные слова. Потом вдруг тело его задергалось в конвульсиях, и, откинув голову, он выкрикнул:

– Глупец, почему ты не пошел другим путем?..

И, рухнув на подушки, скончался.

Я не понял, что он хотел сказать и сознавал ли, что говорит.

Вот так я встретился с Сэнтоником в последний раз. Интересно, услышал бы он, если бы я что-нибудь ему сказал? Мне хотелось бы еще раз сказать ему, что дом, который он мне построил, – лучшее из всего, что у меня когда-либо было, и мне дороже всего на свете. Забавно! Наверное, этот дом был олицетворением моих желаний, тех страстных желаний, которые нельзя выразить словами. А он их распознал и осуществил. У меня есть свой дом. Я возвращаюсь к себе домой.

Возвращаюсь домой. Только об этом я и был способен думать, пока плыл на теплоходе...

Сначала мною владела смертельная усталость, но потом откуда-то из глубины хлынуло ощущение счастья... Я плыву домой. Плыву домой...

Через три дня домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом...[1]

23

Да, вот так я и плыл. Все позади. Битва окончена, борьба завершена. Последний этап путешествия.

Далеко позади осталась моя неугомонная молодость. Дни, когда я мечтал: "Я хочу, я хочу". А ведь это было не так давно. Меньше года назад...

[1] "Замок Смальгольм, или Иванов вечер" В. Скотта. Перевод В. А. Жуковского.

Я лежал у себя на койке и вспоминал, вспоминал былое.

Встреча с Элли, наши свидания в "Риджентс-парке", регистрация брака в мэрии. Дом – его строит Сэнтоникс, строительство завершено. Мой дом, целиком мой. Я стал тем, кем хотел стать, кем всю жизнь мечтал стать. Я получил все, что желал, и теперь плыву домой.

Перед отплытием из Нью-Йорка я написал письмо и отправил его воздушной почтой, чтобы оно пришло в Англию раньше, чем приплыву я. Я написал Филпоту. Я почему-то чувствовал, что Филпот в отличие от других меня поймет.

Писать легче, чем рассказывать. А он должен знать. Все должны знать. Некоторые люди, быть может, не поймут, но он, решил я, поймет. Он видел, как близки были Элли и Грета, как Элли во всем полагалась на Грету. По-моему, он понимал, что и я привык полагаться на Грету, как мне будет невыносимо трудно жить одному в доме, где я жил с Элли, если не найдется человека мне в помощь. Не знаю, сумел ли я его убедить. Я старался изо всех сил.

"Мне бы хотелось, - писал я, – чтобы вы первым узнали нашу новость. Вы были очень добры к нам, и, по-моему, вы единственный способны нас понять. Я не могу жить один в Цыганском подворье. Все время, пока я был в Америке, я думал об этом и пришел к выводу, что, как только вернусь домой, я попрошу Грету стать моей женой. Только с ней я могу говорить об Элли. Она меня поймет. Возможно, она мне откажет, но я почему-то думаю, что согласится... И тогда получится, что нас по-прежнему в доме трое".

Я трижды переписал письмо, прежде чем мне удалось выразить именно то, что я хотел сказать. Филпот должен был получить его за два дня до моего возвращения.

Когда мы приближались к Англии, я поднялся на палубу. И смотрел, как земля плывет нам навстречу.

"Хорошо бы рядом был Сэнтоникс", — подумал я. Я и в самом деле этого хотел. Мне хотелось, чтобы он знал, что сбываются мои мечты, что сбывается все, что я замышлял, все, о чем грезил.

С Америкой я покончил. Больше я никогда не увижу всех этих мошенников и лизоблюдов, всех, кого ненавидел я и кто, несомненно, ненавидит меня и смотрит как на выскочку из низов. Я возвращался домой с победой. Я возвращался к моим соснам и к петляющей, полной опасностей дороге, которая шла через Цыганское подворье к дому на вершине холма. К моему дому! Я возвращался к тому, чего хотел больше всего на свете. К моему дому — дому, о котором я мечтал, который задумал обрести, который был мне дороже всего. И к необыкновенной женщине... Я всегда знал, что в один прекрасный день встречу ее. И встретил. Я увидел ее, и она увидела меня. И мы сошлись. Необыкновенная женщина. С той минуты, когда я впервые ее увидел, я понял, что принадлежу ей, принадлежу целиком и навсегда. Я был ее собственностью. И теперь наконец я ехал к ней.

Никто не видел, как я прибыл в Кингстон-Бишоп. Уже наступили сумерки, я приехал поездом и со станции пошел пешком окольной дорогой, чтобы не встретить никого из местных жителей. В тот вечер я никого не хотел видеть.

Солнце уже совсем село, когда я ступил на дорогу, ведущую к Цыганскому подворью. Я уведомил Грету о времени моего прибытия. Она ждала меня в доме на холме. Наконец-то! Мы покончили с ложью и притворством — теперь я могу не делать вид, что не люблю ее, думал я, смеясь в душе над той ролью, что мне довелось играть, над ролью, которую я тщательно разыгрывал с самого начала, изображая человека, которому Грета ненавистна и который не хочет, чтобы она приехала и жила с нами. Да, я старался изо всех сил. Ни у кого не должно было возникнуть ни малейшего сомнения

в моей искренности. Я припомнил разыгранную нами ссору, которую Элли не могла не подслушать.

С первой же минуты нашей встречи Грета поняла, что я собой представляю. Мы никогда не испытывали никаких иллюзий по отношению друг к другу. Она рассуждала точно так же, как я, у нее были те же желания, что и у меня. Мы хотели завладеть миром, не меньше! Мы хотели чувствовать себя счастливее всех на свете. Мы хотели удовлетворить все наши честолюбивые замыслы. Мы хотели жить, ни в чем себе не отказывая. Я вспомнил, как излил ей душу во время нашей первой встречи в Гамбурге, рассказывая о своих ненасытных желаниях. Мне не пришлось скрывать от Греты моей чрезмерной увлеченности жизненными благами. Ей была свойственна такая же жадность.

— Для того, чего ты требуешь от жизни, прежде всего нужны деньги, — сказала она.

— Да, — согласился я, — только не знаю, откуда их взять.

— Одной работой, — заметила Грета, — даже если трудиться изо всех сил, их не наживешь. Да ты и не из тех, кто трудится.

— Трудится! — возмутился я. — Мне пришлось трудиться всю жизнь! Я не хочу ждать. Не хочу ждать до старости. Ты когда-нибудь слышала про человека по фамилии Шлиман, как он работал, трудился, скопил себе состояние, которое должно было помочь ему осуществить мечту всей его жизни, а потом отправился в Трою на раскопки, где нашел захоронения троянцев. Мечта его осуществилась, но ему пришлось ждать до сорока лет. Я же не хочу ждать до старости, когда окажусь одной ногой в могиле. Я хочу, чтобы мои желания осуществились сейчас, пока я молод и здоров. И ты тоже, правда? — спросил я.

— Да. И, кроме того, я знаю, каким путем можно этого добиться. Сделать это нетрудно. Интересно, как это ты сам не додумался? Ты ведь пользуешься успехом

у женщин, верно? Я это вижу и понимаю.

– Ты считаешь, что меня интересуют женщины или когда-либо интересовали? Есть только одна женщина, которая мне нужна, – сказал я. – Это ты. И ты это знаешь. Я принадлежу тебе. Я понял это в ту минуту, когда тебя увидел. Я всегда знал, что встречу такую, как ты. И встретил. Я принадлежу тебе.

– Пожалуй, да, – согласилась Грета.

– И мы оба хотим от жизни одного и того же, – сказал я.

– Говорю тебе, это совсем нетрудно, – повторила Грета. – Все, что от тебя требуется, – это жениться на богатой девушке, на одной из самых богатых на свете. Я могу помочь тебе это сделать.

– Не говори глупостей, – засмеялся я.

– Никаких глупостей. Все очень просто.

– Нет, – отказался я, – это не для меня. Я не хочу быть мужем богатой жены. Она купит мне все, что мне захочется, но за это посадит меня в позолоченную клетку, а я вовсе к этому не стремлюсь. Меня совсем не прельщает перспектива стать рабом в оковах.

– Тебе вовсе это не угрожает. Твой брак продлится недолго. Всего лишь какое-то время. Жены ведь умирают, как тебе известно.

Я уставился на нее.

– Испугался? – спросила она.

– Нет, – ответил я. – Не испугался.

– Я так и думала. Я подумала, что ты, может быть, уже... – Она смотрела на меня вопросительно, но я не собирался ей отвечать. Во мне еще сохранился инстинкт самосохранения. Есть тайны, которые нет желания никому открывать. Не потому, что это уж такой большой секрет, а просто не хочется об этом вспоминать. Особенно о самой первой. Глупость, конечно, и ребячество. Пустяк, и не более. Мною владело страстное желание заполучить первоклассные наручные часы, которые получил в подарок мой школьный приятель.

Как я их хотел! Как хотел! Стоили они кучу денег. Ему их подарил его богатый крестный. Да, мне их очень хотелось, но я понимал, что иметь такие часы мне не суждено. Наступил день, когда мы вместе отправились на каток. Лед еще не устоялся. Нет, заранее мы об этом не подумали. Просто случилось так, что лед треснул. Я подъехал к приятелю. Он еще держался. Он провалился в полынью, но держался за кромку льда, обрезая в кровь пальцы. Я подъехал к нему, разумеется, с намерением вытащить его, но в ту секунду, когда я подъехал, блеснули его часы. "А что, если он уйдет под лед и утонет?" – пришло мне в голову. Как легко это сделать, подумал я...

Почти непроизвольно я расстегнул ремешок, схватил часы и вместо того, чтобы постараться вытащить его, ткнул его голову под лед... И подержал там. Сопротивляться он не мог – ведь он был подо льдом. Увидев нас, к нам подбежали люди. И решили, что я помогаю ему выбраться из-подо льда. Его с трудом вытащили, сделали ему искусственное дыхание, но было уже поздно. Я спрятал обретенное мною сокровище в потайном месте, куда время от времени клал вещи, которые хотел скрыть от глаз матери, потому что она обязательно стала бы допытываться, откуда я их взял. Однажды в поисках моих носков для штопки она все-таки наткнулась на часы и спросила меня, чьи они, не Пита ли? Конечно, нет, ответил я. Теми часами я уже давно поменялся с одним мальчиком из нашей школы.

Я всегда побаивался матери – я чувствовал, что она слишком много про меня знает. И когда она нашла часы, я испугался. Она подозревала, по-моему. Но наверняка ничего не знала. Никто не знал. Однако я заметил, что она как-то странно на меня поглядывает. Все были уверены, что я старался спасти Пита. Она же, по-моему, в это не верила. Она догадывалась об истине. Она не хотела ее знать, но, на свою беду, слишком хорошо меня понимала. Некоторое время я чувствовал

...й виноватым, но потом это ощущение прошло. ... А затем, когда я был в лагере военной подготовки, ...ы с одним малым по имени Эд очутились в игорном ...ме. Мне явно не везло, я спустил все, что у меня было, ...а Эд выиграл кучу денег. Когда перед уходом он ...бменял все свои фишки, оказалось, что он здорово ...разбогател. Карманы у него топырились от купюр. ...И вдруг из-за угла появились двое бандитов и напали на ...ас. У них были ножи, они ими ловко орудовали. Мне ...ранили руку, а Эду досталось всерьез. Он упал. Потом ...ы услышали, что идут люди. Бандиты тотчас смылись. ...И тут я понял, что если действовать быстро... И ...принялся за работу. Сработал рефлекс – обмотав руку носовым платком, я вытащил из Эда нож и ткнул его ...ару раз в более уязвимые места. Он охнул и отдал богу душу. На секунду-другую я перепугался, но тут же сообразил, что все будет в порядке. Я даже испытал некоторую гордость, что сумел так быстро разобраться в ситуации и смекнул, что делать. "Бедняга Эд, –подумал я, – он всегда был глуповат". В одну секунду я переложил все деньги из его карманов в свои! Вот что значит вовремя смекнуть, как надо действовать. Беда в том, что возможности эти появляются крайне редко. Некоторые люди пугаются, совершив убийство. Но я не испугался. Во всяком случае, в тот раз.

Думаете, такие поступки очень хочется совершать? Только когда вы убеждены, что игра на самом деле стоит свеч. Не понимаю, каким образом Грете удалось учуять во мне такие способности. И тем не менее учуяла. Не хочу сказать, что ей стало известно о том, что я уже отправил на тот свет двух людей. Просто, по-моему, она распознала, что мысль об убийстве меня не испугает и не расстроит.

– Так что же это за история, Грета? – спросил я.

– Могу помочь тебе, познакомив с одной из богатейших в Америке невест. Я нахожусь при ней вроде как в услужении. Живу в ее доме. И она ко мне очень прислушивается.

— По-твоему, она снизойдет до такого человека, как я? — спросил я. Я ни на секунду не мог в это поверить. С чего это богатая девица, которая может выбрать любого привлекательного и обаятельного мужчину, заинтересуется мною?

— У тебя тоже обаяния хоть отбавляй, — заметила Грета. — Девчонки к тебе липнут, верно?

Я усмехнулся и сказал, что это правда.

— Романы она до сих пор не заводила. За ней слишком зорко присматривали. И разрешали встречаться с молодыми людьми только определенного типа — с сыновьями банкиров или миллионеров. Ее готовят к солидному браку с состоятельным человеком. И боятся, что она может встретить иностранца, которого привлекут ее деньги. И, естественно, именно к таким людям ее и тянет. Они экзотичны для нее, она таких никогда не видела. Тебе нужно разыграть перед ней целый спектакль. Ты должен сделать влюбиться в нее с первого взгляда и порвать ее раз и навсегда! Все это сделать очень просто. Ей никто еще не объяснялся в любви. Ты сумеешь это сделать.

— Надо попробовать, — осторожно сказал я.

— Мы могли бы все это проделать, — воодушевляла меня Грета.

— А потом вмешаются члены ее семьи, и все будет кончено.

— Нет, не вмешаются, — сказала Грета. — Не вмешаются, потому что не будут об этом знать. А когда узнают, то будет поздно. Ты к тому времени втайне женишься на ней.

— Вот, значит, что ты затеяла?

Потом мы обговорили задуманный нами спектакль, распланировали все события. Нет, не в деталях, не думайте. Грета вернулась в Америку, но мы с ней переписывались. Я продолжал переходить с одной работы на другую. Написал ей про Цыганское подворье и про мое желание его заполучить, на что она ответила, что оно по-

служит превосходной декорацией, на фоне которой раз-
вернется романтическая история. Мы скоординировали
наши планы так, чтобы моя встреча с Элли произошла
именно там. Грете предстояло настроить Элли на при-
обретение дома в Англии и уход из семьи, как только
она станет совершеннолетней.

Дело пошло, и Грета оказалась великой мастерицей
плести интриги. Я вряд ли сумел бы так лихо все спла-
нировать, но не сомневался, что свою роль сумею
сыграть как никто. Я всегда любил играть роли. Вот так
все и получилось. Именно так я и встретился с Элли.

Забавно все это было. Безумно забавно, потому что,
конечно, во всех моих действиях всегда был элемент
риска – того и гляди, дело сорвется. Особенно меня
пугало, что мне придется встретиться с Гретой. Пред-
стояло вести себя так, чтобы ни единым взглядом не
выдать себя. Я старался не смотреть на нее. Мы догово-
рились, что лучше всего, если я сделаю вид, что она мне
не нравится, что я ревную к ней Элли. Я играл свою роль
без единой заминки. Помню день, когда она приехала к
нам. Мы инсценировали ссору – ссору, которую Элли
должна была слышать. Не знаю, не перестарались ли мы.
Вроде нет. Иногда я боялся, а вдруг Элли догадается, но,
по-моему, она так ничего и не поняла. Хотя не знаю.
Правда, не знаю. Иногда Элли ставила меня в тупик.

Добиться расположения Элли для меня не составило
труда. Она была доброй. Очень доброй. Я, правда, побаи-
вался ее, потому что иногда она совершала поступки, не
предупредив меня. И знала такое, о чем я и не подозре-
вал. Но она любила меня. Да, любила. Порой и мне
казалось, что я люблю ее...

Конечно, это было совсем не то, что с Гретой. Грета
мною владела. Она была воплощением секса. Я сходил
по ней с ума, с трудом себя сдерживая. Элли же была
совсем другой. Наша совместная жизнь доставляла мне
удовольствие, как ни странно это звучит теперь, когда я
вспоминаю. Очень большое удовольствие.

Я рассказываю об этом, потому что именно такие мысли посетили меня в тот вечер, когда я вернулся из Америки и был на седьмом небе, добившись всего, о чем я мечтал, несмотря на риск, на опасность, несмотря на то что совершил очередное убийство, в чем откровенно признаюсь!

Да, тут потребовалась хитрость. Не раз меня одолевали сомнения, но я понимал, что никому не догадаться, как мы это проделали. Теперь все страхи были позади, и я возвращался на Цыганское подворье тем же шагом, каким шел в тот день, когда впервые прочел объявление на стене и отправился поглядеть на руины прежнего дома. Дорога поднималась вверх, вот и поворот...

И тут я увидел ее. Увидел Элли, хочу я сказать. Как только я вышел из-за поворота в том самом месте, где случались автокатастрофы. Она стояла там же, где стояла тогда, в тени разлапистой ели. Там же, где стояла в прошлый раз, когда чуть испугалась, увидев меня, и я испугался, увидев ее. Именно там мы посмотрели друг на друга, а потом я подошел и заговорил с ней, играя роль молодого человека, влюбившегося с первого взгляда. Играя вполне удачно. Я же говорил вам, что из меня вышел бы неплохой актер!

Но сейчас я вовсе не ожидал ее увидеть... Я хочу сказать, разве я мог сейчас ее увидеть? Но я ее видел... И она смотрела... смотрела прямо мне в лицо. Только на этот раз взгляд ее был таким, что мне стало страшно. Очень страшно. Она смотрела так, будто не видела меня. Да, собственно, я ведь знал, что ее там нет. Я знал, что она умерла, — но видел ее. Она умерла, ее тело покоится на кладбище в Соединенных Штатах Америки. И тем не менее она стояла под разлапистой елью и смотрела на меня. Нет, не на меня. У нее был такой вид, будто она ждала меня, а в лице у нее светилась любовь — та самая любовь, которую я увидел однажды, когда она, легонько трогая струны, спросила меня: "О чем ты задумался?", а я вместо ответа сказал: "Почему ты

спрашиваешь?", и она ответила: "Ты смотришь на меня так, будто любишь меня". И я произнес какую-то глупость, вроде: "Конечно, я тебя люблю".

Я остановился как вкопанный. Я остановился как вкопанный посреди дороги. Я весь дрожал.

– Элли! – громко позвал я.

Она не двинулась с места. Стояла и смотрела... Смотрела сквозь меня. Вот что напугало меня, потому что я знал, что если хоть на секунду задумаюсь, то пойму, почему она меня не видит, а понимать этого я не хотел. Нет, не хотел. Я был совершенно уверен, что не хочу этого понимать. Она смотрела туда, где я стоял, и не видела меня. Тогда я бросился бежать. Как гонимый собаками заяц, мчался я по дороге туда, где светились огни моего дома, пока не прошел охвативший меня бессмысленный страх. Я одержал победу. Я вернулся домой. Я был бароном, возвратившимся домой, к той, кого жаждал больше всего на свете, к необыкновенной женщине, которой принадлежал душой и телом.

Теперь мы поженимся и будем жить в нашем доме. Мы получили все, за что боролись! Мы победили... Теперь можно опустить поводья!

Дверь была не заперта. Я вошел, нарочито топая ногами, и прошел прямо в библиотеку. Грета стояла возле окна, поджидая меня. Она была изумительна. Такой изумительной, такой красивой женщины я в своей жизни не видел. Она была Брунгильдой, главной из валькирий, с отливающими золотом волосами. От нее исходил запах и вкус секса. Мы так долго были лишены близости, если не считать коротких встреч в "Капризе".

Я, барон, возвратившийся домой, отуманен и бледен лицом, ринулся в ее объятия. Да, это была одна из самых счастливых минут в моей жизни.

А потом мы вернулись на грешную землю. Я сел, и она протянула мне небольшую пачку писем. Я машинально выбрал из них конверт с наклеенной на нем

американской маркой. Это было посланное воздушной почтой письмо от Липпинкота. Интересно, что в нем, подумал я, почему ему захотелось написать мне письмо?

– Итак, – удовлетворенно и глубоко вздохнула Грета, – задуманное осуществлено.

– День победы настал, – отозвался я.

И мы расхохотались, расхохотались безудержно. На столе стояло шампанское. Я откупорил его, и мы выпили друг за друга.

– Чудесный у нас дом, – заметил я, оглядевшись. – Он кажется мне сейчас еще красивее, чем раньше. Сэнтоникс... Я ведь не сказал тебе. Сэнтоникс умер.

– О господи, – вздохнула Грета, – какая жалость! Значит, он и вправду был болен?

– Конечно, он был болен. Просто не хотелось об этом думать. Я навестил его перед смертью.

Грета вздрогнула.

– Я бы не стала этого делать. Он тебе что-нибудь сказал?

– Всерьез нет. Он сказал только, что я глупец и что мне надо было идти другим путем.

– Что это значит – "другим путем"?

– Не знаю, что он имел в виду, – ответил я. – Он, наверное, бредил. Понятия не имею, о чем он говорил.

– Этот дом – превосходный ему памятник, – заметила Грета. – Я думаю, продавать мы его не будем, правда?

Я уставился на нее.

– Разумеется. Ты что, думаешь, я захочу жить где-нибудь в другом месте?

– Но не станем же мы жить здесь постоянно, – заупрямилась Грета. – Круглый год. Похоронить себя в такой дыре?

– Но именно здесь я хочу жить. Об этом я всегда мечтал.

– Да, конечно. Но ты только подумай, Майк, у нас ведь куча денег. Мы можем поехать куда глаза глядят.

Можем объездить всю Европу, отправиться на сафари в Африку. Нас ждут приключения. Мы будем ездить и покупать красивые вещи, картины например. Поедем в Дакию. Разве тебя не привлекает жизнь, полная приключений?

– Может быть... Но мы всякий раз будем возвращаться сюда, ладно?

Меня охватило странное ощущение – странное ощущение того, что что-то не так. Я ведь все время только и мечтал о доме и о Грете. Больше мне ничего не было нужно. А ей хотелось кое-чего еще. Я это видел. Она только начинала. Начинала хотеть. Начинала понимать, что может иметь то, что хочет. Мною вдруг овладело дурное предчувствие, что меня бросило в дрожь.

– Что с тобой, Майк? Ты дрожишь. Не простудился ли ты?

– Дело не в этом, – сказал я.

– Что случилось, Майк?

– Я видел Элли, – ответил я.

– Что значит "видел Элли"?

– Когда я шел по дороге и вышел из-за поворота, я увидел, что она стоит под деревом и смотрит на... Смотрит в мою сторону.

Грета уставилась на меня.

– Не говори глупостей. Тебе показалось.

– Может, и показалось. Это ведь Цыганское подворье, не забывай. Элли стояла там, и вид у нее был... радостный. Как обычно, словно она... была и будет.

– Майк! – схватила меня за плечо Грета. – Перестань, Майк. Может, ты выпил лишнего, пока добирался сюда?

– Нет, ну что ты! Я знал, что ты приготовишь для нас шампанское.

– Ладно, забудем Элли и выпьем за нас.

– Это была Элли, – упорствовал я.

– Откуда ей там быть? Может, просто игра света?

– Это была Элли. Она стояла там. Она ждала меня

и смотрела на меня. Но не видела. Грета, она меня не видела, – воскликнул я. – И я знаю почему. Я знаю, почему она меня не видела.

– О чем ты говоришь?

И тогда я впервые прошептал:

– Потому что это был не я. Меня там не было. Там не было ничего, кроме ночной тьмы. – И со страхом в голосе я выкрикнул: – "Люди явятся на свет, и одних ждет Счастья свет, а других – Несчастья тьма". Меня, Грета, меня. Ты помнишь, Грета, – продолжал я, – как она сидела вот здесь на диване и тихо напевала эту песню, подыгрывая самой себе на гитаре? Помнишь? Ты должна помнить. Темной ночью и чуть свет, – еле слышно запел я. – Люди явятся на свет, а вокруг – ночная тьма. И одних ждет Счастья свет... Как Элли, например. Ее ждал Счастья свет, Грета. А других Несчастья тьма. Вот что всегда знала про меня мать. Она знала, что я рожден в ночную тьму, что меня ждет несчастья тьма. И Липпинкот это знал. Он знал, что я иду навстречу горькой судьбе. Но могло бы быть иначе. Одну минуту, всего одну минуту, пока Элли пела эту песню, я мог бы переломить судьбу и быть счастлив с Элли. И мог бы долго-долго жить с Элли.

– Ничего ты не мог, – возразила Грета. – Вот уж никогда не думала, что ты способен утратить присутствие духа, Майк. – И она опять затрясла меня за плечо. – Проснись.

Я смотрел на нее во все глаза.

– Извини, Грета. Что я тут наговорил?

– Тебя, видать, порядком измочалили там, в Штатах. Но ты ведь сделал все как надо, да? Я спрашиваю про финансовые дела.

– Все в порядке, – ответил я. – Наше будущее обеспечено. Наше светлое будущее.

– Странно ты как-то разговариваешь. Интересно, что написал тебе Липпинкот.

Я взял письмо и разорвал конверт. Внутри была

только вырезка из газеты, причем довольно помятая. Явно не новая и побывавшая не в одних руках. Я принялся ее разглядывать. На снимке была улица. Я сразу узнал эту улицу с величественным зданием на заднем плане. Это была улица в Гамбурге. Навстречу фотографу шли люди, и впереди — двое под руку. Мы с Гретой. Значит, Липпинкот все знал. Он с самого начала знал, что мы с Гретой знакомы. Кто-то прислал ему эту вырезку, может, даже без каких-либо подлых намерений. Просто довольный тем, что увидел снимок, на котором была мисс Грета Андерсен, прогуливающаяся по Гамбургу. Липпинкот знал, что я знаком с Гретой, и я вспомнил, как он настойчиво расспрашивал меня, знаю я или не знаю Грету Андерсен. Я, конечно, сказал, что нет, не знаю, и он понял, что я лгу. Вот с тех пор он и стал относиться ко мне с подозрением.

Мне вдруг стало страшно. Конечно, Липпинкот не мог знать, что я убил Элли. Хотя и заподозрил что-то неладное. Может быть, он и догадывался, кто убийца.

— Послушай, — обратился я к Грете. — Значит, он знал, что мы были знакомы. Знал с самого начала. Я всегда ненавидел эту старую лису, а он ненавидел тебя. Как только он узнает, что мы решили пожениться, он сразу все поймет. — Но тут я сообразил, что Липпинкот, наверное, уже давно подозревал, что мы собираемся пожениться, раз понял, что мы знакомы, и не сомневался, что мы состоим в близких отношениях.

— Майк, да хватит тебе трястись от страха, как угодивший в силки кролик! Вот именно как кролик! Я всегда восхищалась тобой, а сейчас ты прямо на глазах распадаешься на части. Ты всех боишься.

— Молчи.

— Но это же правда.

— Ночная тьма!

Больше я ни о чем не мог думать. Слова эти засели у меня в голове, и я только и думал о том, что они означают. Ночная тьма. Это значит мрак. Вот почему

Элли меня не видела. Я могу видеть мертвых, а мертвые меня не видят, хотя я жив. Они не видят меня, потому что в действительности меня нет. Человека, которого Элли любила, больше нет. Он по собственному желанию растворился в ночной тьме. Я опустил голову.

– Ночная тьма, – повторил я.

– Перестань! – завизжала Грета. – Будь мужчиной, Майк. Забудь про свои глупые суеверные выдумки!

– Как мне про них забыть? – упорствовал я. – Я продал свою душу, чтобы заполучить Цыганское подворье, верно? А здесь, оказывается, нас поджидала беда. И Элли и меня. А может, и тебя.

– О чем ты говоришь?

Я встал. Подошел к ней. Я любил ее. Да, любил и до сих пор испытывал к ней физическое влечение. Но любовь, ненависть, влечение – разве это не одно и то же? Все три чувства сплетаются в одно, а потом это одно делится на три. К Элли я никогда не испытывал ненависти, но Грету я ненавидел. Ненависть к ней доставляла мне радость, я ненавидел ее всем сердцем, из которого, ликуя, рвалось желание. Нет, я не могу ждать, пока минует опасность, я не хочу ждать. Я подошел к ней вплотную.

– Грязная стерва! – выкрикнул я. – Проклятая золотоволосая стерва! Тебе тоже грозит беда, Грета. Берегись меня, понятно? Я научился убивать людей и получать от этого удовольствие. Я радовался в тот день, зная, что Элли упадет с лошади и умрет. Я ликовал в то утро в ожидании смерти, но еще никогда я не предвкушал убийства с таким удовольствием, как сейчас, потому что у него совсем другой привкус. Я хочу не просто знать, что кому-то предстоит умереть от проглоченной за завтраком пилюли или упасть, когда тебя легонько подтолкнут, в карьер. Я хочу приложить собственные руки.

Вот теперь испугалась Грета, которой я принадлежал с тех пор, как встретил ее в Гамбурге, а встретив,

...рикинулся больным и бросил работу, чтобы остаться с ...ней. Да, тогда я принадлежал ей и душой и телом. Но ...сейчас я ей не принадлежал. Я принадлежал только себе. Я уходил в другие владения, к той, о которой мечтал.

Грета испугалась. Мне нравилось видеть ее испуган-...ной, и я стиснул руки у нее на горле. Да, даже сейчас, когда я сижу здесь и пишу эти строки, повествуя о себе (должен заметить, что это чрезвычайно приятно делать), рассказывая, через что мне пришлось пройти, и какие чувства я испытывал, и о чем думал, и как обманывал каждого встречного, - да, даже сейчас я получаю удовольствие. А когда убил Грету, я был поистине счастлив...

24

Больше рассказывать вроде не о чем. События достигли кульминации. Все, что могло свершиться, свершилось. Долго я сидел один и даже не помню, когда они пришли. И не помню, пришли ли они все вместе... Сидеть там в засаде они явно не могли, потому что, думаю, не дали бы мне убить Грету. Первым, заметил я, появился Бог. Не господь бог, конечно, а то я совсем запутаюсь. Я говорю о майоре Филпоте. Мне он всегда нравился. И я ему, по-моему, тоже. Он и вправду был похож на бога — если бы бог был человеком, хочу я сказать, а не каким-то сверхъестественным существом, обитающим где-то в заоблачной выси. Майор был человеком справедливым. Справедливым и добрым. Он заботился о природе и людях. Старался помогать, чем мог.

Понятия не имею, много ли он знал обо мне. Помню, как он с любопытством поглядывал на меня на аукционе, когда посоветовал умерить свою радость, сказав, что от нее недалеко и до беды. Интересно, почему именно в тот день он это сказал?

И потом, когда мы очутились там, где на земле

лежала кучка одежды, оказавшаяся потом Элли в костюме для верховой езды... Интересно, понял ли он прямо тогда или хотя бы заподозрил, что я имею некоторое отношение к случившемуся?

Когда Грета умерла, я, как уже сказал, долго сидел в кресле, уставившись на пустой стакан из-под шампанского. И вокруг была какая-то пустота. Горела только одна лампа в углу, которую зажгли еще мы с Гретой. Она давала мало света, а солнце... Солнце, должно быть, давно зашло. Я сидел и тупо ждал, что будет дальше.

Потом вроде начали собираться люди. А может, они пришли все вместе. И, наверное, совсем бесшумно, потому что я поначалу ничего не заметил и не услышал.

Будь рядом Сэнсоникс, он, наверное, сказал бы мне, что делать. Но Сэнсоникс умер. Он пошел другим путем, отличным от моего. Поэтому оказать мне помощь он не мог. Да и, по правде говоря, никто не мог.

Через некоторое время я заметил доктора Шоу. Он вел себя так тихо, что сначала я и не различил его в толпе. Он сидел рядом со мной и чего-то ждал. Потом я понял, что он, по-видимому, ждет, когда я заговорю.

— Я вернулся домой, — сказал я.

За спиной у него тоже были люди. И они пребывали в ожидании — ждали, наверное, каких-то указаний от доктора Шоу.

— Грета умерла, — сказал я. — Ее убил я. Вы хотите увезти ее тело, верно?

Где-то блеснул свет магниевой вспышки. Должно быть, полиция фотографировала убитую. Доктор Шоу повернулся, кому-то сказав:

— Пока нет.

И снова обернулся ко мне. Наклонившись к нему, я прошептал:

— Сегодня вечером я встретил Элли.

— Вот как? Где?

— На дороге. Она стояла под разлапистой елью.

Знаете, в том же месте, где я увидел ее впервые. – И, помолчав, добавил: – Она меня не видела... Не могла видеть, потому что меня там не было. – Я снова помолчал. – Это меня огорчает. Это меня крайне огорчает.

– В пилюле был цианид? Да? Его вы дали Элли в то утро?

– Пилюля была от сенной лихорадки, – ответил я. – Утром она всегда принимала одну штуку в качестве профилактики от аллергии, перед тем как ехать верхом. Мы с Гретой начинили пару пилюль средством против ос, которое разыскали в сарае, а потом снова склеили их так, что ничего не было заметно. Все это мы проделали в "Капризе". Ловко, правда? – И я захохотал. Странный это был смех, я сам слышал. Больше похожий на хихиканье. – Вы ведь, когда приходили смотреть ее ногу, проверили все лекарства, которые она принимала, верно? – спросил я. – Снотворное, антиаллергическое, и все было в порядке, так? Ничего страшного в них не было.

– Ничего страшного, – подтвердил доктор Шоу. – Они были вполне приемлемы.

– Ловко мы все сделали, правда? – спросил я.

– Ловко, но не очень.

– И все же я не понимаю, как вы догадались.

– Мы все поняли, когда произошел второй случай – смерть, которую вы не планировали.

– Клодия Хардкасл?

– Да. Она умерла точно так же, как Элли. Упала с лошади на охоте. Клодия никогда не жаловалась на здоровье, а тут она вдруг падает с лошади и умирает. Произошло это на глазах у многих, а поэтому ее почти сразу подняли и почувствовали запах цианида. Если бы она пролежала, как Элли, на открытом воздухе часа два, запах бы улетучился и никаких улик не осталось. Не знаю, каким образом пилюля попала в руки Клодии. Возможно, вы забыли ее в "Капризе". Клодия иногда заходила в "Каприз". Там обнаружены отпечатки паль-

цев, и там она обронила свою зажигалку.

— Проявили беспечность! Устали, потому что наполнить их цианидом было нелегко.

А затем я спросил:

— Вы подозревали меня в смерти Элли, верно? Вы все? — оглядел я какие-то фигуры, которые видел как в тумане. — Все до одного?

— Да, подозревали. Но не были уверены, сумеем ли доказать.

— Вам следовало меня предупредить, — упрекнул его я.

— Я не полицейский, — ответил доктор Шоу.

— А кто же вы?

— Я врач.

— Мне врач не нужен — сказал я.

— Будет видно.

Тогда я посмотрел на Филпота и сказал:

— А вы что здесь делаете? Пришли меня судить, председательствовать на моем процессе?

— Я всего лишь мировой судья, — отозвался он. — А пришел сюда как друг.

— Как мой друг? — удивился я.

— Как друг Элли, — ответил он.

Я ничего не понимал. Я вообще ничего не соображал, но казался себе весьма важной персоной. Вокруг меня метались люди. Полиция и врачи, Шоу и Филпот, который тоже по-своему был деловым человеком. Вся эта процедура была такой сложной, что я вконец запутался. Я очень устал. Последнее время я стал ни с того ни с сего уставать и сразу засыпал...

А люди все приходили и уходили. Самые разные люди: адвокаты, поверенные в делах, еще какой-то юрист и врачи. Несколько врачей. Они меня раздражали своими расспросами, я не хотел им отвечать.

Один из них настойчиво спрашивал меня, хочу ли я чего-нибудь. Я сказал, что хочу. Мне нужно только одно, сказал я: шариковая ручка и побольше бумаги. Я

хотел написать, как все произошло, как все случилось. Я хотел объяснить, что я чувствовал, о чем думал. Чем больше я думал о себе, тем больше мне казалось, что это будет интересно всем. Потому что я человек незаурядный. Я по-настоящему интересный человек, совершивший интересные поступки.

Врачи – один из них, во всяком случае, – по-видимому, пришли к выводу, что это неплохая мысль.

– Вы ведь всегда даете людям возможность сделать заявление? Верно? Так почему бы мне не изложить свое заявление в письменной форме? И в один прекрасный день все сумеют его прочитать.

Они предоставили мне такую возможность. Но подолгу я писать не мог. Я быстро уставал. Слышал, как кто-то произнес нечто вроде "сниженное чувство ответственности", как кто-то другой с ним не согласился. Многое можно было услышать. Иногда они забывают, что их слушают. Потом мне пришлось появиться в суде, и я потребовал, чтобы мне принесли мой лучший костюм, потому что хотел произвести хорошее впечатление. Оказалось, за мной уже давно следили. Те новые слуги. По-моему, их нанял и велел следить за мной Липпинкот. Они узнали многое обо мне и Грете. Смешно, но после ее смерти я почему-то о ней почти забыл... После того, как я убил ее, она перестала меня интересовать.

Я попытался вернуть себе то необыкновенное ощущение одержанной победы, которое испытывал, когда задушил ее. Но ничего не получалось...

Однажды совершенно неожиданно ко мне привели мою мать. Она стояла в дверях и смотрела на меня. Вид у нее был не такой тревожный, как обычно. Скорей, она казалась грустной. Ни ей, ни мне нечего было сказать друг другу.

– Я старалась, Майк, – только и сказала она, – изо всех сил я старалась оградить тебя от беды. Но ничего не получилось. Я всегда боялась, что не получится.

– Ладно, мама, не стоит себя казнить. Ты ни в чем не виновата. Я пошел тем путем, каким хотел.

"Именно это и говорил Сэнтоникс", – вдруг пришло мне в голову. Он тоже боялся за меня. И тоже не смог ничего сделать. Никто не мог ничего сделать, кроме, наверное, меня самого... Не знаю, не убежден. Но время от времени мне приходит на память день, когда Элли спросила у меня: "О чем ты думаешь, когда вот так смотришь на меня?" И я ответил: "Как вот так?" Она сказала: "Будто любишь меня". Наверное, я и вправду любил ее. Мог бы любить. Она была такой ласковой, моя Элли. Ее ждал Счастья свет... Беда, наверное, в том, что я всегда был чересчур жадным. Жадным до всего, а заполучить это все хотел только легким путем.

В тот день – помните? – когда я явился в Цыганское подворье и встретил Элли, мы шли по дороге и встретили Эстер. Она велела Элли уехать из Подворья навсегда. Вот тогда мне и пришло в голову платить ей. Я понял, что за деньги она готова на все. Я и стал ей платить. А она принялась пугать Элли, грозить ей, внушать чувство страха. Я решил, что, если Элли умрет от шока, угрозы сочтут неоспоримой уликой. В тот первый день, теперь я знаю, я уверен, Эстер и в самом деле испугалась. Она испугалась за Элли. Она уговаривала ее уехать, забыть про Цыганское подворье, не иметь со мной ничего общего. Я тогда этого не понял. Не поняла и Элли.

Может, Элли боялась меня? Вполне возможно, сама того не сознавая. Она чувствовала, что ей что-то грозит, знала, что ее поджидает беда. И Сэнтоникс тоже чувствовал во мне зло, равно как и моя мать. Все трое они, наверное, это угадывали. Угадывала и Элли, но не сопротивлялась. Она была не из тех, кто сопротивляется. Странно, все очень странно. Теперь-то я знаю, что мы были счастливы вдвоем. Да, очень счастливы. Хорошо бы мне тогда это понимать... У каждого есть шанс. Я же свой упустил.

Странно, не правда ли, что я и не вспоминаю о Грете?

И даже мой красавец дом мне безразличен.

Только Элли... Но с Элли нам больше не суждено встретиться. Я погружен в ночную тьму... Вот и конец моей истории.

В моем конце мое начало, так говорят люди.

Но что это означает?

С чего же начинается моя история? Надо постараться вспомнить...

Агата Кристи

МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ...
НОЧНАЯ ТЬМА

Романы

Редактор С. БЕЛОВ
Художник А. КОРОТИЧ
Художественный редактор С. БАРАБАШ
Технические редакторы М. ЛУБЯНСКАЯ, Н. ДУХАНИНА
Корректоры Н. ЛУКАХИНА, В. ПЕСТОВА

Сдано в набор 17.07.89. Подписано в печать 20.11.89.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 18,06. Усл. кр.-отт. 18,3.
Уч.-изд. л. 20,33. Тираж 400000 экз. Заказ № 1003.
Цена 2 р. 20 к. Изд. № 6989.

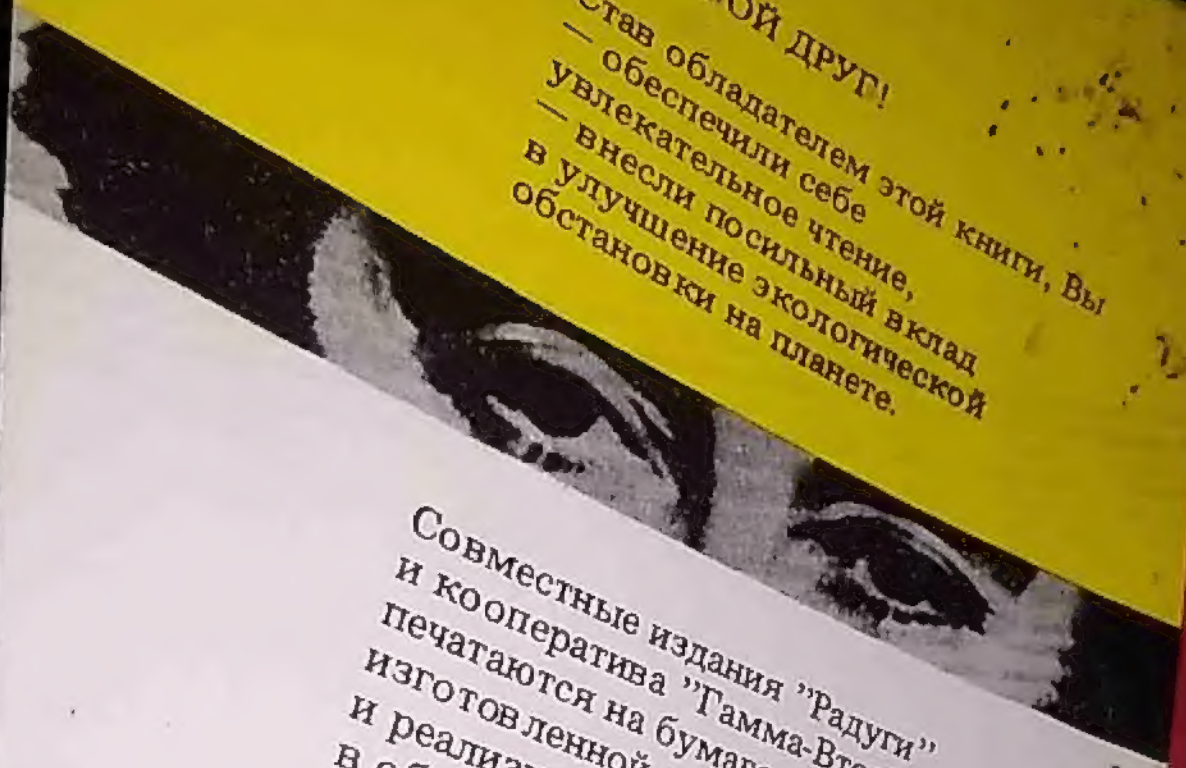
Издательство "Радуга" В/О Совэкспорткнига
Государственного комитета СССР по печати.
119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет
на Можайском полиграфкомбинате В/О Совэкспорткнига
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

2 р. 20 к.

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Став обладателем этой книги, Вы
— обеспечили себе
увлекательное чтение,
— внесли посильный вклад
в улучшение экологической
обстановки на планете.



Совместные издания "Радуги"
и кооператива "Гамма-Втор"
печатаются на бумаге,
изготовленной из вторичного сырья,
и реализуются только
в обмен на макулатуру.

"Радуга"
"Гамма-Втор"

ISBN 5-05-002698-0